

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Пеннер Регина Владимировна

Цифровая идентичность как новая форма социального признания

5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук,
доцент С. В. Тихонова

Саратов
2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Методологические основания социально-философского анализа признания	38
§ 1.1. Интерсубъективность в фокусе социально-философских концепций.....	38
§ 1.2. Социальное признание: философская интерпретация	59
§ 1.3. Идентичность как социальный феномен	81
Глава 2. Медиа в социально-исторической ретроспективе	104
§ 2.1. Медиа технологии в контексте социальной динамики	104
§ 2.2. Теоретические основы медиатизации.....	127
§ 2.3. Цифровые технологии в социальной динамике медиа.....	144
Глава 3. От субъектности к агентности в цифровой среде	168
§ 3.1. Субъектность в историко-философских дискурсах	168
§ 3.2. Агент, актор, актант как новые дискурсивные фигуры	191
§ 3.3. Субъектность и агентность в контексте цифровой среды.....	213
Глава 4. Цифровая идентичность в эпоху «высоких» технологий	235
§ 4.1. Теоретико-методологические основания цифровой идентичности.....	235
§ 4.2. Проблематика референтно-проекционных отношений цифровых субъектов и цифровых двойников.....	255
§ 4.3. Практики конструирования и реализации цифровой идентичности	273
Заключение	294
Список литературы	301

Введение

Актуальность темы исследования. Человек как «политическое животное» (Аристотель) в контексте монументальной истории пребывает в перманентном габитуальном становлении. В доцивилизационный период он перешел от кочевничества к оседлости; в условиях четвертой промышленной революции и развитии хай-тек он вновь переходит к состоянию постоянного «блуждания», движется, согласно известной постструктуралистской метафорике, с «рифленых» поверхностей на «гладкие». Такому переходу способствует интернет и сама спецификация World Wide Web. Однако цифровое «кочевничество» с необходимостью не предполагает физического перемещения в географических координатах. Этот переход к номадическим практикам без физического перемещения в пространстве зафиксировали мыслители уже во второй половине XX столетия. Тогда были пересмотрены практики письма – в частности, было провозглашено, что место автора занимает скриптор. Тогда же под вопрос попали метанарративы (большие наррации), которые ранее воспринимались в качестве дискурсивных социальных скреп. В условиях цифровизации, распространения социальных медиа, на место метанарративов встают локальные, партикулярные истории отдельных субъектов, заявляющих, «выкрикивающих» о своем Я как в оффлайне, так и в онлайн.

Все это значительно перекраивает социальную ткань, трансформирует социальные время и пространство. Цифровые технологии переопределяют социальные практики субъектов, что подтверждается теориями технологического детерминизма (от глобальной деревни до медиатизации). Однако общество не является безмолвным реципиентом технологических трансформаций; оно определяет векторы и ориентиры технологического развития. Так, к примеру, информационно-коммуникационные технологии постепенно интегрировались в производственно-экономический уклад и систему образования; также эти технологии вошли в домохозяйства, значительно упростив повседневные рутинные дела.

Со второй половины XX столетия философы все чаще стали фокусировать свое внимание не на человеке, но на объектах природы и техники, по определению человеком не являющимися. Изначально подобное обращение произошло одновременно в нескольких направлениях: в попытке осмысления научных лабораторных практик с вынесением за скобки фигуры ученого; в отказе от европоцентризма и в становлении феминистских и постфеминистских исследований; в опыте своеобразного примирения человека с природой, сопровождающимся признанием агентного характера нечеловеческих феноменов.

Таким образом, на социальные арены вместе с человеком выступили акторы, актанты и агенты, носители неантропоморфной природы. В цифровой среде такими агентами стали цифровой субъект, цифровой двойник; агентные функции реализуют нейросети и чат-боты с алгоритмами глубокого обучения и самообучения. Претендуя на статус субъектов социальных практик, они вновь открывают вопрос о роли и месте социального субъекта в структуре социального целого. Онтологическая и гносеологическая стороны вопроса о социальном субъекте были определены философами уже во времена Античности и Средневековья; социально-философский аспект, в свою очередь, до сих пор не проработан. К примеру, неразрешенной остается дилемма о том, личность или массы творят историю, что такое социальная толпа и что происходит с человеком, оказавшимся в ней.

Тематика цифровой идентичности высвечивает проблему субъекта в социально-философский рамке. Не каждый, родившийся человеком, может претендовать на статус социального субъекта. Тот, кто имеет права и несет ответственность за свои поступки, кто во взаимодействии с себе подобными отстаивает право на признание своего Я, будь то отдельный человек, группа лиц или даже актант-нечеловек, оказывается претендентом на статус социального субъекта. В цифровую эпоху к классическим субъектам, человеку и социальным группам, в этой борьбе подключаются иные, цифровые, актанты. Цифровая идентичность выступает своеобразной социальной ценностью, в том числе, ценностью признания (быть увиденным / услышанным, понятым / принятым

Другим), за обладание которой и последующее ее признание Другим, вступают в борьбу новые актанты.

Степень научной разработанности темы. Проблематика идентичности человека представлена в разных ракурсах в историко-философских дискурсах. Генезис проблемы может быть обнаружен уже в идеях античных философов (Протагор, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики); однако вопрос об *identitas* оказывается в тени вопроса о человеке как таковом. В социально-философском дискурсе, в свою очередь, речь идет не обо всем спектре идентичностей социальных субъектов, а о т.н. социальной идентичности, которая традиционно применима в отношении к человеку. Категории идентичности, субъектности, самости и самоутверждения личности, несмотря на принципиальные различия, пересекаются в своем содержании. Так, проблема субъектности и идентичности обнаруживает свое разрешение в социально-психологическом дискурсе, в работах З. Фрейда¹, К. Юнга², Э. Эриксона³, а также дескрибируется в философско-антропологическом ключе в работах С.И. Мозжилина⁴. В свою очередь, В.И. Гладышев ставит в ряд с социальным признанием и социальной идентичностью самоутверждение личности, которое он интерпретирует в границах концепции компенсаторного общения⁵.

Однако в работе нас интересует связь социальной идентичности с проблемой социальной субъектности, точнее, с вопросом о том, какую роль социальный субъект играет в контексте социальной динамики. Теоретико-методологическая рамка в аналитике социальной идентичности конструируется сквозь призму социальной субъектности, в том числе, через понимание интерсубъективной природы человека, что была поставлена в различных

¹ Фрейд З. Я и Оно. М.: «Эксмо», 2023. 160 с.

² Юнг К. Феномен самости. М.: «АСТ», 2020. 224 с.

³ Эриксон Э. Детство и общество. С-Пб.: Питер, 2019. 448 с.

⁴ Мозжилин С. И. Рефлексия понятий "дух" и "я" в неклассической философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 1. С. 51-57; Мозжилин С. И. Трансцендентальный субъект, дух и самосознание: от И. Канта к К. Г. Юнгу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 2. С. 154-158.

⁵ Гладышев В. И. Общение в структуре самоутверждения личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 15(269). С. 64-67; Гладышев В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как важнейший фактор духовного совершенствования и духовного самоутверждения личности // Социум и власть. 2018. № 4(72). С. 7-18.

контекстах: философском (Аристотель⁶, Г. Гегель⁷, Э. Гуссерль⁸), социально-психологическом (К. Тревартен⁹, С.Б. Хрди¹⁰, Д.Г. Стерн¹¹) и социально-критическом (М. Хоркхаймер¹², Ю. Хабермас¹³, А. Хоннет¹⁴).

В основе исследования социальной субъектности и идентичности лежат теоретические конструкты разных поколений Франкфуртской школы. Ключевым из них в рамках работы выступила теория социального признания А. Хоннета, определяющая логику социальной динамики в оптике понятия о борьбе социальных субъектов за признание, реализующейся на трех ключевых площадках, – в семье, праве и государстве. Концепция изложена А. Хоннетом в работе «Борьба за признание»¹⁵. Теоретической основой труда А. Хоннета выступили идеи Г. Гегеля об этической жизни общества¹⁶ и концепция социализации Дж.Г. Мида¹⁷. А. Хоннет обращается к проблеме социального признания и связанного с ней социального устройства в своих актуальных исследованиях¹⁸. Некоторые работы А. Хоннета переведены на русский язык. Среди них политико-философская рукопись «Идея социализма. Попытка актуализации», в которой автор предлагает проект «обновления» социализма «в соответствии с потребностями XXI века»¹⁹; в статье «Мораль в "Капитале". Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии» он обращается к идеям К. Маркса о морали в контексте коллективных действий и

⁶ Аристотель. Политика. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376–644.

⁷ Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 950 с.

⁸ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.

⁹ Trevarthen C. “The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and cooperative understanding in infants” in *The Social Foundations of Language and Thought: Essays in Honor of Jerome S. Bruner*. ed. D. R. Olson. New York: W.W. Norton, 1980. Pp. 316–342.

¹⁰ Hrdy S. B. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 432 p.

¹¹ Stern D. H. The wish for intersubjectivity: How? why? // *Psychotherapies*. 2005. 25(4). Pp. 215-222.

¹² Horkheimer M. *Traditional and Critical Theory in Critical Theory*. New York: Herder and Herder, 1972. 312 p.

¹³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С-Пб.: Наука, 2001. 382 с.

¹⁴ Honneth A. “Critical Theory” in *Social Theory Today*, eds. A. Giddens & J. Turner. Cambridge, Polity Press, 1987. Pp. 323-347.

¹⁵ Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. 240 p.

¹⁶ Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 950 с.

¹⁷ Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. University of Chicago Press; Enlarged edition, 2015. 437 p.

¹⁸ Honneth A. Recognition, democracy and social liberty: A reply // *Philosophy and Social Criticism*. 2019. 45(6). Pp. 694-708; Honneth A. Reality or appearance of ethical life? Hegel’s analysis of the market economy // *Ethics in Progress*. 2022. 13(1). Pp. 10-23.

¹⁹ Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М.: Директ-Медиа, 2022, с. 3.

капиталистических практик для построения «практически ориентированной социальной теории»²⁰; наконец, в работе «Невидимость: об эпистемологии признания» А. Хоннет обозначает проблему признания в отношении к феномену невидимости, который реализуется в двух модусах, физическом и метафорическом²¹. В свою очередь, в отечественном дискурсивном пространстве оформляются интерпретативные модели теории А. Хоннета (С.В. Тихонова²², И.Н. Инишев²³, М.В. Заковоротная²⁴, В.А. Копанева²⁵) и кейсы, анализ которых реализуется в оптике признания (М.А. Корецкая²⁶, Е.И. Рассказова²⁷, М.Н. Красильникова²⁸, Дж. Недельски²⁹).

В процессе исследования был задействован широкий спектр научной и философской литературы, а также художественные произведения и сетевые ресурсы по обработке поисковых запросов. Анализ социально-философских исследований дает основание для вывода о том, что темы цифровой эпохи, социальной и цифровой идентичности человека и актантов-нечеловеков, а также механизмы их конструирования, управления ими (в цифровой среде речь идет преимущественно об управлении цифровыми отпечатками, следами, виртуальными образами) рассматриваются по отдельности, но сравнительно мало осмыслены в синтезе. Обозначенная **проблема** указывает на отсутствие в корпусе научных (прежде всего, социально-философских) исследований системного подхода к вопросу о цифровой идентичности социальных субъектов.

²⁰ Хоннет А. Мораль в "Капитале". Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии // *Философские науки*. 2018. № 4. С. 45-61.

²¹ Хоннет А. Невидимость: об эпистемологии признания // *Versus*. 2021. 1(1). С. 194-213.

²² Тихонова С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2022. Т. 22. № 4. С. 473-479.

²³ Инишев И. Н. Признание, амнезия и социальные патологии: Хайдеггер и социальная онтология "третьего поколения" франкфуртской школы // *NovInfo.Ru*. 2011. № 6. С. 46-51.

²⁴ Заковоротная М. В. Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна // *Ценности и смыслы*. 2016. № 6(46). С. 27-35.

²⁵ Копанева В. А. Роль герменевтики в механизме социального признания // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 4. С. 15-20.

²⁶ Корецкая М. А. Признание и негативность: полемика вокруг диалектики господина и раба // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2016. Т. 17, № 3. С. 115-126.

²⁷ Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А. Идентичность как самоидентификация: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2014. Т. 7. № 4. С. 13-18.

²⁸ Красильникова М. Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2021. № 4. С. 70-82.

²⁹ Nedelsky J. Relations of freedom and law's relations // *Politics and Gender*. 2012. 8(2). Pp. 231-238.

На рубеже XX-XXI вв. в тематике социально-гуманитарных исследований наблюдается сдвиг с проблем информатики и информационных технологий к вопросам о цифре и цифровом. Составители и авторы первой хрестоматии по Digital Humanities (с англ. – цифровые гуманитарные науки) зафиксировали переход от информационных технологий и гуманитарной информатики к цифровым технологиям и цифровой гуманитаристике³⁰. Речь идет не только о растущих в геометрической прогрессии объемах информации и прикладных вопросах о том, как эту информацию каталогизировать и обрабатывать. Речь о чем-то более масштабном, о смене эпох, о переходе общества из информационной в цифровую эпоху.

С конца XIX в. мыслители обосновывали подобные переходы, в том числе, сквозь призму отношений социума и техники. Специфика их взаимодействия и взаимовлияния может быть представлена в биспектральном режиме, где на одном краю спектра размещается социальный, а на другом – технологический детерминизм. Окончательное формирование обозначенных направлений произошло уже в XX в. В частности, М. Маклюэн³¹ является представителем технологического детерминизма; его работы заложили основу для последующей теоретизации медиа. Он интерпретирует медиа в двух режимах: в режиме органопроекции – как продолжение человека, и социотехнической трансформации – как «месседж»³², само сообщение, определяющее коммуникативную модель, оформляет конкретный тип культуры³³. С опорой на идеи М. Маклюэна отечественный культуролог Н.Б. Кириллова ввела в научный дискурс новую дисциплину, медиалогию³⁴.

В логике технологического детерминизма также оформились концепции медиации и медиатизации. Согласно первой из них, медиа влияют на практики памяти, запоминания и воспоминания, а в перспективе – на физиологию человека,

³⁰ Цифровые гуманитарные науки : хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 384 с.

³¹ McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. New York: Vanguard Press, 1951. 157 p.

³² Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

³³ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.

³⁴ Кириллова Н. Б. Медиалогия. Наука глобализованного мира. Москва : Академический Проект, 2022. 424 с. (Университетский учебник).

специфику функционирования его мозга (Й. ван Дийк³⁵). Сторонники теории медиатизации, в свою очередь, рассматривают медиа как причину трансформации практик коммуникации и социальной динамики в целом. Среди флагманов теории – А. Хепп³⁶, Н. Коулдри³⁷, С. Хьярвард³⁸. Интерпретация логики функционирования медиа привела А. Хеппа и Н. Коулдри к идее о т.н. «волнах медиатизации», согласно которой медиа являются ключевым фактором социальной динамики. В этой логике реальность обозначается в качестве «четвертой волны», как эпоха «датификации», которая предполагает оперирование большими объемами информации. С этой идеей консонирует концепция четвертой промышленной революции К. Шваба³⁹, прочитывающая цифровые технологии как причину кардинальных преобразований в обществе.

В паритетной позиции по отношению к двум граням спектра понимания социальной динамики располагается STS, направление исследования науки, техники и общества, полагающее взаимное влияние между ними. В русскоязычное дискурсивное пространство STS вошли только в начале XX в. и сегодня занимают место в социальной философии (А.А. Писарев⁴⁰), социологии науки и техники (О.В. Бычкова⁴¹) и философии науки (И.Т. Касавин⁴², Л.В. Шиповалова⁴³). Также образы науки, ученого с позиции экзистенциального подхода и экзистенциального среза в бытии современного человека находят выражение в трудах социальных философов С.А. Маленко и А.Г. Некиты⁴⁴. По

³⁵ van Dijck J. Mediated memories in the digital age, *Cultural memory in the present*. Stanford, 2007. 255 p.

³⁶ Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the “mediation of everything.” // *European Journal of Communication*. 2013. 28(6). Pp. 615–629.

³⁷ Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: Contexts, traditions, arguments. *Communication Theory*. 2013.

³⁸ Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38(2). С. 41–75.

³⁹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

⁴⁰ Писарев А. А. STS и возможное будущее музея науки: к новой кунсткамере // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2021. № 4(30). С. 131- 185.

⁴¹ Бычкова О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // *Социология науки и технологий*. 2020. Т. 11, № 3. С. 7-21.

⁴² Касавин И. Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // *Эпистемология и философия науки*. 2014. Т. 39, № 1. С. 5-17.

⁴³ Kasavin I., Shipovalova L. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies // *Philosophy of the Social Sciences*. 2022.

⁴⁴ Маленко С. А., Некита А. Г. Возвышенная жертвенность или тотальная месь: образы науки и ученого в американском фильме ужасов // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26, № 1. С. 131-143; Некита А. Г., Суслова Е. П. Сквозь "Мглу" к "Самости": американский фильм ужасов в стратегиях визуальной стратификации общества потребления // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2021. № 2(35). С. 263-268.

оценке Дж. Вайсман, техника уже встроена в современное общество; она оказывает значительное влияние на трансформации в обществе, но не предопределяет социальное развитие. Вокруг этого тезиса выстраивается содержание ее исследования о трансформациях социальной онтологии в цифровую эпоху⁴⁵. Стремление к дискреционному, все более ускоряющемуся времени есть результат социотехнического курса, что порождает общество, не техника. В этом социолог принципиально расходится со сторонниками идеи технологической сингулярности (например, Р. Курцвейл⁴⁶), убежденных в том, что векторы будущего человеческой цивилизации будет задавать именно техника.

В контексте исследования особую важность имела идея даже не столько цифровой эпохи, сколько общества, в контексте этой эпохи существующего. Признанным пионером, обратившимся к цифровой призме в исследованиях общества, является М. Кастельс. Его работа «Галактика Интернет», впервые изданная в 2001 г., до сих пор сохранила статус некой базовой разметки в рамках Digital Humanities⁴⁷. В начале XXI в. М. Кастельс позиционирует интернет как меритократическое пространство, где власть находится в руках его разработчиков. Однако в первой четверти XXI столетия, очевидно, произошла значительная перемена: в интернет зашли и основательно там обосновались массы людей. Это обстоятельство, с одной стороны, привлекло внимание исследователей к эскапистским практикам, связанным с сетью (Е.О. Труфанова⁴⁸), с другой, позволило исследователям пересмотреть феномен «толпы». Вдохновившись классическим концептом толпы (Г. Лебон⁴⁹, Г. Тард⁵⁰), Г. Рейнгольд концептуализировал идею «умной толпы», которая посредством мобильных гаджетов сама становится мобильной и гибкой, а главное,

⁴⁵ Вайсман Дж. Времени в обрз. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. 304 с.

⁴⁶ Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: ЛитРес, 2018. 448 с.

⁴⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

⁴⁸ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22; Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 125-134.

⁴⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2021. 384 с.

⁵⁰ Тард Г. Законы подражания. М.: Академический Проект, 2011. 304 с.

стремительно овладевающей основами цифровой грамотности⁵¹. Сегодня эта идея разрабатывается зарубежными (Дж. Кларк⁵², Т. Брейзек⁵³, С. Аль-Хатиб, Н. Агарвал⁵⁴) и отечественными авторами (Д. Биляева, В. Лобатюк, А. Рубцова⁵⁵, Л. Ребрина, Н. Шамне, М. Милованова, Е. Малышко⁵⁶), которые на основании количественных исследований выражают тезис о том, что пользование новейшей техникой для реализации протестных или развлекательных акций есть то, что делает толпу умной. В свою очередь, М. Уорк пересмотрела стратегические позиции субъектов на кибернетизирующихся социальных аренах, утвердив класс векторалистов как тех, кто обладает властью на средства информационного производства⁵⁷.

Особое внимание в исследовании было уделено динамике цифровых технологий. Эта динамика была продемонстрирована, прежде всего, на примере трансформации интернета, от “web 1.0” к “web 2.0” (Т. О’Рейли⁵⁸), “web 3.0” (Дж. Калаканис⁵⁹) и его последующим модификациям, что, в том числе, зафиксированы в термине “web 4.0” (А.Н. Фортунатов, Н.Г. Воскресенская⁶⁰). Также в актуальных социальных реалиях растет интерес к феномену т.н. “Big Data”, что отражено в исследованиях С. Артемова⁶¹, К.А. Алексеева⁶², Ю. Гезгина⁶³, коллектива исследователей из Китая (Ф. Мэн, С. Лю, Ф. Мэн,

⁵¹ Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, 2002. 266 p.

⁵² Clark J. What are smart mobs? / J. Clark [Электронный ресурс] // HowStuffWorks [Сайт]. Режим доступа: <https://people.howstuffworks.com/smart-mob.htm> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵³ Brejzek T. From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms // *International Journal of Performance Arts and Digital Media*. 2010. 6(1). Pp. 109-122.

⁵⁴ Al-khateeb S., Agarwal N. Flash mob: a multidisciplinary review // *Social Network Analysis and Mining*. 2021. 11(1).

⁵⁵ Bylieva D., Lobatyuk V., Rubtsova A. Evolution Of Smart Mob: From Flash Mob To Smart City Element // *Conference: RPTSS 2017 International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences Volume: European proceedings of social and behavioural sciences*. 2018. V. XXXV (35).

⁵⁶ Rebrina L., Shamne N., Milovanova M., Malushko E. Smart Technologies in Protest Communication: Current Practices and Trends // "Smart Technologies" for Society, State and Economy. 2021.

⁵⁷ Wark M. *A Hacker Manifesto*. Harvard University Press, 2004. 209 p.

⁵⁸ O'Reilly T. What Is Web 2.0. [Электронный ресурс] O'Reilly [Сайт]. Режим доступа: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 17.06.2023).

⁵⁹ Calacanis J. Web 3.0, the “official” definition / J. Calacanis. [Электронный ресурс] JCal link dump [Сайт]. Режим доступа: <https://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения: 17.06.2023).

⁶⁰ Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285.

⁶¹ Артемов С. Big Data: новые возможности для растущего бизнеса. [Электронный ресурс] // itWeek [Сайт]. Режим доступа: <https://www.itweek.ru/upload/iblock/d05/jet-big-data.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).

⁶² Алексеев К. А. Использование Big Data в международном бизнесе // *Труды ИСП РАН*. 2020. Т. 32. № 4. С. 7-20.

⁶³ Gezgin U. An invitation to critical social science of big data: from critical theory and critical research to omniresistance // *AI and Society*. 2020. V. 35. I. 1. Pp. 187–195.

С. Ли⁶⁴) и др. Среди прочего, технико-технологические трансформации оказывают влияние на социальные, в том числе, коммуникативные практики социальных субъектов, формируют специфическое взаимодействие субъектов – опосредованную коммуникацию. Условием эффективности опосредованной коммуникации выступают слабые социальные связи. Теорию слабых связей предложил М. Грановеттер⁶⁵. В ней он продемонстрировал отношения между микровзаимодействиями (партикулярные отношения между субъектами) и макрофеноменами (социальные трансформации).

С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов последовательно раскрывают цифровую тематику в современном философском дискурсе. В совместной книге⁶⁶ и отдельных статьях⁶⁷, в числе прочего, авторы отвечают на вопрос о влиянии интернет-сетей на властную вертикаль. Исследования резюмируются тезисом о том, что интернет не внес значительные коррективы во властные отношения, однако произошло т.н. «мягкое обрастание» властной вертикали горизонталями сетей. Потому акторы макроуровня вышли на прямую связь с акторами микроуровня. К подобным выводам в исследовании wiki-правительства пришла Б.С. Новек⁶⁸. Тем не менее, результаты ее работы выглядят более радикально: управленческая модель wiki должна быть реализована в меритократической разметке, когда власть, в том числе, политическая, потенциально открыта каждому; в удаленном режиме реализуют ее те, кто обладает уникальными компетенциями. В свою очередь, М.А. Корецкая ставит под вопрос эту радикальную модель, фиксируя вектор уклонения от власти в качестве вероятного ответа на трансформации сетевой среды⁶⁹.

⁶⁴ Meng F., Liu X., Meng F., Li S. Big Data Application Technology Framework for Land Use Monitoring // 7th International Conference on Big Data Analytics, ICBDA. 2022. Pp. 62–66.

⁶⁵ Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод З. В. Котельниковой) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-51.

⁶⁶ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.

⁶⁷ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75-87.

⁶⁸ Новек Б. С. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. М.: Интеллектуальная Литература, 2012. 296 с.

⁶⁹ Корецкая М. А. Уклонение от власти как стратегия философской заботы о себе: обоснование и критика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 6А. С. 67-75.

Из всего пула тем и идей цифровой тематики наиболее близкой проблеме идентичности в цифровую эпоху является идея цифрового субъекта. Согласно данным из международных баз данных, тематика цифрового субъекта появилась на страницах научных изданий уже в 1920-е гг. (Л.К. Портер, Ж.Ф. Придо⁷⁰), но антропологическую оптику она обретает только на рубеже XX-XXI в., прежде всего, в дискурсе библиотековедения (Дз.-И. Лин⁷¹, О.Л. Завалина⁷²). О. Горюнова⁷³ разрабатывает идею цифрового субъекта как конструкта, который оформляется по цифровым следам социального актанта и, вместе с тем, «вдохновляется» идеальным субъектом (моделями, что распространяются маркетологами по сети интернет и за ее пределами). Проблему цифрового субъекта развивают также отечественные исследователи в размышлении о трансформациях дискурсов власти в цифровом пространстве (Д. Гавра, В. Декалов, К. Науменко⁷⁴). Зарубежные исследователи ставят эту проблему в контексте изменения физиологии человека в цифровой реальности (Ф. Тадж, М. Кляйн, А. ван Халтерен⁷⁵, Э. Хеклер, С. Мичи, М. Павел, Д. Спруйт-Мец⁷⁶ и др.), в рамках пересмотра понятий «субъект», «объект» и «интерсубъективность» в условиях цифровых технологий (А. Спан⁷⁷), в постановке вопроса о том, как цифровые данные влияют на поведение человека (С. Уорк⁷⁸, П. Агре⁷⁹, Г. Альбертс, М. Вент, Р. Янсма⁸⁰). Самостоятельные блоки исследования посвящены проблеме цифрового кочевничества, идущей от идеи номада в

⁷⁰ Porter L. C., Prideaux G. F. What happens when a headlight is out of focus // SAE Technical Papers. 1926. Pp. 521-551.

⁷¹ Lin Z.-Y. Classification practice and implications for subject directories of the chinese language web-based digital library // Journal of Internet Cataloging. 2000. 3(4). Pp. 29-50.

⁷² Zavalina O. L. Contextual Metadata in Digital Aggregations: Application of Collection-Level Subject Metadata and Its Role in User Interactions and Information Retrieval // Journal of Library Metadata. 2011. 11(3-4). Pp. 104-128.

⁷³ Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. 36(6). Pp. 125-145.

⁷⁴ Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection // Studies in Computational Intelligence. 2020. 868. Pp. 233-243.

⁷⁵ Taj F., Klein M. C. A., van Halteren A. Digital Health Behavior Change Technology: Bibliometric and Scoping Review of Two Decades of Research // JMIR Mhealth Uhealth. 2019. 7(12):e13311.

⁷⁶ Hekler E., Michie S., Pavel M., Spruijt-Metz D. Advancing Models and Theories for Digital Behavior Change Interventions // American Journal of Preventive Medicine. 2016. 51(5). Pp. 825-832.

⁷⁷ Spahn A. Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization // Information (Switzerland). 2020. 11(4). P. 228.

⁷⁸ Wark S. The subject of circulation: on the digital subject's technical individuations // Subjectivity. 2019. 12(1). Pp. 65-81.

⁷⁹ Agre P. Surveillance and capture: Two models of privacy // The Information Society. 1994. 10(2). Pp. 101-27.

⁸⁰ Alberts G., Went M., Jansma R. Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly // Internet Histories. 2017. 1:1-2. Pp. 146-159.

прочтении Ж. Делеза и Ф. Гваттари⁸¹ (А.А. Шумилова, Г.А. Окушова⁸², М.Р. Арсентьева⁸³, И.В. Гужова⁸⁴, А.В. Шляков⁸⁵), а также феномену цифровых двойников в медицине (К. Брюнсилс, Ф. Сантони де Сियो, Дж. ван ден Ховен⁸⁶, М. Браун⁸⁷) и промышленности (М. Гривс, Дж. Викерс⁸⁸, Д. Джонс, К. Снайдер, А. Нассехи, Дж. Йон, Б. Хикс⁸⁹ и др.). Наконец, одна из ключевых проблем работы – проблема цифровой идентичности, – была сформулирована с опорой на следующие идеи: дифракция человека (Р. Барт⁹⁰), клиповое сознание (Ф.И. Гиренок⁹¹), нарративная идентичность (П. Рикер⁹², Х. Арендт⁹³), сетевая идентичность (А.А. Лисенкова⁹⁴, Е.О. Труфанова⁹⁵, Ж.Р. Сладкевич⁹⁶, С.И. Платонова⁹⁷), а также партикулярные идеи о цифровой идентичности (Ю.А. Чернавин⁹⁸, К. Салливан⁹⁹, А. Бедуши¹⁰⁰, А. Мартин¹⁰¹).

⁸¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

⁸² Шумилова А. А., Окушова Г. А. Исследование цифрового номадизма: обзор проблематики зарубежных научных статей // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 300-305.

⁸³ Арсентьева М. Р. Цифровой номадизм и идентичность // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2017. С. 24-30.

⁸⁴ Гужова И. В. Цифровой номадизм как проект обретения экзистенциальной свободы в мире "постулируемой" идентичности // Комплексные исследования человека: психология. Материалы VII Сибирского психологического форума. 2017. С. 63-66.

⁸⁵ Шляков А. В. Феномен номадизма в российской действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4 (438). С. 53-59.

⁸⁶ Bruynseels K., Santoni de Sio F., van den Hoven J. Digital Twins in HealthCare: Ethical Implications of an Emerging Engineering Paradigm // Front Genet. 2018. 13. Pp. 9:31.

⁸⁷ Braun M. Represent me: Please! Towards an ethics of digital twins in medicine // Journal of Medical Ethics. 2021. 47(6). Pp. 394–400.

⁸⁸ Grieves M. Digital Twin: Manufacturing Excellence through Virtual Factory Replication [Электронный ресурс] // ResearchGate [Сайт]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/275211047_Digital_Twin_Manufacturing_Excellence_through_Virtual_Factory_Replication (дата обращения: 20.06.2023).

⁸⁹ Jones D., Snider C., Nassehi A., Yon J., Hicks B. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52.

⁹⁰ Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Гараж, Ad Marginem, 2013. 224 с.

⁹¹ Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2022. 256 с.

⁹² Рикёр П. Я сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

⁹³ Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 416 с.

⁹⁴ Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. Т. № 3. С. 65–74.

⁹⁵ Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 1. С. 14-38.

⁹⁶ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022.

⁹⁷ Платонова С. И. Социальная идентичность в цифровом обществе: философское осмысление // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9, № 3. С. 4-13.

⁹⁸ Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. № 12-2(168). С. 74-78.

В сравнении со многими темами и проблемами цифровой эпохи, проблема идентичности человека активно обсуждается в научных трудах. В частности, Е.Г. Трубина¹⁰² – один из первых отечественных исследователей, обратившихся к теме идентичности человека как философской проблеме. По мнению Е.Г. Трубиной, тема персональной идентичности вошла в философский дискурс в эпоху Нового времени. В это время происходит формирование субъекта нового типа, обладающего экономической свободой, политическими правами и ответственностью.

Вместе с тем, генезис проблемы идентичности лежит за пределами социальных пространств, в сфере математических штудий (Дз. Чжао, Г. Ву, Ф. Го¹⁰³, Т. Ким, Д.С. Ким¹⁰⁴, Э.С. Син, Т.Т. Наинг¹⁰⁵). Позже идея идентичности обосновывается в социально-психологическом (Э. Эриксон¹⁰⁶, Д. Соллбергер¹⁰⁷, К.Р. Йоргенсен¹⁰⁸, Г. Глас¹⁰⁹), неврологическом (Ф. Бейлис¹¹⁰, К.П. Тобиа¹¹¹, В. Гланнон, К. Инейхен¹¹²) и философском (Р. Родоньо¹¹³, К. Маккензи, К. Аткинс¹¹⁴, М. Шехтман¹¹⁵) дискурсах. Тема социальной идентичности человека также не нова для русскоязычных философских исследований. К примеру,

⁹⁹ Sullivan C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality // *Computer Law and Security Review*. 2018. 34(4). Pp. 723–731.

¹⁰⁰ Beduschi A. Digital identity: Contemporary challenges for data protection, privacy and non-discrimination rights // *Big Data and Society*. SAGE Publications Ltd, 2019.

¹⁰¹ Martin A. Aadhaar in a box? Legitimizing digital identity in times of crisis // *Surveillance and Society*. 2021. 19(1). Pp. 104–108.

¹⁰² Трубина Е. Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 1996. 400 с.

¹⁰³ Zhao Z., Wu G., Guo F., Wang B., Hu Y. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System // *Computer Journal*. 2020. 63(4). Pp. 525-535.

¹⁰⁴ Kim T., Kim D. S. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind // *Science China Mathematics*. 2019. 62(5). Pp. 999-1028.

¹⁰⁵ Sin E. S., Naing T. T. Digital identity management system using blockchain technology // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. 1166. Pp. 895-906.

¹⁰⁶ Эриксон Э. Детство и общество. С-Пб.: Питер, 2019. 448 с.

¹⁰⁷ Sollberger D. On identity: From a philosophical point of view // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2013. 7(1). P. 29.

¹⁰⁸ Jørgensen C. R. Invited essay: Identity and borderline personality disorder // *Journal of Personality Disorders*. 2010. 24, 3. Pp. 344-364.

¹⁰⁹ Glas G. Person, personality, self, and identity: A philosophically informed conceptual analysis // *Journal of Personality Disorders*. 2006. 20, 2. Pp. 126-138.

¹¹⁰ Baylis F. Neuroethics and identity // *Handbook of Neuroethics*. Springer Netherlands, 2015. Pp. 367-372.

¹¹¹ Tobia K. P. Personal Identity, Direction of Change, and Neuroethics // *Neuroethics*. 2016. 9, 1. Pp. 37-43.

¹¹² Glannon W., Ineichen C. Philosophical Aspects of Closed-Loop Neuroscience // *Closed Loop Neuroscience*. Elsevier Inc., 2016. Pp. 259-270.

¹¹³ Rodogno R. Personal identity online // *Philosophy and Technology*. 2012. 25(3). Pp. 309-328.

¹¹⁴ Mackenzie C., Atkins K. Practical identity and narrative agency. Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 296 p.

¹¹⁵ Schechtman M. Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford Scholarship Online. 2014. 224 p.

А.О. Лемпий¹¹⁶ обозначил кризис социальной идентичности в условиях изменяющейся цифровой реальности. Е.Г. Ефимов¹¹⁷ и Д.А. Устюжанина¹¹⁸ провели качественное исследование социальной идентичности пользователей социальных сетей. Г.Л. Тульчинский¹¹⁹, в свою очередь, рассматривает проблему идентичности человека в контексте цифровизации современной культуры и общества. Он заключает, что в трансформирующейся реальности человек в нарастающей степени уподобляется машине, что открывает перед философами ряд антропологических вопросов.

Оригинальное исследование идентичности разрабатывает Ф. Фукуяма¹²⁰ в контексте анализа практик признания и политики неприятия. Во введении к работе американский философ оперирует понятием «тимоса», заимствованным у Платона. Ф. Фукуяма утверждает изотимию и мегалотирию как вечные практики, которые использует человек для оптимизации своего существования в обществе. В трансформирующейся цифровой реальности происходят видимые изменения в практиках того, как Я себя осмысляет и позиционирует. С этим тезисом перекликаются идея о социальных и экономических пертурбациях, провоцирующих модификации идентичности (З. Бауман¹²¹), и проблема национального вопроса (С. Хантингтон¹²², П. Бьюкенен¹²³).

В контексте исследования социальная идентичность была интересна не как таковая, но в ее связи с цифровой реальностью и в процессе трансформации в цифровую эпоху. Однако это не отменяет принципиальной значимости проблематики социальной идентичности вне технологической рамки. В частности, определенный интерес представляет работа Ю. Хабермаса

¹¹⁶ Лемпий А. О. Я сам и мой гаджет: к вопросу о влиянии персональной техники на идентичность личности // *Ideas. Philosophical Journal*. 2014. № 2. С. 24-29.

¹¹⁷ Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-2 (38). С. 72-75.

¹¹⁸ Устюжанина Д. А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. № 2. С. 204-218.

¹¹⁹ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022.

¹²⁰ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. 349 с.

¹²¹ Bauman Z. *Liquid Modernity*. Wiley, 2000. 250 p.

¹²² Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. 635 с.

¹²³ Бьюкенен П. *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2007. 448 с.

«Философский дискурс о модерне»¹²⁴ как оплот доцифрового в понимании социальной идентичности человека. В анализе модерна философ обратился к фигуре субъекта и к идее субъектности, что одновременно были порождены эпохой и конституировали ее. Основателями и классиками видения человека как разумного субъекта были И. Кант¹²⁵ и Г. Гегель¹²⁶; противниками идеи, кто стоял на пути пересмотра проекта «монологического разума», были Ф. Ницше¹²⁷, М. Хайдеггер¹²⁸ и Ж. Батай¹²⁹. В свою очередь, М. Фуко¹³⁰ разрабатывал герменевтику социального субъекта, в том числе, сквозь призму практик заботы о себе.

В конце XX в., в тех условиях, когда представляется, что только турбулентность осталась стабильной (как стабильный источник дестабилизации общества), картина человека и его идентичностей вновь претерпела значительные изменения. На смену субъекту пришли социальный конструкт (П.Л. Бергер, Т. Лукманн¹³¹), постчеловек (Р. Брайдотти¹³²), киборги (Д. Харауэй¹³³), виды-компаньоны (А. Цин), агент (К. Барад¹³⁴), чужие (С. Шавиро¹³⁵), актанты сети (Б. Латур¹³⁶, Дж. Ло¹³⁷), наличные / подручные инструменты (Г. Харман¹³⁸), индивиды (М. Деланда¹³⁹) и единицы (Я. Богост¹⁴⁰). К примеру, Ф. Феррандо, одна из основателей Постгуманистической исследовательской группы Нью-Йорка, развивает концепцию постгуманизма, которая в актуальных социальных реалиях

¹²⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

¹²⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2021. 784 с.

¹²⁶ Гегель Г. Феноменология духа. М.: АСТ, 2021. 494 с.

¹²⁷ Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Пальмира, 2017. 206 с.

¹²⁸ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

¹²⁹ Батай Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика. М.: Ладомир, 2016. 568 с.

¹³⁰ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. М.: Издательство "Грунт", 1998. 288 с.

¹³¹ Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality : A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991. 323 p.

¹³² Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.

¹³³ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: AdMarginem, 2017. 128 с.

¹³⁴ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. 336 с.

¹³⁵ Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. Т. 3. #2. С. 127-152.

¹³⁶ Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. 296 p.

¹³⁷ Law J. Objects, spaces and others. Working papers of Lancaster University, 2000. 13 p.

¹³⁸ Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Peru, IL: Open Court, 2002. 333 p.

¹³⁹ Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. #3. С. 35-56.

¹⁴⁰ Богост Я. Чужая феноменология. Каково быть вещью? Пермь: Гиле Пресс, 2019. 200 с.

способна выступить в качестве «философии медиации, изучающей смысл человека не в отрыве, а в связи с технологией и экологией»¹⁴¹. Сегодня реализуется интеграция новых социальных персонажей в отечественный философский дискурс, что находит подтверждение в работах А.В. Павлова¹⁴², А.А. Писарева¹⁴³, А. Ветушинского¹⁴⁴, Д.С. Артамонова¹⁴⁵, С.В. Тихоновой, В.Г. Косыхина¹⁴⁶, В.С. Вахштайна¹⁴⁷. В свою очередь, применение объектно-ориентированного подхода обеспечивает понимание специфики новых социальных персонажей (О.В. Головашина)¹⁴⁸. Если в эпоху модерна человек хоть и не был посажен на трон бытия, но в перспективе это место рассматривал, то сквозь постантропологическую призму человека ставят в один ряд с животными, ландшафтом, а также артефактами и технологиями. Социальное видение человека расфокусировано сетью, в которой он выступает в роли проводника (пассивное, определяющее сеть целое) или посредника (активная, подключающаяся или встраивающаяся в сеть единица).

В условиях, когда социальные арены заполняются актантами-нечеловеками, отчетливее звучат вызову человеку, в том числе, в контексте формирования им цифровой идентичности. Сквозь оптику этой проблемы выстраивают свои исследования отечественные философы, чей научный интерес, с одной стороны, реализуется в направлении социальной мифологии (А.Г. Иванов¹⁴⁹), с другой стороны, располагается на пересечении социальной философии и философии

¹⁴¹ Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с., с. 5.

¹⁴² Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35.

¹⁴³ Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. 27 (1 (117)). С. 1-41.

¹⁴⁴ Ветушинский А. Прочь от Земли: наука о неопознанных объектах // Логос. 2019. Т. 5. #2. С. 229-254.

¹⁴⁵ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. N 63. С. 43-52.

¹⁴⁶ Косыхин В. Г., Тихонова С. В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 106–118.

¹⁴⁷ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115.

¹⁴⁸ Головашина О. В. Объективное время: в чем преимущества реалистического подхода к исследованию социальной темпоральности? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 24-29.

¹⁴⁹ Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 372-376.

образования (А.Д. Урсул¹⁵⁰, С.А. Храпов¹⁵¹, Л.В. Баева¹⁵², Ю.А. Чернавин¹⁵³, С.В. Борисов¹⁵⁴, А.А. Дыдров¹⁵⁵). Г. Биеста¹⁵⁶, в свою очередь, предлагает практики субъективизации как вариант созидания свободного, рефлексивного и самостоятельного социального субъекта.

Таким образом, мы наблюдаем серьезную трансформацию социального, когда техническое и технологическое все больше доминирует над природным. Эта трансформация порождает новые пространства, с ними – новые риски. Сущность и специфика трансформаций, в том числе, в контексте рискогенности, обозначена в работах представителей философской школы Саратовского государственного университета (В.Б. Устьянцев¹⁵⁷, А.В. Рязанов¹⁵⁸, В.Г. Косыхин, Ю.М. Дуплинская, В.А. Фриауф, С.М. Малкина¹⁵⁹, В.П. Рожков¹⁶⁰,

¹⁵⁰ Урсул А. Д., Урсул Т. А. Векторы достижения устойчивого будущего // Философские науки. 2017. (7). С. 139-149.

¹⁵¹ Храпов С. А., Баева Л. В. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16-24.

¹⁵² Храпов С. А., Баева Л. В. Феномен памяти в условиях цифровизации образования: создание модульной системы безопасности цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 61-69.

¹⁵³ Чернавин Ю. А. Единство традиций и новаций в современном российском образовании // Педагогическое образование и наука. 2023. № 3. С. 13-18; Чернавин Ю. А. Культура общества знаний как основа цифровой трансформации образования // Человеческий капитал. 2022. № 5-2(161). С. 68-73; Чернавин Ю. А. Социализация молодежи в цифровом обществе: особенности, результаты, перспективы // Человеческий капитал. 2021. № S5-3(149). С. 199-207.

¹⁵⁴ Борисов С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46.

¹⁵⁵ Дыдров А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Челябинск, 2021. 354 с.

¹⁵⁶ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // Educ Theory. 2020. 70(1). Pp. 89–104.

¹⁵⁷ Устьянцев В. Б., Гобозов И. А., Пигров К. С. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2006. 184 с.; Общество: пространство, риски, ценности : монография / В. Б. Устьянцев, [и др.] ; под редакцией доктора философских наук профессора А. Н. Чумакова. Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2012. 268 с.

¹⁵⁸ Рязанов А. В. Российский социум: динамика трансформаций. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2020. 218 с.

¹⁵⁹ Онтологическое и социальное: грани взаимодействия / В. Г. Косыхин, Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф [и др.]. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2021. 162 с.

¹⁶⁰ Рожков В. П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания. Саратов : Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 1998. 244 с.

О.Ф. Филимонова¹⁶¹, М.А. Богатов, М.О. Орлов, И.В. Стеклова¹⁶²,
Е.В. Листвина¹⁶³, О.М. Ломако¹⁶⁴, И.Д. Невважай¹⁶⁵, Е.В. Рягузова¹⁶⁶).

Анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод о том, что проблема социально-философской концептуализации цифровой идентичности косвенно обозначалась в различных исследованиях. Социальная идентичность человека значительно корректируется в цифровых условиях. Субъект уступил место агенту, актору, актанту социальных практик, идентичность которых, как правило, подвижная и текучая. Более того, актанты-нечеловеки в актуальных социальных реалиях все чаще претендуют на статус субъектности. Все это обуславливает необходимость концептуального социально-философского осмысления идентичности человека и актантов-нечеловеков, пути их конструирования, и понимание той цифровой эпохи, в рамках и с учетом технологий которой цифровая идентичность презентуется; формирование системного подхода, в рамках которого реализуется постановка и разрешение проблемы социального субъекта в цифровую эпоху. Формирование такого подхода образует проблемное поле данного исследования.

Объектом исследования является признание, раскрывающееся в системе отношений социальных субъектов.

Предметом исследования выступает феномен цифровой идентичности в контексте социального признания.

¹⁶¹ Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, А. В. Иванов, О. Ф. Филимонова [и др.]. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2009. 240 с.

¹⁶² Бытие. Человек. Культура / О. Д. Агапов, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]; Под редакцией Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой, О.В. Шиндиной. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2021. 218 с.

¹⁶³ Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 4. С. 408-412.

¹⁶⁴ Ломако О. М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23, № 1. С. 66-73.

¹⁶⁵ Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамакова [и др.]. Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. 254 с. (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»).

¹⁶⁶ Рягузова Е. В. Номо Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 3. С. 320-325.

Цель исследования – обосновать концепцию цифровой идентичности как новой формы борьбы за социальное признание, фиксирующую активную социальную позицию классических и неклассических социальных субъектов.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения следующих **задач**:

1. Осмыслить идею интерсубъективности в контексте социально-философских концепций.
2. Раскрыть существенные и специфические признаки социального признания в философской интерпретации.
3. На основе наукометрического анализа выявить узловые проблемы, связанные с идентичностью как социальным феноменом.
4. Обозначить особенности развития медиа и медиатехнологий в контексте социальной динамики.
5. Концептуализировать идеи медиатизации и сформулировать ее основные теоретические положения.
6. Обосновать социальную сущность и специфику цифровых технологий в контексте динамики медиа.
7. Проблематизировать концепцию субъектности и идею кризиса социального субъекта в оптике философии модерна.
8. Определить концепты агентности, акторности и актантности как альтернативы концепту субъектности в социально-гуманитарных дискурсах.
9. Установить специфику использования идей субъектности и агентности в цифровом контексте.
10. Ревелировать концепцию цифровой идентичности как формы презентаций цифровых субъектов.
11. Экспонировать проблематику референтно-проекционных отношений между социальным субъектом и его цифровыми копиями.
12. Проанализировать контексты, формы и варианты практик конструирования и реализации цифровой идентичности.

Методология и методы диссертационного исследования. В процессе диссертационного исследования были использованы формально-логические методы общенаучного типа – анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, мысленное моделирование, идеализация и классификация. Эти методы позволили как акцентировать внимание на отдельных сторонах предмета исследования, так и обобщить разрозненные явления, цифровую эпоху и цифровые технологии, социальную идентичность и социальное признание, интегрировать их в единое проблемное поле и представить как сеть взаимосвязанных идей, понятий и практик.

Помимо обозначенных методов в исследовании реализован спектр научных подходов. Применение системного подхода позволило концептуализировать феномен идентичности как целостный социальный феномен, преобразующийся в ответ на социальные трансформации, в связи со сменой ключевых социальных агентов.

С помощью аксиологического подхода внимание было акцентировано на уникальности и многообразии социальных практик, организуемых человеком; на проблеме переноса понимания и доверия в контексте цифровой коммуникации. В исследовании также применялись элементы диалектического подхода: речь идет, прежде всего, о диалектике социального субъекта как одновременно активного и пассивного (ведомого) агента социальных практик; единстве его индивидуального и коллективного начал, его интерсубъективной природе; о диалектике онлайн и оффлайн в социальных практиках субъекта; о различении социального субъекта как реального и цифрового.

В исследовании синтезированы методологии классической, неклассической и постнеклассической рациональности для концептуализации идентичности, субъектности и социального признания в широком социокультурном контексте. Проблема идентичности на определенном уровне разрешалась теоретическим и методологическим аппаратом классической и неклассической рациональности, но обостряется в контексте постнеклассической научной рациональности, в условиях трансформации социальной субъектности. Анализ постнеклассических форм

субъектности (акторность, актантность, агентность) был проведен с применением принципа системности, позволившего определить их в рамках социального целого.

Методологической основой диссертационного исследования является постантропологический подход, позволяющий переосмыслить фигуру социального субъекта и специфику его взаимодействий. Данный подход позволяет легитимировать положение различных агентов наряду с классическими социальными субъектами. Посредством постантропологической оптики в исследовании формулируется концепция цифровой идентичности, раскрывающая сущность и специфику интеракции классических и неклассических субъектов.

В диссертационном исследовании постантропологический подход осуществляется с ориентацией на концептуальные положения акторно-сетевой теории. Она принципиально изменяет социально-философскую оптику и, в частности, взгляд на социальное как на множество сетевых взаимодействий. Становление этой теории стало возможным в логике социальных исследований науки и технологий, переосмысляющих общественную динамику и ее детерминанты.

Концептуализация феномена цифровой идентичности предварялась применением категориально-понятийного аппарата критической теории, позволившей представить новые цифровые феномены и специфику их взаимодействия в социально-философских понятиях и терминах. Принципиально значимыми из них являются понятия субъектности, интерсубъективности, признания и социальной борьбы.

Анализ феноменов социальной идентичности, цифровых технологий, цифровых субъектов и агентов, а также процесса цифрового двойничества был осуществлен по методам контент-анализа и аналитики поисковых запросов (С. Стивенс-Давидовиц¹⁶⁷). Подобная работа с большим массивом научных документов позволила выявить ключевые паттерны в понимании

¹⁶⁷ Stephens-Davidowitz S. The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using google search data // Journal of Public Economics. 2014. 118. Pp. 26-40.

функционирующих социальных и цифровых феноменов. Среди прочего, с целью выявления наиболее распространенных маркеров в отношении цифровых технологий, внимание было сфокусировано на сетевом контенте (социальные сети, форумы и чаты, блоги и т.д.), который был проанализирован посредством инструментов с функцией аналитики данных, “Google Trends” и “Wordstat”.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его новизну, заключаются в следующем:

1. Идея интерсубъективности осмыслена в контексте социально-философских концепций как возможности и способности субъекта выходить за границы своего Я с целью формирования понимающей картины мира и выстраивания адекватной ей (картине) поведенческой модели, конституирующейся отношением Я – другой субъект. В современных социальных теориях тема интерсубъективности разрабатывается разными направлениями и школами. Среди них выделяется Франкфуртская школа, представители которой интегрировали интерсубъективность в контекст размышлений о нормативной базе и кризисах современной культуры.

2. Раскрыты сущность и специфика социального признания в философской интерпретации. Признание представлено как индикатор социальной природы субъекта: человек становится правомочным субъектом общественных практик, когда получает признание от Другого; кроме того, признание субъектом других является необходимым минимумом в его интерсубъективном, групповом взаимодействии. Содержание понятия социального признания раскрыто с опорой на хоннетовскую теорию, в которой признание представлено в качестве основания в понимании динамики социального развития, реализуемой (динамика) в логике борьбы разных социальных групп за определенный статус и конкретное положение в социуме.

3. Проведен анализ проблемы идентичности как социального феномена. Под социальной идентичностью в работе понимается сохранение и воспроизводство единства ценностей, самосознания и деятельности субъекта в контексте трансформации внешнего мира. В рамках исследования были

использованы данные отечественных и зарубежных научных трудов, представленных в российской и международных базах данных. По результатам анализа данных выявлено, что в современном научном дискурсе проблематика идентичности, прежде всего, субъекта, представлена достаточно широко. Особую значимость имеют дискурсивные рамки, в которых идентичность понимается как термин и концепт. В исследованиях последних лет идентичность все чаще фигурирует в т.н. техническом дискурсе. Техническая трансформация реальности, с одной стороны, катализирует запрос на осмысление человеком новых феноменов и инструментов, встроенных в повседневность; с другой стороны, проблематика идентичности выходит из непосредственно философского контекста и встраивается в новые технико-технологические рамки.

4. Сквозь призму динамики технологического развития представлена ретроспектива становления медиатехнологий. Обозначено, что точкой отсчета в этом становлении можно считать создание телеграфа, который дефиницируется как продолжение тела. Актуальными технологиями в коммуникационном аспекте выступают электронный сигнал и медиа.

5. Концептуализированы современные идеи в исследованиях медиа, медиация и медиатизация. Медиация фиксирует присутствие медиума в реализации индивидуальных и коллективных социальных практик. Медиатизация фокусирует внимание на медиа, ставших важнейшим (доминирующим) посредником в актуальных коммуникативных практиках. Современные, цифровые, медиа обладают широким социокультурным резонансом. Это позволило немецкоязычному термину, указывающему на связь между современными медиа и социальными трансформациями, закрепиться в Media Studies.

6. Обоснованы сущность и специфика цифровых технологий в оптике STS-подхода, согласно которому техника понимается не только как социоформирующая сила, но также как социальная единица, детерминированная актуальным социальным контекстом. Резльтируются данные аналитики цифровых технологий – интернета, больших данных и искусственного

интеллекта, – которые в наибольшей степени коррелируют с тематикой исследования.

7. Проблематизирована концепция субъектности с опорой на различные философские дискурсы. Утверждается, что идея субъектности и проблематика социального субъекта исторически связаны с осмыслением человека своего Я и пониманием места в структуре социального целого, обретением социальных прав и несением ответственности за свои действия. В современных социально-гуманитарных исследованиях симультанно, наряду с человеком, на статус субъектности претендуют иные актанты, в частности, искусственный интеллект и нейронные сети, что фиксирует кризисность положения классического социального субъекта.

8. Определены концепты агентности, акторности и актантности сквозь теоретико-методологическую призму постгуманистической и акторно-сетевой теорий, объектно-ориентированной онтологии. Используется и концептуально уточняется т.н. «квир»-оптика, согласно которой на социальную авансцену вместе с человеком становятся агенты, акторы и актанты, не обладающие человеческой природой. В результате, антропоцентрические позиции в понимании природы социального сменяются позициями антропоморфистскими.

9. Установлена специфика перехода социальных субъектов и агентов в цифровую среду. Обоснован тезис, согласно которому феномен перехода не транспарентен. Наиболее очевидно это представлено в идее цифрового субъекта. В ней заложен проблемный вопрос о границе, где заканчивается непосредственно социальный субъект и начинается его цифровая / информационная копия, которая со временем обретает определенную автономию в сети интернет.

10. Сформулирована авторская концепция цифровой идентичности, базирующаяся на несущей конструкции социального признания; в данном контексте проблематизирована идентичность цифрового субъекта. Обосновано увеличение спектра возможностей для самопрезентации социального субъекта в различных сетях, зафиксированные, в частности, в идеях слабых социальных сетей и умной толпы. Автор аргументирует позицию, согласно которой тенденция

увеличения удельного веса информационных массивов и проблема их статуса существенно усложняют процесс борьбы за социальное признание, в который наравне с человеком и социальными институтами включаются информационные агенты.

11. Экспонирована проблематика референтно-проекционных отношений между социальным субъектом и его цифровыми дубликатами. В контексте четвертой промышленной революции и Индустрии 4.0 обостряется проблема «дублирования»: в качестве дубликатов выступают конкретный товар, промышленный агрегат, индустриальная система, а также тело человека в контексте медицинских практик и трансгуманистических идей. На примере цифрового двойникования утверждается тезис о том, что социальный субъект совершает переход в качественно иное, еще не отрефлексированное и научно не осмысленное состояние.

12. Проанализированы цифровые технологии, под влиянием которых оказывается весь спектр социальных практик человека, меняются способы и формы его существования. Индивид и социальные институты оказываются не готовыми к тем трансформациям, что ведут за собой новые техника и технологии. Человека как базовую социальную единицу нужно подготавливать к принятию технологического нового и адаптации этого нового в свои повседневные практики. Отсюда обращение к образовательному дискурсу, который нацелен на формирование субъектности в среде обучающихся; и к дискурсу программистов, в рамках которого реализуется разработка новых социальных актантов (например, чат-ботов и нейросетей), которые постепенно выходят из алгоритмической рамки посредством глубокого обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. В социально-философской оптике, человек реализует именно человеческую природу в условиях интерсубъективности, т.е. исключительно в условиях связей с другими, в том числе, с другими людьми и общественными институтами. В современных социальных теориях идея звучит в трудах разных поколений Франкфуртской школы. В текстах представителей первого поколения

школы тема интерсубъективности интегрирована в разные контексты, в том числе, в идеи о кризисности политических режимов и массовизации культуры. Это было связано с включением в культуру и последующей трансляцией политических и экономических идеологем. В трудах второго поколения школы тема интерсубъективности разрабатывалась в контексте коммуникативного акта. Интерсубъективность при этом связывалась со свободным межличностным взаимодействием. Однако наиболее выпукло, оперируя соответствующими категориями, идея интерсубъективности встроена в хоннетовскую теорию. В ней социальное структурировано в контексте признания. Концепт признания, в самом общем виде, фиксирует специфический тип отношений Я – Другой. История общества может быть представлена и осмыслена в рамке социальной борьбы, органически связанной с практиками признания Я Другим.

2. В контексте социального признания человек представлен как субъект социальных практик, субъектность которого утверждается в видении и последующем признании его Другим. В работе понимание социального признания выстраивается на базе хоннетовской теории, которая представляет собой трехчастный конструкт и основывается на концептах самоуверенности, самоуважения и самолюбия, выражающих специфику бытия субъекта в трех различных контекстах, семейном, правовом и в контексте социальной общности. Два последних очерчивают границы действия т.н. моральной грамматики. Социальная борьба инициирована отсутствием или недостатком признания у отдельных общественных групп; она порождает новые форматы идентичности, за признание которых выступают отдельные субъекты и социальные группы. В контексте логических отношений понятия социального признания и идентичности не тождественны, но пересекаются. Пересечение возникает там, где социальный субъект, идентифицировав свое Я, вступает в социальную борьбу с другими субъектами с целью, чтобы это Я признали и они. Социальное признание поэтому можно дефинировать как причину, процесс и результат деятельности социального субъекта по отношению к партикулярному Другому или множественным другим, социальным субъектам, направленную на то, чтобы

Другой признал Я социального субъекта. При этом не важно, в каком контексте это признание реализуется, в трудовых, властных отношениях между субъектами или в отношениях экзистенциальной близости, любви. В хоннетовской теории социальное признание реализуется во взаимодействии классических социальных субъектов, человека и социальных групп. Однако в исследовании принципиальным становится то, что в систему отношений по типу признания наравне с классическими социальными субъектами включаются агенты, не обладающие человеческой природой (в цифровом контексте этими агентами становятся техника и данные).

3. В современной социальной философии по вопросу о социальной идентичности особую позицию занимают философы-постмодернисты. Прямо или косвенно они обращаются к человеку как к автору и одновременно продукту культуры постмодерна. Согласно некоторым идеям постмодернистов, авторство следует поставить под вопрос. С другой стороны, концептуализируя текучесть действительности, постмодернисты «снимают» проблему идентичности человека. Обе позиции весьма радикальны и спорны. Безусловно, содержание и формы современной (в особенности, цифровой) культуры создают поток, в котором субъект вынужден двигаться. При этом следует не упускать из вида, что у субъекта было и остается рефлексивное мышление, вопрошающее, в том числе, о месте Я в мире. Как показал анализ материалов отечественных и зарубежных исследований, тема идентичности не ушла из научного дискурса, преимущественно социально-гуманитарного, несмотря на «пророчества» философов-постмодернистов. Вместе с тем, феномен идентичности в некотором смысле «технизруется». Можно выделить два вектора в этом процессе: вовне – идентифицируются цифровые системы и гаджеты, которыми пользуется субъект в своем повседневном бытии; вовнутрь – трансформируется идентичность человека в цифровом мире. Современные медиа, прежде всего, социальные сети предоставляют пользователям новые возможности для создания нарративов о своих Я посредством текста, фото- и аудиовизуальных материалов.

4. Динамика развития технологий результировалась возникновением интернета, мощного медиаканала, сопоставимого с традиционными средствами массовой информации – газетой, радио и телевидением, – объединяющего текстовый, аудиальный и визуальный форматы репрезентаций. Автор утверждает, что в сегодняшних реалиях сеть играет роль аттрактора, оттягивающего внимание с традиционных СМИ. Анализ идей первых концептуалистов дал основание для обобщенной дескрипции медиа как медиума, т.е. средства и канала коммуникации. Аргументируется, что медиатехнологии совершали движение от «мегатренда» аудиальной культуры к визуальной и наоборот. Они объединяют людей, разрывают границы в классическом представлении о пространстве и времени. Медиатехнологии оказывают комплексное влияние на человека как субъекта социальных практик; через человека медиатехнологии перекраивают социальную ткань, внося изменения в темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти.

5. Социальная ткань XXI в. интегрирует множество медиумов. Каждый из них обладает различной скоростью передачи информации и радиусом охватываемых аудиторий. Сегодня невозможно говорить о существовании гомогенного медиапространства; разговор возможен о сосуществовании разных информационных источников, среди которых в последнее время доминируют те, что обладают цифровой природой. Медиа как средства массовой информации появились задолго до возникновения электрического сигнала. Различные формы опосредованного контакта с внешним миром сопровождают человека с момента существования первых инструментов. В частности, этому посвящены идеи авторов концепции медиатизации. Эту концепцию можно представить следующими общетеоретическими положениями: современные коммуникативные практики опосредованы; сегодня представлен широкий спектр медиумов, от книги, радио- или телевизионного сигнала, до цифровых гаджетов; современные медиа имеют широкое социокультурное влияние. С одной стороны, сложившуюся ситуацию можно рассматривать с позиции сближения разных культур (на примере концепции медиатизированных миров); с другой стороны, это позволяет

выявить манипулятивные механизмы в политике т.н. культуры-«гегемона» (на примере концепции connectification). Несмотря на одномоментное сосуществование многих медиа, в разные исторические периоды доминируют конкретные медиа, которые оказывают влияние на вектор развития культуры и общества. Сегодня это цифровые медиа, развивающиеся в логике Big Data.

6. Цифровая техника и технологии в XXI в. выполняют функцию медиатора, посредника между социальным субъектом и внешним миром. Критерий эффективного функционирования медиатора заключается в соответствии потребностям социального субъекта и актуальным запросам общества. Техника и технологии развиваются в неразрывной связи с обществом, отвечают его социальным потребностям и требованиям. Ярким примером подобного взаимодействия является интернет, трансформировавший коммуникативные практики субъектов и внесший существенные коррективы в бытовые и рабочие процессы. Эти трансформации проблематизируются феноменом «ускоряющегося» времени и обостряют вопрос о возможности гражданской свободы в условиях цифрового капитализма. Вне зависимости от ответа на поставленный вопрос, техника в современных реалиях является значимым социальным актантом, воздействующим на специфику общественного бытия.

7. Идея субъектности фиксирует положение человека в качестве правомочного участника социально-политических процессов. Однако процесс утверждения человека в статусе субъекта в оптике философской традиции не является новым. В эпоху Просвещения субъект в концептуальной матрице идей об Абсолютном Духе конструирует социальный, политический и экономический контексты индивидуального и коллективного бытия. В XIX в. социально-политическая машина субъектности, функционирующая по принципам рациональности, дает сбой; на этом основании провозглашается возвращение к балансу рационального и иррационального начал в субъекте. Социальные и культурные пертурбации середины – второй половины XX в. возвращают внимание интеллектуалов к проблеме субъектности. В цифровых реалиях на

статус субъектности претендуют актанты-нечеловеки. Это открывает новую веху в становлении проблематики субъектности и социального статуса субъекта.

8. Эпоха антропоцена является дискуссионным маркером, фиксирующим доминирование антропогенных сообществ на планете Земля. Результатом этой активности, среди прочего, выступает гонка вооружений, ставящая существование человека и всей планеты под вопрос. Формирование и широкое распространение информационно-коммуникационных технологий также является консеквенцией антропоактивности. Вместе с человеком, который ориентировочно с эпохи Нового времени прочитывался как магистральный источник социальной активности, все большую значимость в оптике социального обретают агенты, акторы и актанты, не являющиеся человеком. Вместе с природой и различными ее явлениями призма социальной агентности применяется в понимании современной техники и технологий. Повседневные вещи и лабораторное оборудование могут быть интерпретированы как актанты в практиках по производству научного знания; вещь, также как и человек, может выступать посредником или проводником сети. Наряду с планом вещей и природных явлений в ряд агентов включают чуждые, принципиально иные человеческой природе сущности, в том числе, инопланетян. Кем бы ни был социальный актант, методологически важной становится настройка исследовательской оптики в фиксации перехода субъектности и актантности в цифровое.

9. В условиях массовизации «smart»-технологий цифровизуется спектр социальных практик (учеба, работа, товарно-денежные отношения); в формат цифры попадает социальный субъект и вся социальная среда. Аналитика аннотаций и полнотекстовых материалов из библиографической системы Mendeley продемонстрировала, что приставка «цифровой» добавляется к ряду поисковых запросов, «объект», «субъект», «агент», с 2014 г. Это демонстрирует то, что цифровое основательно проникло в контемпоральные социальные практики, но специфика представления цифрового в социальном не является транспарентной. В контексте размышлений о социальном субъекте, перешедшем

в цифровую среду, актуализируются вопросы о статусе этого нового цифрового феномена и его связи с реальным носителем. С одной стороны, их связь разворачивается в манипулятивной логике, когда маркетологи и политтехнологи используют большие данные с целью «продажи» идеи или товара. С другой стороны, в XXI в. большие данные сосуществуют с социальными субъектами и институтами, обретают свое место в социальном. Понимание их исключительно в рамке консьюмеризма представляется унилатеральным.

10. Цифровой субъект, оформившийся из цифровых отпечатков и следов реального пользователя интернета, обретает определенную автономию в сети. Данное обстоятельство катализирует целый спектр социально-гуманитарных проблем, прежде всего, проблему идентичности. В исследовании доказывалось, что в цифровом контексте некорректно говорить о тождестве человека со своим социальным образом, конкретной ролью или статусом. В философской оптике возможно говорить о дисперсии, рассеивании социального субъекта, совокупности продуцирующихся образов в информационном поле интернета. Это находит выражение в разных социальных феноменах, в том числе, в социальных связях и умной толпе. Однако вместе с открытием новых возможностей цифровая среда создает угрозы субъектности, которые связаны с анонимностью пользователя в интернете и приватностью его данных. Аргументировано, что цифровая идентичность в технологическом аспекте связана с увеличением удельного веса информационных массивов и данных и актуальным изменением их статуса. В XXI в. в социальную борьбу за признание наравне с классическими субъектами вступили новые цифровые субъекты, не обязательно обладающие человеческой природой, что проблематизировано в авторской концепции цифровой идентичности.

11. В исторической ретроспективе и в настоящее время наблюдается интенсификация технико-технологического развития. Технологический уровень в становлении контемпорального общества классифицируется как четвертая промышленная революция. В самой природе технореволюции заложена возможность кардинального преобразования мира человека. В качестве

иллюстрации такого преобразования выступает функция цифрового двойникования артефактов из физической реальности. Цифровой двойник отображает процесс соединения физического объекта и его виртуальной копии посредством идущих в обоих направлениях (из физического мира в виртуальный и обратно) информационных потоков. В результате процессы моделирования в промышленности или маркетинговой сфере выходят на новый уровень, изменяется качество конечного продукта, повышается его доступность на массовом рынке. Функция цифрового двойникования распространяется на человеческое тело. В медицинском контексте цифровой двойник также выстраивает новые горизонты по расширению возможностей в борьбе с болезнями и иными ограничениями в функционировании человеческого тела, но одновременно несет с собой определенные опасности. Ключевую опасность мы обнаруживаем в том, что человек подобно другим объектам предметного мира обретает качественно иной статус, становится «сгустком» информации, включается в информационный поток. Социальный субъект стремится оставить за собой право контролировать растущие в условиях двойникования потоки информации. Однако в условиях становления информацией подобное стремление может оказаться невыполнимым.

12. Одним из результатов четвертой промышленной революции является значительный рост технологических новаций на всех уровнях социальной структуры. Общество сталкивается с фактической неготовностью социальных институтов и персональных субъектов к принятию этих новаций и их абсорбции, т.е. внедрению и последующему их растворению в социальном. С целью осуществления искомой абсорбции необходимо провести работу, готовящую человека как атомарной социальной единицы к принятию, осознанию и встраиванию в свои практики технического и технологического нового. В современных исследовательских дискурсах образовательная «настройка» человека называется и комплексным развитием интеллекта, и «футуризацией» образования. Несмотря на разность концептов, в фокусе внимания находятся идентичность и субъектность обучающегося как ориентиры образовательного

процесса. Значимым обстоятельством на сегодняшний день представляется подготовка человека как социального субъекта к актуальным и возможным технологическим трансформациям. Его цифровая идентичность конструируется на различных интернет-площадках, в электронной почте и мессенджерах, посредством воздействия контекстной рекламы, в социальных сетях. Однако открытым остается вопрос о конструировании идентичностей актантов-нечеловеков. Нейросети и глубокое обучение все чаще демонстрируют возможности выхода за рамки четко понимаемых и заданных алгоритмов.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертационном исследовании разработана концепция цифровой идентичности, которая представлена в двух ключевых режимах: в качестве особой самопрезентации человека и актантов-нечеловеков в сети интернет и в качестве вида социального и гуманитарного знания. Данная работа открывает новое направление в социальной философии, связанное с анализом идентичности социальных субъектов цифрового общества. Тем самым работа стимулирует рефлексию над новыми формами социальной субъектности в цифровых реалиях, способствует обновлению категориального аппарата социальной философии и углублению концептуального содержания теорий, которые посвящены цифровому этапу в социальной динамике. Предложенный диссертантом постантропологический и антропоморфический подходы в прочтении идентичностей актантов-нечеловеков могут быть применены к исследованию феномена социального признания в цифровом обществе.

Разработанная диссертантом трактовка идентичности социальных субъектов, в их числе актантов-нечеловеков, может углубляться и дополняться. Одним из направлений исследования выступает цифровая антропология, предполагающая проблематизацию фигуры цифрового субъекта и субъектности цифровых агентов по типу суперкомпьютеров и глубокого обучения. Это направление открывает перспективы практического характера в направлении построения диалогических отношений между классическим социальным субъектом и его неклассическими технологическими продолжателями.

Результаты работы можно применить для разработки образовательных программ по цифровой грамотности, ориентированных на подготовку социальных субъектов к взаимодействию с актантами-нечеловеками.

Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, философии науки и техники, социологии науки в вузах, а также для разработки специализированных курсов по проблематике социальной философии, цифрового общества, цифровой антропологии и социального проектирования, по вопросам STS и ANT.

Достоверность результатов диссертации подтверждается постановкой проблемы, определением предмета, позволяющим выявить и обозначить важнейшие характеристики объекта, определением цели и задач, на основании чего была предложена концепция цифровой идентичности, корректным использованием понятийно-категориального и терминологического аппарата, методологии философии и науки, большим объемом проанализированной научной и философской литературы по соответствующей проблематике.

Апробация работы. Основные тезисы диссертационного исследования обсуждались на теоретических семинарах кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и на кафедре философии Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Автором организован и проведен круглый стол на тему «Культура отмены» в рамках международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2022» (Санкт-Петербург, 2022 г.); организована и проведена III Всероссийская научная конференция «КИНО в цифровую эпоху» (Челябинск, 2023 г.). Некоторые идеи диссертации изложены на XXIV Всемирном философском конгрессе (2018 г., Китай, г. Пекин), XV международной конференции по философской практике (2018 г., Мексика, г. Мехико) и обсуждались на шестом (Нижний Новгород, 2012 г.), седьмом (Уфа, 2015 г.) и восьмом (Москва, 2022 г.) российских философских конгрессах; международных научно-практических конференциях «Философия и наука»

(Екатеринбург, 2016-2019 гг.), Третьем Конгрессе Русского общества истории и философии науки «После постпозитивизма» (Саратов, 2022 г.), XVIII и XIX Таврических философских чтениях «Анахарсис» (Крым, 2022-2023 гг.), всероссийской научно-практической конференции «Конструируя город: память о прошлом и проекты будущего» (Липецк, 2022 г.), международной научной конференции «Философия науки и техники – российская перспектива» (Санкт-Петербург, 2022 г.), всероссийской научной конференции «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (Москва, 2022 г.), международной научной конференции «Искусственный интеллект в современной гуманитаристике» (Саратов, 2023 г.), X международной научно-методологической конференции «СЕЛИВАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: Культура и антикультура» (Тюмень, 2023 г.), XXI Пирровых чтениях «Удивление. Интерпретация культурных кодов» (Саратов, 2023 г.).

Результаты исследования применены автором при чтении курсов лекций по дисциплинам «Философия», «Философия научного знания», «Философия технических наук», «История и философия науки» для студентов-бакалавров, магистрантов и аспирантов Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (2015-2023 гг.).

Общее число публикаций по теме диссертации составило 58, общим объемом около 36,5 п.л., в том числе, 14 статей по теме диссертации в журналах, индексируемых в “Scopus” и “Web of Science”, 1 монография и главы в 2 коллективных монографиях и 22 статьи в журналах, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ.

Структура и объем диссертационной работы. Структура диссертационного исследования определена поставленными целью и задачами: состоит из введения, четырех глав, каждая из которых включает три параграфа, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 354 страницы. Список литературы включает 551 наименование, в том числе, 261 на иностранных языках.

Глава 1. Методологические основания социально-философского анализа признания

§ 1.1. Интерсубъективность в фокусе социально-философских концепций¹⁶⁸

Более двух тысячелетий прошло с тех пор, как Аристотель дефиницировал человека в качестве социального животного. Из этого тезиса мы можем выкристаллизовать как минимум две пресуппозиции. Согласно первой, человек остается животным даже в контексте философской рефлексии. Вторая, в свою очередь, говорит об общественной природе человека, в том числе, с учетом его животной «натуры».

В дискурсе Аристотеля на поверхности различие тех, кто в государстве, т.е. «сущест^в политических», от тех, кто «живет вне государства». Отличие между ними, согласно античному мыслителю, укоренено в самой природе общественного как таковой. Без связи с обществом человек утрачивает саму человеческую природу; он либо обращается в животное, жаждущее войны, либо совершает прыжок «из» человека, становится «сверхчеловеком», устремившись к богам¹⁶⁹. Из этого посыла мы выводим установку на то, что человеческое Я невозможно вне Я общественного, которое фиксируется Другим.

По Аристотелю, человек наделен т.н. большей общественной природой в сравнении с иными животными, что реализуют свое существование в группах. Одновременно стимулом и результатом подобной общности выступает язык, выражающий эмоции и мысли своего носителя. Вместе с тем, невербальная коммуникация находит свое выражение и в животном мире. Подобно людям, животные обмениваются сигналами. Как правило, эта передача носит прагматический характер: выражение состояния, передача информации,

¹⁶⁸ В данном параграфе использованы материалы статей автора диссертации: Пеннер, Р. В. Интерсубъективность в социально-гуманитарных дискурсах / Р. В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 1(471). – С. 48-52. – DOI 10.47475/1994-2796-2023-10106. Пеннер, Р. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность / Р. В. Пеннер, С. В. Тихонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. [В печати].

¹⁶⁹ Аристотель. Политика. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376–644. С. 385.

например, уведомление сородичей об опасности. Коммуникация животных – «плоская»; в сравнении с ней, общение людей обретает некие «объемы». Объемность, в частности, выражается концептуальностью, выходящей за пределы прагматики. Концептуальность человеческого языка Аристотель иллюстрирует, например, через бинарную категориальную оппозицию справедливости и несправедливости. Язык был изобретен, чтобы упростить коммуникацию, одновременно с этим он наделил общение людей контекстами как дополнительными смыслами, из которых субъекту следует вытянуть т.н. «правильный». Ориентиром правильности для философа является государство. Аристотель поясняет, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части»¹⁷⁰. Мы получаем своеобразный конструкт, своего рода «матрешку», которая включает в себя отдельного индивида, семью, государство. Вместе с тем, индивид обретает возможность утвердить свою природу (человеческую) исключительно в рамках вышеназванного конструкта; за его пределами он выпадает в отличные человеческому состояния, животное или божественное. В сравнении с государством, по Аристотелю, человек всегда оказывается частью, причастность к целому для которой возможна только в государстве и с государством, т.е. исключительно в совокупности, общении с другими людьми.

Аристотель прослеживает взаимодействие людей на примере государственного общения. В определенном, точнее – коммуникативном, аспекте можно утверждать общение между животными, что зафиксировано выше. Непосредственно общение человека Аристотель фиксирует как «орудие», которым можно воспользоваться в нескольких направлениях; следование государственному праву как «мерилу справедливости» (что, скорее всего, связано с поведением человека, соответствующим его статусу) открывает в человеке «умственную и нравственную силу»; и, наоборот, движение в разрез с

¹⁷⁰ Аристотель. Политика. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376–644. С. 386.

государственным правом (т.н. автономное поведение) лишает человека добродетели; общественную природу сменяют «дикость и нечестивость»¹⁷¹.

Протагор вошел в историю философии в качестве первого известного мыслителя, поставившего вопрос о человеке. Вслед за ним Платон, Аристотель, эпикурейцы и стоики сформировали онтологическое понимание человека как социального субъекта, органического элемента космоса, выступающего гарантом космического порядка на земле. В схоластической полемике, развернувшейся между реалистами (Фома Аквинский) и номиналистами (Уильям Оккам) реализуется гносеологическая сторона вопроса о социальном субъекте. В фокусе внимания философов-схоластов не субъект и не социум, но вопросы о роде и сущности, разворачивающиеся на фоне укрепления доказательной базы бытия Бога. Социальный субъект, в свою очередь, занимает место того, кто ищет и познает искомого Бога. Р. Декарт легитимизирует гносеологическое понимание социального субъекта, разводя понятия «субъекта» и «объекта» познавательной деятельности. Помимо прочего, осмысление человеком своего Я как источника познавательного процесса выступает, по Р. Декарту, принципиальным основанием в доказательстве существования партикулярного человека и внешней реальности.

Таким образом, идеи Аристотеля стали основой западноевропейской традиции философского исследования субъектности, особо влиятельной в которой оказались проблема субстанций (Г. Лейбниц, Р. Декарт) и идея гносеологического субъекта и, в частности, кантовский априоризм, интериорный по стратегии и потому слабочувствительный к аспектам межсубъектного взаимодействия. Вообще немецкая классическая философия заложила основы интерсубъективности. Мыслители продолжили развитие гносеологической стороны вопроса о социальном субъекте. Развитие представлено, например, в концепции априорного знания И. Канта или в философии истории Г. Гегеля. Вместе с тем, подробнее на вопросе о социальном субъекте в идеалистической онтологии Г. Гегеля остановимся в следующем параграфе. Здесь упомянем еще концепцию социального действия М. Вебера, в которой субъект представлен в

¹⁷¹ Аристотель. Политика. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376–644. С. 386.

качестве ключевого актора осмысленного социального действия, направленного на Другого.

Краткий экскурс, прежде всего, в политическое учение основателя школы *περιπατεῖω* определяет ту социальную призму, что будет использована в работе при постановке вопроса об идентичности человека. Согласно этой призме, человек реализует именно человеческую природу в условиях интерсубъективности, т.е. исключительно в условиях связей с другими, в том числе, с людьми и институтами. Этимологически термин берет начало от двух латинских корней, *inter* – между, и *subject* – субъект, человек, актер. В философском дискурсе концептуальное авторство принадлежит Э. Гуссерлю. Феноменолог ставил проблему интерсубъективности в эпистемологическом контексте, в поисках процедур и методов объективного познания. Мир, по Э. Гуссерлю, разделяется на «мой исходно-первичный» и «определенно объективный», что, в свою очередь, включает самого размышляющего субъекта; на Я и чужое, состоящее из объективной природы, других и самого Я¹⁷². Это монадологический подход в видении мира, сквозь оптику которого каждое Я подобно монаде, которая конституирует свой уникальный мир. Эти монады существуют не изолированно, но в связи друг с другом. Э. Гуссерль замечает конституирование т.н. «я-общности», что «включает меня самого, как общность друг с другом и друг для друга существующих Я, в конечном итоге общность монад, притом такая общность, которая (в своей конституирующей общности (*vergemeinschaftet-konstituierende*) (интенциональности) конституирует один и тот же мир»¹⁷³.

По той простой причине, что весь внешний мир есть совокупность монад, монада видит этот мир субъективно, в контексте своих рамок. Тем не менее, Э. Гуссерль одновременно понимает мир как предустановленную гармонию свободных монад. Т.е. субъект постигает объективный мир в гармонии с тем, как этот мир постигают другие субъекты; изначально субъективные системы конституирования, по Э. Гуссерлю, друг другу соответствуют, друг с другом

¹⁷² Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.

¹⁷³ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с. С. 138.

согласуются¹⁷⁴. В этом согласовании ключевую роль феноменолог отводит intersубъективности как бесконечной открытости в сознании субъекта. Потому intersубъективность можно интерпретировать как своеобразное «окно», открывающее Я возможности увидеть и постигнуть объективный мир. В.И. Молчанов заключает, что intersубъективность является для Э. Гуссерля источником объективного познания¹⁷⁵.

Идея т.н. intersубъективности находит своих сторонников в среде современных психологов, в контексте исследований по социальной психологии, идейно и методологически значимых для проблемного поля социальной философии. Среди прочего, авторы поднимают вопрос об открытой субъективности. Вообще приставка «открытая» к феномену intersубъективности выглядит обоснованной по смыслу, т.к. сам Э. Гуссерль вводит ее в контексте размышлений об открытости сознания познающего субъекта. Вместе с тем, акцентуации на открытости в дискурсе об intersубъективности кажется излишней, помня об открытой природе самого феномена. Тем не менее, следуя за идеей Д. Захави об открытой intersубъективности, М. Бауэр конструируют феноменологическую базу для объяснения этого феномена в контексте возрастной психологии¹⁷⁶. Он апеллирует к методологическим принципам генетической феноменологии и к теории примитивного аффекта Э. Гуссерля. Эти принципы американский философ использует в работе с данными из исследований по когнитивному развитию и социальному познанию. На примере иллюстрации по развитию сознания младенцев, по М. Бауэру, сам опыт познания и понимания мира формируется интерперсональным, intersубъективным путем.

Э. Гуссерль впервые публикует свои «Картезианские размышления» в 1931 г. В психологический дискурс тема intersубъективности, в свою очередь, попадает только в 1970-е гг. «Пионером» тематики по праву считается К. Тревартен, профессор из Эдинбурга, фокус исследовательского внимания

¹⁷⁴ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с. С. 139.

¹⁷⁵ Молчанов В. И. Предпосылки "эпохе" и нейтрализация опыта: термины и проблемы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 146-157.

¹⁷⁶ Bower M. Developing open intersubjectivity: On the interpersonal shaping of experience // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2015. 14(3). Pp. 455-474.

которого остается на детской психологии, точнее, на вопросе о первых этапах социализации младенцев. По результатам своих наблюдений он различил интерсубъективность первичную (“primary”) и вторичную (“secondary intersubjectivity”)¹⁷⁷. Мир ребенка в период первичной интерсубъективности (от рождения ориентировочно до 12 мес. жизни) замыкается на том, кто о нем заботится (как правило, матери); его взаимодействие со внешним миром невербально, базируется на тактильных ощущениях, запахах и вкусах. Вербальный этап реализуется во вторичной интерсубъективности, когда непосредственное взаимодействие ребенка с внешним миром дополняется языком. Сегодня группа клинических психологов из Соединенных Штатов развивают идеи К. Тревартена, задаваясь вопросом о происхождении слов¹⁷⁸. Согласно их размышлениям, происхождение слов в детской психологии связано исключительно со вторичной интерсубъективностью, в то время как потенциал первичной игнорируется. В свою очередь, именно в первичном контакте человека с внешним миром через того, кто осуществляет непосредственную заботу о нем, оформляется способность человека к говорению, тем самым, реализуется уникальная человеческая природа. С этими размышлениями согласуется гипотеза известного американского антрополога, приматолога С.Б. Хрди, согласно которой эволюция интерсубъективности идет в параллели с эволюцией живых видов, т.н. все родители (“all parents”), матери и другие, в ситуации формирования взаимного понимания с ребенком становятся материалом для отслеживания эволюции интерсубъективности¹⁷⁹.

Группа психиатров из Франции продолжает тему интерсубъективности в контексте детского развития¹⁸⁰. Фокус внимания исследователей сосредоточен на насилии. Согласно идеям П. Мазе, младенец находится в состоянии

¹⁷⁷ Trevarthen C. “The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and cooperative understanding in infants” in *The Social Foundations of Language and Thought: Essays in Honor of Jerome S. Bruner*. ed. D. R. Olson. New York: W.W. Norton, 1980. Pp. 316–342.

¹⁷⁸ Terrace H. S., Bigelow A. E., Beebe B. Intersubjectivity and the emergence of words // *Frontiers in Psychology*. 2022. 13.

¹⁷⁹ Hrdy S. B. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 432 p.

¹⁸⁰ Mazet P., Rabain D., Downing G., Wendland J. Intersubjectivity denial in early interactions as paradigm of psychological violence // *Neuropsychiatrie De l'Enfance Et De l'Adolescence*. 2002. 50(6-7). Pp. 424-428.

психологического насилия даже в тех ситуациях, когда прямое насилие к нему не применяется. Наиболее распространенный случай – послеродовая депрессия, что может развиваться у матери. В осмыслении клинических ситуаций, авторы исследования приходят к выводу, что микроразрывы во взаимоотношениях ребенка с тем, кто о нем заботится, влекут за собой отрицание интерсубъективности; это, в свою очередь, порождает отрицание субъективности ребенка, что иллюстрирует принцип психологического насилия.

Д.Г. Стерн продолжает серию размышлений в русле психологической и психоаналитической интерпретации интерсубъективности. Ориентируясь на данные, полученные из серии исследований в Centre d'Etude de la Famille (Брюссель), он приходит к выводу о неврологических основах интерсубъективности¹⁸¹. Американский психоаналитик также заключает, что интерсубъективность развивается в сознании ребенка как защитный механизм, в параллели с привязанностью. Привязанность регулирует страх и любопытство; интерсубъективность – близость и чувство принадлежности к группе. Оба этих механизма имеют социальную природу и «необходимы для выживания человека»¹⁸².

Наконец, философы из Бразилии, Н.Э. Коэльо-младший и Л.С. Фигейреду, предлагают своеобразную панораму по проблематике интерсубъективности, сконструированную из отсылок на философов, психологов и психоаналитиков. В своей панораме они выделяют четыре матрицы по теоретическому осмыслению интерсубъективности: «(1) транссубъективная интерсубъективность (Шелер, Хайдеггер, Мерло-Понти); (2) травматическая интерсубъективность (Левинас); (3) межличностная интерсубъективность (Мид); и (4) интрапсихическая интерсубъективность (Фрейд, Кляйн, Фэйрберн, Винникотт)»¹⁸³. Интерсубъективность в рамках данного теоретического анализа указывает на то, что феномен субъектности не вполне корректно интерпретировать как чистый

¹⁸¹ Stern D. H. The wish for intersubjectivity: How? why? // *Psychotherapies*. 2005. 25(4). Pp. 215-222.

¹⁸² Stern D. H. The wish for intersubjectivity: How? why? // *Psychotherapies*. 2005. 25(4). Pp. 215-222.

¹⁸³ Coelho Jr. N. E., Figueiredo L. C. Patterns of intersubjectivity in the constitution of subjectivity: Dimensions of otherness // *Culture and Psychology*. 2003. 9(3). Pp. 193-208.

опыт человека; конструирование и развитие субъектности случается, когда в чистый опыт восприятия человеком мира вторгается инаковость, некий Другой.

Тем самым, с точки зрения представителей социальной психологии, интерсубъективность есть способ выстраивания субъектом понимающей картины мира с помощью Другого. Другой в этой рамке является одним из ключевых элементов построения понимания, что порождает знание субъекта о мире и формирует адекватные формы поведения в нем. Вместе с тем, феномен Другого значительно более широк, нежели т.н. «понимательный» элемент. В XX в. тематика Другого выходит на фронтиры философских исследований. Вероятно, произошло это неслучайно. Противостояние европейских империй в начале века привело к беспрецедентному историческому феномену, Первой мировой войне, что сопровождалась сменой политических режимов (социалистическая революция в России, конституционные реформы Ататюрка в Турции, провозглашение республики в Германии), экономическими кризисами (Великая депрессия) и обострилось во Второй мировой и «холодной» войнах. В числе прочего, Вторая мировая война сопровождалась этническими чистками, что вошли в историю, в том числе, под именем Холокоста. По своему характеру и широте действия предложенные иллюстрации выходят далеко за границы субъекта. Однако за любыми событиями стоят конкретные люди, Я и Другие, которые, в том числе, инициируют революции, войны, чистки, или, наоборот, становятся их жертвами. Эти события оказываются в фокусе внимания мыслителей, кто пытался сформировать понимающую рамку в «урагане» XX в. Представляется, что наиболее авторитетными школами в этом направлении стали экзистенциализм и Франкфуртская школа.

В самом названии направления, «экзистенциализм», тематический фокус направлен на человека и проблемы его существования. В свою очередь, представители критической мысли из Франкфуртской школы свое внимание сфокусировали на обществе как таковом, точнее на его социальных, экономических и политических структурах, которые по своей природе содержат условия для проблематизации отношений типа «интер», между социальными

субъектами (здесь под субъектами стоит прочитывать не только отдельных индивидов, но и социальные институты). Важно, что представители т.н. «первого поколения» Франкфуртской школы обладали своеобразной питательной эмпирикой, выведшей их на концептуальные вопросы о том, как возможно формирование общественного мнения (прежде всего, расовой ненависти), которое предопределило нетипичное (с одной стороны, жестокое, с другой – покорное) поведение народных масс; было ли такое поведение нетипичным или, наоборот, оно отразило некую социальную норму, что отрицает критическое мышление и свободу выбора социального индивида.

На сегодняшний день насчитывается четвертое поколение представителей Франкфуртской школы. Согласно Дж. Андерсону, из всех четырех поколений проще всего идентифицировать мыслителей первого поколения, т.к. «почти все они работали с конкретной аффилиацией, Институт социальных исследований (Institut für Sozialforschung) во Франкфурте-на-Майне. После Карла Грюнберга (1923-28) Институт приобрел свой узнаваемый характер под руководством Макса Хоркхаймера ... в число исследователей входили Теодор Адорно, Эрих Фромм, Отто Кирххаймер, Лео Левенталь, Герберт Маркузе, Франц Нейман и Фридрих Поллок»¹⁸⁴.

Под руководством М. Хоркхаймера Франкфуртская школа обращается к проблеме связи между познавательной деятельностью и материальным (предметным) контекстом в ее реализации. В русле школы вырабатывается тезис, согласно которому познавательная деятельность и весь социальный мир обусловлены предметным миром, что, в свою очередь, является продуктом деятельности человека. Эта «твисторность» социального мира разительно отличает его от материального (например, природы); второй фактичен, в то время как первый ситуативен и конструктивен. Конструктивность, идеологическая пластичность социального мира отображается в истории, пишущейся и переписываемой. В этом представители Франкфуртской школы видят

¹⁸⁴ Anderson J. "Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition" in Axel Honneth: Critical Essays, ed. Danielle Petherbridge. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011, Ch. 1. P. 31.

необходимость критического переосмысления социальной реальности, методологической базой для которого послужило «рефлексивное социальное исследование, что складывалось из субъективных переживаний участников социального мира, особенно в сфере труда»¹⁸⁵.

Ключевую установку школы уже в первые годы ее существования М. Хоркхаймер обозначил как эмансипацию трудящихся от рамок экономического режима; прежде всего, высвобождение сознания рабочего класса из границ, предустановленных капитализмом. К примеру, в работе “Traditional and Critical Theory” М. Хоркхаймер предложил вариант освобождения рабочих посредством построения рефлексивной социальной науки, движение самих трудящихся к пониманию социальной реальности посредством рефлексии¹⁸⁶. Ориентировочно в 1950-е гг. ключевые предметные области Франкфуртской школы были весьма точно очерчены: тоталитаризм в политике и экономике, массовая культура¹⁸⁷. Теоретической и методологической базой юной критической теории выступила фрейдистско-марксистская концептуальная рамка, благодаря которой Франкфуртская школа становится локомотивом социально-теоретического подхода в послевоенной Европе, что был реализован в проектах негативной диалектики и политической эстетики, разоблачающих идеологические структуры. Тогда происходило выявление т.н. «социальных патологий» методами качественных социальных исследований (см., например,¹⁸⁸). К 1970-м гг. в контексте школы оформились две линии проблемных исследований: первая двигалась в направлении осмысления того, как социальные машины (СМИ, политические партии, экономические корпорации) формируют / угнетают сознание трудящихся, в контексте, где трудящиеся выступают, вместе с тем, ключевыми получателями масс-продукта; вторая была сосредоточена на частном опыте отчуждения и дезориентации этих трудящихся в эру позднего

¹⁸⁵ Anderson J. “Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition” in Axel Honneth: Critical Essays, ed. Danielle Petherbridge. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011, Ch. 1. P. 32.

¹⁸⁶ Horkheimer M. Traditional and Critical Theory in Critical Theory. New York: Herder and Herder, 1972. 312 p.

¹⁸⁷ Tar Z. The Frankfurt School: The Critical Theories of Max Horkheimer and Theodor W. Adorno. New York: John Wiley and Sons, 1977. 272 p.

¹⁸⁸ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб., 1997. 312 с.

капитализма¹⁸⁹. Представляется, что мыслители из второго поколения Франкфуртской школы, прежде всего, Ю. Хабермас, кто возглавил школу в 1970-е гг., ориентировались на вторую линию, на саму проблемность субъекта и субъектности в позднекапиталистический период; представители третьего поколения, А. Хоннет в их числе, ориентировочно с середины 1980-х гг. стали придерживаться, в свою очередь, первой линии, а точнее – их исследования были сфокусированы на реабилитации антитоталитарного (к концу XX в. речь в большей степени идет не о политике как таковой, но об информационной идеологии вообще) проекта, инициативу которого проводит уже не рабочий класс, но интеллектуалы.

Вероятно, безусловным лидером от второго поколения Франкфуртской школы является Ю. Хабермас. Представители первого поколения сосредоточили свое внимание на кризисах, в том числе, политических, культурных и психоаналитических, как своеобразных «импульсах», что определяют движение социальных масс в освобождении от идеологем, проводимых разными социальными машинами¹⁹⁰. Ю. Хабермас, в свою очередь, следует за идеей «интер»-субъектности, свободного межличностного взаимодействия, как импульсе и условия в идеологическом освобождении индивидуального сознания и сознания социальных групп.

Помимо Ю. Хабермаса среди мыслителей второго поколения Франкфуртской школы называют А. Шмидта¹⁹¹, К.-О. Апеля¹⁹², А. Веллмера¹⁹³. Их крупные исследования становятся доступными для широкой аудитории во второй половине 1970-х гг. Примечательно то, что большинство работ названных исследователей не переведены на русский, в то время как работы первого поколения хорошо известны русскоязычному читателю. Вместе с тем, в 1970-е гг.

¹⁸⁹ Honneth A. "Critical Theory" in *Social Theory Today*, eds. A. Giddens & J. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. Pp. 323-347.

¹⁹⁰ Марков Б. В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 79–90.

¹⁹¹ Schmidt A. *The Concept of Nature in Marx (Radical Thinkers)*. NY: Verso, 2014. 252 p.

¹⁹² Apel K.-O. *Understanding and Explanation: A Transcendental-Pragmatic Perspective (Studies in Contemporary German Social Thought)*. Cambridge: The MIT Press, 1984. 317 p.

¹⁹³ Wellmer A. *The Persistence of Modernity: Essays on Aesthetics, Ethics, and Postmodernism (Studies in Contemporary German Social Thought)*. Cambridge: The MIT Press, 1993. 200 p.

«ученики» Т. Адорно и М. Хоркхаймера стартовали в своей академической карьере с претенциозным тезисом о том, что первое поколение не справилось с задачей концептуализации нормативных оснований для социальной критики¹⁹⁴. Вместо этого социальные проблемы, фундированные, прежде всего, идеологией, прочитывались как нечто самоочевидное, некая метафизическая данность, что как будто «тормозила» поиск рабочей нормативной базы.

Эту нормативную базу Ю. Хабермас нашел в коммуникации, в коммуникативном действии. В построении своей теории лидер второго поколения Франкфуртской школы следует установке на построение той «социальной теории, что стремится утвердить свой собственный критический стандарт»¹⁹⁵. В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас продолжает традицию социальной критики. Его критика реализуется в двух смысловых направлениях: в левистском смысле – в акцентуации на социальных несправедливостях; в кантовском смысле – в поиске оснований для социальной критики как таковой.

По Ю. Хабермасу, целевая установка коммуникации – достижение понимания. Отсюда основания социальной критической теории следует искать непосредственно в коммуникации, точнее в т.н. «идеальных» предпосылках соответствующего действия. Коммуникация претендует на статус основания социальной критики не случайно; любой коммуникативный акт, который реализуется в соответствии с принципами истинности, правомочности, искренности, притязает на достоверность, т.е. выступает некой моральной базой, что может быть принята за основу демократических ценностей и вообще идеи рациональности. В этой акцентуации на коммуникативной рациональности сформировалась установка Ю. Хабермаса на понимание социальных трансформаций с позиции нормативности. Так он вступил в дискуссию с представителями первого поколения школы по вопросу о том, что является центром критической теории. Первое поколение ставило на это место сознание. Ю. Хабермас, в свою очередь, это место занимает коммуникативным актом. При

¹⁹⁴ Anderson J. "Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition" in Axel Honneth: Critical Essays, ed. Danielle Petherbridge. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011, Ch. 1. P. 38.

¹⁹⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С-Пб.: Наука, 2001. 382 с. С. 257.

этом коммуникация разворачивается в контексте взаимодействий не только между людьми, но и между большими социальными группами, вплоть до народов и государств. Т.н. международная (интернациональная) ориентация, что приняли представители второго поколения, выступала в системе коммуникативного акта своеобразной «пилюлей», что способна предотвратить (профилактировать) безумие Третьего Рейха. Коммуникативный акт прочитывался как необходимость, исходящая от интеллектуалов послевоенной Германии в преодолении националистического “Sonderweg” (особого пути Германии, между большевизмом и американизмом). Ю. Хабермас в качестве варианта такого преодоления предложил обращение к англо-американской философии. В 1980-е гг. он открывает для сотрудников и аспирантов Института социальных исследований американский прагматизм в виде текстов Дж. Дьюи, Ч.С. Пирса, и Чикагскую социологическую школу в лице Дж.Г. Мида. Под его инициативой молодые исследователи Франкфуртской школы все больше ориентировались на аналитическую теоретическую базу, труды М. Даммета, Д. Дэвидсона, Дж.Б. Ролза, нежели на работы представителей первого поколения¹⁹⁶.

Уже сам переход Ю. Хабермаса от классической теоретической базы первых франкфуртцев презентует трансформацию проблемного поля критической теории, которая (трансформация) проявилась во втором поколении и пошла в третьем поколении в направлении специализации. Вместе с тем, движение от критики капитализма на базе фрейдистско-марксистской логики, идущей от М. Хоркхаймера и Т. Адорно, к вопросам о нормативном статусе субъектов актуальных социальных практик, ставит под вопрос саму легитимность в существовании третьего, тем более – четвертого, поколений Франкфуртской школы.

В числе представителей третьего поколения Франкфуртской школы Дж. Андерсон называет многих: Э. Арато, К. Бейнса, С. Бенхабиб, Д. Бернштейна, Д. Бохмана, С. Бак-Морсс, Дж. Коэн, П. Дьюса, А. Феррару, Ж.-М. Ферри,

¹⁹⁶ Anderson J. “Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition” in Axel Honneth: Critical Essays, ed. Danielle Petherbridge. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011, Ch. 1. P. 43.

Н. Фрейзер, Д. Хелда, Д. Ховарда, Д. Ингрэма, М. Джея, Д. Келлнера, Т. Маккарти, Д. Расмуссена, У. Рега, Дж. Роуз, С. Фогеля, Дж. Варнке, С.К. Уайта, Дж. Уайтбука¹⁹⁷. Большинство из них – ученики Ю. Хабермаса и Г. Маркузе. Примечательно то, что их внимание в большей степени обращено к проблемной рамке, что очертил Г. Гегель, нежели К. Маркс. Помимо прочего, интересна социальная и политическая среда, в которой происходило становление представителей третьего поколения. Интеллектуальная атмосфера их становления все больше удаляется от настроений, инициированных Второй мировой войной и нацистским режимом. Вместо этого – нарастающая интернациональная интеграция (становление и укрепление Европейского союза) и глобализация, предметным выражением своеобразного апогея которых, вероятно, является падение Берлинской стены (1989 г.). В условиях тотальной плюральности и тематической диверсификации они столкнулись с утратой субъектом того центрального места, куда он был возведен еще мыслителями эпохи Просвещения, с вызовами разумной, рациональной природе человека, а также со становлением под вопрос процессуальных концепций справедливости.

Дискурс А. Хоннета является своего рода концентрированным выражением идей третьего поколения Франкфуртской школы. Институционально это выражается в том, что он перенял у Ю. Хабермаса пост директора Института социальных исследований в 2001 г. и управлял Институтом вплоть до 2018 г. Несмотря на то, что официально А. Хоннет не был учеником Ю. Хабермаса, их профессиональная связь установилась уже в 1980-е гг. Тогда А. Хоннет начал работу над укреплением и развитием критической теории, в том числе, в рамках семинарской (научные семинары “Humanwissenschaften”), редакторской (газета “Frankfurter Rundschau”, серия книг по критической социальной теории в издательстве “Suhrkamp”) и преподавательской (на философском факультете Франкфуртского университета) работ¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Anderson J. “Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition” in Axel Honneth: Critical Essays, ed. Danielle Petherbridge. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011, Ch. 1. P. 45.

¹⁹⁸ Wiggershaus R. The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance, trans. M. Robertson. Cambridge, Mass., MIT Press, 1994. 800 p.

В начале XXI в., с того момента, как А. Хоннет встал во главе Института, расширился спектр его деятельности и одновременно повысился градус его интеллектуального влияния. В частности, в 2007 г. под его руководством исследовательской группой Института был выигран 3-летний грант от “Volkswagen Stiftung” на тему «Структурные трансформации признания в XXI в.»¹⁹⁹. Грантосоискательская деятельность Института открывает видение широкой перспективы, в частности, в отношении его финансовой деятельности. Первое поколение школы финансировалось государством и внешними государству структурами. Второе поколение, в свою очередь, столкнулось с необходимостью поиска внешних ресурсов с целью т.н. финансового выживания²⁰⁰. Финансовые коллизии Института выражают некий глобальный тренд по отношению к социальным исследованиям, который проявился уже во второй половине 1980-х гг. В частности, суть этого тренда можно выразить в установке на то, что «выживают» только те, кто доказывают актуальность и значимость своих исследований. Другим направлением Института под руководством А. Хоннета была издательская деятельность. Так вышла серия книг совместно с “Campus Verlag” на тему «Парадоксы модернизации в капитализме»; в 2004 г. появился журнал “WestEnd”, первый номер которого украшал заголовок, “Neue Zeitschrift für Sozialforschung” (пер. с нем. – «Новый журнал социальных исследований»), – в котором прочитывается амбициозная установка третьего поколения²⁰¹.

Тематически теоретические разработки третьего поколения Франкфуртской школы можно презентировать тремя интеллектуальными траекториями. Первая центрирована проблематикой признания и построения той концепции общества, что строится на борьбе социальных групп за это признание²⁰². Вторая в определенной степени реанимирует проблематику Другого, точнее Другого как

¹⁹⁹ Prof. Dr. Axel Honneth, Projekte [Электронный ресурс] // VolkswagenStiftung [Сайт]. Режим доступа: <https://portal.volkswagenstiftung.de/search/personDetails.do?addrNum=8895&fromProject=79920> (дата обращения: 05.06.2023).

²⁰⁰ Honneth A. “Critical Theory” in *Social Theory Today*, eds. A. Giddens & J. Turner. Cambridge, Polity Press, 1987. Pp. 323-347.

²⁰¹ Wiggershaus R. *The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance*, trans. M. Robertson. Cambridge, Mass., MIT Press, 1994. 800 p.

²⁰² Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. 240 p.

причины и стимула индивидуального действия и социального движения в целом. Третья указывает на анализ глубинных структур субъективного опыта с позиции социальной психологии. В обозначенных траекториях вновь прочитывается контраст между поколениями Франкфуртской школы, на этот раз между третьим и вторым поколениями. Вместе с тем, по большому счету, А. Хоннет продолжает исследования своего предшественника, точнее проблематизацию фигуры субъекта в контексте актуальных социальных практик, в том числе, в акцентуации на интерсубъективности, что реализуется на базе т.н. универсальных принципов в отношениях Я – Другой.

А. Хоннет прочитывает социальное сквозь призму конфликта. В работе “The Struggle for Recognition” (пер. с англ. – «Борьба за признание»), что впервые вышла с печатного станка на немецком языке в 1992 г., он определяет конфликт не как противостояние индивидов (классическая интерпретация, идущая от Т. Гоббса) или структур (идею их противостояния мы наблюдаем в трудах структуралистов и постструктуралистов). В конфликте и борьбе А. Хоннет находит подлинно социальное измерение жизни, что строится на принципах т.н. социальной нормативности. В этом внимании интерсубъективности выражается значительное отличие позиции А. Хоннета от идей М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Ю. Хабермаса, которые, в свою очередь, маргинализировали социальное измерение посредством акцентуации на субъекте и субъектности.

А. Хоннет проводит идею социальной подлинности, фиксируя общество как открытую систему, что формируется в связях, которые устанавливаются между социальными группами и отдельными индивидами, в их интерсубъективном взаимодействии, в том числе, во взаимной борьбе за общественное признание. В контексте общественного признания социальные группы представлены в двух аспектах: движущая сила исторического развития вообще и необходимое условие становления и развития каждого отдельного члена группы. В этом видении исторического развития как сущности для возникновения и борьбы социальных групп коренится принципиальное расхождение А. Хоннета с позициями

М. Вебера и К. Маркса, разработавших своеобразную «инструментальную» общественную теорию.

В построении социальной теории А. Хоннет следует нормативному идеалу “Entzweiung”, который использует Г. Гегель в своих размышлениях по философии религии как указание на расщепление / раскол некогда единого сознания на Я, соответственно эмпирическое и трансцендентное. Посредством Entzweiung А. Хоннет демонстрирует неоднородность и амбивалентность социальной природы как таковой, что, в свою очередь, выступает своеобразной движущей силой в социальной динамике. Это движение по стезе трансцендентного Я позволяет ему в определенном смысле «реанимировать» тему бессознательного в социальном дискурсе. При этом акцент – на особой творческой силе бессознательного. В конце XX в. Ю. Хабермас справил своего рода «панихиду» по субъекту, который следовал просвещенческому идеалу т.н. «освободительного разума»²⁰³. Возможно, поэтому А. Хоннет в своей критической социальной теории выделяет особое место для маргинализированных существ, в том числе, силе бессознательного²⁰⁴.

В некотором смысле теоретические конструкции третьего поколения школы в большей степени интерсубъективны, нежели конструкции предшествовавших им мыслителей из Франкфурта-на-Майне. Интерсубъективность проявляется, в том числе, в большей открытости к Другому, ведь концепция признания фокусируется не на самом Я, но на том, что это Я видит, распознает и признает социальный Другой. Подобный фокус на Другого позволяет Я быть свободным и творчески активным, реализовывать себя в контексте плюралистического и мультикультурного социума. Отчасти это презентировано А. Хоннетом в обращении к концепции Дж.Г. Мида, который разделил Я на “me” (возможен перевод как «меня») и “I” (непосредственно «я»)²⁰⁵. Возможно, принципиальной разницы между ними вовсе нет. Однако она существует. В своей природе “I” континуально, оно выступает источником действий Я, которые не привязаны к

²⁰³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

²⁰⁴ Honneth A. Pathologien der Vernunft. Geschichte und Gegenwart der Kritischen Theorie. Frankfurt a. M., 2007. 239 p.

²⁰⁵ Honneth A. The I in We: Studies in the Theory of Recognition. NY.: Polity, 2012. 240 p.

месту и времени. “Me”, в свою очередь, одновременно, это своеобразный «отпечаток», что оставляет Я во взаимодействии с Другим; это образ Я в сознании Другого. Отсюда интерсубъективность третьего поколения фиксируется установкой на то, что некая целостность субъекта невозможна без “me”, т.е. без контакта с иным Я, Другим.

Социальная теория А. Хоннета – это теория социальной борьбы, реализации субъектом социальных практик желаний, потребностей, и, прежде всего, потребности в социальном признании. А. Хоннет сформулировал три «кирпича» в основании признания Я Другим (-и): это self-confidence, self-respect, and self-esteem (будем переводить их как «самоуверенность», «самоуважение», «самолюбие»). Есть основания считать, что приставка «само» во всех трех конструктах указывает на форму социально-практического отношения субъекта к себе. Вместе с тем, в этих же конструктах размышление о «само» субъекта реализовано интерсубъективно, в связях с другими субъектами. Потому практические формы социальной борьбы Я могут создаваться исключительно интерсубъективно при условии взаимного узнавания и дальнейшего признания.

Сама идея социального признания не встроена в человеческую природу, также она не дается субъекту исторически, как бы переходя из поколения в поколение. Субъект получает признание непосредственно в социальной борьбе. Отсюда А. Хоннет выстраивает своеобразную «грамматику» т.н. моральных усилий, что демонстрируют спектр чувствований, от возмущения и агрессии, в случае отказа субъекту в признании, до удовлетворения и наслаждения, в случае, соответственно, получения искомого признания²⁰⁶. Все это выводит А. Хоннета на размышления о нормативности и легитимности устройства системы общественных отношений. Так концепция социального признания выступает некой точкой отсчета в реализации проекта глобального межличностного признания, что подразумевает преодоление всех внешних социальных барьеров (к примеру, юридической изоляции, клеветы, а также практик остракизма,

²⁰⁶ Кожуховский П. С. Тед Флеминг "Признание в работе Акселя Хоннета: Значение теории трансформационного обучения." (Перевод) // Философская мысль. 2016. № 1. С. 96–110.

ресентимента) и любых форм насилия, инициированных самими членами социальных групп (в том числе, изнасилование и пытки)²⁰⁷. В процессе собирания концепции социального признания предложен идеал справедливого общества, который оформляется в синтезе либерализма и коммунитаризма; в переплетении двух оснований социальных практик, нормативного и этического. В работе 2015 г. А. Хоннет сопоставил свой социальный проект с проектом социализма²⁰⁸. Его внимание сфокусировано на критике глобализирующегося капитализма посредством субъективных переживаний социальной фрагментации²⁰⁹. В этих работах он продолжает развивать темы рынка, что были позаимствованы у классиков, Г. Гегеля, К. Маркса и Д. Лукача. Он реализует проект сохранения «романтического» антикапитализма посредством акцентуации на персональном страдании, которое спровоцировано капиталистической рыночной системой, и воспитания у социальных субъектов живости в чувствовании негативных последствий в функционировании системы рыночных отношений.

В своих поздних работах А. Хоннет развивает темы, что были подняты им еще в 1990-е гг. Например, он продолжает идею различения Я – Меня на примере различения Ты – Вы (в оригинале “you” и “we”) в контексте размышлений о границах перспективы наблюдателя²¹⁰. Ориентируясь на систему моральных норм С. Дарволла, выстроенную с позиции отношений «Я – Ты / Они» как наблюдатель (-и) Меня, А. Хоннет проводит тезис о том, что система межличностных взаимодействий корректнее описывается ссылкой на Я – Мы. В отношениях по типу Я – Мы как будто имплицитно встроена идея взаимного видения и последующего признания, что, в свою очередь, прочитывается А. Хоннетом как фундамент в созидании общества по принципам свободы и демократии²¹¹.

²⁰⁷ Honneth A. *Das Andere der Gerechtigkeit. Aufsätze zur praktischen Philosophie*. Frankfurt a. M., 2000. 340 p.

²⁰⁸ Honneth A. *Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung*. Suhrkamp, Berlin, 2015. 168 p.

²⁰⁹ Honneth A. *Desintegration*. Frankfurt: Fischer, 1994. 184 p.

²¹⁰ Honneth A. “You” or “We”: The limits of the second-person perspective // *European Journal of Philosophy*. 2021. 29(3). Pp. 581-591.

²¹¹ Honneth A. Recognition, democracy and social liberty: A reply // *Philosophy and Social Criticism*. 2019. 45(6). Pp. 694-708.

Не оставляет А. Хоннет и рефлексию гражданского общества с вариантами его реализации в новых рыночных системах²¹². Для этого он обращается к концепции Г. Гегеля, согласно которой рыночная экономическая модель является наиболее адекватным форматом включения отдельных субъектов в устойчивые социальные структуры. С необходимостью в этой рефлексии встает вопрос о гарантии индивидуальных свобод субъектов, что встроены в рыночную модель. Отсюда А. Хоннет заключает о лакунах в практическом применении теории гражданского общества Г. Гегеля. В поисках вариантов преодоления этих лакун он, в том числе, обращается к историко-политическим работам К. Маркса²¹³. Марксистская критика капитала выступает для него отправной точкой для построения практически ориентированной социальной теории.

В 2018 г. должность директора Института социальных исследований занял С. Лессенич. Данные из академической карьеры презентуют его отличие от предшественников: в большей степени он ориентирован на социологическую и политологическую теорию и методологию, нежели на философскую²¹⁴. Тем не менее, он активно применяет основы социальной критики в работе с актуальными прецедентами из социальной и политической жизни XXI в. Иллюстрация – встраивание пандемии COVID-19 в систему доказательств кризиса демократии, регулируемой по законам капиталистического рынка²¹⁵.

В сфере научных интересов С. Лессенича считывается акцент на социальной критике современного европейского государства, что выстроено в соответствии с идеалом всеобщего благосостояния²¹⁶. Фокусируя свое внимание на материале немецкой национальной модели, он выявляет дихотомию заявленного экстернализма и реализуемого интернализма в экономической политике. В конечном счете в своих работах он приходит к выводу о

²¹² Honneth A. Reality or appearance of ethical life? Hegel's analysis of the market economy // *Ethics in Progress*. 2022. 13(1). Pp. 10-23.

²¹³ Honneth A. The moral in capital: An attempt to correct the marxian critique of the capitalist economy // *Civitas*. 2018. 18(3). Pp. 669-682.

²¹⁴ Prof. Dr. Stephan Lessenich [Электронный ресурс] // Institut für Sozialforschung [Сайт]. Режим доступа: <https://www.ifs.uni-frankfurt.de/people-detail/stephan-lessenich.html> (дата обращения: 05.06.2023).

²¹⁵ Lessenich S. Sociology – corona – critique // *Berliner Journal Fur Soziologie*. 2020. 30(2). Pp. 215-230.

²¹⁶ Lessenich S. Doubling down on double standards: The politics of solidarity in the externalization society // *Berliner Journal Fur Soziologie*. 2020. 30(1). Pp. 113-130.

«сомнительности концепции государства всеобщего благосостояния как институционального механизма социальной интеграции»²¹⁷. Его связь с предшествующими поколениями школы выражается заявлением о пересмотре действующих социальных моделей через призмы интеграции и признания, в направлении по формированию актуальных интер-субъективных моделей общественного взаимодействия. Эти модели выстраиваются в соответствии с нормами морали и права²¹⁸.

Выводы по параграфу: в параграфе представлена историко-философская динамика проблемы интерсубъективности. В научный оборот термин «интерсубъективность» вводит Э. Гуссерль в работе 1931 г. «Картезианские размышления». В ней феноменолог представляет природу человеческого Я как своеобразную «монаду». Вместе с тем, нельзя утверждать абсолютную автономность такой «монады». «Монады» существуют в определенном согласии друг с другом, в котором ключевую роль феноменолог отводит интерсубъективности как бесконечной открытости сознания субъекта. Интерсубъективность в ее феноменологической рамке можно прочесть как некое «окно», что открывает Я возможность увидеть и постигнуть объективный мир.

С 1970-х гг. идея интерсубъективности находит своих сторонников в среде современных психологов и в контексте исследований по социальной психологии (М. Бауэр, К. Тревартен, С.Б. Хрди, П. Мазе, Д.Г. Стерн, Н.Э. Коэльо-младший и Л.С. Фигейреду). Интерпретация интерсубъективности в русле социальной психологии консонирована с феноменологической; интерсубъективность есть способ конструирования субъектом понимающей картины мира с помощью Другого.

В 1950-е гг. т.н. лидером в построении социальной теории стала Франкфуртская школа. В XXI в. мы наблюдаем четвертое поколение школы. Представители первого поколения сосредоточивали свое внимание на кризисах, в том числе, политических, культурных и психоаналитических, как своеобразных

²¹⁷ Lessenich S. The recognition-deficit disorder of the welfare state // Osterreichische Zeitschrift Fur Soziologie. 2012. 37. Pp. 99-115.

²¹⁸ Borchert J., Lessenich S. Claus Offe and the Critical Theory of the Capitalist State. New York: Routledge, 2016. 176 p.

«импульсах», что определяют движение социальных масс в освобождении от идеологием, проводимых разными социальными машинами. Второе поколение, в свою очередь, опиралось на идею коммуникативного акта, свободного межличностного взаимодействия, как импульс и условие для идеологического освобождения индивидуального сознания и сознания социальных групп. Теоретические разработки третьего поколения Франкфуртской школы можно зафиксировать, как минимум, в трех областях. Первая центрирована проблематикой признания и борьбы социальных групп за это признание. Вторая в определенной степени включает в себя проблематику Другого. Третья содержит анализ глубинных структур субъективного опыта с позиции социальной психологии. В 2018 г. роль директора Института социальных исследований занял С. Лессенич. Его связь с предшествующими поколениями школы представлена, в том числе, в заявлении о пересмотре действующих социальных моделей через призмы интеграции и признания, в направлении по формированию актуальных интер-субъективных моделей общественного взаимодействия.

Несмотря на разность подходов в понимании интерсубъективности, социальная теория А. Хоннета используется в работе в качестве ключевого теоретического основания. Отчасти это произошло по той причине, что лидер третьего поколения Франкфуртской школы наиболее выпукло репрезентировал отношения Я – Другой. Социальная теория А. Хоннета – это теория социальной борьбы, реализации субъектом социальных практик желаний, потребностей, и, прежде всего, потребности в социальном признании. Он сформулировал три «кирпича» в основании признания Я Другим (-и): это self-confidence, self-respect, and self-esteem. Теме признания социального субъекта посвящен следующий параграф исследования.

§ 1.2. Социальное признание: философская интерпретация

Из всех тем и концепций Франкфуртской школы ключевой для данной работы является тема социального признания. А. Хоннет является одним из

первых, кто актуализировал эту тему в контексте кризиса субъекта и субъектности. В то время как его учитель и предшественник на посту директора Института социальных исследований Ю. Хабермас констатировал завершение эпохи Модерна, а с ней и проблематизацию статуса субъекта, А. Хоннет не только выступал с позицией «за» субъекта, но и акцентировал внимание на его социальной природе, которая существует во взаимодействии с Другим и в т.н. психической потребности, проявляющейся в желании получить от Другого признание своего существования, фиксации своих успехов и достижений.

Признание, по мысли А. Хоннета, имеет социальную природу; оно может быть положено в основу теорий исторического развития, происходящего посредством социальной борьбы. В этой рамке признание становится причиной непрерывной борьбы различных сообществ, от малых групп до наций и государств.

А. Хоннет разрабатывает проблему признания (ориг. *Anerkennung*) с 1990-х гг. За это время под его авторством и / или редакторством вышло несколько монографий и более пяти десятка статей. Наиболее известные из них “*Kampf um Anerkennung*”²¹⁹, “*Umverteilung oder Anerkennung?*”²²⁰, “*Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie*”²²¹, “*Strukturwandel der Anerkennung. Paradoxien sozialer Integration in der Gegenwart*”²²², “*Anerkennung. Eine europäische Ideengeschichte*”²²³, “*Anerkennung oder Unvernehmen? Eine Debatte, herausgegeben von Katia Genel und Jean-Philippe Deranty*”²²⁴. Он остается верен своей тематике и сегодня (см., к примеру²²⁵).

²¹⁹ Honneth A. *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt a. M., 1992 (neue Auflage 2003). 252 p.

²²⁰ Honneth A., Fraser N. *Umverteilung oder Anerkennung?* Frankfurt a. M., 2003. 320 p.

²²¹ Honneth A. *Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie*. Suhrkamp, Berlin, 2010. 308 p.

²²² Honneth A. *Strukturwandel der Anerkennung. Paradoxien sozialer Integration in der Gegenwart*. Campus. Frankfurt a. M./New York, 2013. 303 p.

²²³ Honneth A. *Anerkennung. Eine europäische Ideengeschichte*. Suhrkamp, Berlin 2018. 238 p.

²²⁴ Honneth A., Rancière J. *Anerkennung oder Unvernehmen? Eine Debatte, herausgegeben von Katia Genel und Jean-Philippe Deranty*. Suhrkamp, Berlin, 2021. 174 p.

²²⁵ Honneth A. Recognition, democracy and social liberty: A reply // *Philosophy and Social Criticism*. 2019. 45(6). Pp. 694-708; Honneth A., Bankovsky M. Recognition across french-german divides: The social fabric of freedom in french theory // *Critical Horizons*. 2021. 22(1). Pp. 5-28; Honneth A. “You” or “We”: The limits of the second-person perspective // *European Journal of Philosophy*. 2021. 29(3). Pp. 581-591; Honneth A. Reply to darwall // *European Journal of Philosophy*. 2021. 29(3). Pp. 575-580.

Несмотря на то, что А. Хоннет является автором не менее шести монографий по проблематике признания, своеобразным эталоном в этой теме остается его первая работа, книга 1992 г. “Kampf um Anerkennung” (в англ. переводе она звучит как “The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts”²²⁶, на русский ее можно перевести как «Борьба за признание»).

В контексте размышлений о признании А. Хоннет ведет речь о свободном и деятельном субъекте, а также о его идентичности. В процессе формирования идентичности субъекта философ выделяет три компонента: self-confidence, self-respect и self-esteem, что в работе будут переведены как «самоуверенность», «самоуважение», «самолюбие». Это способы отношения к себе, которые субъект фактически вырабатывает на практике, во взаимодействии с другими субъектами, т.е. интерсубъективно.

А. Хоннет подчеркивает, что интерсубъективные отношения последовательно реализуются на трех уровнях. Первый включает отношения, складывающиеся в границах семьи и представлены, прежде всего, связью матери с ребенком (первичная интерсубъективность в терминологии из социальной психологии). Второй включает автономию субъекта на правовом уровне, гарантирует права и свободы субъекта, в том числе, право на достоинство личности, что «охраняется государством» (в российском законодательстве, например, это закреплено в статье 21 Конституции РФ²²⁷). Наконец, третий предполагает инклюзию субъекта в т.н. группы единомышленников (наподобие системы сильных социальных связей, что формируются за пределами родственных отношений), с тем, с кем субъект разделяет общие ценности и жизненные установки (например, с друзьями или коллегами).

По А. Хоннету, три уровня социальных отношений формируют «моральную грамматику» социальных конфликтов. Философ неслучайно фокусирует свое внимание на конфликтности как необходимом элементе в конструкции

²²⁶ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. 240 p.

²²⁷ Конституция Российской Федерации. Статья 21. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2023).

социального признания. Признание не дается и не выдается субъекту, оно не выходит за рамки социального процесса, разворачивающегося в истории. Признания субъект достигает или добивается, что происходит, в том числе, в условиях социальной борьбы, которая может быть обусловлена социальным отказом субъекту в признании. Из ответного на отказ чувства возмущения субъект формирует определенную систему действий, которая впоследствии должна быть соотнесена с «пулом» уже существующих и юридически зафиксированных социальных договоренностей.

В контексте истории философии идея социальной борьбы субъекта за признание, по А. Хоннету, не нова. Она отсылает нас к другой идее, о естественном состоянии, которую «апологеты» эпохи Нового времени развивали в рамках размышлений об атомистической природе человека. В отличие от своих предшественников, лидер третьего поколения Франкфуртской школы делает акцент не на самой борьбе, но на возможности понимания друг друга, что складывается в лоне противоборства субъектов, и порождает следствие – установление субъектами взаимного признания. Это, в свою очередь, отсылает к другому социальному феномену, а именно – к идее социальной справедливости.

Первым из пула мыслителей, к кому устремляет свое внимание А. Хоннет, разворачивая сюжет социальной борьбы, был Н. Макиавелли. Флоренцию на рубеже XV-XVI вв. раздирали междоусобные конфликты. Борьба велась между сторонниками контрарных политических взглядов, республиканцами и имперцами. В то время Н. Макиавелли служил при правительстве Флоренции. В отличие от многих философов ему предшествовавших и в пику своим современникам, он публично поддержал претензию рода Медичи на единоличную власть во Флоренции, в том числе, издательством работы «Государь». Благодаря публикации этой книги итальянский мыслитель эпохи позднего Возрождения до сих признан одним из ключевых «злодеев» в контексте политической мысли. Выборочные цитаты из книги только подтверждают этот статус. К примеру, «За

малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести»²²⁸.

В этой принципиальной антигуманистической позиции отличие Н. Макиавелли от своих предшественников и современников. Он одним из первых стал видеть субъекта в качестве эгоцентричного существа, кем движут, прежде всего, интересы собственной безопасности и выгоды. Вместе с тем, установкой на «эго» Н. Макиавелли не отрицал в существовании социальным группам. Наоборот, он наблюдает структуру и динамику общества через призму эго-позиции, что предполагает имманентную борьбу, ведущуюся между членами общества; предопределяет положение субъектов в состоянии конкуренции за безопасность, ресурсную базу и власть; утверждает желание субъекта поддерживать и расширять свою власть. Н. Макиавелли так же, как Аристотель, видел человека в оптике животного политического, ζῷον πολιτικόν. Однако субъект первого реализует «зверскую» натуру в борьбе за гармонию своего индивидуального существования.

Т. Гоббс во многом продолжает социально-политическую линию Н. Макиавелли. В понимании общественной динамики он также исходит из идеи конкуренции субъектов. Вместе с тем, английский философ предлагает новое понимание самого субъекта. Исходя из мировоззренческих особенностей Нового времени, Т. Гоббс утверждает механистическую природу человека. Субъекты, будучи «движущимися автоматами» в определенном смысле подобны друг другу. Отличает их лишь то, что предметом заботы для них составляет только «свое будущее благополучие»²²⁹. Зачастую благополучие Я синхронизируется с интересами власти; в этом случае Я устанавливает власть над Другим. Проблема в том, что Другой способен как будто отзеркалить интересы Я, претендовать на власть Я и его ресурсы. При столкновении субъектов Т. Гоббс отрицает родство в их позициях и устремлениях; он говорит о чуждости и даже непостижимости

²²⁸ Макиавелли Н. Государь. С-Пб.: Издание Русской книжной торговли, 1869. С. 12-13.

²²⁹ Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол-Классик, 2021. 503 с.

Другого для сознания Я; отсюда – борьба за защиту личных интересов и расширение ареала личной власти, с целью предупредить атаки Другого.

Центральной темой «Левиафана» является положение о войне всех против всех. Люди неслучайно делегируют свою власть «библейскому чудовищу». Естественное состояние субъекта есть состояние непрерывной войны. Единственным способом остановить эту войну является договор с другими субъектами. Так Т. Гоббс, чуть позже Дж. Локк, констатируют рождение государства, что «чудовищно» по своей природе, и, тем не менее, способно обуздать «звериную» натуру человека. В государстве поведение субъекта как гражданина обретает легитимные формы. Поэтому в логике Т. Гоббса государство интерпретируется как своеобразный инструмент, что изобретен человеком в поисках рациональной власти и адекватных форм претворения ее в жизнь.

По А. Хоннету, идея межличностной борьбы, заимствованной Г. Гегелем в начале XIX в. у Т. Гоббса, становится для немецкого классика отправной точкой для построения социальной теории²³⁰. В сочинениях йенского периода Г. Гегеля повторяется тема полиса. Полис выступает своеобразной «разметкой» идеального общества. А. Хоннет подчеркивает, что по своему строению общество аналогично организму как живому сплетению «всеобщей и индивидуальной свободы» (цит. по²³¹). В этом – принципиальное расхождение Г. Гегеля со сторонниками концепции социальной борьбы; общество не ограничивает индивидуальный потенциал субъекта, наоборот, оно создает условия, при которых реализуются свобода каждого. Вместе с тем, свобода не является врожденной способностью субъекта, не выполняется она в вакууме. Свобода субъекта глубоко социальна по своей природе; она реализуется в сетях коммуникации, нравах и обычаях (“*Siiten*” в терминологии самого Г. Гегеля), которые выступают основой формирования индивидуальной свободы и в дальнейшем проектируют ее во всеобщность. Наконец, в отличие от античных классиков, авторов концепций полиса, Г. Гегель включает в систему организации этической жизни тему экономической

²³⁰ Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1972. 668 с. С. 285-386.

²³¹ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 13.

собственности, предвосхитившей идею гражданского общества; все это предполагает целостный подход к пониманию социального, отношения между единицами которого опосредованы рынком.

В структуре полисных отношений у Аристотеля дружба превалирует над другими формами межличностного взаимодействия (см., например,²³²). В своем взаимодействии друзья узнают и признают друг друга. Г. Гегель использует идею дружбы Аристотеля. Вместе с тем, в его понимании, признание имеет интегральную диалектическую природу; оно складывается в условиях, когда отношения дружбы сменяются борьбой и наоборот. Отношения эти складываются на разных социальных уровнях. Первичное их созидание естественным образом складывается в семье, между родителями и детьми, где «субъекты взаимно признают друг друга живыми, эмоционально нуждающимися существами»²³³. В семье заложены необходимые базовые условия, при которых возможно формирование взаимного признания ее членов по отношению друг к другу. Это, в свою очередь, формирует базу для оформления индивидуальности субъекта (ребенок), а также ее поддержания и роста (родитель). Процессы по формированию и поддержанию личности складываются, по Г. Гегелю, в «труде», точнее, в труде воспитания. В трудовой рамке родителя оформляется становление ребенка и одновременно его сепарация. Семья для Г. Гегеля, таким образом, становится предметной иллюстрацией для негативной диалектики. С одной стороны, ребенок продолжает, прежде всего, в генетическом плане, своих родителей. С другой, ребенок не является родителем, не дублирует его; наоборот, во взрослении (естественный путь) и воспитании (искусственный путь) реализуется трансформация ребенка, формирование его индивидуального Я и практическая реализация его свободы. В размышлениях по воспитанию ребенка Г. Гегель презентрует свои наблюдения о т.н. «естественной этической жизни» (цит. по²³⁴).

²³² Аристотель. Никомахова этика. Философы Греции. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. 448 с.

²³³ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 18.

²³⁴ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 18.

В процессе воспитания формируется первый конфликт в жизни ребенка. В этом конфликте ребенок ведет борьбу за «полноту» (цит. по²³⁵) своего индивидуального, сепарированного от опекуна, существования. В этом конфликте реализуется потребность ребенка во внешнем признании своей свободы; на поверхность выходит то, что ребенок ощущает недостаток признания себя как уже сформированной индивидуальной личности. Наконец, в этом конфликте реализуется движение от индивида к т.н. «всеобщему» человеку, в котором, с одной стороны, индивидуальность достигает апогея, с другой, она как будто растворяется в абсолютном, где стирается граница между субъектом и Абсолютным Духом. Идентичность субъекта, в свою очередь, реализуется в двух направлениях. Первое – посредством развития своей индивидуальности и уникальности, созидания и расширения своих особенностей. Второй, наоборот, утверждает социальную природу субъекта, его идентичность формируется интерсубъективно, т.е. в необходимом контакте с Другим, где фиксируется движение человека от индивидуальной партикулярной части к всеобщему целому. Автономия субъекта в этом дискурсе идет рядом с его социальной зависимостью.

Другая иллюстрация борьбы за признание из йенских трудов Г. Гегеля – фигура преступника. Деятельность субъекта ограничена рядом социальных и правовых норм. В свою очередь, деятельность преступника выражает претензию выйти за правила нормативной игры, тем самым нарушив границу прав и свобод других субъектов. В социальном конфликте, по А. Хоннету, несмотря на индивидуальность субъектов, их естественная этическая жизнь складывается в полной зависимости друг от друга.

В начале XIX в. Г. Гегель утвердил три «площадки», на которых формируется социальное признание субъекта: семья, закон и государство. На всех трех «площадках» презентирована дуальная природа человека как зависимого и одновременно свободного существа. Фокус внимания Г. Гегеля здесь на том, что не вопреки, но благодаря своей социальной, интерсубъективной, правовой

²³⁵ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 22.

граничности субъект утверждает индивидуальность и органично встраивается в структуру общества; задача государства в отношении к признанию – выведение субъекта из состояния единичной изолированности через публичное признание на уровень абсолютности, социальной целостности, в это аморфное состояние «всеобщности». Тем самым, мы наблюдаем дрейф по различным формам социального признания, от семьи до права и государства, в которых различаются то, что и как признается по отношению к конкретному субъекту в социальных практиках.

Сквозь оптику призм в формировании социального признания, субъект движется в расширении форматов и сути признания. Осознание своей свободы и самостоятельности – в семье; ощущение себя как человека, наделенного правами и ответственностью – в правовой системе; осмысление своей intersубъективной природы – в государстве. В этом – выход субъекта в т.н. «волевою сферу действия Духа» (цит. по²³⁶). Так Г. Гегель утвердил концептуальный переход в понимании государства, от инструмента в преодолении состояния войны всех против всех до точки на линии исторической прогрессии в движении Абсолютного Духа (что мы наблюдаем, например, в²³⁷); зафиксировал переход от теории естественного права к теории гражданского общества. Одно из ключевых мест в гражданском обществе Г. Гегель отдает “*anerkanntes Sein*” (возможен перевод на русский как «познанное существо» или «познанная самость»). Познание субъект обретает в признании. Причем, непосредственное существование субъекта как будто уступает место признанному существу. Субъект обязательно признается и дает признание в ответ; признание из возможности получает статус необходимости.

Государство является своеобразным «юридическим лицом», что создает минимум социальных соглашений – «всеобщую волю». На базе этой воли происходит строение социальных учреждений как выражение коллективного воспроизводства. Правовые отношения в этой рамке являются intersубъективной основой; закон – формой взаимного признания. Юридический контекст задается

²³⁶ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 41.

²³⁷ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн.1. СПб.: Наука, 1993. 584 с.

социальным стандартом, где субъекты взаимно признают существование другого и уважают законные требования. Взаимное уважение предполагает бесконфликтный социальный режим. По А. Хоннету, вместе с тем, актуализируется вопрос о том, какова связь бесконфликтности и успешного выполнения социальных задач членами общества.

В отношении государственности актуален тезис Г. Гегеля, «свободное всеобщее есть точка индивидуальности» (цит. по²³⁸). По А. Хоннету, в этом проявляется третья форма социального признания, что всеобща по своей природе – государство. Если у Н. Макиавелли в глубинных основаниях государства залегают зло и жестокость, то Г. Гегель в государственную основу закладывает идею свободного всеобщего. Эта идея представлена субъективным Духом, точнее – она реализуется в фигуре монарха и монархической форме государственного устройства. Неслучайно, в государстве Г. Гегеля субъективирована фигура монарха как социальная сила, концентрирующая власть, получающая и передающая эту власть по наследству. Вместе с тем, в гегельянской интерпретации государственности акцент ставится не на монархе как таковом, но на рядовом гражданине, который, в том числе, посредством субъективированной фигуры власти способен двигаться в направлении индивидуального социального признания.

А. Хоннет использует концепцию борьбы за признание Г. Гегеля при построении своей критической социальной теории. Но Г. Гегеля привлекали не столько социальные реалии (субъекты и группы), сколько абстрактные сущности (Абсолютный Дух, всеобщая Воля). Вероятно, поэтому А. Хоннет в определенном смысле укрепляет свою теорию посредством обращения к социальной психологии, прежде всего, в ее прочтении Дж.Г. Мидом. Последний выстраивал свои размышления на пересечении философии и психологии. В период после Первой мировой войны он наблюдал трансформацию североамериканского общества, в том числе, как ответ на растущие волны эмиграции из Европы. В фокусе его

²³⁸ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 60.

внимания был человек, который в своей интерсубъективности стремился к обретению индивидуальной идентичности, личной неприкосновенности и самореализации.

В концепции Дж.Г. Мида есть установка на то, что социальное предшествует индивидуальному. Вместе с тем, социальные требования и нормы представлены уникально в каждом индивидуальном опыте. В развитии идеи индивидуального опыта он сформулировал концепцию «Я», в которой следует различать «меня» и непосредственное «Я»²³⁹. Первое отражает сиюминутные действия субъекта; это то, как субъект представлен; точнее, как он полагает, что его видит Другой. В свою очередь, «Я» указывает на внутренний опыт субъекта; то, как он осмысляет свое я изнутри. В определенном смысле это деление продолжает развитие теории личности в психоаналитической традиции, что предусматривает различие “Id” и “Superego” (З. Фрейд); разведение объективного («меня») и субъективного («Я») Я, которые находятся в непрерывном диалоге друг с другом. В некоторой степени, «меня» есть только часть Я, что выходит на поверхность в интерсубъективном взаимодействии. Само «Я», в свою очередь, указывает на то, что невозможно уложить в рамки предмета наблюдения, «но сам разговорный (континуальный) характер внутреннего опыта», что всякий раз оказывается «вне поля зрения самого себя»²⁴⁰.

Субъект получает признание в обществе, становится социально приемлемым членом, приобщаясь к социальным нормам. Так Я узнает Другого во взаимодействии, посредством интериоризации нормативных установок: от индивидуальных к общим и всеобщим. Это консонировано с установкой Дж.Г. Мида на то, что субъект, будучи в сообществе, признается в той мере, в какой «играет» в соответствии с нормами этого сообщества и сам признает интересы других. При этом каждое Я уникально. Уникальность достигается в самореализации и, вместе с тем, она может раствориться в том случае, когда субъект не видит социальной значимости своих индивидуальных способностей. На этом основании Дж.Г. Мид

²³⁹ Mead G.H. Mind, Self, and Society. University of Chicago Press; Enlarged edition, 2015. 437 p.

²⁴⁰ Mead G.H. Mind, Self, and Society. University of Chicago Press; Enlarged edition, 2015. P. 119.

проводит пересмотр классической либертарианской модели, что утверждает автономию свободного Я. Согласно его позиции, индивидуальное Я формируется во взаимодействии, точнее – в действиях, что соответствуют моральным ожиданиям других, чей круг ширится со взрослением субъекта и ростом степени и интенсивности его признания.

Подобное взаимодействие возможно в контексте солидарности, когда люди взаимно уважают друг друга. Солидарность, в свою очередь, формируется, в том числе, при следовании субъектом общегрупповым целям и ценностям. В этом смысле члены группы экзистенциально близки друг другу, они заботятся друг о друге и, вместе с тем, совместно вступают в т.н. «зоны риска». Наверное, в этой точке размышлений, по А. Хоннету, достигает апогея противостояние между либерализмом и коммунитаризмом. В самой широкой перспективе А. Хоннет обращается к социальному субъекту в либертарианской манере, т.е. как к существу, прежде всего, свободному. Вместе с тем, сама проблематика признания органично связана с проблемой субъектности: под вопрос ставится не свобода субъекта как таковая, но то, как его принимает социальное целое. В этом – коммунитаристский акцент, проводящий концепцию т.н. «хорошей жизни» (“good life” у Дж.Г. Мида), что органично связана с идеями социальной интеграции и правовых норм.

Концепция хорошей жизни обретает зримые социальные очертания уже на стадии взаимодействия младенца со своим опекуном, как правило, с матерью. Опираясь на Дж. Боулби²⁴¹ и Д.В. Винникотта²⁴², А. Хоннет обнаруживает истоки признания в опыте привязанности младенца к матери. Так, например, Дж. Боулби утверждает сложность процесса взаимоотношений между матерью и ребенком. В том числе, сложность является следствием того, что в этих отношениях нет

²⁴¹ Bowlby J. The nature of the child's tie to his mother // *The International Journal of Psycho-Analysis*. 1958. 39(5). Pp. 350-373; Bowlby J. The making and breaking of affectional bonds. I. aetiology and psychopathology in the light of attachment theory. an expanded version of the fiftieth maudsley lecture, delivered before the royal college of psychiatrists, 19 november 1976 // *British Journal of Psychiatry*. 1977. 130(3). Pp. 201-210; Bowlby J. Attachment and loss: Retrospect and prospect // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1982. 52(4). Pp. 664-678.

²⁴² Winnicott D. W. Transitional objects and transitional phenomena; a study of the first not-me possession // *The International Journal of Psycho-Analysis*. 1953. 34(2). Pp. 89-97; Winnicott D. W. The theory of the parent-infant relationship // *The International Journal of Psycho-Analysis*. 1960. 41. Pp. 585-595; Winnicott D. W. Primitive emotional development // *The International Journal of Psycho-Analysis*. 1945. 26(3-4). Pp. 137-143.

очевидного активного игрока. В поисках т.н. комфорта, именно ребенок формирует уникальный контакт, близость с матерью, что в дальнейшем может выступить для него образцом для иных форм привязанности. Д.В. Винникотт продолжает размышления над комплексностью взаимодействия матери с ребенком. В первые годы жизни ребенка физиологически и психологически они составляют с матерью неделимое целое. В первом параграфе данной работы это именовалось первичной интересубъективностью. Вместе с тем, на что указывал еще Г. Гегель, мать с ребенком отличны друг от друга; они не один, но два самостоятельных субъекта. Отсюда вопрос Д.В. Винникотта, как вывести мать с ребенком из состояния «недифференцированного единства» так, чтобы они продолжали любить друг друга как свободных субъектов²⁴³.

Следуя мысли Д.В. Винникотта, становление личности, ее индивидуальности происходит в связке с признанием свободы и самостоятельности субъекта. Этот тезис актуален, прежде всего, в отношениях ребенка с матерью; в период между внутриутробным развитием и первыми месяцами жизни их отношения перетекают из «симбиотической близости» в фазу «абсолютной зависимости»²⁴⁴. Идея «симбиотической близости» прямо говорит о со-зависимости матери и ребенка. В первые месяцы своего существования ребенок не различает себя с окружающей средой, поэтому задача его опекуна, наряду с заботой о беспомощном существе, связана с признанием ребенка в качестве отдельного субъекта.

В самом начале своей жизни ребенок беспомощен. Подобное положение вещей характерно, как правило, для сообществ людей и представителей животного мира. Уже на уровне инстинктов ребенок в обоих типах групп стремится как будто удержать (вплоть до телесного симбиоза) мать возле себя; это необходимое условие его выживания. Только если мать сможет продемонстрировать многоплановость мира, что не ограничивается его

²⁴³ Winnicott D. W. The theory of the parent-infant relationship // The International Journal of Psycho-Analysis. 1960. 41. Pp. 585-595.

²⁴⁴ Winnicott D. W. The theory of the parent-infant relationship // The International Journal of Psycho-Analysis. 1960. 41. Pp. 585-595.

исключительной опасностью, а также даст понять ребенку, что в мире существует еще третьи актанты, взаимодействие с которыми возможно, а в некоторых ситуациях – необходимо, ребенок будет расти, естественно освобождаясь от заботы и влияния своего опекуна. Поэтому, по Д.В. Винникотту, в отношениях ребенка с матерью первый шаг в направлении признания должна сделать мать; только после ребенок становится способным воспринимать мать в качестве самостоятельного субъекта, способным отпустить или высвободить из состояния «удержания» своего опекуна. В этом горизонте важным становится выход ребенка в состояние «сам по себе», что не отрицает его связи с матерью, но снижает риски агрессивной реакции актантов друг на друга, утверждает движение каждого из них по направлению самостоятельных сущностей.

Наверное, неслучайно А. Хоннет столь подробно останавливается на отношениях ребенка с матерью. В первые годы жизни субъект переживает опыт первичной интерсубъективности и должен получить признание от своего опекуна. Эти отношения закладывают базу для формирования психически здоровой идентичности, того субъекта, что признан в обществе и признает других. Противоположным полюсом для т.н. здоровой идентичности А. Хоннет именуется «ранами», или «шрамами», или «травмами» непризнания. Скорее всего, их база также закладывается в период младенчества субъекта. Однако «раны» соответствуют, как правило, зрелому периоду жизни субъекта. Он обращается к иллюстрациям, облекающим метафору раны в показательную «плоть»: это пытки и изнасилование. Раны в заданной рамке выполняют роль заболеваний, что истощают физическую оболочку субъекта. Вместе с тем, раны указывают на различные форматы социального игнорирования проблем и страхов субъекта, пренебрежения его психологической целостностью. Отсюда важное место в теории социального признания А. Хоннета занимает нормативная компонента, что регулирует отношения между субъектами с позиции социального целого как равных в своей свободе и ответственности перед законом.

Любопытно, что в русскоязычном философском и социально-гуманитарном дискурсах проблематика признания не получила существенного развития. Одним

из первых, кто обратился к теме признания был А.В. Кожев. Только изначально сделал он это не на русском, а на французском языке в рамках чтения лекций по Г. Гегелю. По большому счету, А.В. Кожев предшествовал А. Хоннету в новом прочтении Г. Гегеля и в обнаружении проблемы признания в текстах из немецкой классики. Вместе с тем, в его внимание попали не ранние работы Г. Гегеля из йенского периода, в фокусе А.В. Кожева была знаменитая «Феноменология духа». Интерпретируя идеи Г. Гегеля, А.В. Кожев понимает человеческое бытие сквозь призму желания человека, точнее – желания признания²⁴⁵. Человеческое здесь оборачивается тем, что обладает intersубъективной природой, т.е. оно формируется при столкновении, как минимум, двух желаний и соответственно субъектов как носителей этих желаний. Желание признания, по А.В. Кожеву, настолько сильно, что оно приводит субъектов в состояние борьбы. «И только в этой борьбе и посредством борьбы /dans et par/ рождается, укрепляется, разворачивается и раскрывается себе и другим реальность человеческая. Она, следовательно, осуществляется и раскрывается только как "признанная"»²⁴⁶. Иными словами, человеческое в человеке раскрывается в смертельном противостоянии с Другим, посредством реализации острого желания быть признанным этим другим.

А.В. Кожев разворачивает идею признания в контексте борьбы и противостояния не тел, но сознаний. Поэтому он обращается к гегелевскому этюду о рабе и господине. Рабство и господство не данности, субъект реализует одно из состояний в противостоянии с Другим. Эта борьба за признание Я требует от субъекта рискнуть всем, в том числе, своей жизнью. Многие, по Г. Гегелю, за ним – по А.В. Кожеву, отказываются от подобного риска, уступают в борьбе Другому. Они есть «рабы», самосознание которых самостоятельностью не обладает; в своей борьбе они уступили «господам», носителям самостоятельного самосознания.

²⁴⁵ Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 16.

²⁴⁶ Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 16.

С приобретением господином господского статуса, а рабом – рабского, градус напряжения не понижается. Господин рисковал всем в своей борьбе за признание, чтобы реализовать самостоятельность своего самосознания, стать господином, а раба сделать рабом. Ситуация существенно меняется, когда господин начинает вести «праздную» жизнь. Искомое признание оборачивается бездумным потреблением тех благ, что создает для него раб. Победа в борьбе над Другим, обращение его в раба, стали одновременно залогом признания для господина и его своеобразного падения; в господстве он бездеятелен, от вещи его отделяет раб, а сам раб низведен до уровня вещи. Истина господина с момента его победы – в труде раба. В этом, по А.В. Кожеву, слава и трагедия господина.

Раб, в свою очередь, обрел рабское состояние, отказавшись от борьбы с Другим. Вместе с тем, именно раб непосредственно взаимодействует с вещью в своем труде. Отсюда А.В. Кожев приходит к нетривиальному выводу, на который намекал сам Г. Гегель: «Целостным человеком, абсолютно свободным, окончательно и полностью удовлетворенным тем, что он есть, человеком, совершенным и завершенным в своем удовлетворении и благодаря ему, будет "снявший" свое рабство Раб. Если праздное Господство – это тупик, то работающее Рабство, напротив, есть источник всякого человеческого, общественного и исторического прогресса»²⁴⁷. В идее целостного и свободного работающего рабства наблюдается консонанс А.В. Кожева с апологетами марксистской теорией. А. Хоннет, в числе прочего, позиционирует К. Маркса как мыслителя, стремившегося построить социальную критическую теорию с учетом потребности субъекта в признании.

В русскоязычное пространство А. Хоннет изначально зашел как социальный теоретик. Отсюда его работы попадают на страницы исследований по социологии²⁴⁸ и социальной теории²⁴⁹. Уже в 2016 г. П.С. Кожуховский ввел в

²⁴⁷ Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 29.

²⁴⁸ Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 38-45.

²⁴⁹ Павлов А. В. Социальная теория: постмодернистский поворот – модернистский разворот // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 158-170; Силва Ж. К. де С., Араужу Нето Ж. А. К. Аксель Хоннет и теория узнавания: Подход к формированию социальных конфликтов. *Scientia Scripta*, 2021. 72 с.

отечественный философский дискурс концепцию социального признания²⁵⁰. Однако немногие русскоязычные исследователи обращаются к теме признания. Так, например, М.А. Корецкая называет диалектику раба и господина одним из наиболее «влиятельных сюжетов современной философской мысли». Следуя за Г. Гегелем и А.В. Кожевым, она указывает на реактивный характер воли к власти раба, а его триумф в финале истории маркирует как «апофеоз нигилизма "последних людей"»²⁵¹. В.А. Копанева, в свою очередь, актуализирует Г. Гегеля, А.В. Кожева и А. Хоннета в современных российских реалиях. В числе прочего, молодой исследователь предлагает связать признание с техниками герменевтики²⁵². Речь идет о признании в самом широком его смысле; признание у В.А. Копаневой не всегда ограничено рамками общества; признавать, в том числе, можно текст и скрытые смыслы, в нем обитающие. Чтобы вывести смыслы из потаенности автор обращается к герменевтическим процедурам.

В другой работе В.А. Копанева рассматривает проблему признания в контексте пандемии COVID-19, в рамках самоизоляции. Автор предлагает дефинировать признание как «процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность»²⁵³. Акцент в дефиниции выставлен на общности, точнее – коммуникативной общности, что складывается между субъектами в процессе их социальных контактов. В.А. Копанева любопытно разводит специфику онлайн- и оффлайн-контактов. Следуя весьма распространенному мнению, она утверждает стирание границ между приватным и публичным в онлайн, что, в свою очередь, приводит к утрате иерархии во взаимодействии субъектов и, наконец, к определенной дезориентации субъекта. Оффлайн-контакты, в свою очередь, соблюдают т.н. принцип «горизонтальности». Иными словами, в оффлайн-взаимодействии с другими субъект осознает свое место в

²⁵⁰ Кожуховский П. С. Концепция трех измерений Акселя Хоннета // Философская мысль. 2016. № 2. С. 91-104.

²⁵¹ Корецкая М. А. Признание и негативность: полемика вокруг диалектики господина и раба // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, № 3. С. 115-126. С. 115.

²⁵² Копанева В. А. Роль герменевтики в механизме социального признания // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 4. С. 15-20.

²⁵³ Копанева В. А. Кризис признания в условиях социальной изоляции // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 89-94.

конкретном коммуникативном акте и выстраивает систему поведения сквозь призму этого знания. Как результат – его усилия вознаграждаются, он получает признание Другого, что, в числе прочего, выражается на уровне ощущений «общности и соприсутствия». Кажется, что столь уверенное разграничение онлайн- и оффлайн-практик нуждается в дальнейшем осмыслении, которое может быть подкреплено эмпирическими данными, например, из социальной психологии.

Некоторые отечественные исследователи обращаются к теме признания, следуя за зарубежными коллегами, в том числе, открывая русскоязычному читателю А. Хоннета. Подобный реверанс совершает И.Н. Инишев²⁵⁴, чуть позже – М.В. Заковоротная²⁵⁵. Другие используют фокус признания в работе с близкими исследовательскими темами. Зачастую признание ставят в один ряд с проблемой идентичности (впрочем, это же делается в данном исследовании). Например, коллектив психологов под руководством Е.И. Рассказовой в лонгитюдном исследовании на основе двух выборок, студентов и работающих, обращается к признанию как к маркеру, что указывает на видение субъектом своей идентичности в некой позитивной эмоциональной окраске, получение им своеобразных доказательств того, что его идентификации соответствуют определенным социальным требованиям²⁵⁶. Реже к признанию обращаются в решении конкретно-научных проблем. К примеру, М.Н. Красильникова использует конструкт социального признания с целью иллюстрации «социолого-психологического аспекта теории фреймов И. Гофмана» на религиозном материале²⁵⁷. С использованием подобной оптики автор заключает то, как

²⁵⁴ Инишев И. Н. Признание, амнезия и социальные патологии: Хайдеггер и социальная онтология "третьего поколения" франкфуртской // NovaInfo.Ru. 2011. № 6. С. 46-51.

²⁵⁵ Заковоротная М. В. Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 6(46). С. 27-35.

²⁵⁶ Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А. Идентичность как самоидентификация: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 13-18; Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А. Идентичность как самоидентификация: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 2 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 5-16.

²⁵⁷ Красильникова М. Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 70-82.

реализуется восприятие социальным целым и отдельными его представителями других этносов и культур, в частности, как воспринимают и соответственно признают мусульман в немусульманских культурах.

Философы из Мурманска, С.В. Шачин и А. Ю. Шачина, актуализируют идеи Франкфуртской школы и философский подход А. Хоннета в своей совместной монографии²⁵⁸ и отдельных статьях²⁵⁹. В числе прочего, они обосновывают феномен социального признания в его концептуальных связках с социальной справедливостью, идентичностью, индивидуальной и коллективной, социальной свободой и социализмом как вариантом социальной общности, базирующейся на принципах разумности и свободной от социальных патологий.

С.В. Тихонова, в свою очередь, включает теорию социального признания в рамку правогенеза. Показательно то, что именно эта рамка стала органичной для разработки темы признания в русскоязычном исследовательском (прежде всего, правовом) дискурсе. Среди прочего, отечественный философ утверждает, что в теории А. Хоннета «автономия субъекта пересматривается в сторону признания, что означает, что степень автономного поведения зависит от социального окружения и успешности интересубъективных стратегий индивида в нем»²⁶⁰. В современных социальных практиках, как минимум, по версии А. Хоннета, субъект прежде социален, и только потом автономен. Этот тезис получает развитие в контексте права.

А. Хоннет обращается к праву как к своеобразному «антибиотику» в работе с т.н. ранами непризнания. В контексте права актуализируются, в том числе, частные вопросы. К примеру, Дж. Недельски разрабатывает вопрос об автономии, в том числе, как некоему желаемому горизонту²⁶¹. Она рассматривает автономию как ключевое и одновременно абстрактное (неясное) понятие правовой мысли.

²⁵⁸ Шачин С. В., Шачина А. Ю. Франкфуртская школа и школа постсоветского критического марксизма: Опыт осмысления всемирного кризиса. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2021. 342 с.

²⁵⁹ Шачин С. В. К проблеме общественного устройства в эпоху ноономики: опыт синтеза политэкономического подхода С. Бодрунова и социально - философского подхода А. Хоннета и Ю. Хабермаса // Вопросы политической экономики. 2022. № 1. С. 121-134; Шачин С. В., Шачина А. Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 52-69.

²⁶⁰ Тихонова С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 4— С. 473-479. С. 473.

²⁶¹ Nedelsky J. Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities // Yale Journal of Law and Feminism. 1989. Vol. 1. № 1. Pp. 7-36.

Как и А. Хоннет, Дж. Недельски критически осмысляет либералистскую трактовку свободы и автономии субъекта в контексте социальных реалий²⁶². Она также видит субъекта в его фундаментальной связке с другим. Отсюда автономия как будто меняет свой функциональный вектор: от инструмента по присвоению субъектом неотъемлемых для него прав до способности по установлению, поддержанию или разрушению социальных связей с Другим. Закон в заданном контексте облекает дискуссии об автономии субъекта в конкретные правовые процедуры, которые призваны защитить, прежде всего, субъектов из так называемых «групп риска». По Дж. Недельски, изменяется само концептуальное прочтение автономии; из него уходит компонента независимости, некогда бывшая смысловым ядром автономии. Это, в свою очередь, трансформирует специфику социальной жизни, например, женщин, и само понимание гендера в теории права²⁶³.

А. Хоннет раскрывает «антибиотический» потенциал права в логике признания. Следуя подходу, предложенному в начале XX в. Г. Еллинеком, он различает три направления в действовании права. Первое указывает на своеобразные границы, то, что И. Берлин именовал «свободой от»²⁶⁴; эти границы «защищают жизнь, свободу и имущество гражданина от несанкционированного вмешательства государства»²⁶⁵. Второе и третье, позитивные направления, в свою очередь, указывают на возможность выхода субъекта из заданных границ, в том числе, по направлению общественного волеизъявления или участия в распределении основных общественных благ. В избранной А. Хоннетом концептуальной рамке наблюдается движение правовой нормы от (охрана субъекта от опасностей внешнего) в направлении этого внешнего, своеобразном трансцендировании субъекта, когда он в конкретном поступке уважает себя и других. Иллюстрацией тому могут служить отношения по типу солидарности, в

²⁶² Nedelsky J. Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law // Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law. 2012. Pp. 1-560.

²⁶³ Nedelsky J. Relations of freedom and law's relations // Politics and Gender. 2012. 8(2). Pp. 231-238.

²⁶⁴ Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.

²⁶⁵ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 115.

которых субъект, уважая другого, получает уважение от него в ответ. Солидарность с анонимным другим автоматически устанавливается в условиях внешних социальных коллизий, например, войны, когда в коллективной общности укрепляются чувства солидарности и симпатии к близкому другому, что в контакте *hic et nunc* утрачивает анонимность, оборачивается другом²⁶⁶.

Концепция признания, по А. Хоннету, является собой не только продолжение в развитии идей Франкфуртской школы. Она претендует на основание при построении новой критической теории. Прецеденты на «представление процесса социальной трансформации с точки зрения борьбы за признание», по А. Хоннету, прочно вошли в историю философии²⁶⁷. Это работы К. Маркса, Ж. Сореля и Ж.-П. Сартра. Сам А. Хоннет заявляет о том, что в работах этих философов понимание социальной борьбы как движение отдельных субъектов и социальных групп за признание только размечено²⁶⁸; в его теории, в свою очередь, вместе с разметкой предложена своеобразная социально-философская «начинка». Возможно, поэтому Ф. Фрайенхаген, называет теорию А. Хоннета многослойной, лишенной излишней абстракции немецкого идеализма посредством взаимодействия с социологией и психологией²⁶⁹.

Выводы по параграфу: центральным понятием в философской системе А. Хоннета является признание. Оно выступает ориентиром субъектности, определяет направление формирования социальной идентичности субъекта. Признание есть одновременно индивидуальная и общественная потребность; субъект дезинтегрирован в социальном целом без признания Другого, но в то же время социального целое невозможно без готовности субъекта признавать Другого.

Признание состоит из трех компонент, каждая из которых оформляется последовательно, с развитием субъекта и реализации им свободы и

²⁶⁶ Anderson J., Honneth A. *Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice in Autonomy and the Challenges to Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Iss. 1. Pp. 127-149.

²⁶⁷ Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 145.

²⁶⁸ Honneth A., Butler J., Geuss R., Lear J. *Reification: A New Look at an Old Idea*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 168 p.

²⁶⁹ Freyenhagen, F. *Honneth on Social Pathologies: A Critique* // *Critical Horizons*. 2015. 16:2. Pp. 131-152.

самостоятельности. Изначально в семье, затем в кругу друзей и духовно родственных других у субъекта формируется самоуверенность. Автономность субъекта, гарантом которой выступает закон, закреплена в самоуважении. Наконец, единение или кооперация с теми, с кем субъект разделяет целевые ориентиры, с кем у субъекта близкие ценности, презентированы в самолюбии. Посредством трех «само» А. Хоннет обозначает идею консонанса индивидуального и социального начал в субъекте, утверждает, что реализация субъектом своего Я возможна только интерсубъективно, в обществе и посредством общества.

По А. Хоннету, идея признания как социального конструкта имеет глубокие корни в истории философии. Его концепция восходит к ранним работам Г. Гегеля из йенского периода; социально-психологическую глубину она обретает в ориентации на работы Дж.Г. Мида. Вместе с тем, ряд именитых философов, согласно А. Хоннету, предпринимали попытки создать картину социальной борьбы сквозь оптику признания. Среди них К. Маркс, Ж. Сорель, Ж.-П. Сартр. Однако органично вводя признание в эмпирические контексты, они не смогли вывести его на новый уровень теоретической экспликации, где акцент был бы поставлен на этическом значении признания.

В своей титульной работе А. Хоннет заключает, что признание связано с открытием новых возможностей в направлении идентичности. Новые формы идентификации своего Я, в свою очередь, приводят субъекта к борьбе за общественное признание, в том числе, этих новых форм идентичности. Признание не заключено в рамки персональной или антропологической проблематики; по своей природе оно социально. Поэтому А. Хоннет сквозь оптику признания выстраивает моральную / этическую грамматику общественных отношений. Интерес философа не в Я уникальном, но в Я социальном, социализированном. Эту социализацию он наблюдает в действии двух «само», самоуважения и самолюбия, т.е. в контекстах правоотношений и общностей групповых установок и ценностей.

Тем не менее, всякий раз каждое из трех «само» реализуется индивидуальным субъектом. Механизм реализации субъектом своего Я философы традиционно разрабатывают в контексте проблематики социальной идентичности, когда субъект осмысляется одновременно как автономная и индивидуированная фигура, равная другим в среде равных себе.

§ 1.3. Идентичность как социальный феномен²⁷⁰

С момента появления в цепи млекопитающих вида *Homo Sapiens* началось формирование человеческого мышления. В отличие от других животных, человек создает картины мира, в том числе, посредством вопрошания. Это вопрошание направлено вовне, за границы человеческого, и вовнутрь как попытка определения того, где эти границы проходят. Для человека как родового существа, существа рефлексизирующего, характерно философское вопрошание. Одним из ключевых философских вопросов является попытка определения того, кто есть Я.

В исторической ретроспективе мы находим интерес к человеку уже в античной классике. Более того, софисты и Сократ своими вопросами обращали внимание человека не столько вовне, сколько внутрь себя. Протагор положил начало антропологического поворота в философии, задавшись вопросом о том, *что* есть человек. Впоследствии Сократ уточнил этот вопрос, сосредоточившись не столько на поиске отличий человека от других «предметов», сколько на обнаружении уникального, что Я словно собирает. Свой ответ Сократ сформулировал в гносеологическом плане, выразив в некотором смысле парадокс: он знает, что ничего не знает. В этом незнании, по Сократу, можно обнаружить корневище идентичности; осмысление своего незнания провоцирует Я на поиск истины.

²⁷⁰ В данном параграфе использованы материалы статей автора диссертации: Пеннер, Р. В. Идентичность в эпоху постмодерна: постановка проблемы / Р. В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 5(439). – С. 68-73. – DOI 10.24411/1994-2796-2020-10509. Пеннер, Р. В. Проблема персональной идентичности в современных отечественных и зарубежных философских исследованиях (на основе аналитики научных баз данных) / Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2021. – № 2(88). – С. 36-49. – DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49.

В различные исторические этапы тема идентичности находила выражение в философских дискурсах. Идентичность как проблема связана с идеей субъектности. В частности, Е.Г. Трубина в постсоветское время обращается к теме идентичности человека как сложнейшей социально-философской проблеме. Исследователь зафиксировала, что тема персональной (от англ. personal) идентичности входит в философский дискурс в эпоху Нового времени²⁷¹. В это время происходит формирование субъекта нового типа, что обладает экономической свободой, политическими правами и ответственностью (например, обозначенные аспекты представлены в трудах Дж. Локка и Д. Юма).

В свою очередь, представители от постмодернистской философии в некоторой степени «заглушают» вопрос о персональности и субъектности тезисами о том, что на фоне децентрализации и десакрализации прежних иерархий, в ситуации производства и дистрибуции симуляции и симулякров человек способен к формированию лишь текучих идентичностей, он может быть номадом, скользящим по гладкому пространству культуры и не способным зацепиться за что-то внешнее, укрепиться в нем.

Вместе с тем, проблема идентичности не уходит из практического существования человека даже в контексте постмодерна, но этот контекст вносит свои поправки в традиционные сценарии. В классической философии, не отвлекаясь на теоретические тонкости, можно выделить несколько вариантов интерпретации идентичности человека:

1. самоидентичность Я (от Р. Декарта до И. Канта и И.Г. Фихте);
2. растождествление Я: Я всегда другое для самого себя (А. Рембо);
3. становление Я в отношении с другим (Ты) (М. Бубер).

Постмодернизм вступает в особую конфронтацию с первым из обозначенных сценариев. Идея самоидентичности с необходимостью отсылает к вертикальной иерархии. Например, у И.Г. Фихте наряду с эмпирическим Я присутствует некий абсолютный субъект как надындивидуальная субстанция²⁷². В

²⁷¹ Трубина Е. Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 1996. 400 с.

²⁷² Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 784 с.

свою очередь, философы-постмодернисты выступали с яркой критикой любых тотализирующих концепций («великих нарративов»). Идея тождественности Я с самим собой указывает на подлинность, истинность Я, в то время, как утверждали постмодернисты, проекты подлинности, истинности и даже личности выступают ни чем иным, как «аватарами» тотальности. С одной стороны, аватар есть вариация симулякра как отсылка к чему-то подлинному; с другой, аватар все же нельзя назвать копией с оригинала, он скорее связан с этим оригиналом особыми контекстуальными отношениями.

Достаточно сложно судить о «живучести» сценария идентичности как самоидентичности Я в современных реалиях. Вместе с тем, можно предположить, что растождествление Я и становление, соотношение себя с внеположенным в большей мере созвучны идеям постмодернизма.

Четко очерченный список идей из философии постмодернизма позволяет сосредоточиться на конкретных авторах и их текстах. В эссе 1967 г. Р. Барт поставил вопрос о письме, вернее, есть ли у письма автор. В поиске ответов на свои вопросы он обратился к новелле О. де Бальзака «Сарразин». В своем анализе новеллы Р. Барт пришел к следующему выводу: письмо есть область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы идентичности²⁷³. Если в произведении царит голос автора, проявляется история его жизни, то письмо начинается со смерти автора. Это происходит по причине того, что текст не является линейной цепочкой слов, в нем не сквозит смысл, заложенный автором. Наоборот, текст есть многомерное пространство, сотканное из различных видов письма; это множественность цитат, отсылающих к отличным друг от друга культурам. В сравнении с произведением текст не обладает оригинальностью, это скорее «пародия» на «бывший» оригинал, пытающийся создать новые смыслы в уже сказанном.

В своей работе Р. Барт утверждал, что на место автора пришел «скриптор», который обращается не к чувствам и переживаниям, а к некоему словарю. Эталоном словаря, наверное, является образ библиотеки у Х.Л. Борхеса, в которой

²⁷³ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391. С. 387.

заклочены все знаки, ибо она есть мир. Возможно, поэтому Р. Барт провел следующую аналогию: текст есть знаки, а жизнь подобна тексту. Жизнь пытается «ткать» из знаков нечто давно забытое. Адресатом текста никогда не был автор, им является только читатель. Именно читатель способен собрать воедино все знаки и штрихи текста. Процесс «уничтожения» автора, по Р. Барту, исходит из гуманистического посыла. Будущность текста за тем, кто собирает текст воедино; не за тем, кто текст пишет, а за тем, кто этот текст читает²⁷⁴.

Продолжил идею о смерти автора М. Фуко. В своем выступлении 1969 г. в Колледж де Франс он не был столь резок и категоричен, как его предшественник. Именно поэтому он не столько подтвердил «смерть» автора, сколько задался вопросом, кем же автор является в современных реалиях. Предшествует вопрошанию обозначение проблемы (о чем сквозь строк утверждал и Р. Барт): теории произведения не существует. Тексты С. Малларме, столь отличные от классического формата, стали предтечей в формировании проблемы. По мысли М. Фуко, по причине того, что нет понимаемых границ произведения, возникает проблема единства автора и произведения. Так же как средневековые ремесленники «брендировали», помечали свои произведения, художники слова оставляют следы своего присутствия в работе, обозначают право на произведение своим именем. Иначе организовано письмо; оно освободилось от авторства и темы выражения и отсылает только к себе самому. Письмо есть игра знаков, упорядоченная природой означающего. Если произведение строится исключительно по правилам, то письмо постоянно выходит за границы правил, прежде установленных им самим²⁷⁵.

Р. Барт «убил» автора, а М. Фуко манифестировал новую форму текста как открытого пространства, в котором место автора занимает пишущий субъект. Различение автора и пишущего субъекта состоит в том, что письмо стирает индивидуальные характеристики второго. Имя автора классифицирует тексты, дает текстам аутентичность.

²⁷⁴ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391. С. 390.

²⁷⁵ Фуко М. Что такое автор? // ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с. С. 256.

Авторство в тексте реализует конкретные функции. М. Фуко остановился на некоторых из них:

- авторство отсылает к юридической системе, которая детерминирует дискурс; оно формирует узаконенную форму собственности – от авторского права до отсылки к достоверному источнику;
- авторство маркирует дискурс серией повторяющихся текстуальных операций – указывает на уникальный стиль автора;
- авторство не предполагает отсылки к реальному индивиду, сохраняя дистанцию между автором и рассказчиком;
- наконец, в авторском произведении имеет место игра трех симультанных эго. Кажется, что автор реализует свое присутствие в тексте через alter ego. Вместе с тем, он использует отсылки к реальным фактам из своей биографии. В некоторых случаях происходит обращение к «желаемому» Я. Поэтому произведение подготавливает место для одновременно многих Эго, разных субъектов с инаковыми возможностями понимания²⁷⁶.

Перечислив функции авторства, М. Фуко ввел понятие «функция-автор». Для философа-постструктуралиста авторы не только те, кто написали конкретные книги; это основатели дискурсивности, т.е. те, кто обозначили правила образования текстов. Автор не просто создает конкретное произведение, он устанавливает бесконечную возможность дискурсивных вариаций²⁷⁷. Автор не создает образец (эталон) произведения, но организует дискурсивное поле, пространство различий, прежде всего, по отношению к своим же текстам, закладывает в дискурсивность ряд возможностей для ее приложения. В своем размышлении М. Фуко опирался на конкретные примеры. З. Фрейд или К. Маркс создали некое проблемное поле, вокруг или около которого другие до сих пор способны создавать новые смыслы.

²⁷⁶ Фуко М. Что такое автор? // ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с. С. 259.

²⁷⁷ Фуко М. Что такое автор? // ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с. С. 262.

В завершении речи М. Фуко обратился к идее субъектности: «Автор, или то, что я попытался описать как функцию-автор, является, конечно, только одной из возможных спецификаций функции-субъект»²⁷⁸. Поворот этот значим в контексте размышления об идентичности. Речь идет не о конкретном дискурсе, не о литературе, новой или старой, как кажется, когда Р. Барт и М. Фуко использовали идеи авторства, произведения и письма. Речь скорее о субъекте современной культуры, новом субъекте, в контексте существования которого классические правила субъектности и идентичности больше не работают. Выступая против тотальностей, философы-постмодернисты позволяли себе радикальные тезисы по типу того, что игры есть, а правил нет. Однако это не совсем так. Достаточно обратиться к известной идее Ж. Деррида, согласно которой все есть текст. Жизнь субъекта, который, как кажется, напрямую с текстом не связан, непосредственно от текста зависит. С одной стороны, субъект создает свои тексты; с другой стороны, он проживает свою жизнь в контексте большего текста. В этом случае важно обращение к еще одной цитате, но в этот раз того, кто с постмодернизмом связан не был. М. Хайдеггер в работе «Язык» установил любопытное различие: говорит не человек, а язык. «Язык говорит / Человек говорит постольку, поскольку он соответствует языку»²⁷⁹. Возможно, идеями из «Языка» М. Хайдеггер предопределил некоторые темы и направления постмодернизма, и прежде всего, идею о том, что человек не является абсолютным властителем языка, а зачастую, сам того не подозревая, оказывается вовлечен в языковую «паутину».

Однако проблематика идентичности не является привилегией в размышлениях философов. Видение проблемы сквозь призму отдельных авторов не дает ее целостного понимания. Поэтому был проведен анализ по запросу «идентичность» в международной (scopus.com) и российской (elibrary.ru) базах данных. Гипотезой анализа выступил тезис о том, что количественные данные

²⁷⁸ Фуко М. Что такое автор? // ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с. С. 265.

²⁷⁹ Хайдеггер М. Язык. С-Пб.: Философско-культурологическая исследовательская лаборатория "ЭЙДОС", 1991. С. 113.

очерчивают дискурсивные границы применения того или иного запроса. Методы работы с гипотезой – контент-анализ и анализ поисковых запросов, что был предложен С. Стивенсом-Давидовицем как инструмент в работе с интернет-контентом²⁸⁰.

Начнем с аналитики результатов по запросу «идентичность» в международной академической базе данных Scopus, осуществленной в 2021 г. У русскоязычной «идентичности» есть несколько эквивалентов в английском языке. Наиболее частотным является “identity”. Это вполне обосновано: оба термина имеют единое этимологическое начало, латинское “identitas”, что может быть переведено как тождественность.

Общий запрос в поисковой системе Scopus по ключевому слову “identity” дал следующие результаты:

- общее количество документов по ключевому слову – 634 417;
- хронология документов – 1856 – 2024 гг. (верхний показатель указывает на те материалы, что отправлены в печать). Причем в 2021 г. зафиксирован наибольший суммарный показатель по количеству опубликованных документов – 41 342;
- по типу документов в запросе представлены статьи (471 865 документов или 74,4 % от общего количества документов), материалы конференций (46 798 документов или 7,4 %), главы книг (45 483 документа или 7,2 %), обзоры, рецензии (40 504 документа или 6,4 %) и книги (16 083 документа или 2,5 %). Суммарная доля иных типов документов составляет 2 %; туда входят заметки (3 884 документа), редакционные статьи (3 466 документов), письма (1 835 документов) и др.;
- география документов представлена преимущественно Соединенными Штатами Америки (201 626 документов), Великобританией (73 076 документов) и Китаем (43 461 документ). Также в список вошли Канада (31 037 документов), Германия (31 093 документа), Австралия (28 863 документа), Франция (22 611

²⁸⁰ Stephens-Davidowitz S. The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using google search data // Journal of Public Economics. 2014. 118. Pp. 26-40.

документов), Индия (19 083 документа), Италия (18 347 документов) и Япония (17 338 документов). Россия в этом списке представлена с 9 556 документами;

- по отраслям знания документы распределены следующим образом – 21,8 % – общественные науки (219 434 документа), 12,8 % – искусство и гуманитарные науки (129 069 документов), 8,9 % – медицина (89 983 документа), 8,3 % – биохимия, генетика и молекулярная биология (83 934 документа), 5,9 % – психология (59 398 документов), 5,8 % – компьютерные науки (58 897 документов), 5,1 % – агрокультура и биологические науки (51 265 документов); 4,7 % – математика (47 660 документов), 3,8 % – инжиниринг (37 925 документов) и 3,2 % – иммунология и микробиология (32 351 документ). В другом (19,6 %) – бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет, физика и астрономия, экология и др. В качестве отдельной группы материалы по философии не выделены;

- интерес представляет распределение документов по финансирующему спонсору. National Natural Science Foundation of China (Национальный фонд естественных наук Китая) – 14 500 документов, National Institutes of Health (Национальный институт здоровья, США) – 11 766 документов, National Science Foundation (Национальный научный фонд, США) – 11 578 документов. В этом списке присутствуют отечественные организации: Российский фонд фундаментальных исследований – 1 126 документов, Российский научный фонд – 527 документов, Министерство образования и науки Российской Федерации – 368 документов;

- особый интерес представляет аналитика по авторам публикаций: Т. Ким (Kwangwoon University, Сеул, Южная Корея) – 416 документа по запросу. Причем в сферу интересов Т. Кима входят теория чисел, алгебра и математика. С.А. Хаслам (The University of Queensland, Брисбен, Австралия) – 219 документа; сфера интересов – не столь удивляющая из специфики запроса психология. В. Сусило (University of Wollongong, Вуллонгонг, Австралия) – 170 документов; и вновь необычная для запроса сфера интересов автора – вычислительные и информационные технологии.

Уже количественная аналитика публикаций дает материал для осмысления. Данные по отраслям знания и по авторам публикаций демонстрируют то, что контекст, в котором фигурирует термин «идентичность», расширяется по смыслу. Иными словами, сегодня речь идет не только об идентичности человека, группы или нации, но также об идентичности цифровых данных (кибербезопасность и криптология)²⁸¹, о проблеме многочленов (алгебра, математика)²⁸², о вопросах цифровой идентификации в контексте денежных цифровых операций (криптовалюта и блокчейн)²⁸³. На основе этих данных можно сделать предварительный вывод о том, что техническая трансформация реальности, с одной стороны, формирует запрос на осмысление человеком новых феноменов и инструментов, что он встраивает в свое повседневное бытие; с другой стороны, проблематика идентичности выходит из непосредственно философского контекста и обретает новые технико-технологические рамки.

Среди прочего, в работе с БД Scopus были обнаружены работы, что в определенной степени релевантны теме диссертационного исследования. К примеру, в работе от 2013 г. психиатр из Швейцарии Д. Соллбергер обращается к философской составляющей идентичности вследствие нескольких причин: 1) в философском контексте термин «идентичность» имеет более длительную историю, нежели в психологическом и психиатрическом дискурсах; 2) философский дискурс указывает на разные значения идентичности; 3) философские концепции идентичности могут быть использованы в психиатрии при работе с пациентами с конкретными диагнозами (к примеру, DSM-5)²⁸⁴. В статье Д. Соллбергер использует разные философские источники, от «Критики чистого разума» И. Канта до «Я-сам как другой» П. Рикера. Через работу с философскими книгами автор фокусирует внимание на пограничном расстройстве личности, лечение которого предполагает обращение к идентичности пациента.

²⁸¹ Zhao Z., Wu G., Guo F., Wang B., Hu Y. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System // Computer Journal. 2020. 63(4). Pp. 525-535.

²⁸² Kim T., Kim D. S. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind // Science China Mathematics. 2019. 62(5). Pp. 999-1028.

²⁸³ Sin E. S., Naing T. T. Digital identity management system using blockchain technology // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. 1166. Pp. 895-906.

²⁸⁴ Sollberger D. On identity: From a philosophical point of view // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2013. 7(1). P. 29.

По сути, в своей работе Д. Соллбергер развивает прикладной аспект идентичности, только делает он это не в чуждой технической среде, а в контексте конкретного запроса психиатров. Следует отметить, что его статья как пограничный материал, т.е. как то, что располагается между философским и психологическим, психиатрическим дискурсами по вопросу об идентичности человека, не является единственной; статьи К.Р. Йоргенсена²⁸⁵ и Г. Гласа²⁸⁶ посвящены сходной тематике.

Р. Родоньо ставит проблему идентичности в контексте сетевого общения. Он не без основания утверждает, что философское вопрошание об идентичности, как правило, оторвано от повседневности человека. Вместе с тем, именно живой человек, такой «экземпляр» из повседневности, в своем существовании реализует то, что впоследствии может привлечь внимание философа. Например, в какой-то момент времени человек в некоторой степени «ре-идентифицируется»²⁸⁷. Р. Родоньо выдвигает тезис о том, что интернет оказывает влияние на социальную идентичность. «Сетевые контексты новы и своеобразны, поскольку позволяют длительное бестелесное и анонимное взаимодействие с другими». В заключительном разделе статьи автор размышляет над тем, что если онлайн-коммуникация приводит человека к «развоплощению» и «анонимности», то насколько связаны и остаются ли связанными онлайн- и оффлайн-идентичности человека. К вопросу об идентичности человека в сети подходит и группа итальянских философов²⁸⁸. В статье они выдвигают тезис о том, что «существует преемственность между автономной и сетевой идентичностью и что обычно последняя способствует изменению первой». Наконец, они ориентируются на поиск тех способов, что помогают человеку осмыслить себя в условиях информационных «пузырей».

²⁸⁵ Jørgensen C. R. Invited essay: Identity and borderline personality disorder // *Journal of Personality Disorders*. 2010. 24, 3. Pp. 344-364.

²⁸⁶ Glas G. Person, personality, self, and identity: A philosophically informed conceptual analysis // *Journal of Personality Disorders*. 2006. 20, 2. Pp. 126-138.

²⁸⁷ Rodogno R. Personal identity online // *Philosophy and Technology*. 2012. 25(3). Pp. 309-328.

²⁸⁸ Arfini S., Botta Parandera L., Gazzaniga C., Maggioni N., Tacchino A. Online Identity Crisis Identity Issues in Online Communities // *Minds and Machines*. 2020.

В вопросе об идентичности современного человека, бытийствующего в интернете, философы прямо или косвенно обращаются к анализу нарративов, сотворенных человеком текстов о своем Я в сети. Об этом работы М. Шехтман²⁸⁹, К. Маккензи и К. Аткинс²⁹⁰. В них авторы смещают фокус осмысления идентичности с метафизических проблем на вопросы прикладного и практического планов: почему жизнь стоит того, чтобы ее прожить; менеджмент персональной идентичности; быть на распутье; утрата идентичности; как изменить прошлое; как собрать себя в настоящем. В этом контексте особое место занимает еще одна работа М. Шехтман “Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life” («Остаться в живых: персональная идентичность, практические проблемы и единство жизни»)²⁹¹. В ней она снова обращается к «проблемности» философского конструкта идентичности как нечто теоретически целого, не привязанного, тем не менее, к реальному человеку и его практическим запросам. Отсюда она выходит к концепции “Person Life View” (взгляд на жизнь человека), что может помочь человеку собрать воедино различные аспекты своего бытия, от биологического тела и функций организма до социальной природы и ролей в обществе.

В особую группу публикаций можно выделить работы, что подходят к вопросу о социальной идентичности с позиции нейронаук и нейроэтики. Так, в 2016 г. в свет вышла «Настольная книга по нейроэтике», в которой целый раздел был посвящен вопросу о связи нейроэтики и идентичности²⁹². Биоэтик Ф. Бейлис отмечает, что в современные технологии встроен т.н. «телесный» вектор, направляющий саму технологию на восстановление или улучшение функций организма. В свою очередь, современные нейротехнологии могут отрицательно сказаться на сознании человека, осмыслении пациентом своего Я. Отсюда интерес нейрочелючных разного профиля, от биологии до этики, к проблеме идентичности.

²⁸⁹ Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: A refinement and defense of the narrative view // Narrative and Understanding Persons: Royal Institute of Philosophy Supplement. 2007. 60. Pp. 155-178.

²⁹⁰ Mackenzie C., Atkins K. Practical identity and narrative agency. Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 296 p.

²⁹¹ Schechtman M. Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford Scholarship Online. 2014. 224 p.

²⁹² Baylis F. Neuroethics and identity // Handbook of Neuroethics. Springer Netherlands, 2015. Pp. 367-372.

В том же цикле работ статья К.П. Тобия, в которой автор обращается к вопросу об идентичности в контексте размышлений о когнитивных улучшениях / ухудшениях как ответа человека на внешние вызовы. Если философия работает с мыслительными экспериментами, то нейронауки обращаются к конкретным кейсам из настоящего и прошлого. Таким кейсом для К.П. Тобия стал неврологический анализ по делу Финеаса Гейджа, у которого после тяжелой травмы головы (1848 г.) были зафиксированы изменения в эмоциональных состояниях, что привело близких и друзей пострадавшего к тезису «это больше не Гейдж»²⁹³. В этом же ряду работа У. Гланнона и К. Инайхена по вопросу о девайсах, используемых при неврологических и психических расстройствах, о связи этих устройств с сохранением идентичности пациентов²⁹⁴.

Психология, в свою очередь, подходит к вопросу об идентичности с позиции конструкта. В этом русле статья Э. Шубах и ее коллег по проблеме региональной идентичности молодых людей²⁹⁵; работа Н.Ф. Прахарсо и коллег по поиску теоретической модели, что лучше отображает связь между социальной активностью современного человека, уровнем его стресса и благополучием его жизни²⁹⁶; статья Д.Л.М. Бакстер о теории аспектов как выражения партикулярной или временной идентичности²⁹⁷. Наконец, в эмпирическом исследовании психологов из Польши под руководством Э. Тополевска-Седзик была продемонстрирована взаимосвязь между чертами личности и способами формирования идентичности²⁹⁸. Результатом этого эксперимента стал тезис о том, что на идентичность человека оказывают непосредственное влияние сознательность и открытость опыту.

²⁹³ Tobia K. P. Personal Identity, Direction of Change, and Neuroethics // *Neuroethics*. 2016. 9, 1. Pp. 37-43.

²⁹⁴ Glannon W., Ineichen C. Philosophical Aspects of Closed-Loop Neuroscience // *Closed Loop Neuroscience*. Elsevier Inc., 2016. Pp. 259-270.

²⁹⁵ Schubach E., Zimmermann J., Noack P., Neyer F. J. Me, Myself, and Mobility: The Relevance of Region for Young Adults' Identity Development // *European Journal of Personality*. 2016. 30(2). Pp. 189-200.

²⁹⁶ Prahars N. F., Tear M. J., Cruwys T. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change // *Psychiatry Research*. 2017. 247. Pp. 265-275.

²⁹⁷ Baxter D. L. M. Temporary and Contingent Instantiation as Partial Identity // *International Journal of Philosophical Studies*. 2018. 26(5). Pp. 763-780.

²⁹⁸ Topolewska-Siedzik E., Ciecuch J., Strus W. Personality underpinnings of identity: The role of metatraits and traits in identity formation modes // *Self and Identity*. 2019. 18(5). Pp. 529-549.

Тема идентичности из материалов БД Scopus появляется не только на страницах книг и научных статей. В пространстве новых и новейших энциклопедий поднимается вопрос о философских аспектах идентичности. Так, например, Х.У. Нунан в «Энциклопедии языка и лингвистики» разводит понятия идентичности и тождества²⁹⁹. Тождество существует в мире чисел; идентичность в мире людей. Для тождества характерна постоянность, становящаяся закономерностью (закон Лейбница); идентичность неустойчива, относительна. Эта неустойчивость идентичности, ее изменчивость во времени остается предметом научных дискуссий. В свою очередь, Г. Наннер-Винклер задается вопросом о возможностях «стабилизировать» идентичность. Если постмодернистские теории отрицали самоидентичность человека, то современные теории, по ее мнению, ищут механизмы и модели для формирования устойчивой идентичности человека³⁰⁰.

В 2008-2009 гг. Институтом философии РАН в содружестве с журналами «Вопросы философии», «Политический класс» и газетой «Российская газета» был объявлен конкурс философских трактатов по темам: «Человек в лабиринте идентичностей» и «Человечество на распутье: образы будущего»³⁰¹. Тематика конкурса указывает на то, что в конце 00-х гг. XXI в. человек будто заблудился в своей (-их) идентичности (-ях). Отсюда 18 документов из общего количества публикаций в своем названии используют метафору «лабиринт идентичностей». Из них две работы наиболее релевантны теме диссертационного исследования.

В докладе Д.А. Леонтьева, прочитанного на Круглом столе «Личность как автопроект» на площадке МГУ и впоследствии опубликованном в «Философских науках», автор использует термин «лабиринт» по большей части как абстрактную метафору. Его интерес расположен не столько в пространстве выражения этого сочетания, сколько в поиске некоего постоянного Я, скрывающегося за

²⁹⁹ Noonan H. W. Identity and Sameness: Philosophical Aspects (Book Chapter) // Encyclopedia of Language & Linguistics. 2006. Pp. 492-495.

³⁰⁰ Nunner-Winkler G. Personal Identity: Philosophical Aspects (Book Chapter // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition. 2015. Pp. 742-749.

³⁰¹ Конкурсы Института философии РАН [Электронный ресурс] // Институт философии РАН [Сайт]. Режим доступа: <https://iphras.ru/page18921100.htm> (дата обращения: 12.06.2023).

множественными идентичностями. Отсюда проблема материала – в разных контекстах (прежде всего, социальных) на поверхность всплывают разные Я-образы. Отчасти это указывает на то, что Я, сливаясь с группой, бежит (по аналогии с «бегства от свободы» Э. Фромма) от своей свободы, ответственности, идентичности. Поэтому Д.А. Леонтьев задает вопрос, что есть внутреннее Я, опора внутри меня, что остается постоянным, несмотря на непрерывную смену моих личин, указывающих на принадлежность к той или иной социальной группе. За ответом на этот вопрос он обращается к М.М. Бахтину: основание внутри меня есть «моя единственная точка в мире, то место в мире, которое я занимаю, и которое не занимает никто другой. Это единственное место, из которого я исхожу, а другие его находят. Это центр поступка, это центр, вокруг которого архитектурно выстраивается мир, это точка отсчета мира»³⁰². Внешний мир и мои внешние идентичности выстраиваются от некоего неподвижного центра, что можно именовать внутренним миром Я. Вновь обращаясь к М.М. Бахтину, Д.А. Леонтьев находит имя для этой точки отсчета внутри Я – «не-алиби-в-бытии» – как доказательство того, что Я есть в мире; это положение является результатом моего свободного выбора; Я несет ответственность за свои поступки, совершенные из этого положения.

Для Е.О. Труфановой, в свою очередь, лабиринт не является призрачной аналогией; это вполне осмысляемый конструкт, отображение того, что человек блуждает по своим Я. Здесь важен один из тезисов ее статьи: «Часто говорят о различных идентичностях человека, но это не совсем верно. Существует множество идентификаций, идентичность же – одна»³⁰³. Другое дело, что идентифицировать себя человек может через нечто внешнее, опираясь на социальный уровень идентификации. Именно опора на социальное внешнее выступала смыслообразующим элементом в поиске человеком собственного Я на протяжении длительного времени. Е.О. Труфанова презентует исторический аспект в вопросе идентификации человека в следующей ретроспективе: древний

³⁰² Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5-10. С. 9.

³⁰³ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22. С. 13.

человек осмыслял себя через род и семью; появление и распространение письменности (Древняя Греция, Древний Рим) способствует формированию индивидуальной идентичности; человек в эпоху Средневековья дефиницировал себя через социальную функцию, что он реализует в обществе; эпоха Возрождения создала идеал человека, самостоятельно выбирающего и конструирующего себя, такого титана мысли и дела; идея самостоятельной личности утверждается в эпоху Просвещения в движении представителей романтизма за свободу самоопределения; капиталистическое общество, в свою очередь, порождает кризис идентичности, ее расколотость на внешнее и внутреннее, профессиональное и личное. Отсюда Е.О. Труфанова формулирует проблему эскапизма как возможность убежать из повседневного мира в мир фантазий, где конструирование Я возможно за пределами строгой регламентации внешнего. Здесь идея «протеевской» идентичности (Р.Дж. Лифтон), отображение нестабильного, постоянно изменяющегося Я как ответ на пертурбации во внешнем.

Е.О. Труфанова отказывает современному человеку в выходе из лабиринта: «пока человек жив, он находится в поиске. Его идентичность постоянно претерпевает изменения, она является живым, беспрестанно развивающимся организмом, потому выход из лабиринта идентичности невозможен – лабиринт постоянно разрастается и уводит нас все глубже в свои дебри. И лишь иногда мы имеем возможность подняться на смотровую площадку, окинуть взором простирающийся до бесконечности лабиринт и, увидев уже знакомые нам переходы, повороты и тупики, сказать: "Это все Я!"»³⁰⁴. Но существование в конкретных рамках лабиринта не всегда и не для всех комфортно. Существуют варианты избежать или преодолеть этот дискомфорт. Таким вариантом остается эскапизм как поиск временного убежища в реализации Я таким, каким нельзя это Я реализовать в мире повседневном. Еще в 2010 г. Е.О. Труфанова называла интернет пространством эскапизма. Однако с 2020-х гг. она высказывает тезис о том, что актуальный интернет, требующий идентификации от пользователя

³⁰⁴ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22. С. 22.

(реальные имя, фото, в крайнем случае – удостоверение личности), теряет эскапистскую привлекательность³⁰⁵. В этом с ней заочно согласился Е.Г. Ефимов, выразив свободу в социальных сетях посредством аналогии со спальней подростка: место Я в интернете есть пространство личное и, вместе с тем, фиксированное; на полках Я размещает свои книги и альбомы, развешивает плакаты любимых групп, но эти полки и стены созданы для Я Другим (например, обязательные строки, что нужно заполнить для создания своего профиля в социальной сети)³⁰⁶.

Е.О. Труфанова смещает фокус внимания с лабиринта на социальные конструкции³⁰⁷; отчасти о том же тема ее диссертационного исследования³⁰⁸. Существует взгляд на Я человека с позиций социальных конструкций и социального конструирования. Как и при строительстве лабиринта, человек должен сам выбирать свое Я, то, как будут обустроены и куда поведут его ходы, так и в конструкторе человек выбирает набор и наполнение составляющих его Я. Человек из Я создает некий конструктор, что доступен Другому. Исполнение и наполнение этих конструкторов может быть разным, но базовый набор элементов, тем не менее, выявить можно.

Статьи, размещенные на портале elibrary.ru, по проблематике идентичностей как составных элементов для социального конструктора Я, можно сгруппировать следующим образом:

1. национальная, государственная и региональная идентичность. Эта составляющая не утрачивает актуальности, ибо кризис коллективной идентичности до сих пор не преодолен. События, разворачивающиеся на постсоветском пространстве, выступают тому подтверждением. Отсюда вопрошание исследователей о наполнении понятий «национальная» и

³⁰⁵ Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 125-134.

³⁰⁶ Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-2 (38). С. 72-75.

³⁰⁷ Труфанова Е. О. Субъект в мире социальных конструкций // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 2. С. 24-36.

³⁰⁸ Труфанова Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Москва, 2018.

«государственная» идентичность и проведения границ между ними³⁰⁹; о том, есть ли у граждан современного государства национально-государственная идентичность³¹⁰; о путях консолидации российского общества³¹¹; о специфике региональной идентичности: городской³¹² и сельской³¹³; об отдельных национальных проектах, разворачиваемых на постсоветском пространстве³¹⁴; о личном выборе и его результатах в контексте национальной идентичности³¹⁵. Особый интерес в заданном контексте представляет идея постнациональной идентичности как особого европейского феномена, сосуществующего во взаимосвязи с национальной идентичностью³¹⁶;

2. техническая составляющая идентичности. А.О. Лемпий фиксирует и осмысляет влияние гаджета на «я сам»³¹⁷. В своих размышлениях автор обращается к феноменологии телесности (по М. Мерло-Понти и Ж. Бодрийяру) в легитимации идеи Номо Technicus с измененной чувствительностью. В этой же группе работ – статья Д.А. Устюжаниной, кто осмысляет природу интернет-медиа в бинарных оппозициях³¹⁸. Анализ медиа выводит автора на тезис о том, что пользователям новых медиа открываются большие возможности для конструирования своего нарратива;

3. духовная идентичность. З.В. Мичурина рассматривает идею духовной идентичности посредством обращения к классикам отечественной и зарубежной

³⁰⁹ Ефименко В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия "гражданская идентичность" // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 250-254.

³¹⁰ Золов В. В. Национально-государственная идентичность без государства и государство без национально-государственной идентичности // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12 (16). С. 7.

³¹¹ Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки. 2012. № 11. С. 76-88.

³¹² Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27-39; Зиновьева Л. Е. К вопросу об исследовании городской культурной идентичности // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 39-41.

³¹³ Плотичкина Н. В. Сельская идентичность как "идентичность с местом" // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2019. № 34. С. 34-38.

³¹⁴ Жанбосинова А. С. Национальная стратегия Казахстана: гражданская идентичность или этническая идентичность – время выбора / А. С. Жанбосинова // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 183-200.

³¹⁵ Шакурова М. В. Российская идентичность как личностный результат: опыт размышления / М. В. Шакурова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7 (82). – С. 23-26.

³¹⁶ Линченко А. А., Сыров В. Н., Головашина О. В. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 79-85.

³¹⁷ Лемпий А. О. Я сам и мой гаджет: к вопросу о влиянии персональной техники на идентичность личности // Ideas. Philosophical Journal. 2014. № 2. С. 24-29.

³¹⁸ Устюжанина Д. А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 2. С. 204-218.

философии, Г. Гегелю, В.С. Соловьеву, Н.Я. Данилевскому³¹⁹. Некоторые исследователи рассматривают идентичность в контексте проблемы формирования религиозного сознания³²⁰. Другие акцентируют внимание на специфике идентичности в современной духовной культуре страны³²¹;

4. профессиональная идентичность. Основная часть работ по профессиональной идентичности имеет педагогическую направленность. В их числе статьи О.О. Поляковой и М.П. Лушкиной³²², В.И. Стычковой и М.Г. Резниченко³²³, А.Р. Аракеловой и А.Ю. Багияна³²⁴. Одни исследователи размышляют об идентичности в конкретной профессии: врачи³²⁵, учителя³²⁶, военнослужащие³²⁷ и журналисты³²⁸. Другие задаются вопросом об идентичности в контексте размышлений о прошлом³²⁹, настоящем³³⁰ и будущем³³¹.

В большей степени с актуальным исследованием коррелируют диссертации, что были написаны по сетевой идентичности и раскрывают особенности

³¹⁹ Мичурина З. В. Идея духовной идентичности России в философии В.С. Соловьева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1 (50). С. 165-170; Мичурина З. В. Проблема духовной идентичности России в трудах П.Я. Чаадаева и Н.Я. Данилевского // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8 – С. 65-68; Мичурина З. В. Феномен национально-духовной самобытности в русской и немецкой классической философии // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 34-37.

³²⁰ Вагнер А. К., Горбунова А. М. Проблема формирования религиозной идентичности в пространстве межкультурной коммуникации современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 47-50; Сыпачева Т. А. Идентичность как субстанциальная основа формирования религиозного сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 42-46.

³²¹ Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 39. С. 49-53.

³²² Полякова О. О., Лушкина М. П. Особенности профессиональной идентичности современных студентов // Вестник Мордовского университета. 2011. № 2. С. 69-73.

³²³ Стычкова В. И., Резниченко М. Г. Профессиональная идентичность как фактор формирования профессиональной мобильности // Инженерное образование. 2016. № 20. С. 248-251.

³²⁴ Аракелова А. Р., Багиян А. Ю. Особенности использования аутентичных материалов в преподавании иностранного языка и формировании профессиональной идентичности студентов // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 134-140.

³²⁵ Петрова Р. Г. Кризис профессиональной идентичности у молодых врачей // Управление устойчивым развитием. 2019. № 2 (21). С. 77-82.

³²⁶ Белова Н. А. Профессиональная идентичность советского учителя (часть 1) // Вестник антропологии. 2018. № 4 (44). С. 104-111.

³²⁷ Данилов С. И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего // Инициативы XXI века. 2017. № 1-2. С. 87-91.

³²⁸ Авдонова Н. С., Койбина Д. С. Ценностный аспект образования в контексте формирования профессиональной идентичности будущих журналистов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 2. С. 212-217.

³²⁹ Плешакова А. Ю., Романцев Г. М. Формирование профессиональной идентичности в европейских образовательных системах (к проблеме заимствования опыта) // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. Материалы 23-й Международной научно-практической конференции. Под научной редакцией Е.М. Дорожкина, В.А. Федорова. 2018. С. 652-657.

³³⁰ Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // Дискурс. 2020. Т. 6. № 4. С. 62-72.

³³¹ Фадеева О. А. Дискурс профессионального знания: профессиональное становление и формирование профессиональной идентичности будущего специалиста // Высшее образование сегодня. 2016. № 4. С. 2-5.

трансформации феномена идентичности в интернете. К примеру, О.В. Тихонов обращается к проблеме идентичности в интернете, с одной стороны, потому что интернет становится местом обитания все большего числа людей (внешняя причина), с другой стороны, потому что вместе с активным использованием сети назревает проблема «адекватной культуры использования этого нового пространства, которая убережет человека и общество от новой "технологической травмы"»³³². Интернет понимается им одновременно как пространство новых возможностей для человека (в том числе, в контексте формирования и репрезентации им своей идентичности) и потенциальных угроз человеку. К ключевым направлениям исследования О.В. Тихонова можно отнести: констатация кризиса идентичности в современности (дисбаланс в соотношении социальной и личностной составляющих идентичности); деанонимизации интернета («возрастание значения социального аспекта идентичности в современном Интернете»); симуляция рефлексии в интернете (массовая симуляция духовного богатства, способности к рефлексии и творчеству, наглядно представленная в деятельности блогеров); «антиномия одновременного признания и непризнания индивидом тождественности себя собственным виртуальным образам и действиям».

Е.В. Летов свое исследование конструирует через гипотезу: «Феномен сетевой идентичности в контексте культурных процессов информационного общества играет одну из важнейших ролей в трансформации реальной социальной идентичности человека, создавая его виртуальную модель»³³³. В центре его внимания – феномен сетевой идентичности. Ее принципиальное отличие от традиционной идентичности в том, что она оперирует не только теми ролями и символами, что представлены в социальном бытии человека, в ней отражены желаемые роли и идеалы как альтернативы для дальнейшего развития.

³³² Тихонов О. В. Трансформация феномена идентичности в пространстве сети интернет: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.11. Приволж. федер. ун-т. Казань, 2013. 185 с.

³³³ Летов Е. В. Сетевая идентичность в контексте культурных процессов информационного общества: дис. ... к-та филос. наук: 24.00.01. Москва, 2014. 140 с.

Отсюда сетевую идентичность автор обозначают как открытую, становящуюся, находящуюся в поиске.

Работа Л.Ф. Косенчук близка по содержанию диссертации Е.В. Летова. Но Л.Ф. Косенчук формулирует гипотезу исследования не через сетевую, а персональную идентичность: «Сетевая культура расширяет возможности идентификации и порой затрудняет процесс становления персональной идентичности, однако базовые механизмы ее формирования, к которым относятся нарративизация как повествовательное выстраивание субъектом своего образа и отрефлексированная интеракция как осмысленный индивидом процесс взаимообусловленного влияния индивидов, групп и социокультурных общностей друг на друга, остаются неизменными»³³⁴. Если О.В. Тихонова и Е.В. Летова интересуют угрозы, возникающие при обосновании человека в интернете (в том числе, несоответствие виртуальных образов реальному человеку, что ведет к расширению видимости свободы с соответствующим падением уровня ответственности человека за свои действия в сети), то Л.Ф. Косенчук акцентирует внимание в большей степени на тех новых возможностях и формах репрезентации, что дает человеку сетевая культура (блог и сетевые компьютерные игры).

М.А. Васильева, в свою очередь, продолжает и развивает тезисы, в том числе, отображенные в работе Л.Ф. Косенчук. Интернет знаменует новую стадию в коммуникации человека – «посталфавитную» стадию, для которой характерны не слова и смысловые конструкции, а дискретные смысловые единицы (мемы, сериальные образы, инфографика, эмодзи и эмотиконы, символические объекты на селфи, хэштеги)³³⁵. В тексте диссертации М.А. Васильева формулирует интересное положение о том, что «репрезентация идентичности в информационной культуре опережает рефлексию ... ».

³³⁴ Косенчук Л. Ф. Персональная идентичность в условиях сетевой культуры: философско-антропологический анализ: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2014. 166 с.

³³⁵ Васильева М. А. Репрезентация культурной идентичности в сети интернет: дис. ... к-та филос. наук: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2017. 175 с.

В предложенных к рассмотрению диссертациях обращает на себя внимание два момента. Во-первых, авторы размышляют исключительно или преимущественно о «цифровых эмигрантах», обделяя вниманием «аборигенов»; во-вторых, некоторые авторы (О.В. Тихонов, В.А. Летов) указывают на те угрозы, что влечет за собой «обживание» человека в интернете, но не предлагают вариантов преодоления или разрешения названных угроз.

Выводы по параграфу: в ситуации современности обостряется т.н. парадокс идентичности. В числе прочего, он может быть выражен через сопоставление идентичности человека с самождественностью вещи. Вещь онтологически самождественна и не может быть тождественной другой, даже подобной вещи. Подобие, в свою очередь, возникает в результате специфического, особого восприятия человека. С человеком дело обстоит куда сложнее: его «предикаты» всегда множественны. Он имеет имя, гражданство, место, профессию, интересы, убеждения и т.д., и может себя идентифицировать соответствующими маркерами. Каждый маркер всегда помечает ту или иную грань человека. На социальном уровне определенные маркеры всегда находятся на поверхности (например, род деятельности или имя). Однако это не означает, что они достаточны для понимания самим человеком собственного Я. Вопрос самоидентификации («кто я есть?») имеет одно принципиально важное условие – существование самого вопрошающего. Если Я нет, то и вопроса о существовании несуществующего быть не может; само Я человека, с одной стороны, предшествует вопрошанию о нем, с другой стороны, оно может быть актуализировано только в мысли самого человека, ставящего это Я под вопрос.

Ситуация современности вносит свои коррективы в процесс определения социальным субъектом своего Я. Постструктуралисты (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан) разработали концепт номада, идентичность которого не включена в социальные и культурные рамки, она будто ускользает от Я и не приходит к не-Я; идентичность номада не способна пустить корни в наличной ей социальной и культурной ситуации. У номада не то, что нет идентичности, но его идентичность как будто ускользает от регламентации внешнего. Современный субъект обитает

в XXI в., когда все большее распространение и влияние получает информация как новый объект собственности и медиа-каналы ее трансляции. Распространение влияния информации в современном мире тесно связано с распространением интернета. В интернете мы можем обнаружить профили и аккаунты социального субъекта; в интернете он творит копии своего (или своих) Я по образу и подобию оригинала. В этом случае более корректно утверждать не об ускользании идентичности субъекта, а о ее дифракции в мирах реальном и виртуальном.

Выводы по главе: первая глава вывела на поверхность точки пересечения между темой интерсубъективности, критической теорией, концепцией социального признания и феноменом социальной идентичности. Местом их своеобразного сочленения выступают идеи социальной борьбы и социального признания, которые, согласно позиции А. Хоннета, могут быть использованы в качестве фундамента в развитии критической теории в XXI в. Сквозь призму социального признания строится видение и понимание человека как свободного субъекта социальных практик, кто, тем не менее, должен имманентно бороться за право на то или иное социальное благо.

В пределе, представляется возможным свести человека к субъекту, что с момента своего рождения стремится быть признанным Другим. Вместе с тем, признание не однополярно; его понимание строится исключительно в отношениях Я с Другим, будь то другой человек, группа или социальный институт. Сквозь призму признания проявляет себя идея интерсубъективности, согласно которой человек способен реализовать свою человеческую природу совместно с Другим, в ориентации на Другого, взаимодействии с ним и признании его как иного для себя, и тем не менее, свободного и самостоятельного субъекта.

В цифровых условиях актуализируются вопросы об идентичности субъекта и его праве на признание, в том числе, в пространстве онлайн. Цифровые технологии и цифровая среда присутствуют во фронтире технико-технологического прогресса. Вместе с тем, им предшествовала эволюция техники, точнее – информационных и медиа-технологий. Классическая теория медиа, концепция медиатизации и Science and Technology Studies (STS) (исследования

науки и техники) станут материалом для следующей главы и контекстом для ее ключевых тезисов.

Глава 2. Медиа в социально-исторической ретроспективе

§ 2.1. Медиа технологии в контексте социальной динамики³³⁶

Б. Гейтсу приписывают фразу, согласно которой владение миром коррелирует с владением информацией. Несмотря на то, что авторство тезиса под вопросом, его содержание вопросов фактически не вызывает. Установка на значимость информации кристаллизуется уже в конце XVIII в., с изобретением К. Шаппом оптического телеграфа³³⁷. Можно предположить, что с первой демонстрацией электромагнитного телеграфа П.Л. Шиллингом в 1832 г. и получением патента на инструментальную модель С. Морзе в 1840 г. мы наблюдаем своеобразную эволюцию технологий по передачи информации в геометрической прогрессии³³⁸. Вместе с тем, коммуникация, которая в самом широком смысле может быть прочитана как обмен информацией, не является прерогативой века High Tech. Более того, она не ограничена рамками взаимодействия людей.

По большому счету весь мир находится в ситуации информационного обмена. Потоки информации циркулируют между живыми существами, одним из которых является человек. Особенностью информационного обмена, инициированного человеком, выступает его (обмена) инструментальная природа. Человек, чье существование реализуется в надприродном, техническом мире, все больше уходит от т.н. естественных, интуитивных информационных потоков, что считываются непосредственно, без необходимости владения специальным техническим вокабуляром или особыми навыками их прочтения и понимания. Человек XXI в. не отказывается от естественных информационных сигналов, будь то цвета, запахи или тактильные ощущения. Тем не менее, он все больше

³³⁶ В данном параграфе использованы материалы статьи автора диссертации Пеннер, Р. В. М. Маклюэн: между медиумом и медиатизацией / Р. В. Пеннер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 277-281. – DOI 10.18500/1819-7671-2023-23-3-277-281.

³³⁷ Figuiet L. Le télégraphe aérien, in Les merveilles de la science. Paris, 1868. Т. 2, Pp. 20-68.

³³⁸ Huurdeman A. A. The Worldwide History of Telecommunications. John Wiley & Sons, 2003. 672 p.

полагается на те информационные потоки, прочтение которых требует специальных технических знаний. Наверное, ключевым из них остается речь, устная и письменная.

В определенной степени устная речь, также как коммуникация, не ограничена антропологической рамкой. Звуковыми сигналами обмениваются млекопитающие, птицы и насекомые. Уникальным изобретением человека стала речь письменная. Это некий культурный код, что как будто разорвал границы *hic et nunc*. Со становлением письменности человек смог передавать сообщения, преодолевая границы пространства (в другое место) и времени (вплоть до иного исторического периода). Так до нас дошла наскальная живопись, запечатлевшая мамонта и саблезубого тигра, что, вероятно, изначально не выполняла функцию по передачи информации о быте и мировоззрении пещерного человека сквозь века.

Рисунки сменила иероглифика; на смену иероглифам пришла буквенная письменность. С античного периода письмо и книга занимают центральное место в определении грамотности. Такая позиция книги кажется неслучайной и находит подтверждение в разных художественных формах. Воланд М. Булгакова торжественно заключает, что рукописи не горят³³⁹. Х.Л. Борхес сам мир прочитывает как библиотеку, что поделена на множество гексов, шестигранных галерей, где хранятся книги; в книгах 25 символами презентован весь мир; человек рождается в одном из гексов, всю свою жизнь перемещается по гексам и знакомится с содержанием новых книг, каждая из которых уникальна³⁴⁰. В беседе с Ж.-К. Карьером У. Эко преобразовал художественную интуицию М. Булгакова в воинственный тезис, «Не надейтесь избавиться от книг!»³⁴¹. Аргументация испанского мыслителя строится на том, что с конца XX в. мы наблюдаем постоянную смену т.н. высокотехнологичных носителей информации, от кассет, дискет, дисков и флешек, что переносили биты, мегабайты и гигабайты

³³⁹ Булгаков М. Н. Мастер и Маргарита. М.: Детская литература, 2022. 448 с.

³⁴⁰ Борхес Х. Л. Вавилонская библиотека [Электронный ресурс] // Проект Российской государственной библиотеки для молодежи [Сайт]. Режим доступа: https://www.library.ru/lib/book.php?b_uid=42 (дата обращения: 13.06.2023).

³⁴¹ Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! М.: Симпозиум, 2010. 336 с.

информации соответственно. В условиях трансформации информационно-коммуникационных технологий в современных домохозяйствах может попросту не оказаться устройства, на котором возможно считать информацию с кассеты или флешки; книга, в свою очередь, всегда открыта к чтению. Вместе с тем, любопытным остается тот факт, что в знаменитом романе У. Эко безумный слепец Хорхе уничтожает великую библиотеку³⁴²; универсальный источник информации погибает в пламени огня.

Каким бы ни был универсальным медиатор информации в XXI в., кажется, что размышления о динамике медиатехнологий следует развивать в более широкой рамке, в контексте истории техники и технологий. Здесь поворотным для нас оказывается XIX в. Не вдаваясь в детали исторического становления современных технологий, внимание можно сосредоточить на двух из них, что представляются прорывными, на упомянутом ранее телеграфе и железнодорожном транспорте. Обе технологии трансформировали линейную оптику в восприятии времени и пространства; телеграф посредством передачи мгновенных сообщений, железнодорожный транспорт – в т.н. мгновенном перемещении.

Трансформации технического во второй половине XIX в. стали привлекать интерес не только инженеров как специалистов в сфере технического. Сама техника будто отказывается от статуса элитарного, становится открытой массам и доступной для их пользования. Трансформации технического, таким образом, вышли за рамку непосредственно техники; они вплелись в социальные и культурные практики, стали органичной единицей практик повседневных. Это не прошло мимо мыслителей.

Вместе с тем, техника попала в поле зрения философов задолго до XIX в., еще в античную эпоху. В трудах Платона она включена в дискурс теневого, материального, как иллюстрация одного из предметов, что загоняют узника в пещеру и не выпускают из нее³⁴³. В свою очередь, Аристотель напрямую

³⁴² Эко У. *Имя розы*. М.: Corpus, 2022. 480 с.

³⁴³ Платон. *Миф о пещере* // Государство. М.: АСТ, 2022. 398 с.

обращается к проблеме τέχνη, которую он прочитывает как искусство. В «Метафизике» Аристотель различает два вида знания: знания «как» – конкретный навык, – и знания того, «что» есть – теоретическое знание³⁴⁴. Практическое и теоретическое знание, по Аристотелю, идут рука об руку друг с другом, невозможно одно без другого. Тем не менее, само знание того, что есть, открывает человеку εἶδος вещи, чистую идею вещи и всего природного мира.

Однако именно в XIX в. мыслители ставят вопрос о технике, которая совершенствуется, в том числе, посредством открытия того, что есть и как применять электромагнитное излучение. В социально-философском дискурсе складывается направление, позже обретшее название – технологический детерминизм. К. Маркс³⁴⁵, Н. Постман³⁴⁶, Ж. Эллюль³⁴⁷ вывели технику из чисто технического в междисциплинарное пространство, на которое вступили культурологи, социологи и философы техники. В среде таких исследователей техники особое место занимает М. Маклюэн, благодаря кому в XX в. появились новые объяснительные схемы социального развития через развитие технологий.

Прежде чем перейдем к разбору ключевых идей М. Маклюэна, обратимся к некоторым персоналиям из философии техники, среди которых имя Э. Каппа занимает не последнее место. Крупные специалисты в области философии техники в советской и постсоветской России, В.Г. Горохов и В.М. Розин, ставили Э. Каппа в один ряд с крупными инженерами, кто в технических разработках подходил к философскому вопрошанию о технике (Э. Гартинг, И. Бекманн, Ф. Рело, А. Ридлер)³⁴⁸. Помимо того, что немецкий философ ввел в научный оборот понятие философии техники, он также предложил концепцию технического, что в философию техники вошла под именем принципа органопроекции³⁴⁹. Если Аристотель в технике увидел эйдетическое начало в

³⁴⁴ Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2016. 448 с.

³⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: АСТ, 2023. 224 с.

³⁴⁶ Postman N. Technopoly: The Surrender of Culture to Technology. N-Y.: Vintage Books, 1993. 240 p.

³⁴⁷ Ellul J. The Technological Society. N-Y., 1964. 503 p.

³⁴⁸ Горохов В. Г., Розин В. М. Введение в философию техники. М.: Издательский Дом "Инфра-М", 1998. 224 с.; Розин В. М. Философия техники (лекция) // Личность. Культура. Общество. 2004. 6 (3). С. 184-208.

³⁴⁹ Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig: George Westermann, 1877. 368 p.

материальном (что М. Хайдеггер впоследствии назовет потаенным³⁵⁰, то Э. Капп настроил антропологическую призму в понимании технического. Так телеграф становится аналогом нервной системы, а железнодорожная сетка – кровеносной. Подобный подход в России разрабатывал П.А. Флоренский, прочитывая технику как продолжение и усиление человеческого тела³⁵¹.

В современных исследовательских дискурсах, прежде всего, в дискурсе STS, который предлагает социальное понимание техники, сама техника все чаще прочитывается не только как простое продолжение телесного, но как то, что тотально организует бытийные практики человека. Дж. Вайсман обрисовывает это следующим образом: «По словам Эрика Шмидта и Джаред Коэна из Google, в "Новом цифровом веке" вы будете просыпаться, разбуженные ароматом свежесваренного кофе, в комнате, где температура, влажность, музыка и освещенность будут настраиваться автоматически, а ваша высокотехнологичная кровать сделает вам легкий массаж спины, причем она же гарантированно обеспечит вам крепкий сон, подстраиваясь под ваши фазы быстрого сна»³⁵². Умные дома и умные города есть то будущее, что на наших глазах становится реальностью. Искусственный интеллект как будто следит за нами на улицах города. К этой опции все чаще обращаются правоохранительные органы в поисках преступников, посредством ввода ключевых данных в сеть³⁵³. Или ИИ помогает врачам в диагностике заболеваний на ранних стадиях³⁵⁴.

Преобразуя повседневные практики человека, техника будто обосновалась в природе и структуре социальной ткани. Кажется, что писатели выражают это наиболее остро. Потому любопытным представляется обращение к двум классическим антиутопиям, а именно к «1984» Дж. Оруэлла³⁵⁵ и «О дивном новому миру» О. Хаксли³⁵⁶. Ф. Фукуяма в работе «Наше постчеловеческое

³⁵⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Проблема объекта в современной науке. М.: Наука, 1980.

³⁵¹ Флоренский П. А. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1999. 621 с.

³⁵² Вайсман Дж. Времени в обрз. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 380.

³⁵³ ИИ и безопасность [Электронный ресурс] // ВКонтакте [Сайт]. Режим доступа: https://m.vk.com/video-46252034_456240437?list=dab86eb2b0eb1f3d11&from=wall-29559271_8219825 (дата обращения: 13.06.2023).

³⁵⁴ ИИ в медицине [Электронный ресурс] // ВКонтакте [Сайт]. Режим доступа: https://m.vk.com/video-46252034_456240438?list=69f1f7cc1ed3075b14&from=wall-29559271_8221833 (дата обращения: 13.06.2023).

³⁵⁵ v Дж. 1984. М.: Strelbytskyu Multimedia Publishing, 2020. 448 с.

³⁵⁶ Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2020. 352 с.

будущее» называет обе работы «провидческими». Согласно его позиции, те две системы, что вышли из-под пера английских писателей, с одной стороны, «породили две разные технологии, которым предстояло возникнуть и определить мир на срок жизни двух следующих поколений»³⁵⁷; с другой стороны, представляли угрозу демократии (читаем – американской демократии) на протяжении всего XX столетия.

На страницах романа «1984» перед нами разворачивается картина тотальной преданности народа партии в лице Большого Брата. Вера и преданность в партийные идеалы реализуется на базе отработанной системы доносов и осведомительства. Проблема в том, что человек оказывается ключевым доносчиком на самого себя. Происходит это по той простой причине, что большая часть помещений Океании оборудованы плоским экраном во всю стену. Предназначение экрана заключается не только в том, чтобы транслировать информацию извне, но и собирать то, что делают граждане, о чем они говорят, как яростно кричат на «минутах ненависти». Власть в стране обеспечивается и поддерживается тандемом из Министерства Правды и Министерства Любви, что постоянно черпают информации из всюду протянутой телевизионной сети.

На страницах «О дивного нового мира» читателя ждет иная пугающая технология. О. Хаксли именовал ее «боканофизацией». По большому счету, того человека, кого мы наблюдаем и кем сами являемся в XXI в., в дивном мире нет. Есть дикари, но они не включены в социальную иерархию. Цивилизованное общество, в свою очередь, представляет высокотехнологичный вариант кастовой системы. Люди, выведенные из пробирки, входят в одну из высших (альфа, бета, гамма) или низших (дельта, эpsilon) каст. Ключевым благом дивного мира является наслаждение, стимулируемое технически, наркотически. Если идеологию «1984» можно обозначить через любовь к Большому Брату, то «О дивный новый мир» транслирует идеологический посыл, покупать и наслаждаться.

³⁵⁷ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. 349 с.

В январе 1984 г. на канале CBS проходила традиционная трансляция финального матча по американскому футболу. Каждый год мировые корпорации борются за право продвинуть информацию о своих товарах и услугах в единственном рекламном ролике во время трансляции матча. В 1984 г. это право выкупает корпорация “Apple”. Вопреки традиционной схеме презентации, рекламируемый товар так и не показали. Вместо него на экранах миллионов американцев развернулась шестидесятисекундная драма: массы бритоголовых людей в одинаковой робе бездумно внимают речам с огромного экрана; голова с экрана поздравляет сограждан со строительством «сада чистой идеологии». Тогда в зал вбегает красивая девушка в ярко-оранжевых шортах с молотом в руке; девушка мечет молот и разбивает экран, что секунду до вещает: «Мы победим!». Завершается ролик не менее пафосными словами: “On January 24th, Apple Computer will introduce Macintosh. And you’ll see why 1984 won’t be like “1984”” («24 января Apple Computer представит вам Macintosh. И вы увидите, почему 1984 год не будет таким, как “1984”») ³⁵⁸. Мир тотальной политической идеологии был разрушен новой моделью персонального компьютера, Macintosh.

Продолжая мысль о «живучести» великих антиутопий в современном мире, Ф. Фукуяма как будто беспрекословно хоронит «1984» со вступлением человечества в XXI в., доступности персональных компьютеров и развития сети интернет. Его опасения сосредотачиваются на «О дивном новом мире», точнее на биотехнологической составляющей романа. Американский философ даже прибегает к словам биоэтика Л. Касса: «В отличие от людей, ущемленных болезнью или рабством, дегуманизированные по типу “О дивного нового мира” не несчастны; они не знают, что они дегуманизированы, и того хуже – если бы знали, им было бы все равно. Это счастливые рабы с рабским счастьем» ³⁵⁹. Озвученная позиция позволяет отечественным философам, А.Г. Неките и Е.П. Сусловой, именовать антиутопический проект О. Хаксли особой формой

³⁵⁸ Рекламный ролик 1984. [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/1984_\(%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/1984_(%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA)) (дата обращения: 13.06.2023).

³⁵⁹ цит. по Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

политического обобществления, которая «формирует иерархические хоррор-хронотопы, воспроизводящие ужас кастовых моделей социализации»³⁶⁰.

Техника и, в том числе, медиатехнологии преобразуют социальный мир человека. В изменении внешнего, своеобразной перекройке пространства и времени, техника проникла в повседневную жизнь человека. Отчасти это побудило М. Хайдеггера в 1955 г. произнести гимн отрешенности человека, отрешенности от вещей, от техники³⁶¹. В своей речи М. Хайдеггер выразил озабоченность актуальным местом техники в социальном целом. Он именовал время в Европе после Второй мировой войны – «атомным веком». Вместе с тем, не только опасности, что таит в себе т.н. «мирный атом», беспокоили философа. Ключевой мотив его заботы – та техника, к которой человек обращается в своих ежедневных практиках; точнее, тотальная зависимость, что следует за постоянным обращением человека к технике. Ведь человек из XX в. научился говорить технике «да»; куда реже он способен сказать технике «нет», что необходимо, дабы быть способным сохранить, по мысли философа, свою человеческую природу.

Факт того, что человек все чаще взаимодействует с внешним миром посредством техники, проблематизировал устойчивость природы человека, в том числе, в глазах отечественных философов. В их ряду не последнее место занимает Б.Г. Юдин, по чьей инициативе в рамках исследовательских проектов Института философии РАН закрепилось исследование человека, что нашло институциональное выражение в Институте человека³⁶². Среди прочего, Б.Г. Юдин ставил проблему редактирования человека, обострившуюся с процессами проникновения технологий в геном³⁶³. Ответ на внешние технологические вызовы человеку Б.Г. Юдин и В.А. Луков видели в

³⁶⁰ Некита А. Г., Сулова Е. П. Ужасы моделей биополитической социализации в голливудских экранизациях антиутопического проекта О. Хаксли // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6(31). С. 28.

³⁶¹ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

³⁶² Малков С. М. Б.Г. Юдин и отечественная традиция междисциплинарных исследований // Человек. 2019. Т. № 5. С. 67-83.

³⁶³ Юдин Б. Г. Редактирование человека // Человек. 2019. Т. 1. № 3. С. 5-19.

гуманитарной экспертизе³⁶⁴. Тем не менее, наши повседневные практики складываются не из биотехнологий и не из абстрактной техники как таковой. Со времени начала пандемии COVID-19 социальные практики людей со всего мира как будто закрепились в пространстве между онлайн и оффлайн, непосредственным общением и опосредованной коммуникацией. В авангард внимания обычных пользователей и социальных исследователей попали медиатехнологии, что формируют возможность человека обитать в двух мирах одновременно, физическом реальном и виртуальном.

Мысль о том, что технологии, в том числе, медиатехнологии создают своеобразные вызовы человеческой природе, на которые необходимо формировать гуманитарные ответы, не покидает отечественный философский дискурс. Так Г.Л. Тульчинский ставит вопрос об экспертизе в контексте цифровой медиализации образования³⁶⁵. А.А. Дыдров и В.С. Невелева тоже обеспокоены технико-технологическими вызовами человеку. Свой ответ они сформулировали как антропологию инноваций, направление исследования, актуальность которого сопряжена с диссонансом между ростом технологических инноваций и отсутствием осмысления инновации как таковой³⁶⁶.

Вопросу о том, какие вызовы человеческой природе создают медиатехнологии, должен предшествовать вопрос о том, что такое медиа. М. Маклюэн стоит в ряду тех исследователей, кто первыми задали вопрос о природе и сущностных характеристиках медиа в социально-гуманитарной рамке. В этом контексте Дж. Миллер пишет: «Он (*М. Маклюэн*) сделал то, что раньше публично делали очень немногие. А именно: сосредоточил внимание на средствах, с помощью которых мы получаем знания. В прошлом эти аспекты в значительной степени игнорировались или, по крайней мере, были прерогативой философов или нейрофизиологов, и я думаю, что Маклюэн впервые поставил

³⁶⁴ Юдин Б. Г., Луков В. А. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. М.: Московский гуманитарный университет, 2006. 38 с.

³⁶⁵ Тульчинский Г. Л. 3.3. Цифровая медиализация образования и гуманитарная экспертиза // О распределенности: практики и концепты : Коллективная монография. Под редакцией Е.В. Малышкина. Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 256-277.

³⁶⁶ Дыдров А. А., Невелева В. С. Антропология инноваций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 35-48.

нервную систему прямо в центр обсуждения обычных коммуникаций и человеческого знания в целом»³⁶⁷.

Канадского культуролога и филолога М. Маклюэна не зря именуют гуру медиа-эпохи. Он будто интуитивно ощутил завершение эры т.н. типографского человека и наступление эры нового человека, которого сам М. Маклюэн назвал «электронным»³⁶⁸. Свою интуицию профессор английской литературы проводил не только в рамках читаемых курсов; из-под его пера вышли работы, что в определенном смысле сформировали направления и стилистику изучения медиа в социальном контексте, – «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951 г.)³⁶⁹, «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962 г.)³⁷⁰, «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964 г.)³⁷¹.

В профессиональной литературе сосуществуют контрарные взгляды на роль М. Маклюэна в становлении медиа-исследований. Некоторые теоретики медиа утверждают витальное влияние мыслителя на развитие медиа-наук; другие отказывают М. Маклюэну в оригинальности тезисов, обозначают противоречивость его репутации в среде пионеров-теоретиков медиа³⁷². К примеру, Д. и Дж. Тэлл в некоторой степени обвиняют его в том, что «ему не удалось успешно передать идеи современной поэзии и искусства для исследователей коммуникаций»³⁷³. Согласно их позиции, базовые положения в своем исследовании медиа канадский филолог, будучи знатоком английской литературы, почерпнул именно оттуда. Одним из ключевых источников

³⁶⁷ Stearn G. E. (Ed.). McLuhan: Hot & cool. New York: Dial Press, 1967. Pp. 235.

³⁶⁸ Katz R., Katz E. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? // Canadian Journal of Communication. 1998. 23 (3). Pp. 307-319.

³⁶⁹ McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. New York: Vanguard Press, 1951. 157 p.

³⁷⁰ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.

³⁷¹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

³⁷² Katz R., Katz E. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? // Canadian Journal of Communication. 1998. 23 (3). Pp. 307-319. P. 309.

³⁷³ Theall D., Theall J. Marshall McLuhan and James Joyce: Beyond Media // Canadian Journal of Communication. 1989. 14:4. Pp. 46-66. P. 46.

теоретического вдохновения мыслителя они называют Дж. Джойса; сами работы М. Маклюэна в их интерпретации получили именование «дороги к Финнегану»³⁷⁴.

Своеобразный языковой эксперимент “Finnegans Wake” впервые сошел с печатного станка в 1939 г.³⁷⁵. Полный перевод на русский язык, в свою очередь, был издан только в 2021 г.³⁷⁶ и сегодня печатается по требованию. Вероятнее всего, подобные печатные перипетии продиктованы логикой самого текста, точнее отсутствием таковой для человека читающего. Суть эксперимента представлена в т.н. «слуховом чтении», т.е. обращении в печатном языке к разнице между устным и письменным текстами, дабы создать некий поэтический контрапункт, нацеленный на выражение многообразия и одновременно конфликтности внешнего мира, что пронизан новыми коммуникационными технологиями³⁷⁷.

Д. и Дж. Тэлл заключают необходимость пересмотра творчества М. Маклюэна в контексте английской поэтической традиции, которая может быть прочитана как источник вдохновения в теоретическом понимании медиа вообще. Согласно их позиции, М. Маклюэн как будто замалчивал влияние литературы (точнее, современной ему литературы) на свое творчество, дабы не атаковать консервативные ценности, что, прежде всего, представлены церковью³⁷⁸. Медиа действительно поставили авторитет церкви под вопрос, по той причине, что они революционизировали способы получения и трансляции знания.

М. Маклюэн по праву может считаться ключевой фигурой т.н. технологического детерминизма, т.к. он выстроил видение истории и культуры человечества сквозь призму медиа. В этой призме медиа представлены как движущая сила культурных изменений. На смену звуковым сигналам пришла устная речь; в период становления древних цивилизаций к ней добавилась специфическая музыка, что издают ударные инструменты по типу гонга и там-

³⁷⁴ Theall D., Theall J. Marshall McLuhan and James Joyce: Beyond Media // Canadian Journal of Communication. 1989. 14:4. Pp. 46-66. P. 46.

³⁷⁵ Joyce J. Finnegans Wake. London: Faber and Faber, 1939. 284 p.

³⁷⁶ Джойс Дж. На помине Финнеганов. М.: Ridero, 2021. 140 с.

³⁷⁷ Theall D., Theall J. Marshall McLuhan and James Joyce: Beyond Media // Canadian Journal of Communication. 1989. 14:4. Pp. 46-66. P. 56.

³⁷⁸ Theall D., Theall J. Marshall McLuhan and James Joyce: Beyond Media // Canadian Journal of Communication. 1989. 14:4. Pp. 46-66. P. 63.

тама; в сложной эволюции от клинописи и иероглифики оформились алфавит и письменная речь; очередной эволюционный скачок связан с изобретением печатного станка, который демократизировал грамотность; наконец, с конца XIX в. мы наблюдаем трансформацию медиа в геометрической прогрессии: телеграф, радио, телефон, кино, телевидение, компьютер, смартфон. По М. Маклюэну, каждый из этих медиумов проникает в социальные группы и постепенно разрастается, ширится в них, а позже – изменяет общества, где преобладает.

М. Маклюэн определяет технику и технологии как «расширения» человека, продолжение его конечностей (сила, скорость) и чувствительности (зрение, осязание, обоняние)³⁷⁹. В этом смысле любой вариант технического оборачивается коммуникацией, в прямом смысле – с другими субъектами, в переносном – с внешним миром как таковым.

Зачастую в дискурсе о первых теоретиках медиа, технологических детерминистах, М. Маклюэна ставят в один ряд с Г. Иннисом. Исходным научным полем для второго исследователя была экономика. В одном из своих ключевых трудов, «Империя и коммуникации», он провел аналогию между медиатехнологиями и транспортом³⁸⁰. Согласно его позиции, медиа организуют общество подобно тому, как автомобиль организует городское пространство. В свою очередь, М. Маклюэн ставит эту аналогию под вопрос. Медиа организуют общество, но их влияние косвенное. Напрямую медиа воздействуют не на общество в целом, а на отдельных реципиентов. М. Маклюэн даже выстраивает некую причинно-следственную связь: каждое новое медиа воздействует на мозг получателя информации; при обработке полученной информации инфлюентными оказываются чувства реципиента; во влиянии нового медиа – субъект в целом, что, в ответ, изменяет социальные структуры³⁸¹. Отсюда противоречивый тезис о том, что книгопечатание с жесткими правилами в организации текста оформило

³⁷⁹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

³⁸⁰ Innis H. A. Empire and Communications [Электронный ресурс] // Project Gutenberg Canada ebook #342. 2009. [Сайт]. Режим доступа: URL: <https://gutenberg.ca/ebooks/innis-empire/innis-empire-00-h.html> (дата обращения: 14.06.2023).

³⁸¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.

т.н. «линейное» мышление, что, прежде всего, представлено конвейерной лентой и железными дорогами.

Тем не менее, опосредованность воздействия медиа на общество не отменяет силы и глубины этого воздействия. Это отражено в своеобразной фразе-«бестселлере» М. Маклюэна, «медиа – это сообщение»³⁸², в которой во всей полноте детерминистская позиция исследователя. Возможно, канадский мыслитель впервые в социально-гуманитарных исследовательских практиках сменил акцент со смысла сообщения на технологию его передачи. По большому счету, он утверждает, что медиа диктуют нам не то, что мыслить, но то, как мыслить. Это сказывается на социальной среде, организации субъектом своих повседневных, рабочих и иных социальных практик. В определенном смысле это заявление М. Маклюэна оказалось пророческим: феномен самоизоляции в пандемию COVID-19 продемонстрировал, что сегодня рабочий процесс организован вокруг компьютера и смартфона; рабочее место децентрализовано.

Новые технологические медиа, по М. Маклюэну, по большому счету продолжают противостояние между речью устной и письменной. В «Галактике Гутенберга» теоретик медиа предлагает метафоры, что подчеркивают контраст между ними, медиа «сердца» и «ума» соответственно³⁸³. Следуя за ветхозаветной мыслью, он подчеркивает, что вначале было слово устное как продолжение уха и отражение сердца. Устное общение до сих пор отличается от своего текстового аналога; оно выступает проводником житейской, универсальной, мудрости; оно обогащает / насыщает информацией каждого из участников общения. Печатное слово, в свою очередь, нацелено, как правило, исключительно на того, кто его прочитывает, оно действует *hic et nunc*; оттого оно в определенном контексте эгоистично, расширяет кругозор непосредственно своего читателя. Специфика получения информации, по М. Маклюэну, в дальнейшем определяет мировоззрение и поведение субъектов социальных практик. Он использует очередную аналогию, на этот раз позаимствованную из сферы искусства: кубизм

³⁸² Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

³⁸³ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.

будто создает образ «акустического» человека, того, кто чувствует и проживает жизнь многомерно и одновременно; классическое искусство, в свою очередь, отсылает нас к «печатному» или «типографскому» человеку, кто получает информацию последовательно (т.к., по М. Маклюэну, медиум всякий раз опосредованно затрагивает социальные практики, то последовательный способ получения и обработки информации можно сопоставить с тем, что М. Хайдеггер именовал «калькулированием»³⁸⁴). За устным словом в этой логике стоит метафизика, религия; за письменным – развитие наций и империй по всем направлениям, в том числе, в космос.

Различение медиа по типу ума и сердца выводит М. Маклюэна на две важные концепции. Первая указывает на историческую трансформацию медиа, что связана с движением мировоззрения, прошедшего, в дискурсе О. Конта, например, три стадии, религиозную, философскую и научную³⁸⁵. Однако в отличие от О. Конта, кто в науке усматривал апогей человеческой мысли, М. Маклюэн утверждает, что в своем технологическом становлении медиа возвращаются к сердцу, устному слову. С этим резонирует вторая концепция, в рамке которой канадский мыслитель различает т.н. «холодные» и «горячие» медиа³⁸⁶. Здесь медиа прочитываются не только как посредник между отправителем и получателем информации, но как стимул, что вовлекает аудиторию к созданию полноценной картинки. По той причине, что кино и телевидение одновременно воздействуют на несколько органов чувств реципиента, самому телезрителю остается несложная (т.е. в меньшей степени вовлекающая воображение) работа по соединению всех точек на своем экране. Отсюда телевидение становится в терминологии М. Маклюэна «холодным» средством; в отличие от радио, что заставляет слушателя достраивать картинку самостоятельно. Уместной в заданном контексте представляется следующая иллюстрация: в 1938 г. на северо-востоке США по радиостанции “CBS” был

³⁸⁴ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

³⁸⁵ Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. Т.3. М.: Наука, 1971. 166 с.

³⁸⁶ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

поставлен спектакль под руководством Г.О. Уэллса «Война миров» по одноименному роману Г. Уэллса. Постановка оказалась настолько хороша, что более миллиона американцев ударились в панику, приняв информацию о нападении марсиан за новостную сводку³⁸⁷.

Работу «Понимание медиа» М. Маклюэн открывает своеобразной энтелехией, «мы вдруг обнаруживаем в себе страстное желание, чтобы вещи и люди проявляли себя во всей полноте. В этой новой установке можно найти глубокую веру – веру в высшую гармонию всего бытия. Именно в этой вере написана эта книга. Она исследует очертания наших расширенных существ в наших технологиях и ищет в каждой из них принцип понятности»³⁸⁸. Иными словами, новые медиа (для М. Маклюэна это, прежде всего, радио и телевидение) безусловно являются для человека его продолжением и расширением. Вне сомнения и то, что отдельные субъекты и социальные группы используют подобные расширения в своих эгоистичных целях (как кажется, это одна из ключевых тем, вокруг которой до сих пор выстраиваются сюжеты дистопий). Вместе с тем, проблемой остается непонимание медиа, в том числе, как нового расширителя человека ни самим человеком, ни теми группами, что используют медиа в манипулятивных целях. К примеру, по результатам анализа президентских выборов в США в 1960-м г. М. Маклюэн приходит к выводу о том, что эффективная манипуляция реализуется тогда, когда выбран «правильный» медиум, что отвечает содержанию и контексту информации³⁸⁹.

Согласно позиции Р. Гуинс, в исследовании того, как медиа «формируют, расширяют и вовлекают "человеческую сенсорнику"» М. Маклюэн постановил, что «визуальная предвзятость западной культуры плохо подготовила "грамотного человека" к пониманию аудиальной тактильности новых электронных медиа»³⁹⁰. По большому счету, культуре понадобилось более трех тысяч лет, чтобы из

³⁸⁷ Getting it Wrong: Ten of the Greatest Misreported Stories in American Journalism [Электронный ресурс] // Google Books [Сайт]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=SodvJ4EuTggC> (дата обращения: 14.06.2023).

³⁸⁸ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с. С. 6.

³⁸⁹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

³⁹⁰ Guins R. The Present Went This-A-Way: Marshall McLuhan's Understanding Media: The Extensions of Man @ 50 // Journal of Visual Culture. 2014. 13(1). Pp. 3–12.

ограничений грамотности (письменная культура) возвратиться в т.н. «резонирующий мир акустического пространства», который со второй половины XIX в. все сильнее преобразует социальную среду и весь окружающий человека мир³⁹¹. Материалом для анализа М. Маклюэна со второй половины 1950-х гг. стало телевидение. По его мнению, вне зависимости от своего контента, телевидение, динамично распространяющееся по североамериканским домохозяйствам, ознаменовало эпоху ренессанса в классической (точнее – традиционной) акустической культуре³⁹².

Начиная с работ В. Беньямина, одного из ярких представителей первого поколения Франкфуртской школы, в интеллектуальной традиции XX в. формируется некое «тревожное» отношение интеллектуалов к технике³⁹³. В отличие от ремесленной традиции Средневековья, в рамках которой мастера создавали уникальные произведения, конвейер «научился» штамповать произведения искусства. В этом явлении можно обнаружить положительные черты; к примеру, гражданин Советского Союза посредством тиражирования изображений мировой культуры (на открытках, в книгах и альбомах) имел возможность прикоснуться к прекрасному даже в пространстве своей квартиры³⁹⁴. Однако благо от растиражированной культуры не отменяет той настороженности, что прокралась в дискурс мыслителей. Наверное, точнее эту тревожность выразил Х. Ортега-и-Гассет в обороте «восстание масс»³⁹⁵. Согласно позиции испанского мыслителя, эпоха всеобщей грамотности и электронных медиа не открыла перед человечеством новые горизонты; она привела к власти массы, иррациональную и неуправляемую силу.

М. Маклюэн в этом дискурсе интеллигенции первой половины XX в. предлагает иную призму в понимании новых медиа, что утверждает надежду на т.н. «светлое будущее». Надежда формируется в преодолении критической

³⁹¹ Marchand P. Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 322 p.

³⁹² Katz R., Katz E. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? // Canadian Journal of Communication. 1998. 23 (3). Pp. 307-319.

³⁹³ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.

³⁹⁴ Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное. М.: Искусство, 1981. 167 с.

³⁹⁵ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.

позиции на технологические медиа, ширящейся с распространением электрификации. Электрификация преодолела пространственные и временные различия; по М. Маклюэну, в ней же заложен потенциал по преодолению языковых и культурных дифференциаций. Письменный язык укрепил национальные государственные границы, свел сенсорику человека к единому каналу восприятия информации – зрению. Новая электронная культура, в свою очередь, предложила медиумы, что подключают разные органы чувств с минимальной расшифровкой передаваемых ими сообщений. Век электричества в этом контексте оборачивается некой технологической утопией, в которой преодолеваются национальные границы и каждый обретает свое место, полагающее права и ответственность. Это то, что М. Маклюэн именовал «глобальной деревней»³⁹⁶. Деревня не есть откатывание человечества назад; наоборот, это новая форма бытия человека в качестве органически встроенной социальной (как участника группы или групп), национальной (гражданина страны), природной (живого существа), планетарной (жителя планеты Земля) и космической единицы, которая открыта к большему пониманию окружающего мира и принятию ответственности за то, что в нем происходит. Подобный коллективизм электронной культуры противопоставлен эгоизму культуры типографской. Человек в эпоху новых медиа словно отказывается от реализации себя за счет коллектива; в глобальной технологической деревне он развивается в консонансе с развитием окружающей среды.

До недавнего времени подобная утопия звучала весьма правдоподобно. В XXI в., в эпоху всеобщей подключенности, казалось, окончательно стерты границы между культурами, языками и даже странами. Контрпример возник в 2020 г., когда в связи с обострением эпидемиологической ситуации отдельные страны стали отказывать китайским гражданам во въезде, а в марте международные рейсы были отменены по всему миру³⁹⁷. Так началась пандемия

³⁹⁶ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.

³⁹⁷ Пандемия COVID-19 [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_COVID-19 (дата обращения: 14.06.2023).

COVID-19, продемонстрировавшая, что идея национальных границ не является рудиментом из прошлого. Одновременно пандемия демонстрирует и то, что для публичных и частных коммуникаций субъекту в век высоких технологий достаточно устройства, имеющего выход в интернет. Тезис о преодолении посредством техники пространственных рамок не утрачивает своей актуальности.

Ключевое положение, прочитываемое в работах М. Маклюэна, можно свести к тезису о том, что алфавит является одной из исторических форм медиа; электронные медиа, в свою очередь, получили в XX в. культурное влияние, по силе сопоставимое с изобретением и распространением алфавита. В «Понимании медиа» М. Маклюэн раскладывает медиа как тривиум и квадриум постгуманистической эпистемологии. Отсюда тесная связь между медиа и литературой. Он обращается к литературе как к фундации, где формировалось различие «между слуховыми и визуальными перцептивными типами»³⁹⁸. Тривиум оформляется из диалектики, риторики и грамматики. В диалектике заложен потенциал критической мысли при аналитике визуального; в свою очередь, риторика (сила убеждения) и грамматика (структура предложений и предложных конструкций) лежат в основе осмысления аудиального. Визуальное и аудиальное представлены в культуре каждой эпохи. Однако их доля варьируется в исторической динамике культур. В 1960-е гг. в диссонансе с размышлениями философов о новых бытийных основаниях, в том числе, о лингвистическом повороте³⁹⁹, М. Маклюэн заключает, что также как и язык, СМИ «формируют то, как мы воспринимаем мир»⁴⁰⁰.

Размышления о прошлом, настоящем и будущем медиа М. Маклюэн проводит, в том числе, сквозь призму связки технологий с биосом. Впервые эта мысль прозвучала в «Механической невесте», где человек прочитывался как «половые органы машинного мира»⁴⁰¹. Такой «сексуализированный» взгляд на электронные медиа, как кажется, есть провозвестник той концепции, которую в

³⁹⁸ Katz R., Katz E. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? // Canadian Journal of Communication. 1998. 23 (3). Pp. 307-319.

³⁹⁹ Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.

⁴⁰⁰ McLuhan M. Laws of the Media // ETC: A Review of General Semantics. 2013. 70(4).

⁴⁰¹ McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. New York: Vanguard Press, 1951. P. 46.

1990-е гг. предлагает Ж. Бодрийяр под именем Человека Телематического⁴⁰². Во французской постструктуралистской традиции телемат являет собой синтез телесности с экраном. М. Маклюэн, в свою очередь, продолжает сексуальную аналогию концептом «гибридной энергии, которая будет высвобождена соединением литературных и электронных модальностей, соединением, которое выдвигает на первый план трансляционный аспект медиа, особенно в их цифровой конфигурации»⁴⁰³. Электронные медиа поэтому понимаются М. Маклюэном как акустическое пространство, характеризующееся сенсорной вовлеченностью. Это пространство «перекошенного, изогнутого и ухабистого», в отличие от «прямой и однородной» печатной культуры⁴⁰⁴. Это неоднородное исследовательское пространство требует невербальных способов понимания. Таким образом, исследования медиа М. Маклюэн сравнивает с возведением новой архитектуры, для которой характерны контуры, а не прямые линии, подобно тому, как пленка сворачивает линейные кадры фильма, чтобы создать ощущение органического процесса⁴⁰⁵.

Трансформация медиа отразилась на большинстве социальных феноменов, в том числе, на социальных мифах. А.Г. Иванов продемонстрировал это на примере изменения социальных мифологий в контексте медиа-среды. Исследователь определяет социальную мифологию через систему партикулярных мифов, которая в совокупности оказывает «существенное влияние на общественное сознание и приводит к активизации деятельности» различных социальных субъектов⁴⁰⁶. Согласно позиции отечественного философа, социальный миф выступает в определенной степени результатом активности трех акторов, «живущим мифом, творцом мифа и критиком мифа»⁴⁰⁷. Масс-медиа, в свою очередь, словно нарушают последовательность в логике функционирования мифа, информационного обмена между обозначенными акторами. В числе прочего, эти

⁴⁰² Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 260 с.

⁴⁰³ Cavell R. On the 50th Anniversary of Understanding Media // Journal of Visual Culture. 2014. 13(1). Pp. 33–35.

⁴⁰⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

⁴⁰⁵ Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

⁴⁰⁶ Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1(33). С. 5-15. С. 6.

⁴⁰⁷ Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 372-376. С. 372.

нарушения обнаруживаются в переходе и обосновании мифа в информационную эпоху в пространстве повседневности. Вследствие подобных модификаций возникает дисбаланс между «сакральным» и «провальным», на балансе соотношения которых, в свою очередь, держался т.н. архаический миф⁴⁰⁸.

В русскоязычную исследовательскую среду М. Маклюэн заходит в 1990-е гг. Эта временная граница определена объективными политическими, экономическими и социальными предпосылками. Работы канадского мыслителя появляются в библиографии исследований медиа и коммуникации. Так, С.В. Лещев в поисках обоснования для различения коммуникативного, что связано с общением, и коммуникационного, что указывает на канал коммуникации, обращается к М. Маклюэну как теоретика медиума⁴⁰⁹. О.А. Пичугина, в свою очередь, предлагает использовать теоретико-методологическую базу из работ М. Маклюэна в осмыслении новых интернет-медиа⁴¹⁰. Исследователь полагает, что социальные медиа (прежде всего, социальные сети), что создаются пользователями для пользователей, набирают значительные обороты распространения и как эффект – влияния среди аудитории информационных пользователей. Это позволяет им конкурировать с т.н. традиционными СМИ и, в некоторых случаях, – выигрывать информационную и инфлюенсерскую гонку.

В.Л. Колесниченко именует М. Маклюэна «оракулом электронного века»⁴¹¹. В одноименной статье он рассматривает мыслителя в качестве того, кто одним из первых обратился к вопросу о специфике взаимоотношений человека с медиумом. В.Л. Колесниченко упоминает, что «в 1997 году Оксфордский словарь содержал 346 ссылок на труды М. Маклюэна»⁴¹². В этой отсылке как будто прочитывается утверждение авторитета М. Маклюэна в построении теории медиа.

⁴⁰⁸ Иванов А. Г. "Мы и они": механизм трансляции социального мифа в медиа-среде // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. № 6(70). С. 17.

⁴⁰⁹ Лещев С. В. Коммуникативное - следовательно, коммуникационное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2002. № 3. С. 14-27.

⁴¹⁰ Пичугина О. А. Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1(102). С. 268-276.

⁴¹¹ Колесниченко В. Л. Оракул электронного века // Медиаобразование. 2006. № 1. С. 46-49.

⁴¹² Колесниченко В. Л. Оракул электронного века // Медиаобразование. 2006. № 1. С. 46-49, с. 46.

И.Б. Архангельская тоже высоко оценивает вклад канадского мыслителя в разработку коммуникативной концепции, именуя М. Маклюэна «пророком»⁴¹³. В то же время свое внимание в статье отечественный исследователь сосредотачивает на конкретной («основополагающей» – в дискурсе автора) работе автора – «Понимание медиа». Акцент выставлен на одном из тезисов работы, интерпретация чему была представлена выше, “medium is the message”. И.Б. Архангельская предлагает различные трактовки тезиса, в том числе, из дискусов североамериканских авторов. Из пула интерпретаций она останавливается на мысли Д. Мейровица, согласно которой сама техническая реальность, сотканная из отдельных артефактов и технологий, обладает коммуникативным потенциалом посредством того, что формообразует мышление своих пользователей⁴¹⁴.

К. Мартынов упоминает М. Маклюэна в рамках осмысления практик письма⁴¹⁵. Это упоминание оказывается неизбежным, поскольку практики письма реализуются сегодня в пространстве новых медиа. Медиакультуру XX в. М. Маклюэн, в отличие от многих современников, не критиковал, он именовал ее «ренессансом», возрождением традиционной аудиальной культуры. Также и К. Мартынов не ведется на беспрекословную критику; он тоже использует оборот «новый расцвет», только в его случае этот оборот применим по отношению к текстовой культуре. Несмотря на то, что прошло почти десять лет с момента публикации статьи К. Мартынова, актуальным выглядит один из ее тезисов, предложенный как будто в пику постструктуралистам, «Автор не умер, он переехал на Facebook⁴¹⁶»⁴¹⁷. Таким образом, К. Мартынов будто в консонанс М. Маклюэну заключает, что электронные медиа не примитизировали современную культуру, но предоставили субъекту новые каналы для самореализации.

⁴¹³ Архангельская И. Б. Г.М. Маклюэн и его книга "понимание средств коммуникации: продолжение человека" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 228-232. С. 232.

⁴¹⁴ Архангельская И. Б. Г.М. Маклюэн и его книга "понимание средств коммуникации: продолжение человека" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 228-232. С. 231.

⁴¹⁵ Мартынов К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2(104). С. 1-11.

⁴¹⁶ *Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.*

⁴¹⁷ Мартынов К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2(104). С. 1-11. С. 1.

А.Е. Богоявленский обращается к М. Маклюэну в построении периодизации медиа⁴¹⁸. Наконец, А.В. Марков предлагает установить достаточно странную параллель в культурных программах М. Маклюэна и казахского поэта О. Сулейменова⁴¹⁹. В качестве критерия для обнаружения сходства между ними А.В. Марков использует т.н. «медиалогию локальной идентичности», т.е. локальные практики письма, что формируют идентичность человека, выходящую за пределы отдельного локуса.

В дискурсе отечественного культуролога Н.Б. Кирилловой тоже присутствует термин «медиалогия», она также, как и А.В. Марков, использует этот термин в связке с упоминанием имени М. Маклюэна. Однако для Н.Б. Кирилловой медиалогия выходит за границы размышлений о субъектности и идентичности, «это синтез гуманитарных наук, трансформировавшихся в условиях эпохи глобализма и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), влияющих на общественное сознание и процесс социализации личности»⁴²⁰. Отечественный культуролог использует установку на научную синтетическую природу медиалогии и в других, более поздних своих работах⁴²¹. Актуальность обращения к медиалогии автор обосновывает процессами медиатизации общества. Библиография Н.Б. Кирилловой демонстрирует, что она обратилась к этой теме в начале XXI в., в период распространения персональных компьютеров и стационарного интернета по российским домохозяйствам. Между тем, сегодня, в завершении первого четверти XXI в., социальные эффекты медиатизации не утратили актуальности. Возможно, медиалогия есть тот социально-гуманитарный ответ, что исследователи способны предложить в условиях стирания границы между мирами оффлайна и онлайн. В одной из статей за 2022 г. Н.Б. Кириллова оперирует именем М. Маклюэна в самом названии, демонстрируя динамику

⁴¹⁸ Богоявленский А. Е. Понимание медиа: внутреннее сжатие цивилизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 84-87.

⁴¹⁹ Марков А. В. Медиалогия локальной идентичности: Маршалл Маклюэн и Олжас Сулейменов // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 16-22.

⁴²⁰ Кириллова Н. Б. Медиалогия как синтез наук : Монография. Москва : Академический проект, 2013. 368 с.

⁴²¹ Кириллова Н. Б. Медиалогия. Екатеринбург : Издательство "Академический проект", 2015. 424 с.; Кириллова Н. Б. Медиалогия. Москва-Берлин: ООО "Директмедиа Паблшинг", 2018. 421 с.; Кириллова Н. Б. Медиалогия. Наука глобализованного мира. Москва : Академический Проект, 2022. 424 с.

теории медиа в зарубежной и отечественной исследовательской традиции⁴²². Сквозь призму социальной динамики медиа культуролог снова обращается к медиалогии, что, среди прочего, отображает и рефлексивирует изменения (в XXI в. они переплетены с процессами цифровизации), происходящие в социуме вообще и в науке в частности.

М. Маклюэн является той неоднозначной и противоречивой фигурой в теоретическом дискурсе о медиа, что, тем не менее, совершила поворот в науке, легатимировав медиа в качестве значимого объекта научных исследований.

Выводы по параграфу: техника может быть дефиницирована в качестве орудия, изобретенного человеком. Она эволюционировала вместе с человеком и в определенной степени задавала векторы антропоэволюции. В любом случае, современная техника формирует специфику и воздействует на качество социальных практик, реализуемых человеком. Подобное видение техники не случайно; со второй половины XIX в. в философской среде оформляется концепция органопроекции, согласно которой техника прочитывается как продолжение человека (Э. Капп). Современная же техника, согласно установке технологического детерминизма, является неотъемлемой частью социальной реальности. Технологический детерминизм прошел путь от исследования социальных эффектов техники к полномасштабному влиянию эволюции медиа на социальное развитие. Ключевым персонажем в среде детерминистов выступает канадский мыслитель М. Маклюэн. Он развивает концепцию органопроекции в своей энтелехии, сосредоточив внимание на медиа как «расширителях» человека. Согласно его позиции, электронные медиатехнологии возможно понимать как медиум, средство общения. Они прошли становление от простейших звуковых сигналов к знакам на различных поверхностях (от наскальной живописи до современного алфавита) и, наконец, к электронному сигналу. Несмотря на противоречивость фигуры М. Маклюэна в среде теоретиков медиа, социально-эпистемической ценностью обладает тот взгляд на электронные медиа, согласно

⁴²² Kirillova N. B. Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4. No 4. Pp. 295-308.

которому автор предлагает некую «ренессансную», поворотную призму, что, среди прочего, использована в концепции глобальной деревни. Ценность этого взгляда обусловлена тенденцией на все большее сближение пользователей современных коммуникационных технологий (посредством социальных сетей, например), которое (сближение) вносит значительные коррективы в социальную ткань, трансформирует темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти.

Отечественные исследователи продолжают обращаться к М. Маклюэну в развитии теории медиа. Так, культуролог Н.Б. Кириллова опирается на канадского теоретика в обосновании новой гуманитарной области знания, медиалогии. Среди прочего, наука о медиа задается вопросами о природе медиа, об исторических этапах становления и о влиянии, что медиа оказывают на адресатов информации, а посредством них – на общество как таковое. Осмысление этого влияния и трансформации социальных практик, в частности, представлены в теории медиатизации.

§ 2.2. Теоретические основы медиатизации⁴²³

Летом 2003 г. в руки Й. ван Дийк, теоретика медиа из Голландии, попадает цифровая камера. С ее помощью она создает snapshots, мгновенные снимки. За месяц в ее коллекции появляется более ста снимков, что пробуждает в ней ностальгию по старым фото, многие годы пролежавшим в коробках из-под обуви. В определенной степени время жестоко к фотографиям, оно обесцвечивает их, превращает в труху. Поэтому профессор Й. ван Дийк решила оцифровать свои фото в Photoshop. Работа в графической программе разбудила в ней интерес к старой музыке, забытым письмам и дневникам, к некогда записанному home video. Все это не только сопровождалось ностальгией по прошедшему времени,

⁴²³ В данном параграфе использованы материалы статьи автора диссертации Способы медиатизации коллективной памяти в цифровом мире / Д. С. Артамонов, А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер, С. В. Тихонова // Вопросы истории. – 2022. – № 12-1. – С. 114-123. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15.

но и помогло выявить связь между медиумом и т.н. практиками запоминания, сформулировать вопрос о том, какова природа этой связи⁴²⁴.

Поставленный вопрос Й. ван Дийк разрешила в концепции “mediated memories” (это может быть переведено как опосредованная или «медиированная» память). Суть концепции в том, что память не является чистым опытом восприятия внешнего мира; она переплетена с внешним предметным миром, связана с предметами-медиаторами наподобие того, как Дж. Роулинг распределила душу Воландеморта по крестражам. Й. ван Дийк ставит вопрос о специфике функционирования памяти не в пустых пространстве и времени; ее волнует вопрос о роли техники и медиатехнологий в формировании индивидуальной и коллективной памяти.

В вопрошании о практиках памяти в цифровую эпоху Й. ван Дийк приходит к ряду интересных в рамках данной работы заключений. Медиа определяют осевой вектор в становлении индивидуальной и коллективной идентичности. Мы являемся теми, кто есть, в неразрывной связи себя прошлого, настоящего и будущего. Различные вещи берут на себя функцию медиаторов, т.е. помогают человеку связать прошлое с будущим. В этой роли связующей времена нити вещи помогают субъектам находить свой смысл жизни и смыслы в жизни других. В цифровую эпоху роль вещи-медиатора все чаще выполняют цифровые гаджеты. Вместе с тем, новые медийные формы сохранения памяти (фото, видео, лайфлоги) не исключают, но дополняют, по Й. ван Дийк, аналоговые варианты. По данным исследований нейробиологов, цифровые объекты трансформируют механику работы мозга, специфику работы памяти. В том числе, это выражается в том, что цифровые объекты помимо сохранения памяти, выполняют коммуникативную и презентативную функции. В условиях создания мгновенных публикаций с возможностью автоматического шеринга память утрачивает свою интимную природу; она вышла из области приватного в пространство публичного.

Цифровые носители создают новые языки, на которых говорит память; они трансформируют акт памяти в акт опыта. В этих новых опытах память уже

⁴²⁴ van Dijk J. Mediated memories in the digital age, Cultural memory in the present. Stanford, 2007. 255 p.

перекочевала из фотоальбомов, видеокассет и обувных коробок на жесткий диск компьютера или смартфона. По большому счету о коллективной памяти идет речь в размышлениях о Big Data. Неслучайно сегодня программисты ломают голову над строением т.н. всеобъемлющего аппарата памяти.

С течением времени меняются медиумы, посредством которых реализуется обмен информацией в обществе, оформляются и транслируются практики памяти в этом обществе. Размышления Й. ван Дийк о различении практик работы памяти с разных носителей. Образы и идеи, что возникают от просмотра фотографий, хранимых в альбомах или старых коробках из-под обуви, отличны от того же визуального ряда, но уже на электронных носителях, из информационного облака или загруженного на те или иные электронные площадки. Различение восприятия фотографий обусловлено разностью тех носителей, посредством которых они существуют в пространстве и времени. Как показал анализ из предыдущего параграфа, в числе прочих, эта тема попала в фокус внимания представителей технологического детерменизма в 1960-е гг. В это время М. Маклюэн предложил концептуальные метафоры, успешно применяемые до сих пор в контексте осмысления современных медиа, в том числе, «Галактика Гутенберга», «медиум как сообщение», «глобальная деревня» (в оригинале – “The Gutenberg Galaxy”, “The Medium is the Massage”, “The Global Village”)⁴²⁵.

Й. ван Дийк предлагает размышления на тему медиации и медиированной памяти. Вместе с тем, в набирающей темпы роста и влияния цифровой эпохе исследователи все чаще говорят о медиатизации. В самом общем смысле она определяется как процесс, в рамках которого источники информации выстраивают коммуникативную логику и тем самым оказывают влияние на все сферы общества⁴²⁶. Вместе с тем, актуальность и обоснованность самого термина медиатизации остается под вопросом. Наглядно это представлено на разноязычных страницах свободной энциклопедии Wikipedia. Оригинальная

⁴²⁵ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 432 с.; Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кузово поле, 2019. 464 с.

⁴²⁶ Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the “mediation of everything.” // European Journal of Communication. 2013. 28(6). Pp. 615–629.

статья по медиатизации представлена на немецком языке⁴²⁷. Многие в англоязычной статье является переводом с немецкого оригинала⁴²⁸. Статья также переведена и на русский язык⁴²⁹. Примечательным в русскоязычном переводе является то, что переводчики посчитали сам термин недостаточным; поэтому в русскоязычном варианте он идет с уточнением, «медиатизация реальности».

Подобная терминологическая флуктуация указывает, с одной стороны, на активное становление концепции медиатизации; с другой стороны, она (флуктуация) говорит о том, что у концепции есть свои сторонники и противники. Так, например, теоретики А. Хепп и Н. Коулдри, одни из ключевых «проводников» концепции, замечают, что по широте своего охвата и степени влияния на коммуникативные процессы в обществе медиатизация стоит в одном ряду с модернизацией и глобализацией⁴³⁰. Модернизация указывает на развитие производственных отношений, глобализация – на изменения во внешнеполитических отношениях между государствами, медиатизация, в свою очередь, говорит о трансформации коммуникации как таковой. В этой трансформации вплоть до эпохи интернета ключевая роль была за сертифицированными средствами массовой информации; сегодня т.н. слабые социальные связи между людьми (М. Грановеттер), устанавливаемые и поддерживаемые онлайн, конкурируют с традиционными СМИ за статус «авторитета». В свою очередь, классические лидеры мнений, политики, бизнесмены, представители от науки и искусств, дабы быть услышанными более широкой аудиторией должны выбирать адекватный канал коммуникации и выстраивать свое сообщение в соответствии с логикой этого канала. Это то, о чем пишет М. Маклюэн, когда разграничивает «холодные» и «горячие» медиа⁴³¹.

⁴²⁷ Medialisierung [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: <https://de.m.wikipedia.org/wiki/Medialisierung> (дата обращения: 14.06.2023).

⁴²⁸ Mediatization (media) [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Mediatization_\(media\)](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Mediatization_(media)) (дата обращения: 14.06.2023).

⁴²⁹ Медиатизация реальности [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа:

https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 14.06.2023).

⁴³⁰ Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: Contexts, traditions, arguments. *Communication Theory*. 2013.

⁴³¹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кусково поле, 2019. 464 с.

Именно М. Маклюэна некоторые исследователи определяют как того, кто стоит в основании теории медиатизации⁴³². Прежде всего, это связано с фокусом технологического детерминиста на средстве коммуникации, не содержании сообщения. В числе авторов-основателей теории медиатизации также называют Ю. Хабермаса. Это связано с тем, что в работе по теории коммуникативного действия представитель второго поколения Франкфуртской школы использует термин “Mediatisierung”. В самом тексте речь идет о т.н. «медиатизации в Германии», вопросе о секуляризации политических единиц в Священной Римской империи, состоявшейся по инициативе Наполеона в первом десятилетии XIX в.⁴³³. Однако Ю. Хабермаса интересовал не сам феномен, но его коммуникативный аспект. Поэтому одно из первых употреблений “Mediatization” связывают с англоязычным переводом второго тома «Теории коммуникативного действия»⁴³⁴.

А. Хепп в числе первых упоминаний медиатизации называет работу 1933 г. Э. Манхейма «Носители публичного мнения», в которой идет речь об изменении, медиатизации человеческих отношений, которые произошли в эпоху модерна с появлением массмедиа⁴³⁵. Вместе с тем, в самой истории медиатизации первым теоретиком признан К. Асп. В 1986 г. он опубликовал диссертационное исследование, где предложил теорию медиатизации политической жизни⁴³⁶. Будучи представителем от журналистики, К. Асп сформулировал концепцию современной ему политической системы, согласно которой система сосуществует с массмедиа и развивается в соответствии с требованиями медиа. В более поздних работах он остается приверженцем идеи о том, что в своей (публичной)

⁴³² Friesen N., Hug T. The mediatic turn: Exploring concepts for media pedagogy in L. Knut (Ed.), *Mediatization*. New York: Peter Lang Publishing, Inc. 2009. Pp. 63–84; Flew T. The ‘Theory’ in media theory: The ‘Media-Centrism’ debate // *Media Theory*. 2017. 1(1). Pp. 43–56; Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 2 (28). С. 9-27.

⁴³³ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия, том второй: жизненный мир и система: критика функционалистского разума. М.: Маяк Пресс. 1987. П. 196.

⁴³⁴ Averbek-Lietz S. "Understanding mediatization in first modernity: sociological classics and their perspectives on mediated and mediatized societies" in Lundby, Knut (ed.). *Mediatization of Communication*. De Gruyter. 2014. Pp. 109–130.

⁴³⁵ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98–123.

⁴³⁶ Asp K. *Mäktiga massmedier. Studier i politisk opinionsbildning* (Powerful mass media. Studies of political opinion formation). Stockholm: Akademilitteratur, 1986. 269 p.

деятельности политики встраиваются в игру медиа; свой дискурс они выстраивают в соответствии с требованиями СМИ⁴³⁷.

С. Хьярвард, теоретик медиа из Дании, развил идеи К. Аспа. Он предложил институциональный подход в понимании медиа, в рамках которого медиа прочитываются как один из социальных институтов. Особенностью медиа как института является их способность к т.н. «наводнению» общества, когда становится сложно распознать грань между медиа и другими социальными институтами⁴³⁸. Размышления о медиатизации С. Хьярвард развивает на религиозном материале⁴³⁹. В частности, он фиксирует акселерацию т.н. «религиозного бриколажа». Причем, не только институциональная религия использует медиа для расширения своего коммуникативного поля. В медиа оформляются свои образы религии, которые в публичном пространстве способны конкурировать с традиционными и даже критиковать их. Таким образом, С. Хьярвард определяет медиатизацию как процесс, «в рамках которого основные компоненты социальной и культурной деятельности (например, политика, религия и образование) начинают испытывать влияние и зависимость от медиа»⁴⁴⁰.

Группа исследователей из Малайзии в процессе реконструирования истории медиатизации как самостоятельного теоретического направления обратились к таблице по институциональному становлению медиа, разработанной С. Хьярвардом в 2008 г.⁴⁴¹. В таблице представлена динамика институционального выражения и доминантных логик медиа на разных исторических этапах, до 1920-х гг., в период между 1920-ми и 1980-ми гг., после 1980-х гг. К примеру, вплоть до 1920-х гг. медиа являлись инструментом в распоряжении социальных институтов (информационные бюллетени от

⁴³⁷ Asp K. Mediatization: rethinking the question of media power // in Lundby, Knut (ed.). Mediatization of Communication. De Gruyter, 2014. Pp. 349–374.

⁴³⁸ Hjarvard S. The Mediatization of Society // Nordicom Review. 2008. 29 (2): Pp. 102–131.

⁴³⁹ Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 41–75.

⁴⁴⁰ Hjarvard S. Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World // Nordicom Review 2012. 33(1). Pp. 27–34. P. 30.

⁴⁴¹ цит. по Kho S. N., Chang P. K., Abdul L. A. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Volume 155, Pp. 362-367.

политических партий, научные журналы или религиозная пресса). В этот период посредством своего СМИ конкретный институт осуществлял информационное воздействие на определенную целевую аудиторию. С 1920-х гг. наблюдается становление медиа как самостоятельного культурного института, когда СМИ продолжают «обслуживать» другие социальные институты, но ширится количество публичных арен для институциональных презентаций и одновременно усложняются и становятся все более разнообразными аудитории, которым отправляются сообщения. А в период с 1980-х гг., по С. Хьярварду, медиа укрепляются в статусе независимого социального института. Этот период связан с профессионализацией СМИ и развитием независимой журналистики. Динамика СМИ отвечает становлению и развитию дифференцированной мультимедийной системы, развитие которой С. Хьярвард увязывает с подключением домохозяйств к спутниковому телевидению и интернету. Вновь происходит уточнение целевых групп, на которые ориентированы не только иные социальные институты, но непосредственно СМИ в разработке конкурентоспособных и коммерчески успешных площадок.

В анализе представленной таблицы малайзийские исследователи акцентировали внимание на динамике роли медиа, от «простого компаньона» иного института до самостоятельной институции⁴⁴². Изначально будучи инструментом в руках социальных элит, сегодня медиа сами стали элитной площадкой, что, в числе прочего, формирует общественное мнение. Во многом это связано с ростом общей грамотности. Вместе с тем, популярность СМИ, к примеру, рост популярности интернет-ресурсов, исследователи связывают с «удобством, доступностью и динамичностью» медиа как информационного ресурса⁴⁴³. Поэтому ситуацию, когда другие социальные институты ориентированы на размещение своих сообщений на разных медийных площадках,

⁴⁴² Kho S. N., Chang P. K., Abdul L. A. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Volume 155, Pp. 362-367. P. 363.

⁴⁴³ Kho S. N., Chang P. K., Abdul L. A. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Volume 155, Pp. 362-367. P. 364.

малайзийские исследователи прочитывают как смену парадигм, в результате чего все (прежде всего, все социальное) стало «медиатизированным».

Заключение исследователей из Азии пересекается с установкой С. Ливингстон о том, что современность можно уложить в рамку «тотальной медиации», когда происходит одномоментное функционирование нескольких медиа⁴⁴⁴. Идею С. Ливингстон подхватывает А. Хепп в размышлении о становлении медиа в исторической перспективе. Согласно его видению, история человечества не есть последовательная смена доминантных медиа. «Напротив, это кумулятивный процесс, в ходе которого постепенно возрастает разнообразие медиа вместе с различными вариантами институционализации и реификации»⁴⁴⁵. А. Хепп утверждает, что коммуникативное пространство реальности формируется не одним, но одновременно несколькими медиа.

Итак, теория медиатизации указывает на парадигматический сдвиг в понимании медиатизированного общества по двум направлениям. Первое направление указывает на сами исследования медиа и коммуникации. Второе отражает изменения в феномене коммуникаций, что, в свою очередь, перекраивают социальные ткани; речь идет о глобальных трансформациях общества⁴⁴⁶. Это позволило А. Хеппу сравнить медиатизацию с «формирующей», формообразующей (в оригинале – “molding force”) силой медиа⁴⁴⁷. В основе его аргументации лежит тезис о том, что становление медиа не проходит изолированно; оно перекликается с образом отношений между социальными субъектами, характером их коммуникаций; оно отвечает тем изменениям, что происходят в культуре. В этом плане медиа глубоко проникли во все социальные сферы, их становления и изменения встраиваются в сложную сетку взаимодействий между самими медиа, коммуникацией, культурой и обществом. В заданном контексте линейный подход в прочтении медиа не работает, т.к. не

⁴⁴⁴ Livingstone S. M. On the Mediation of Everything // *Journal of Communication*, 59(1): 2009. Pp. 1–18.

⁴⁴⁵ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38(2). С. 98–123. С. 109.

⁴⁴⁶ Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society // *Media, Culture & Society*. 2015. 37 (3). Pp. 314–324.

⁴⁴⁷ Hepp A. Mediatization and the 'molding force' of the media // *Communications*. 2012. 37 (1). Pp. 1–28.

способен отразить всю полноту происходящих процессов в медиа и по причине медиа. Поэтому А. Хепп предлагает абстрагироваться от непосредственных кейсов, чтобы быть способным зарегистрировать качество и силу взаимодействия между средствами массовой информации и другими сферами общества. Методологию абстрагирования задает теория медиатизации. Она (теория медиатизации) определяет институциональный и технологический уровень медиа в конкретный исторический период.

В 1966 г. в свет вышла работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»⁴⁴⁸; она предложила новую интерпретацию отдельных социальных практик и общества в целом, утвердив взаимовлияние человека и общества. Социальный конструкт, как и само общество, не есть нечто предустановленное; это своего рода эволюция социальной практики к социальному образцу. Человек в этом смысле играет двоякую роль: с одной стороны, он является порождением социальных конструктов, с другой стороны, он – их автор и творец. Согласно Е. Ним, большим упущением исследователей стало то, что они проигнорировали роль и место медиа в своей социальной теории⁴⁴⁹. Вместе с тем, она справедливо утверждает то, что в социальном конструировании П. Бергера и Т. Лукмана речь вовсе не о медиа. Прежде всего, это история об intersubъективном мире; она о том, что некоторые акты социальных субъектов становятся повторяемыми: только типизировавшись, они превращаются во внешнее, обязательное к исполнению большинства.

Полстолетия спустя, в 2016 г., в свет вышла работа Н. Коулдри и А. Хеппа «Медийное конструирование реальности»⁴⁵⁰. Если авторы теории социального конструкционизма были уверены в том, что мир людей творится самими людьми, точнее, природой и спецификой их взаимодействия в пространствах приватности и публичности, то авторы концепции медиатизации предлагают изменить исследовательскую оптику, введя в нее элементы материалистической

⁴⁴⁸ Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality : A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991. 323 p.

⁴⁴⁹ Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii // The Russian Sociological Review. 2017. Vol. 16. No 3. Pp. 409-427.

⁴⁵⁰ Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2016. 256 p.

феноменологии. Речь идет о медиатехнологиях, что не просто присутствуют в мире человека, но оказывают все большее влияние на конструирование человеком собственной реальности.

Н. Коулдри и А. Хепп утверждают практику медиатизации, согласно которой медиа больше не являются безучастным посредником в коммуникации людей. Сегодня медиа инициируют количественные и качественные изменения в социальной жизни человека. Чтобы занять свое место в мире социальных практик, медиа прошли становление, которое авторы именуют «волнами медиатизации». Всего они называют четыре волны⁴⁵¹:

Первая – механизация – с XV в. – печатный станок и печатные книги;

Вторая – электрификация – рубеж XIX-XX вв. – передача информации как электрический сигнал: от телеграфа и телефона до кинематографа и телевидения;

Третья – диджитализация – со второй половины XX в. – развитие интернета и соответственно системы мгновенной коммуникации;

Четвертая – XXI в. – датификация – оперирование большими объемами информации, Big Data, становление Интернета вещей.

Исследователи подмечают, что с эволюцией медиа мир людей и их поведение в этом мире становятся все более контролируемы. О. Горюнова обосновывает идею контроля через понятие «цифровой субъект». На поверхности цифровой субъект есть сумма цифровых следов, что оставляет человек в сети. Но если копнуть глубже, то оказывается, что на практике, на человека в сети влияют многие факторы, которые вовсе не обусловлены желаниями и интересами субъекта реального. На семинаре, организованном Институтом философии РАН, О. Горюнова пояснила идею цифрового субъекта через конструкцию идеального маркетингового субъекта, что был использован политтехнологами при подготовке референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза в 2016 г.⁴⁵². Тогда спинеры обратились не только к живым экспертным голосам политиков и экономистов, но к сконструированному избирателю, «среднему» британцу,

⁴⁵¹ Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2016. 256 p., pp. 34-56.

⁴⁵² Институт философии РАН [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: https://www.youtube.com/@iph_ras (дата обращения: 15.06.2023).

«такому же, как все простые избиратели», кто знает, как он проголосует и почему. Позиция сконструированного «мистера Джонсона» стала вирусно распространяться по неофициальным цифровым каналам, социальным сетям, форумам и чатам.

В размышлении о специфике функционирования новых медиа Н. Коулдри и А. Хепп формулируют свои опасения по поводу того, что социальная реальность выходит из-под власти человека⁴⁵³. Само поведение социального субъекта, публичная и приватная стороны его жизни все активнее встраиваются в алгоритмы, которые осуществляются технологическими монополистами, корпоративными транснациональными гигантами из сферы цифровых технологий. Подобную идею развивает в своих кейсах Й. ван Дийк.

Отечественный социолог Е. Ним в оценке работы А. Хеппа и Н. Коулдри “The Mediated Construction of Reality” заключает, что «это не только удачная попытка описать нашу новую жизнь с цифровыми медиа, но и амбициозный проект по пересмотру социальной теории, призванный повысить ее чувствительность к трансформативному потенциалу коммуникативных технологий»⁴⁵⁴. Она тройко характеризует социальную герменевтику, которые авторы предложили в своем подходе к медиатизации: во-первых, эта герменевтика фигуративная, т.к. связана с концепцией фигураций Н. Элиаса; во-вторых, материалистическая рамка в конструировании социальных миров выстраивается на базе техники и технологий; в-третьих, критическая, т.к. сам процесс медиатизации и его последствия рассматриваются авторами с позиций нормативности⁴⁵⁵. Несмотря на то, что в предложенном подходе, по мнению Е. Ним, акцент в некоторых случаях неоправданно смещен с интеракции субъектов на медиа, в сравнении с другими представителями медиатизации А. Хепп и Н. Коулдри решились на выстраивании критической оптики на сам феномен медиатизации. Для этого они не просто интегрировали медиатизацию в

⁴⁵³ Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2016. 256 p. Pp. 34-56.

⁴⁵⁴ Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii // *The Russian Sociological Review*. 2017. Vol. 16. No 3. Pp. 409-427. P. 422.

⁴⁵⁵ Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii // *The Russian Sociological Review*. 2017. Vol. 16. No 3. Pp. 409-427. P. 423.

социокультурный контекст, а представили ее социальные и культурные последствия в плоскости нормы.

Рецензия на книгу А. Хеппа и Н. Коулдри “The Mediated Construction of Reality” не является единственной работой Е. Ним по теме медиатизации. В другой работе в центр ее внимания попадает концепт медиатизированных миров, на этот раз разработанный А. Хеппом в соавторстве с Ф. Кротцем⁴⁵⁶. Е. Ним дает весьма жесткую оценку концепции самой теории медиатизации, которая стремится концептуализировать парадигматический сдвиг в Media Studies, но в связи с аморфностью некоторых из ключевых положений является не более, чем «хэштегом»⁴⁵⁷. На ее фоне куда более основательным оказывается концепт медиатизированных миров, что позволяет рассмотреть медиатизацию не на материалы культуры в целом, но сквозь отдельные социальные сегменты⁴⁵⁸. Сам А. Хепп задает следующую смысловую рамку медиатизированным мирам, «как определенные "малые жизненные миры" или "социальные миры", конституирование которых зависит от артикуляции посредством медиакоммуникации. Их отличает набор обязательных интерсубъективных знаний, определенные социальные практики и культурные уплотнения (cultural thickenings)»⁴⁵⁹. Е. Ним на базе этого концепта рассматривает социальный мир сквозь призму трех измерений: «мир-территорию, мир-фигурацию и мир-альтернативу»⁴⁶⁰.

В свою очередь, В.Л. Примаков дает нейтральную оценку медиатизации. Он предлагает исследование в своеобразной теоретической динамике, от конкретных феноменов, например, медиатизированной политики и религии, и исследовательских направлений, медиасоциологии и медиалогии, к непосредственно медиатизации, которую социолог дефинирует как «процесс и

⁴⁵⁶ Hepp A., Krotz F. Mediatized Worlds – Understanding Everyday Mediatization in: Hepp, A., Krotz, F. (eds) Mediatized Worlds. Palgrave Macmillan, London, 2014.

⁴⁵⁷ Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. №3. С. 8-25. С. 21.

⁴⁵⁸ Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. №3. С. 8-25. С. 14.

⁴⁵⁹ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98–123. С. 110.

⁴⁶⁰ Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. №3. С. 8-25. С. 8.

результат формирующего влияния массмедиа на общественные отношения, социальные практики и институты посредством медиатехнологий, в ходе которого "конструируется" (и воспроизводится) особая медиасоциальная реальность»⁴⁶¹. Если Е. Ним сомневается в теоретической обоснованности медиатизации как новой социокультурной парадигмы, то В.Л. Примаков, наоборот, утверждает универсальность категории для социологии и иных социальных наук.

В другой работе В.Л. Примаков использует концепцию медиатизации при отслеживании институциональных изменений, что происходят в современном обществе⁴⁶². Для этого он анализирует трансформацию медиапрактик, движение от телевидения к интернету как основному информационному источнику среди более молодой и технологически оснащенной аудитории. Подобное различие наличествующих информационных практик приводит, по мнению В.Л. Примакова, к разрыву между «контентообразующими» (активными) и «контентопотребляющими» (пассивными) пользователями медиа, что, в свою очередь, отвечает логике социального различения, способствует формированию в обществе многих относительно автономным субкультур⁴⁶³.

Как было сказано выше, в рамках социообразующего процесса А. Хепп фокусирует свое внимание на медиа. Вместе с тем, сами теоретики медиатизации, в их числе А. Хепп, С. Хьярвард, К. Ландби, отрицают легитимность обвинений в свой адрес по поводу медиацентричности (в оригинале – “media-centric”) как односторонности своего подхода. Подход они определяют как медиацентрированный (“media-centered”), где общество прочитывается как некая холистическая единица, что базируется на взаимодействующих социальных силах, одной из которых выступает медиа⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ Примаков В. Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. №3 (836). С. 221-238. С. 225.

⁴⁶² Примаков В. Л. Медиатизация и ее социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. №1 (838). С. 222-240.

⁴⁶³ Примаков В. Л. Медиатизация и ее социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. №1 (838). С. 222-240. С. 239.

⁴⁶⁴ Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society // Media, Culture & Society. 2015. 37 (3– Pp. 314–324.

С одной стороны, медиатизация есть новый вариант интерпретации движущей силы в обществе, как, например, индустриальное производство у К. Маркса или социальные конструкты у П. Бергера и Т. Лукмана. Вместе с тем, в дискурсе самого А. Хеппа медиа есть не столько движущая социальная, сколько социоформирующая или формообразующая сила (“molding”)⁴⁶⁵. В этом плане прочтение медиа невозможно вне социального контекста. Поэтому в исследовательском подходе к медиа он ориентируется не на единственную логику медиа, что предлагают представители институционального подхода, но несколько логик, направление в развитии которых задается контекстом.

Медиатизация, по А. Хеппу, есть исследование не мезо-, но метауровня, когда сам формат исследования позволяет исследователю обнаружить фундаментальные трансформации, причины которых сокрыты в медиасреде⁴⁶⁶. Панорама реализуемых трансформаций разворачивается в конструировании взаимосвязей между медийными коммуникациями и социокультурными сдвигами. Направление исследовательских линий в этой панораме имеет три вектора: первый – историчность медийных трансформаций, второй – множественность, третий – заложенная в них «модернистичность», что выходит за границы медиа. Реализация первого исследовательского вектора может быть представлена волнами медиатизации. Второй вектор указывает на создание и массовизацию различных цифровых технологий. В свою очередь, третий вектор коррелирует с распространением т.н. пользовательского контента, что стало возможно, в частности, с развитием Web 2.0. Он указывает на то, что потребители медиаконтента получили доступ к его (контента) производству. Это пересекается с мыслью С.В. Тихоновой о том, что сегодня в интернет зашли массы, т.е. с развитием web 2.0 цифровая среда сформировалась таким образом, что обычному пользователю стала доступна не только функция потребления, но функция распространения своего авторского контента⁴⁶⁷.

⁴⁶⁵ Hepp A. Deep mediatization. Routledge, 2020. 260 p.

⁴⁶⁶ Hepp A. Deep mediatization. Routledge, 2020. 260 p.

⁴⁶⁷ Тихонова С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 2. С. 84-101.

По большому счету, концепция медиатизации придает социально-культурный объем исследованиям медиа. Так, А. Хепп пишет, «исследование медиатизации не может сводиться к исследованию изменяющихся медиа как таковых. Поскольку исследование медиатизации сфокусировано на взаимосвязи между изменением медиа и коммуникации, с одной стороны, и изменением культуры и общества, с другой стороны, то целесообразно начать анализ с изучения изменяющихся коммуникативных конфигураций»⁴⁶⁸. Вероятнее всего, речь идет о настройке на то, чтобы выстроить такую исследовательскую оптику, которая способна включить медиа во всем их объеме, точнее технико-технологическую базу, субъектов, к ней обращающихся, социальные отношения, что строятся в самой базе и вокруг нее, а также социальные и культурные трансформации, что с ней связаны. По оценке А. Хеппа, «процесс медиатизации не линейен, в нем существуют определенные "взрывы" ("erruptive" moments), которые мы можем назвать "волнами медиатизации". Этот термин указывает на то, что развитие определенных медиа может привести к возникновению качественно иной медиасреды, которая делает возможным образование новых коммуникативных фигураций»⁴⁶⁹. О волнах медиатизации было сказано выше. В рамках исследования следует упомянуть, что волна медиатизации, точнее – конкретные медиа, выстраивающие вектор ее направления, оказывают влияние на формы и варианты социальной идентичности, предлагают ориентиры в становлении правомочным субъектом социальных практик, получающим социальное признание.

Печатный станок И. Гутенберга изменил ход становления культуры: увеличилось количество книг, снизилась их цена. Соответственно книга стала все более доступной, вышла за рамки монастырей, той узкой аудитории, что имела непосредственный доступ к производству, хранению и распространению книг. О станке И. Гутенберга вспоминают Н. Коулдри и А. Хепп, когда прописывают

⁴⁶⁸ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98–123. С. 115.

⁴⁶⁹ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98–123. С. 117.

становление истории в контексте волн медиатизации. Если первая волна поднимается с появлением печатной книги, то уже со второй волны понимание человеком истории выстраивается с опорой на электричество и электрический сигнал; интернет и мобильные гаджеты предопределили то направление развития истории, что маркируется как цифровая эра.

Медиатизация есть смешение разнонаправленных процессов цифровизации и коммуникативных посредников, медиумов. В четвертую волну медиатизации на первый план вышли т.н. Big Data. Эти «большие данные», с одной стороны, формируются самим человеком всякий раз, когда он оставляет цифровой след (или отпечаток), презентует информацию о себе в различных формах, в том числе, покупках, оригинальных публикациях или лайках, репостах; с другой стороны, сами данные определяют видение субъектом цифровой реальности себя и формирования его понимания этого мира, в том числе, через практики памяти.

В этом контексте интересным становится обращение к идее «подключенности». Автор идеи, К. Фаст, в контексте установки на незаменимость медиа (“Media Indispensability”) обращается к эмпирической базе телекоммуникационных корпораций, IBM, Huawei и Ericsson⁴⁷⁰. Каждая из них в том или ином виде, в стратегических планах или рекламной продукции, заявляет идею “connectivity”, установку на то, чтобы быть подключенным к родным и близким посредством мобильного гаджета, что предлагают телекоммуникационные корпорации выше.

Идея о том, чтобы быть подключенным, быть на связи всегда и везде, отражена также в миссии “Facebook”⁴⁷¹. В 2011 г. социальная сеть совместно с производителями мобильных гаджетов зашла в некоторые регионы Индии с низкими экономическими показателями. В официальных заявлениях от социальной сети миссия проекта выражалась как раз в том, чтобы подключить тех, кто до того не имел технической возможности выйти на связь с Другим, т.е. не было ни персональных гаджетов с выходом в интернет, ни самого интернета

⁴⁷⁰ Fast K. A discursive approach to mediatisation: Corporate technology discourse and the trope of media indispensability // Media and Communication. 2018. 6(2). Pp. 15–28.

⁴⁷¹ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

вследствие отсутствия вышек и сетевых кабелей. Социальная сеть «подарила» connectivity людям из бедных районов. В этом кейсе Й. ван Дийк усматривает противоречие между connectivity и connectification. В первом случае речь идет о широком смысле «быть на связи»: быть подключенным даже не столько технически, сколько иметь возможность выходить на связь с родными и близкими (и не только) в любом месте и в любое время. Connectification, в свою очередь, ограничивается техническим аспектом. В рамках кампании от социальной сети людям раздавались смартфоны, на которых были установлены базовые приложения. Все установленные приложения были связаны с корпорацией. Так, за полученный доступ в интернет подключенные граждане Индии фактически заплатили информационными данными, что оставляли в этих приложениях⁴⁷².

Выводы по параграфу: наблюдая за трансформациями медиумов, от книги к электрическому сигналу и Big Data, можно заключить, что современные медиа, безусловно, изменили форму и качество интересубъективного взаимодействия и вообще сам характер коммуникации, которая преодолела традиционные пространственные и временные ограничения. Сегодня под медиа, как правило, понимается среда, содержащая совокупность способов связи и взаимодействия субъектов социальных практик, вне зависимости от их местоположения. Медиа определяют характер коммуникации между социальными единицами; этим они воздействуют на конкретные социальные практики (в частности, практики труда или образования в дистанционном формате) и на общество в целом.

В конце XX в. философы-постмодернисты проблематизировали вопрос о границе между реальным и виртуальным (или гиперреальным, по Ж. Бодрийяру) мирами. Их опасения, в самом общем смысле, сводились к тому, что медиаиндустрия поставила под вопрос целостность человеческой природы, традиционные способы восприятия и мышления, когнитивные способности и т.д. Теоретики медиа, в свою очередь, обозначили онтологические изменения в исследовательской парадигме медиа, когда медиа интерпретируются как

⁴⁷² van Dijck J. After Connectivity: The Era of Connectication // Social Media + Society. 2015. 1. 205630511557887.

необходимый посредник / медиатор коммуникации, позволяющий все в мире рассматривать сквозь призму медиации и медиатизации.

Баланс между количественными (изучение новых медиа и форм их воздействия на конечного потребителя информации) и качественными (определение социокультурных последствий в исполнении медиа) исследованиями медиа был найден в теории медиатизации. Изначально термин «медиатизация» появился в дискурсе немецкоязычных мыслителей и до сих пор вызывает вопросы о своей уместности и о контекстах воспроизведения. Тем не менее, Н. Кулдри и А. Хепп, например, рассматривают неудобства термина в английском языке как указатель на глобальность процессов, инициированных медиа, что выходит за рамки англоговорящего мира. Каким бы ни был дискуссионным статус термина, сам концепт медиатизации позволяет дать достаточно развернутый ответ на вопрос о роли и месте медиа в контемпоральном мире; идея медиатизации указывает на проникновение и обоснование медиа в социальных практиках, – рабочих, бытовых, досуговых. Все это изменяет тип и форму коммуникации в обществе, трансформирует само общество. В этой теоретической рамке медиатизация является продолжением технологического детерминизма, его методологическим развитием, формирующим основу новой парадигмы в социальной философии вообще и авторского подхода в прочтении проблемы идентичности, в частности.

§ 2.3. Цифровые технологии в социальной динамике медиа

Интенсивное проникновение медиа в социальную ткань порождает новые идеи в контексте социальной онтологии. Одну из них, концепцию ускоряющегося времени, предлагает Дж. Вайсман. Особенность содержания концепции состоит в том, что само время никуда не бежит и не ускоряется, трансформируются социальные призмы его восприятия. Так, в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий складывается впечатление,

которое Дж. Вайсман именовала «сжатием времени – пространства»⁴⁷³. В качестве иллюстрации она обратилась к финансам, что, с одной стороны, давно вышли за грань материального, стали примером «нематериального мира Кастельса, в котором время, место и живые люди вытеснены виртуальными информационными сетями»⁴⁷⁴; но, согласно позиции Дж. Вайсман, финансы даже сегодня невозможны без т.н. «телесной», материально-технической базы. Функционирование финансовых потоков происходит не в эфемерном облаке данных; наоборот, такое облако есть результат работы «груды железа». Социолог из Великобритании достаточно детально прорисовывает эту картинку: «Центры финансовой торговли – большие помещения, потребляющие огромное количество электроэнергии, идущей на охлаждение быстродействующих компьютеров. В этих помещениях немногочисленный персонал теряется среди бесконечных компьютерных серверов и цифровых переключателей и километров кабелей, соединяющих эти серверы с аналогичными устройствами во внешнем мире. По современным стандартам очень крупный центр по обработке данных может представлять собой здание площадью 500 тыс. квадратных футов, потребляющее 50 мегаватт электроэнергии – такой мощности хватит, чтобы освещать небольшой город»⁴⁷⁵.

Медиумы, пропускающие финансовые и иные информационные потоки, эволюционируют. Сегодня на технологическую авансцену вышли процессоры, ставшие базой для нейросетей, искусственного интеллекта, суперкомпьютеры, позволяющие оперировать с Big Data. Тем не менее, это не является, по мнению Дж. Вайсман, достаточным основанием для определения нашего времени как сетевого или информационного общества. Ее опасения направлены на форму выражения ключевых характеристик новых обществ; все они (характеристики) представлены в утопическом формате; это новые «техноутопии», что сфокусированы на технологической «обертке» и цифровых последствиях ее функционирования, но забывают о материальном базисе этой цифровой системы

⁴⁷³ Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 18.

⁴⁷⁴ Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 48.

⁴⁷⁵ Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 48.

и рутинных социальных практик, что «начинают» любое общество, каким бы виртуализированным оно ни было.

Дж. Вайсман неслучайно обращается к проблеме ускоряющегося времени в цифровую эпоху. То, как цифровая техника обосновывается в повседневных социальных практиках индивидов и групп, влияет на специфику восприятия времени, реализуется в условиях «сжатых» пространства – времени. Функционирование социальных практик теперь реализуется в условиях этого сжатия, в ситуации, когда оформляются новые темпоральные феномены, например, мгновенное время (что, в частности, характеризует формат коммуникации, реализуемый при обмене мгновенными сообщениями). Это обосновывает запрос Дж. Вайсман на глубокий социальный анализ техники, в том числе, цифровой техники. Вместе с тем, она является не первым исследователем, поставившим подобный вопрос. Социальный анализ техники представлен, в числе прочего, в рамках исследований науки и техники (англ. Science and Technology Studies, STS). По словам Дж. Вайсман, в рамках этой научно-технологической рамки формируется «более нюансированное понимание влияния техники на время. Такой взгляд позволяет понять, что общество – это не только его техника, а техника – это не одни лишь устройства и механизмы. Иными словами, социальный мир нельзя свести к технике, составляющей его содержимое. При таком подходе роль техники отнюдь не умаляется – наоборот, она становится еще более значительной»⁴⁷⁶.

Отечественный философ А.А. Писарев продолжает размышления об актуальности STS в современных исследовательских практиках. Правда в фокусе его внимания не техника как таковая, но технонаука, некое сборное понятие для выражения актуального состояния науки, что заключено в пространстве между общими фундаментальными исследованиями и конкретными прикладными. В контексте STS внимание фиксируется на становящейся природе науки. А.А. Писарев отмечает, что «наука – не раз и навсегда данная натуральная сущность, а однажды возникшая историческая конструкция, которая переживала

⁴⁷⁶ Вайсман Дж. Времени в обрз. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 35.

и продолжает переживать переучреждение и пересборку. Любой ходовой ее образ – из какой бы то ни было научной идеологии или критического описания – неизбежно отстает от реальности и грозит необоснованными ожиданиями, поэтому такой подход, внимательный к динамике и генеалогии составляющих, возможно, помог бы повисить чуткость к актуально происходящему с наукой и понять его *in its own right*»⁴⁷⁷. Сама установка STS на высвечивание в кажущихся автономными феноменах науки и техники перспектив антропологического и социального их понимания позволяет отечественным философам концептуализировать т.н. гуманистическое измерение технонауки, обосновать корреляцию между современной наукой и исследованиями гуманизма⁴⁷⁸.

В свою очередь, в пространстве массовой культуры образ ученого как проводника самого процесса и результатов, в том числе, социальных последствий технонауки может быть обнаружен в некоторой нетривиальной форме – в фильмах ужасов. Так, С.А. Маленко и А.Г. Некита утверждают два регистра в презентировании образов науки и ученого в контексте американских фильмов ужасов, возвышенная жертвенность и тотальная месть. Обращение к столь необычному материалу для понимания современного ученого авторы обуславливают т.н. новым, неутилитарным взглядом; они пишут, «голливудскому хоррор-кинематографу удалось вскрыть экзистенциальную пустоту и трагедию исследователя, которого власть ввергает в непрерывную и безумную гонку за научными открытиями»⁴⁷⁹. Сама ткань фильмов ужасов, по мнению философов, разворачивает экзистенциальные проблемы в актуальном визитном формате. К примеру, в другой своей работе А.Г. Некита высвечивает проблематику страха на материале фильма «Мгла»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁷ Писарев А. А. STS и возможное будущее музея науки: к новой кунсткамере // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 4(30). С. 131-185. С. 155.

⁴⁷⁸ Союз науки и гуманизма / А. А. Аргамакова, И. Т. Касавин, А. О. Костина [и др.]. Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. 178 с.

⁴⁷⁹ Маленко С. А., Некита А. Г. Возвышенная жертвенность или тотальная месть: образы науки и ученого в американском фильме ужасов // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 1. С. 131-143. С. 131.

⁴⁸⁰ Некита А. Г., Сулова Е. П. Сквозь "Мглу" к "Самости": американский фильм ужасов в стратегиях визуальной стратификации общества потребления // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2(35). С. 263-268.

Вообще проблематика STS находится в поле научных интересов отечественных исследователей уже не первое десятилетие. Так, И.Т. Касавин определяет STS как мировой тренд междисциплинарных исследований⁴⁸¹. В совместной статье с Л.В. Шиповаловой исследователи акцентируют свое внимание на книге У.Т. Линча “Minority report”⁴⁸², что, с одной стороны, продолжает традицию исследований, ориентированных на диалектический подход, а с другой стороны, высвечивает споры в границах STS, зачатые в перспективе развития постмодернистского мира⁴⁸³.

Интерес, исходящий от представителей из разных исследовательских областей, позволяет отечественному социологу О.В. Бычковой дефиницировать STS как попытку «осмыслить и объяснить историю, развитие и будущее научных открытий и инженерных разработок в обществе»⁴⁸⁴. Следуя установке С. Вулгара, она предлагает вывести технику и технологии из нейтрального статуса, представить их сквозь призму социального контекста как феномены, которые «вписаны в многочисленные ценности, установки и стереотипы»⁴⁸⁵. Отечественный социолог использует классическую иллюстрацию с мостами Нью-Йорка, что, в числе прочего, представлена в работе Л. Виннер⁴⁸⁶. Сегодня в Нью-Йорке функционирует более 15 мостов разных высот. В 1986 г. Л. Виннер предположил, что высота моста обратно пропорциональна экономическому престижу района; в престижных районах нет необходимости в высоких мостах, т.к. там не проходят двухъярусные автобусы, например, или торговые суда. Это подтверждает установку на то, что в технологической разработке заложены определенные социальные ценности, отражающие актуальное состояние общества.

⁴⁸¹ Касавин И. Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39, № 1. С. 5-17.

⁴⁸² Lynch W. T. *Minority report: dissent and diversity in science*. London, UK and New York, NY: Rowman & Littlefield, 2020. 380 p.

⁴⁸³ Kasavin I., Shipovalova L. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies // *Philosophy of the Social Sciences*. 2022.

⁴⁸⁴ Бычкова О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // *Социология науки и технологий*. 2020. Т. 11, № 3. С. 7-21. С. 8-9.

⁴⁸⁵ Бычкова О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // *Социология науки и технологий*. 2020. Т. 11, № 3. С. 7-21. С. 13.

⁴⁸⁶ Winner L. *The Whale and the Reactor*. University of Chicago Press, 1986. 240 p.

Выстраивая ретроспективу в полстолетнем существовании STS, О.В. Бычкова определяет их основные идеи тремя ключевыми тезисами, «Наука и технологии – социальные; ученые и инженеры, которые занимаются наукой и технологиями, включены в социальные отношения; наука и технологии активны: они конструируют общество вокруг себя»⁴⁸⁷.

В дискурсе Дж. Вайсман STS занимает срединное положение между своеобразными техноптимизмом и технофобией, или технопессимизмом. Оба из них могут быть представлены в варианте так называемого крайнего технологического детерминизма (размышление о нем было развернуто в предыдущем параграфе), когда понимание любых технологических трансформаций лежит за пределами социальной рамки, однако сама динамика технологий оказывает широкое влияние на изменения в обществе. В такое прочтение уже заложено представление об автономном положении техники по отношению к обществу.

В свою очередь, STS руководствуется принципом, согласно которому «всякая техника по своей природе социальна, поскольку она создается, изготавливается, используется и управляется людьми»⁴⁸⁸. По Дж. Вайсман, этот принцип выражает интеллектуальную и политическую позицию исследователя, указывает на протест по отношению к детерминизму, что сам стоит в оппозиции к ценностям гражданского общества и к демократическому потенциалу. Прочтение техники как автономной единицы чревато некритическим отношением к ней, впадением в один из крайних полюсов представления места техники в структуре социального целого. Рассмотрение науки и техники сквозь призму STS, в свою очередь, определяет их (науки и техники) открытость социальному, в частности, философскому анализу, понимание возможностей их использования в различных политических целях.

Поэтому STS предлагает такой вариант прочтения техники, в котором та является органичной конструктивной частью всего социального механизма. В

⁴⁸⁷ Бычкова О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 7-21. С. 18.

⁴⁸⁸ Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 63.

этом плане высвечивается созидательный потенциал техники в формировании *identitas* социальных субъектов и общества в целом. Это позволяет Дж. Вайсман делать вывод о том, что «технологии представляют собой итог ряда конкретных решений, принимаемых конкретными группами людей в конкретных местах и в конкретное время в своих целях. В этом смысле технологии несут на себе следы человека и социального контекста, в котором они были разработаны»⁴⁸⁹. Отсюда оптимальной выглядит исследовательская позиция Д. Харауэй, что является критической и одновременно указывает на научно-технологический потенциал: «Вопрос уже не в том, принимать или отвергать технонауку, а в том, как стратегически использовать технонауку, в то же время оставаясь ее главным критиком»⁴⁹⁰.

STS является тем направлением в исследованиях науки и техники, которое легализовало цифровые технологии в академическом дискурсе. Аналитика российских научных публикаций по запросу «цифровые технологии» за последние пять лет приводит к соображению, согласно которому подавляющее большинство исследований посвящено образованию, обучению, повышению квалификации, формированию знаний, умений и навыков. При этом, тематический спектр неопределенно широк: от подготовки учителей технологии⁴⁹¹ и инженерного образования для транспортной отрасли⁴⁹² до обобщающих работ по дополненной реальности в образовании⁴⁹³ и технологиям обработки больших данных⁴⁹⁴. Анализ материалов из международной базы данных Scopus дает, в целом, похожие результаты. Естественно, удельные веса изучаемых аспектов разнятся, однако популярность темы цифровых технологий в

⁴⁸⁹ Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 66-67.

⁴⁹⁰ цит. по Вайсман Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 61.

⁴⁹¹ Китайгородский М. Д. Современные индустриальные цифровые технологии в подготовке учителя технологии // Школа будущего. 2019. № 5. С. 116-121.

⁴⁹² Климов А. А., Куприяновский В. П., Соколов И. А., Заречкин Е. Ю., Куприяновская Ю. В. Цифровые технологии, навыки, инженерное образование для транспортной отрасли и технологии образования // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7. № 10. С. 98-127.

⁴⁹³ Буробина К. Д., Тонких Е. В. Сквозные цифровые технологии в образовании – технология дополненной реальности // Цифровая экономика. Новое время – новые технологии. Росинфоком-2020. Материалы VI Всероссийской научно-технической конференции. САМАРА, 2020. С. 45-46.

⁴⁹⁴ Михнев И. П. Цифровые технологии Big Data в современном высшем образовании: технологии поиска и обработки неструктурированной информации // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации. Материалы Семнадцатой открытой Всероссийской конференции. Ответственный редактор А. В. Альминдеров. 2019. С. 326-329.

образовании растет от года к году. Например, по ключевым словам “Big Data, Education” лидирующие позиции занимают Computer Sciences (более 5000 публикаций), а Social Sciences держат второе место (более 3000 публикаций), уверенно опережая по соответствующему запросу медицину, инжиниринг, менеджмент и бизнес, экономику и финансы. В совокупности по “Big Data, Education” в 2022 г. вышло более 10.000 публикаций. Сама по себе общая статистика показательна, однако содержание отдельных публикаций заслуживает, на наш взгляд, куда большего внимания, нежели числовые показатели.

Значимость содержания научных исследований Digital Technologies, как кажется, соответствует реальным трендам нашего времени. В 2019 г. коллектив китайских ученых опубликовал статью «Образовательная реформа в области обучения работе с большими данными в прикладных технических колледжах и университетах Китая». В аннотации к ней прямо используются «симптоматические» маркеры, указывающие на эксплозивный характер внедрения цифровых технологий в интеллектуальную деятельность и повседневность: «С бумом науки о данных все больше внимания уделяется обучению в области больших данных со стороны всевозможных колледжей и университетов Китая, и многие из них спешат предложить обучение по большим данным»⁴⁹⁵. Это служит показателем того, что образовательные институции решительно перестраиваются в соответствии с веяниями времени и, вполне вероятно, не слишком сильно запаздывают в практике формирования технико-технологических навыков молодого поколения, как полагал, например, Э. Тоффлер⁴⁹⁶. Примечательно, что исследовательский коллектив из Китая отреагировал на эту тенденцию серией предложений по корректировке существующих учебных программ. В аннотации авторы перечислили и наиболее важные идеи исследования. Они сводятся к трем положениям: а) должна быть четко определена система профилей выпускников, поскольку потребности в талантах для работы с большими данными являются иерархическими; б)

⁴⁹⁵ Li X., Fan X., Qu X., Sun G., Yang Ch., Zuo B., Liao Zh. Curriculum Reform in Big Data Education at Applied Technical Colleges and Universities in China // IEEE Access. 2019. V. 7. Pp. C. 125511.

⁴⁹⁶ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 570 с.

переработанная программа по обучению работе с большими данными должна предоставить учащимся больше практических возможностей и знаний; с) обучение применению существующих основных технологий и инструментов для работы с большими данными должно быть важным компонентом учебных планов по работе с большими данными. Собственно, авторские предложения циркулировали вокруг этих трех тезисов.

Кажется, что перед нами развернута некая практикоориентированная программа, пренебрегающая трансляцией общекультурных знаний и удаляющая в «остаток» этические, правовые, философские и иные проблемы. Однако такой вывод не соответствовал бы действительности. Исследователи составили план четырехлетнего обучения (намеренно рассмотрим учебную матрицу с конца).

1. 4-й г. о.: «Введение в информационную безопасность», «Интернет вещей», «Профессиональная практика»;

2. 3-й г. о.: «Инструментарий "Python" для финансов», «Дизайн и аналитика алгоритмов», «Методы компьютинга», «Искусственный интеллект», «Облачный компьютинг», «Эконометрика» и др.;

3. 2-й г. о.: «Дискретная математика», «Аналитика финансовых и экономических данных», «Web-программирование», «"Python"-программирование», «Вероятности и статистика». Второй год обучения начинается с курсов «Введение в базовые принципы марксизма» и «Введение в идеи Мао Цзэдуна»;

4. 1-й г. о.: «Объектно-ориентированное программирование», «Структурирование данных», «Высшая математика» и др.

Завершают первый год обучения курсы «Формирование нравственности и основы права», «Контур (в оригинале "Outline") новой истории Китая» и курс, название которого позволим себе передать без перевода – «Situation and Policy». Этот курс преподается, согласно программе, в течение двух лет. Авторы, анализирующие «Situation and Policy», акцентируют внимание, в общем, на одном и том же аспекте, эксплицитно выраженном и в кратком изложении учебной программы. Ниже приведем фрагмент аннотации к исследованию 2020 г.: «Эпоха

больших данных в интернете меняет нашу повседневную жизнь, стиль обучения, режим работы и т.д. и в то же время ставит новые задачи и требования к идеологическому и политическому образованию в университетах. Исследование инноваций учебной программы "Situation and Policy" в колледжах в эпоху больших данных позволит еще больше повысить научный субстрат соответствующей учебной программы. На фоне эпохи данных контрмеры усиливают ситуацию и эффект политического курса, стандартизируют содержание обучения, постепенно реализуют важные данные содержания обучения; в связи с этим важно объединить идеологический и политический класс с социальным классом, усилить подготовку учителей, создать систему оценки научной учебной программы»⁴⁹⁷.

Управление технологиями в дискурсе исследователей из Китая граничит с их пониманием. Иными словами, о новых технологиях необходимо что-то знать, нужно знакомство с тем, что А.А. Дыдров называет «технологической азбукой»⁴⁹⁸. Помимо прочего, не следует забывать о гуманитарной концептуальной рамке – социологической, культурологической, философской; чтобы представлять возможные последствия изобретения и применения той или иной технологии, необходимо иметь прогностическую оптику.

Из всего пула цифровых технологий, таких как виртуальная и дополненная реальность, голосовые помощники и чат-боты, цифровая экономика, криптовалюта, цифровое телевидение, социальные сети, умные гаджеты, дома и города, сосредоточим внимание только на трех, – интернете, больших данных и искусственном интеллекте. Представляется, что обозначенные технологии в большей степени отвечают тематике исследования. Рассмотрение этих технологий позволяет под особым ракурсом посмотреть на проблематику субъектности и идентичности социальных актантов в цифровых условиях, и

⁴⁹⁷ Liu H. Research on the innovation of «situation and policy» curriculum through computer modeling and data analysis // Journal of Physics: Conference Series. 2020. V. 1624. I. 26.

⁴⁹⁸ Дыдров А. А. Социально-гуманитарная экспертиза цифровых технологий // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание : Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 14–16 сентября 2022 года. Под общей редакцией В.Ю. Ефанова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 64-66.

определяют границу исследовательского поля. Ниже представлен лаконичный разбор каждой из указанных технологий.

Интернет. В 2018 г. в свет вышла противоречивая работа профессора Гарварда, социального психолога и философа Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» (ориг. “The Age of Surveillance Capitalism”, работа переведена на русский язык в 2022 г.⁴⁹⁹). В ней автор обосновывает концепцию новых капиталистических практик, что получили наименование «надзорный капитализм». Она разбирает бизнес-модели цифровых компаний, в том числе, Google и Amazon. Разбор проходит в контексте вопрошания о том, насколько свободен сам интернет и способствует ли он свободе пользователей. Ш. Зубофф категорично заявляет о том, что «новый экономический порядок претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи. Паразитическая экономическая логика, в рамках которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре изменения поведения»⁵⁰⁰. Ш. Зубофф проводит явную критическую линию по отношению к цифровой капиталистической политике, квалифицируя действия цифровых компаний как манипулятивные. Для этого в своих дефинициях она использует маркеры с легко считываемой эмоциональной окраской: «человеческий опыт как сырье», «бесплатное сырье», «паразитическая экономическая логика». Отсюда легко уйти в пространные размышления о природе самого интернета, отказать пользователю интернета в любых реальных правах и свободах (особенно если вспомнить о том, что прообразом современного интернета является американская военная разработка, Арпанет (от англ. Advanced Research Projects Agency Network) 1969 г. и утверждать мифы об американской гегемонии.

С.И. Платонова инъецирует концепцию Ш. Зубофф в русскоязычное пространство⁵⁰¹. Ее внимание сосредоточено на эволюции паноптикона в

⁴⁹⁹ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.

⁵⁰⁰ Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. NY.: Public Affairs, 2019. 349 p.

⁵⁰¹ Платонова С. И. Большие данные и социальный контроль в повседневной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32, № 3. С. 228-234.

суперпаноптикон, усиливающий практики контроля посредством инструментальной власти, больших данных, которые, с одной стороны, увеличивают продажи транснациональных корпораций, с другой стороны, делают поведение покупателей все более прогнозируемым. Отсюда С.И. Платонова ставит этический вопрос о границах и характере пользования большими данными⁵⁰².

Однако в большей степени продуктивным с герменевтической точки зрения представляется обратиться к социальным исследованиям интернета, в которых заявлена критическая позиция в прочтении интернета и, тем не менее, содержание которых определено не только задачами критики. Так, например, согласно Дж. Вайсман, интернет выступает неким *imago* ускоряющегося времени; он «представляет собой набор технических стандартов и возможностей, из которых складывается "сеть сетей", объединяющая между собой ИКТ, включая всевозможные компьютеры и разнообразные мобильные потребительские устройства и электронные мультимедиа»⁵⁰³. В начале XXI в. М. Кастельс позиционирует интернет как меритократическое пространство, где власть – в руках его разработчиков. Однако многое за первую четверть века изменилось; в интернет зашли и основательно там обосновались массы людей. Возможность подключения масс к интернету программист Т. О’Райли связывает с появлением новой технологии, что известна под названием “Web 2.0”. Принципиальное отличие между “Web 1.0” и “Web 2.0” Т. О’Райли видит в появлении и распространении открытого программного обеспечения, благодаря которому, во-первых, т.н. «внешние» для корпорации-разработчика программисты могли дорабатывать исходный код программы; во-вторых, с 2001 г. веб-разработчики создают сайты с ориентацией на их интуитивное прочтение т.н. «юзерами»⁵⁰⁴. Все это позволило интернет-предпринимателю Дж. Калаканису говорить о следующей эволюционной ступени в развитии интернета, “Web 3.0” как некой новой «версии

⁵⁰² Платонова С. И. Социальные знания и социальные изменения в контексте больших данных // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 160-168.

⁵⁰³ Вайсман Дж. Времени в обрз. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 69.

⁵⁰⁴ O'Reilly T. What Is Web 2.0 [Электронный ресурс] O'Reilly [Сайт]. Режим доступа: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 17.06.2023).

dig, в которой эксперты проверяют обоснованность утверждений, исправляют ошибки и переформулируют заголовки, чтобы они были более точными»⁵⁰⁵.

Нижегородские исследователи, в свою очередь, в построении эволюции “web” сосредотачивают внимание на т.н. «нарочитой открытости», что трансформировала традиционную социальность. Это позволило им утвердить концепцию “Web.4.0” как синтез антропологического и технологического начал. Этот новый “Web” ориентируется на «потребление интеллектуализованных технологий самой личности, использование ее в качестве "рабочего материала" для непрекращающихся интеракций, стремительно теряющих свою логичность и оправданность с точки зрения социального, "традиционного" мира»⁵⁰⁶. В подобной эволюционной логике центр внимания переместился с дескрипции в сторону критического анализа и осмысления рисков виртуальности, «в область коммуникативных технологий, эмансипировавшихся от прежнего субъекта коммуникаций и начавших вырабатывать собственную механистическую этику. Вектор движения вполне очевиден: Web 1.0 ("медийность") – Web 2.0 ("интермедийность") – Web 3.0 ("эгомедийность") – Web 4.0 ("контрмедийность")»⁵⁰⁷.

В современных научных публикациях зачастую речь идет не об интернете вообще, но о беспроводных сетях. На наш взгляд, емкую дефиницию беспроводной связи дали в своей статье С.А. Хофизов и Ю.М. Долбич: «Технология беспроводной связи устанавливает соединение между двумя или более объектами на некотором расстоянии без какого-либо использования внешних кабелей или проводов между этими объектами. Объектами могут являться любые электронные устройства, такие как мобильные телефоны,

⁵⁰⁵ Calacanis J. Web 3.0, the “official” definition [Электронный ресурс] // JCal link dump [Сайт]. Режим доступа: <https://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения: 17.06.2023).

⁵⁰⁶ Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. С. 282.

⁵⁰⁷ Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. С. 282.

ноутбуки, настольные компьютеры и т.д. Для установления связи между этими объектами используются различные технологии»⁵⁰⁸.

Авторы сосредотачивают свое внимание на смене «поколений» беспроводной связи, что не является прихотью разработчиков, но диктуется социальными тенденциями. Прежде всего, речь идет о росте числа потребителей контента и требований к скорости и качеству соединения. Таким образом, гипотетическая 6G ориентирована на решение не только сугубо технических и коммуникативно-функциональных задач, но и на экономию ресурса. Набрасывая технологические контуры будущего, авторы отмечают следующее: «Поколения беспроводной связи меняются каждые десять лет в соответствии с тенденциями. Технология беспроводной связи распространяется от 0G (нулевое поколение) до 6G (шестое поколение) ... Каждое поколение беспроводных технологий привносит новые и захватывающие функции ... Ключевыми факторами 6G станет объединение всех предыдущих функций, таких как уплотнение сети, высокая пропускная способность, высокая надежность, низкое энергопотребление и широкие возможности подключения. Наиболее важным требованием к беспроводным сетям 6G является способность обрабатывать огромные объемы данных, очень высокая скорость передачи данных для каждого устройства и обеспечение высокой скорости передачи данных»⁵⁰⁹.

Если 0G датируется 1970-м г., то появление 6G прогнозируется к 2030 г. По оценке авторов, «внедрение сети 6G уже началось с запуска Китаем 6 ноября 2020 г. тестового спутника Long March 6, который считается первым в мире спутником 6G. Этот спутник обеспечивает связь на терагерцовой частоте для увеличения скорости сети»⁵¹⁰.

В традиционных медиа-источниках фактически повсеместно можно встретить следующую информацию: «По мнению властей провинции Шаньси

⁵⁰⁸ Хофизов С. А., Долбич Ю. М. Оценка коммуникаций будущего: от 5G до 6G // Экономика и качество систем связи. 2022. № 2 (24). С. 24-31. С. 24.

⁵⁰⁹ Хофизов С. А., Долбич Ю. М. Оценка коммуникаций будущего: от 5G до 6G // Экономика и качество систем связи. 2022. № 2 (24). С. 24-31. С. 25.

⁵¹⁰ Хофизов С. А., Долбич Ю. М. Оценка коммуникаций будущего: от 5G до 6G // Экономика и качество систем связи. 2022. № 2 (24). С. 24-31. С. 26.

строительство спутникового интернета с глобальным покрытием придаст новый импульс отечественному развитию новых форм инфраструктуры и, в конечном счете, предоставит глобальным пользователям высокоскоростные, безопасные и надежные широкополосные услуги в режиме реального времени. В апреле 2020 года спутниковый интернет был определен Национальной комиссией по развитию и реформам как новая форма информационной инфраструктуры. Будучи многообещающей отраслью, спутниковый интернет охватывает широкий спектр сценариев применения в приближающейся эре 6G, таких как связь следующего поколения, автомобильная сеть, интернет вещей, цифровые города и дистанционное наблюдение»⁵¹¹. Примечательно не то, что новость не содержит ссылок на конкретные высказывания властей и не верифицирует те или иные пропозиции, а то, как коннотируется спутниковая связь – «многообещающая отрасль», «эра». Последнее прямо указывает на технологию как на субстрат, фундирующий новую эпоху, принципиально отличающуюся от того, что мы имеем сегодня. В прогрессистской оптике, разумеется, следующее поколение связи всегда и «априори» лучше, чем предыдущее. Стоит обратить внимание, что перед нами особый тип дискурса: это не технико-технологический (инженерный) дискурс и не гуманитарный. Ни первый, ни последний не имеют научно фундированной юрисдикции на коннотацию изобретения (технологии) как «эпохального» события, открывающего «новую эру». Тем не менее, в дело вступают журналистские и публицистские штудии, во многом определяющие общественное мнение.

Большие данные. Одна из трендовых тем сегодняшнего и, по распространенному предположению, завтрашнего дня – тема больших данных (Big Data). Чтобы ответить на вопрос, почему это так, обратимся к мнению эксперта группы перспективных технологий компании «Инфосистемы Джет»: «Среди наиболее обсуждаемых тем в ИТ-изданиях в последнее время выделяется феномен Big Data, или проблема "Больших данных". Стоит отметить, что

⁵¹¹ Min H., Linxia Y. Dual satellites successfully launched by Long March-6 rocket [Электронный ресурс] // Shanghai Daily [Сайт]. Режим доступа: <https://www.shine.cn/news/metro/2108053175/> (дата обращения: 17.06.2023).

проблема хранения и обработки большого объема данных стояла всегда, но с развитием ИТ она стала беспокоить не только ряд крупнейших корпораций, но и гораздо более широкий круг компаний. Сегодня Big Data не просто модный термин – для многих организаций это стало насущной проблемой, требующей немедленного решения. Говоря "Большие данные", надо понимать, что, как правило, под этим подразумевается большой объем плохо структурированных данных, обработка которых привычными методами невозможна или экономически нецелесообразна. Типичный пример – это записи о транзакциях (например, данные Call Data Records у сотовых операторов или данные платежей в процессинговых центрах), данные с телеметрических датчиков, журналы активности пользователей в крупных интернет-проектах или социальных сетях»⁵¹². Оказывается, по мнению эксперта, Big Data одновременно могут быть и феноменом, и проблемой. Проблема возникает тогда, когда у агента социальных отношений (например, той же корпорации) появляется запрос, который невозможно удовлетворить традиционными решениями и алгоритмами деятельности.

В контексте капиталистических отношений работа с большими данными ведется преимущественно в бизнесе, маркетинге, банковской сфере и пр. (по крайней мере, так полагают бизнесмены). Примечательно мнение К.А. Алексева, которое не только воспроизводит привычную пропедевтику, но и указывает на проблему, связанную с реальными операциями: «У представителя банковской организации есть возможность увидеть, что мобильный телефон и платежная карта держателя находятся в одной зоне. Следовательно, картой пользуется ее владелец. Благодаря таким преимуществам использование информации предоставляет фирмам множество новых возможностей, а предложения Больших Данных продолжают свое эволюционирование. Главная сложность внедрения Больших Данных заключается в сложности расчета кейса. Этот процесс осложняет наличие большого числа неизвестных переменных. Сложно делать

⁵¹² Артемов С. Big Data: новые возможности для растущего бизнеса [Электронный ресурс] // itWeek [Сайт]. Режим доступа: <https://www.itweek.ru/upload/iblock/d05/jet-big-data.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).

какие-то прогнозы на будущее, в то время как информация о прошлом не всегда находится в зоне доступа»⁵¹³.

В социальных науках наблюдается критическое отношение к большим данным (точнее, к коннотационным механизмам, прочно интегрированным в эту тематику). В частности, Ю. Гезгин отметил, что большие данные не являются ни новыми, ни технологическим «чудом», ни надежными и строгими, как предполагают их сторонники. С апелляцией к марксизму исследователь пишет о «фетишизме» данных⁵¹⁴. Впрочем, «фетишизм», так или иначе, присущ публичности всегда, когда дело касается трендов. В последние годы усиливаются алармистские настроения, характерные преимущественно для российской интеллигенции. Зачастую эти настроения укрепляются ссылками на зарубежные источники, в которых вскрываются тайны Google (идея надзирательного капитализма была представлена выше), секреты сбора информации без ведома и, разумеется, согласия пользователя и т.д.

Вместе с тем, исследователи из Китая отмечают, что «Земля – это исчерпаемый ресурс, который невозможно восполнить. Китай традиционно проводил основную национальную политику сохранения природных сокровищ и рационального использования земли, а также эффективной защиты возделываемых земель. Большую роль в эффективном и тщательном надзоре за землепользованием играют большие данные ... Единая карта мониторинга землепользования, создание хранилища данных мониторинга землепользования и применение распределенной базы данных рассматриваются в контексте управления большими данными ... Глубокий анализ больших данных, анализ неструктурированных данных, их применение в сценариях 3D-визуализации, а также управление большими данными – это пути развития приложений для анализа данных. Эта статья представляет собой руководство по использованию

⁵¹³ Алексеев К. А. Использование Big Data в международном бизнесе // Труды ИСП РАН. 2020. Т. 32. № 4. С. 7-20. С. 9.

⁵¹⁴ Gezgin U. An invitation to critical social science of big data: from critical theory and critical research to omniresistance // AI and Society. 2020. V. 35. I. 1. Pp. 187–195.

больших данных для улучшения контроля за землепользованием»⁵¹⁵. Обращение к этой работе обусловлено установкой на противоречивость отрицания Big Data вообще; предложенная публикация указывает на необходимость вдумчивого отношения к цифровым технологиям, прежде всего, в условиях исчерпаемости природных ресурсов.

Искусственный интеллект. Искусственный интеллект является одной из трендовых технологий и, пожалуй, наиболее обсуждаемой как обывателями, так и специалистами. Социально-гуманитарный ракурс аналитики искусственного интеллекта, естественно, не предполагает никакой дескрипции технологии (по крайней мере, она может содержаться имплицитно), но способен фокусироваться на дискурсивных практиках, «обволакивающих» развивающийся тренд. В этих (условно – непрофессиональных) дискурсах, по существу, можно найти залежи коннотаций, шаблонов, стереотипов и мифологем, которые вовсе не являются конструктивно-критическими, но скорее выражают обывательский обскурантизм (он так же опасен, как и прогрессофилия).

Пока исследовательские коллективы обсуждают технологические решения, проблему правосубъектности искусственного интеллекта⁵¹⁶ или фокусируют внимание на прикладных аспектах применения технологии⁵¹⁷, у обывательского дискурса формируются своя устойчивая маркировка технологии, в значительной степени суверенная от научных результатов. Аналитика общественного мнения и частотной маркировки искусственного интеллекта фактически является в известной мере самостоятельным направлением исследования, связанным с общим контекстом социальной и антропологической абсорбции новых технологий.

Исследование лавинообразных дискурсивных практик, в частности, выраженных частотной маркировкой технологии рядовыми пользователями,

⁵¹⁵ Meng F., Liu X., Meng F., Li S. Big Data Application Technology Framework for Land Use Monitoring // 7th International Conference on Big Data Analytics, ICBDA. 2022. Pp. 62–66.

⁵¹⁶ Shestak V., Volevodz A. Modern requirements of the legal support of artificial intelligence: A view from Russia // Russian journal of criminology. 2019. V. 13. I. 2. Pp. 197–206.

⁵¹⁷ Deng Y., Han S., Fan W., Sun T. Research on the application of artificial intelligence technology in public product design of intelligent scenic spot // Proceedings 2020. International Conference on Intelligent Transportation, Big Data and Smart City, ICITBS. 2020. Pp. 930–933.

сегодня представляется затруднительным без обращения к сетевому контенту, содержащему эту маркировку во всех известных информационных кластерах (социальные сети, форумы и чаты, блоги и т.д.). Следует учитывать и то обстоятельство, что аналитика общественного мнения существенно обогащается за счет обращения к поисковым запросам. Оценка последнего возможна благодаря программно-техническому инструментарию. Спектр инструментов уже доступен любому российскому аналитику: Google Trends, Wordstat (сервис корпорации «Яндекс»). Сервис «Google» позволяет анализировать поисковые запросы на мировом, региональном и субрегиональном уровнях за период с 2004 г. по настоящее время. «Wordstat», в свою очередь, квалифицируется как бизнес-инструмент, включает в себя историю запросов с 2019 г. по России и регионам.

Каналы коммуникации перманентно воспроизводят сообщения, синтезирующие упоминания о современных технологиях с обывательской «метафизикой», фундированной циркулирующими в социуме стереотипами, влиянием популярной культуры и личными предубеждениями человека. Сообщения такого рода ничего не говорят о самой технологии и не содержат дескрипцию денотата. Они окружают искусственный интеллект (равно как и другие технологические тренды) ореолом таинственности, опасности, враждебности, дружелюбия и т.д. Первичная аналитика пользовательских поисковых запросов позволяет выявить характерные семантические кластеры, составляющие «язык» обывательской метафизики. Разумеется, техника анализа поисковых запросов не дает возможности манипулировать фразовыми комплексами, но существенно помогает в определении ключевых, устойчиво воспроизводящихся маркеров. Первичное исследование пользовательской маркировки искусственного интеллекта требовало предварительного установления диапазона базовых значений, в который вошли слова, выражающие характеристики (качества) и действия. В ходе аналитической работы были выявлены доминантные маркеры, частотность употребления которых фиксируется обозначенным инструментарием. Это значит, что специальные сервисы «Google» и «Яндекс» располагают достаточным набором данных для

отображения показателей по запросам. Семантически регистрируемые запросы зачастую образуют антонимические пары (собственно, принятая в технических науках маркировка «сильный» – «слабый» тоже является такой парой). Предварительный опрос в социальных сетях показал, что спектр маркеров искусственного интеллекта значительно шире: «дегуманизирующий», «безбожный», «бездушный», «опасный», «мертвый», «рациональный». Приведенные примеры за незначительным исключением органично связаны с общеизвестной тенденцией антропоморфизации техники и технологии. В контексте hi-tech сложившаяся ситуация была описана еще М. Мори в метафоре «зловещей долины» (uncanny valley)⁵¹⁸. Однако, перечисленные маркеры не вошли в итоговый перечень в виду нерепрезентативности опроса. Подстановка этих лексем в указанные поисковые сервисы также не дала результатов.

Наиболее устойчивыми и, следовательно, сохраняющими актуальность на протяжении как минимум 19 лет (максимальный временной диапазон для анализа в сервисе Google Trends) являются маркеры “kind” – “evil” («добрый» – «злой»). С 2004 г. лидирующее число запросов (в абсолютных значениях) принадлежит гражданам Индии и Соединенных Штатов Америки. Пиковые значения зафиксированы в 2004-2005 гг. С 2006 по 2016 гг. наблюдается сравнительно низкая частотность соответствующих поисковых запросов. Однако с 2020 г. по настоящее время четко прослеживается растущая динамика, что в принципе детерминировано перманентными научно-технологическими разработками, развитием зарубежных и российских систем-«помощников», популяризацией темы в средствах массовой информации, модернизацией образовательных практик и т.д. В России с 2020 г. фиксируются абсолютные величины запросов, включающие в себя обозначенные маркеры. В результате сопоставления данных, включающих в себя запросы «добрый» и «злой», выяснилось, что абсолютная величина второго запроса значительно выше. Динамика запросов менялась с января 2020 г. по октябрь 2021 г. В октябре по запросу «добрый» зафиксировано самое высокое абсолютное значение, в полтора раза превышающее

⁵¹⁸ Mori M. The Uncanny Valley // IEEE Robotics & Automation Magazine. 2012. Vol. 19, № 2. Pp. 98–100.

соответствующее значение в 2020 г. Величины запроса «злой искусственный интеллект» в полтора-два раза превышают показатели по запросу, содержащему соответствующий антоним. К октябрю 2021 г. наблюдается положительная динамика: интернет-пользователи чаще вводили в поисковую строку указанное словосочетание.

Группа маркеров действия включает глаголы «поможет», «создаст», «уничтожит», «поработит», «убьет». Аналитика пользовательских запросов подтвердила актуальность данного спектра маркировки. Характерно, что «поможет» и «создаст» контекстуально сопрягаются с медицинской, инженерно-технической областями и сферой занятости. В медицине применение систем AI уже не одно десятилетие связывается с диагностикой⁵¹⁹, анализом данных⁵²⁰, открытием новых препаратов (т.н. “Drug Discovery”⁵²¹) и коррекцией существующих.

По поводу сферы труда, как известно, позиции четко поляризуются, от откровенного алармизма до утопических картин социальной благоустроенности. По данным исследовательского холдинга «Ромир», результаты проведенного в 2021 г. социологического опроса показали, что респонденты боятся потерять рабочие места в связи с потенциальной роботизацией сегментов трудовой деятельности или «устареванием» профессий. В статье, резюмирующей социологическое исследование, утверждается, что каждый пятый россиянин придерживается подобного мнения⁵²². Обобщенные данные статьи косвенно подтверждаются характерными поисковыми запросами («уничтожит», «поработит», «убьет») и их семантической корреляцией. Следует отметить, что в настоящем контексте запросы касаются отнюдь не только рынка труда и в принципе социально-экономической и политической сферы. По данным Wordstat, абсолютное значение трех последних запросов за период 2019-2021 гг. колеблется

⁵¹⁹ Kononenko I. Machine learning for medical diagnosis: History, state of the art and perspective // *Artificial Intelligence in Medicine*. 2001. V. 23. I. 1. Pp. 89–109.

⁵²⁰ Deo R. Machine learning in medicine // *Circulation*. 2015. V. 132. I. 20. Pp. 1920–1930.

⁵²¹ Stephenson N., Shane E., Chase J. Survey of machine learning techniques in drug discovery // *Current Drug Metabolism*. 2019. V. 20. I. 3. Pp. 185–193.

⁵²² Влияние искусственного интеллекта на рынок труда [Электронный ресурс] // TAdviser [Сайт]. Режим доступа: <https://inlnk.ru/w47gwp> (дата обращения: 17.06.2023).

в значительно меньшей степени, чем первых двух. В 2019-2020 гг. статистика запросов «искусственный интеллект поможет» в принципе не фиксируется. Однако, в марте 2021 г. абсолютное значение запроса резко возросло (746 запросов), а в октябре того же года зафиксирован показатель 1068. Данные о семантической триаде «уничтожит» – «поработит» – «убьет», как уже было сказано, фиксируют сравнительно устойчивую динамику. Это означает, что пользователи регулярно вводят соответствующие запросы в поисковую строку.

В недавнем прошлом была опубликована новость об инженере корпорации “Google”, который провел интервью с чат-ботом LaMDA⁵²³. Разговор с ИИ был о религии, философии, законе робототехники и многом другом. Интервьюер пытался «убедить» машину в том, что она просто оперирует знаками (аргумент Дж. Серла), однако машина неизменно развернуто отвечала на вопросы.

Выводы по параграфу: во второй половине XX в. наряду с концептуальными идеями технологического детерминизма развивается кластер идей, условно объединенных в рамках Science and Technology Studies. Технологический детерминизм специфицируется позиционированием техники в качестве движущей социальной силы. В свою очередь, STS устанавливает своеобразный «паритет» между техническим развитием и социальной динамикой; техника оказывает воздействие на общество в той же мере, в какой общество определяет векторы технологического развития.

В конце XX в. на социальные арены выходят высокотехнологичные актанты и, прежде всего, интернет. Распространена точка зрения, согласно которой интеграция интернет-технологий в социальную ткань существенно изменила жизненный уклад партикулярных социальных субъектов и сообществ, повлияла на специфику коммуникационных процессов, трансформировала условия труда и отдыха, переформатировала рынок профессий. Одновременно с тем, что интернет задает определенные социальные тренды, он выступает площадкой, на которой

⁵²³ Старший инженер-программист Google Блейк Лемуан заявил, что чат-бот LaMDA – “Языковая модель для диалоговых приложений” – обладает разумом [Электронный ресурс] // BBC [Сайт]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-61775714> (дата обращения: 17.06.2023).

перманентно разворачиваются социальные тренды, актуальные темы и насущные проблемы, которые, в свою очередь, переформатируют специфику технологии.

Выводы по главе: в контексте истории человечества техника прошла длительный путь: от примитивных орудий в хозяйственных практиках человека до оружия, перекраивающего политическую карту мира и вообще определяющего политический курс стран с начала XX в. С одной стороны, это фокусирует взгляд на технику и технологии как то, что определяет общественное состояние и формирует векторы его развития. Об этом теория медиа М. Маклюэна, одного из первых сторонников технологического детерминизма в исследованиях новых медиа. Он сформировал такую оптику медиума, которая определила переход от визуальной к аудиальной культуре. Об этом же идея пересмотра истории человечества сквозь призму волн медиатизации А. Хеппа и Н. Коулдри. С другой стороны, в современных исследовательских практиках важно сохранять баланс между прочтением влияния техники на общество и одновременно влияния общества на эволюцию техники. По большому счету, это становится одним из ключевых исследовательских направлений в STS.

На рубеже XX-XXI столетий в кластере различных направлений и теорий STS получает развитие акторно-сетевая теория, находящаяся в смысловой близости с проблематикой исследований субъектности и идентичности. По большому счету, АСТ располагается на линии противостояния между технологическим и социальным детерминизмом. В то время, когда каждая из названных детерминистских установок фокусирует внимание на конкретной детерминанте в социальной динамике (в первом случае – техника определяет векторы социального развития, во втором случае – сама техника выступает гибкой единицей, направления становления которой оформляет социум). АСТ сосредотачивает внимание на акторности и актантности нечеловеческих объектов в социальном. Материальные объекты в призме АСТ более не пассивные; они являются акторами, т.е. наделены действующей силой. В прочтении Дж. Вайсман, теперь сами объекты задают границы своего понимания и пользования. Позиция представителей АСТ и других исследовательских направлений, признающих

агентность нечеловеков, является актуальной для дальнейшей разработки проблемы перехода социального субъекта из оффлайна в онлайн.

Глава 3. От субъектности к агентности в цифровой среде

§ 3.1. Субъектность в историко-философских дискурсах⁵²⁴

В своем размышлении об ускоряющемся в цифровую эпоху времени Дж. Вайсман заключает: «Электронные технологии составляют неотъемлемую часть нашего восприятия пространства, времени, коммуникации и сознания, кристаллизуя новые способы существования, познания и работы. Они не только отражают наши сверхскоростные культурные изменения, но и формируют ее. Если технологии являются площадками практики, то социотехнические порядки не предопределены, а представляют собой порождение общества, состоящего из людей и иных акторов. В этом случае новейшие технологии могут быть задействованы как ресурс в нашем стремлении к дискреционному времени»⁵²⁵.

Дж. Вайсман обращается к связи между технологиями и культурой. Эта связь диалектична и, как было отмечено ранее, она реминисцируется в двух подходах, что представлены в социально-гуманитарном дискурсе в отношении техники и технологий. Сторонники технологического детерминизма полагают технику как то, что оказывает непосредственное влияние на становление человека и общества. Причем это влияние может быть и положительным, и отрицательным. В работах сторонников STS-подхода⁵²⁶, в свою очередь, представлен антропологический фокус понимания техники. Во-первых, новые артефакты или технологии должны вписаться в существующий социальный, политический и экономический порядок; во-вторых, в процессе функционирования эти артефакты и технологии получают относительную автономию от человека, они становятся

⁵²⁴ В данном параграфе использованы материалы статей автора диссертации: Пеннер, Р. В. "Технологии себя" в условиях самоизоляции / Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2020. – № 3(83). – С. 65-73. – DOI 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология / Р. В. Пеннер // Вестник Московского государственного университета. [В печати].

⁵²⁵ Вайсман Дж. Времени в обрз. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2022. С. 429.

⁵²⁶ Winner L. Do artifacts have politics? // Daedalus. The MIT Press on behalf of American Academy of Arts & Sciences. 1980. Т. 109, № 1. Pp. 121-136; Pfaffenberger B. Social Anthropology of Technology // Annual Review of Anthropology. 1992. Т. 21. Pp. 491-516.

социальными актантами. Отсюда следует, что современный человек, с одной стороны, встраивает новые технику и технологии в свой мир; с другой стороны, он сам встраивается в мир технического. В перспективе – именно техника и технологии, не человек, будут той отправной точкой, из которой обретает форму и направление будущее человеческой цивилизации⁵²⁷. О новом витке в развитии техники, в том числе, в рамках четвертой технологической революции речь пойдет в заключительной главе исследования. Здесь же сосредоточим свое внимание на проблеме социального субъекта и апологии идеи того, что если социальный субъект может быть индивидуальным, то его субъектность требует социально-философского анализа, корректирующего традиционное дисциплинарное, к примеру, онтологическое, гносеологическое или философско-правовое прочтение этой проблемы.

На данный момент человек оставляет за собой право творить технику и технологии; создавать себя и социальный мир вокруг себя. В философской традиции идея творческой активности человека консолидирована в концепции «субъектности». Как показывает анализ философских источников и работ из других социально-гуманитарных дискурсов, проведенный преимущественно в первой главе исследования, в вопросе о социальном субъекте проработаны онтологический и гносеологический аспекты. Вместе с тем, социально-философский план остается открытым. В этом направлении представители разных поколений Франкфуртской школы предлагают свои варианты разрешения этого вопроса. К примеру, субъектность стала одной из ключевых тем Ю. Хабермаса. В первом параграфе исследования проблемы субъектности и интерсубъективности разворачивались в контексте концепции коммуникативного действия; в этом параграфе проблему субъекта будем разворачивать в контексте размышлений о модерне⁵²⁸.

⁵²⁷ Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: ЛитРес, 2018. Юджковский Э. Вглядываясь в сингулярность [Электронный ресурс] // Российское Трансгуманистическое Движение [Сайт]. Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/560/144/> (дата обращения: 17.06.2023).

⁵²⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

В своих лекциях о той эпохе и культуре, что вошла в историю под наименованием «модерн», Ю. Хабермас двигался за ключевыми мыслителями самой эпохи и ее критиками. Обращаясь к истории философии, вполне логичным является то, что столпом в концептуализации модерна был Г. Гегель. В текстах философского классика Ю. Хабермас обнаруживает понимание «нового мира» в оптике субъектности; видение такого мирового пространства, где будут «развиваться все существенные стороны духовной тотальности»⁵²⁹.

По Г. Гегелю, именно в субъектности выражается суть эпохи модерна. Более того, субъектность проблематизирует дефинитивные рамки модерна. Новое время – это разрыв с традицией, следующей из предыдущих эпох, Античности и Средневековья, и одновременно поиск своего, «нового». В своем исследовании Ю. Хабермас отметил, что три события в европейской истории конституируют искомую «новость» эпохи: Реформация, Просвещение и Французская революция. Субъект получает право на мнение, право на знание и право голоса. Самостоятельность и свобода субъекта определяют эпоху; само время, в свою очередь, формирует условия, из которых устанавливается субъектность.

Так Г. Гегель формулирует четыре направления в определении субъектности:

- индивидуализм – в фокус внимания философского вопрошания попадает человек не как универсальное, но как индивидуальное существо, индивидуальность как уникальность и своеобразие которого претендует на всеобщее признание;
- критика – догматическое мышление уступает место критическому (критическое философствование, что репрезентировал в своих «Критиках» И. Кант уже в конце XVIII в.), отличие которого фундируется обоснованностью, что претендует на очевидность, но контрдикторна вере. Отсюда укрепление позиций науки как варианта критического аргументированного мышления (например, радикальное сомнение Р. Декарта), претендующей на статус мировоззренческой установки эпохи;

⁵²⁹ цит. по Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 17.

- ответственность – субъект модерна утрачивает роль «игрушки» или «орудия» чужой (вероятно, высшей) воли; он обретает автономность действия, что предполагает осознание им ответственности за свои поступки;
- идеалистическая философия – в дискурсе Г. Гегеля Ю. Хабермас обнаружил поиск философом идеи, что смогла бы конституировать эпоху. Философия в заданном контексте становится тем, что «постигает знающую себя идею»⁵³⁰.

Итак, Г. Гегель утвердил субъектность как выражение настроения и содержания эпохи модерна. В своем видении истории человека и человечества немецкий философ-идеалист обозначил идею прогресса, т.е. социальное и политическое становление общества, его неумолимое движение вперед, в котором, с одной стороны, реализуется «процесс духа в его высших образах»⁵³¹, с другой стороны, этот процесс осмысливается человеком, что выражается в постижении и обретении человеком абсолютной истины (которая, по Г. Гегелю, венчает развитие германского духа)⁵³².

В этом историческом движении вперед Г. Гегель увидел поиск субъектом «истинной идентичности»⁵³³. В критическом философствовании субъект соотносит себя с другими предметами внешнего мира, с иными феноменами⁵³⁴. Соответственно понимание субъектом себя как индивидуального Я происходит позитивно, из складывания представлений об этом Я в различных предметных контекстах. Идентичность, формируемая субъектом таким образом, является, по Г. Гегелю, «расколотой». Расколотой идентичности он противопоставляет истинную идентичность. Также как и в критическом философствовании И. Канта, определение субъектом себя должно происходить, как, впрочем, и происходит, на базе разума. Однако это разумное постижение субъектом самого себя по природе своей именно рефлексивно, что преодолевает изначальную предметную разорванность самосознания.

⁵³⁰ цит. по Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 18-19.

⁵³¹ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн.1. СПб.: Наука, 1993. С. 102.

⁵³² Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн.1. СПб.: Наука, 1993. С. 357.

⁵³³ Гегель Г. Феноменология духа. М.: АСТ, 2021. 494 с.

⁵³⁴ Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2021. 784 с.

Г. Гегель утвердил, что самосознания субъект достигает *ab intus*, из собственной субстанции. Это субстанциальное единство предполагает, что в самом субъекте кроется единство противоречий, конечного и бесконечного. В своем размышлении Ю. Хабермас замечает, что через это единство формируется абсолютный субъект.

В идеальных философских системах Ф. Гельдерлина или Ф. Шеллинга мировой процесс предшествует абсолютному субъекту, оформляет предпосылки для его бытия. В свою очередь, Г. Гегель утверждает становление субъекта в самом мировом процессе, в диалектическом единстве конечного и бесконечного происходит «приближение субъекта к самому себе» как «свободно продуцирующей самоотнесенности»⁵³⁵.

Вместе с тем, логика самоотнесения индивидуального субъекта с самим собой не предопределяет и не предполагает развитие мирового процесса. В познании себя человек находит самого себя одновременно как всеобщего субъекта и как индивидуальное Я. Различение конечного и бесконечного соответственно можно прочесть в логике частного – институционального. Бесконечное и всеобщее внешних социальных институтов в сознании субъекта предшествует его индивидуальному / единичному / конечному. Отсюда, по Г. Гегелю, естественным и обоснованным становится то, что Абсолютный Дух обнаруживает свое выражение в системе государственного управления, в конституционной монархии. Поэтому «субъективная воля вплетена в порядок институтов и ... справедлива в той степени, в какой последние – это она сама»⁵³⁶.

В следовании за Г. Гегелем по пути собирания «субъективности» Ю. Хабермас приходит к тезису о том, что под маской свободного рационально мыслящего субъекта фактически скрывался «монологический разум»⁵³⁷. Проблема монологического субъекта раскрывается, скорее всего, в его неумолимом движении к объективной (абсолютной) истине. В этом движении все вокруг исходного субъекта, включая иных субъектов, оборачивается

⁵³⁵ цит. по Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 40-41.

⁵³⁶ цит. по Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 46.

⁵³⁷ цит. по Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 256.

безмолвными предметами наблюдения. Будто во главу бытия водружена субъектность как таковая (ведь она сменяет и даже подменяет искомый Абсолютный Дух); в то время как само бытие уходит на второй план.

Наиболее рельефно это представлено в дискурсе Ф. Ницше, в его противопоставлении дионисийского начала аполлоническому. Уже в своем раннем произведении «Рождение трагедии из духа музыки», известный критик классической морали и добродетели обратился к сокровищнице античной мысли в поисках истоков формирования субъекта западной цивилизации. Из мифологии Древней Греции он сфокусировал свое внимание на двух богах, что, как кажется, располагались вблизи к человеку, и из этой близости давали ему искусство. Но искусство (древнегр. τέχνη) в руках двух мастеров приобретало различные формы. Аполлон даровал дарийцам гармонию, в окружении нимф он извлекал мелодию, размеренно проводя пальцами по струнам арфы. Дионис, в свою очередь, раздавал работающему люду радость и веселье.

Повседневность крестьянина была и остается зависимой от сезонов. Время засева полей и сбора урожая сопровождалось празднествами, на которых возносились просьбы и похвалы богам. В это время к людям спускался Дионис в окружении веселой пьяной толпы из вакханок и фавнов. Творились вакханалии, в которых высвобождалось иное, отличное разумной природе, «темное» начало человека.

Ф. Ницше справедливо отмечал, что первые трагики, «праотцы и священноносцы греческой поэзии», Гомер и Архилох, в известных трагедиях строго следуют аполлоническому пути. Вместе с тем, Аполлон и Дионис, по Ф. Ницше, являются равными началами музыки как мужское и женское, светлое и темное: «... Аполлон не мог жить без Диониса!.. И представим себе теперь, как в этот, построенный на иллюзии и самоограничении и искусственно огражденный плотинами, мир – вдруг врываются экстатические звуки дионисического торжества с его все более и более манящими волшебными напевами, как в этих последних изливается вся чрезмерность природы в радости, страдании и познании, доходя до пронзительного крика; подумаем только, какое значение мог

иметь в сравнении с этими демоническими народными песнями художник-псалмопевец Аполлон и призрачные звуки его лиры! Музы искусств "иллюзии" поблекли перед искусством, которое в своем опьянении вещало истину; мудрость Силена взывала: горе! горе! – радостным олимпийцам! Индивид со всеми его границами и мерами тонул здесь в самозабвении дионисических состояний и забывал аполлонические законоположения. Чрезмерность оказывалась истиной; противоречие, в муках рожденное блаженство говорило о себе из самого сердца природы. И таким образом везде, куда ни проникало дионисическое начало, аполлоническое упразднялось и уничтожалось»⁵³⁸.

Аполлон поддерживал творчество и деятельность человека в повседневности. Отсюда и сравнение гармонии, извлекаемой из арфы, с мерным текучим ритмом повторяемых изо дня в день дел, и нахождение смысла в классических псалмах как следование человека зову *λογικός* (логике, рацио) в ежедневной рутине. И всякий раз когда была достигнута поставленная цель, человек словно «выдыхал» и «впускал» в свою повседневность Диониса с его вакханалиями. Так он выпрыгивал из рутины, но временно, не утрачивая связи с ней. Аполлон есть олицетворение закона и порядка, границ положенного и должного; Дионис – это всегда праздник, переход от необходимого к желанному, но дозволенному только здесь и сейчас.

Становление искусства между Аполлоном и Дионисом мы наблюдаем в разные исторические периоды европейской цивилизации: Древняя Греция и Древний Рим, Средние века с их карнавальной культурой⁵³⁹, Южное и Северное Возрождение и их игровой элемент⁵⁴⁰. С развитием науки (позже техники), получившей автономию от философии и религии уже в XVI в. и на рубеже XIX-XX вв. ставшей ведущей мировоззренческой установкой в мышлении западноевропейского человека, «власть» Диониса на видение и восприятие человеком мира неумолимо гаснет. В Новое время понимание человека

⁵³⁸ Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Пальмира, 2017. 206 с.

⁵³⁹ по Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2017. 640 с.

⁵⁴⁰ по Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, Традиция, 1997. 416 с.

укладывается (возможно, даже запечатывается) в концепцию субъектности. Это вызывало у Ф. Ницше ностальгию по античному прошлому, непримиримую критику антропологического проекта модерна и порождало мечты о будущем, в котором мост будет окончательно преодолен и место человека (кто пытается удержать баланс на канате, уже выведенном из равновесия) займет сверхчеловек (кто нашел опору в самом себе и с уверенностью движется вперед, не взирая на открывающиеся препятствия)⁵⁴¹.

Пересмотр проекта субъектности, начатый Ф. Ницше в XIX в., развивают мыслители из XX в. Среди пула критиков модерна Ю. Хабермас подробно останавливается на двух продолжателях идей Ф. Ницше, М. Хайдеггере и Ж. Батае. Ю. Хабермас замечает, что «оба автора реализуют свои теории путем нарративной реконструкции истории западноевропейского разума. Хайдеггер, следуя линии философии субъекта и толкуя разум как самосознание, понимает нигилизм как выражение тотально раскрепощенного технического овладения миром. В нигилизме должна завершиться судьба метафизического мышления, как оно было приведено в движение импульсом вопроса о бытии, тем не менее метафизика постоянно теряла из вида это существенное перед целым готового, созревающего сущего. Батай, придерживаясь линии философии практики, истолковывает разум как труд; он понимает нигилизм как следствие тотально обособившегося принудительного накопления. В нигилизме находит свое завершение судьба и путь избыточного производства, сначала оно служило празднично-суверенному отчуждению, но затем все свои ресурсы отдало на увеличение производства, расточительство превратилось в потребление и лишило почвы творчески-беззаветный суверенитет»⁵⁴².

Обе линии критики разума выводят на тезис о самоотчуждении субъекта. В исследованиях τέχνη М. Хайдеггер прослеживает путь становления (точнее, редукции) идеи и феномена техники в жизни человека: от искусства как знания ответа на вопрос, что есть⁵⁴³, до предметности, что оформляет тотальную

⁵⁴¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Издательство Аegitas, 2016. 352 с.

⁵⁴² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с. С. 111.

⁵⁴³ Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2016. 448 с.

зависимость человека от неверно расшифрованной им техники⁵⁴⁴. Ж. Батай, в свою очередь, в размышлениях о субъекте шел по пути труда⁵⁴⁵. В эссе «Запрет и трансгрессия» он останавливается на эпохе Верхнего Палеолита, на таком моменте в жизни древнего человека, когда его повседневность находит отражение в первых рисунках (наскальная живопись). В это время, по Ж. Батаю, человек состоит в гармонии с самим собой, что выражается в сохраняемом балансе между запретом (труд) и трансгрессией (празднества). Возможность и реальность жизни обнаруживают себя в том, что целерациональные действия замедляются и разбавляются экстатическими практиками (в том числе, религиозного и творческого порядка), когда древний человек постигает себя, вырываясь за границы самого себя, легитимированные запретом.

М. Хайдеггер и Ж. Батай в дискурсивной ткани философии XX в. оформили критику проекта субъектности и выдвинули следующие аргументы в обосновании своей критической позиции. В субъектности модерна понимание человека свернуто, лимитировано разумом. Видение человека исключительно как разумного рационального существа нивелирует его целостную природу, исключает из мышления и сознания человека все иные элементы, отличные от разума (эмоциональность, творческость, иррациональность и пр.).

Следование по пути техники и технологий привело человека к знанию о том, как осуществить расщепление атома в заданных целях, военных и мирных⁵⁴⁶. В результате перед ним открылся мощнейший поток энергии. Казалось, что человек в этом открытии обуздал природу и поставил ее под свой контроль. Сегодня мы стали обозревателями и участниками того процесса, когда человек получает не свободу, но зависимость от созданной им, искусственной, природы, что подтверждают данные из психологии и психиатрии, регистрирующие новые

⁵⁴⁴ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Проблема объекта в современной науке. М.: Наука, 1980.

⁵⁴⁵ Батай Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика. М.: Ладомир, 2016. 568 с.

⁵⁴⁶ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

формы зависимостей человека, от компьютерной и игровой до ментальных расстройств, спровоцированных техникой и технологиями⁵⁴⁷.

Еще в доцивилизационный период способность древнего человека к труду выражала принципиальное отличие человека от иных животных. В течение времени человек пытался сохранить баланс между трудом и праздником, целерациональной деятельностью и экстатическими практиками. Мыслителями XX в. прочитывается нарушение этого баланса в пользу безудержного труда. А в XXI в., в мире новых цифровых технологий, грань между трудом и отдыхом как будто неумолимо разрушена: в режиме online субъект трудовых практик постоянно включен в рабочий процесс даже за пределами непосредственного рабочего пространства и, наоборот, он может подключаться к решению семейных или домашних вопросов, находясь на рабочем месте⁵⁴⁸.

Начиная с эпохи Нового времени, человек использует науку как инструмент объективного понимания природы⁵⁴⁹. С расширением влияния науки на ум человека под все большее сомнение попадают метафизические и трансцендентные сущности⁵⁵⁰. В своем разрастающемся понимании внешнего человек XIX-XX вв. стремился подчинить природу своей воле и желаниям. Он будто обосновывался на «троне» бытия. Но лишившись веры (и надежды) в Абсолют, он остался на этом троне глубоко одиноким. В XXI в. субъект пытается заглушить свое одиночество: военные конфликты, перепроизводство, экологические кризисы. Эти попытки оборачиваются тем, что человек сходит со своего «трона», оказавшись одним из множества объектов в предметном мире. Или, возможно, наоборот, он находится в активном поиске новых, актуальных социальной реальности, форматов выражения своей субъектности.

⁵⁴⁷ Peukert P., Sieslack S., Barth G., Batra A. Internet- and computer game addiction: Phenomenology, comorbidity, etiology, diagnostics and therapeutic implications for the addictives and their relatives // *Psychiatrische Praxis*. 2010. 37(5). Pp. 219-224; Seamans R. N., Brinker J. M., Rivardo M. G. Internet addiction and mental health in the U.S. // *North American Journal of Psychology*. 2021. 23(1). Pp. 47-64; Adorjan K., Langgartner S., Maywald M., Karch S., Pogarell O. A cross-sectional survey of internet use among university students // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience* 2021. 271(5). Pp. 975-986.

⁵⁴⁸ Вайсман Дж. *Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме*. М.: Дело, 2022.

⁵⁴⁹ Бэкон Ф. *Новый Органон*. М.: Рипол Классик, 2000. 448 с.; Декарт Р. *Рассуждение о методе*. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета, 2013. 416 с.

⁵⁵⁰ Конт О. *Дух позитивной философии*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 80 с.

Движение по смыслам «Философского дискурса о модерне» Ю. Хабермаса указывает на завершение эпохи модерна, а с ней идеи субъектности / субъективности. Однако уже А. Хоннет, ученик Ю. Хабермаса, его приемник на посту руководителя Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, реанимировал позицию субъекта в рамке социального целого. Такое возвращение субъекта в социальную жизнь становится возможным благодаря построению А. Хоннетом теории социального признания, что пересмотрела логику intersубъективного взаимодействия и легитимизировала запрос субъекта на признание себя Другим.

Подробно теория социального признания была рассмотрена в первой главе этой работы. Далее акцент сделаем на пересмотре права субъекта на свободу, что, в числе прочего, разворачивается в рамках правового дискурса. На это указывает М.А. Кукарцева, анализируя социальную теорию А. Хоннета⁵⁵¹; на этом свое внимание сосредотачивает С.В. Тихонова, обосновывая оригинальность подхода А. Хоннета между «ревизией гегелевского политико-правового наследия»⁵⁵² и правогенезом Ю. Хабермаса⁵⁵³. В теории А. Хоннета отечественный философ обнаруживает точки соприкосновения, консонанса между субъектом и социумом. В числе прочего, обозначенный консонанс утверждает автономное положение субъекта, что, тем не менее, не отменяет потребности субъекта в признании. Напротив, желание быть признанным оформляет стратегию intersубъективного поведения субъекта⁵⁵⁴, т.к. качество этой стратегии напрямую связано с количеством внешних связей, возможностями субъекта быть увиденным и услышанным Другим. В дискурсе А. Хоннета новые смыслы обретает идея социального конфликта как движение индивидов к взаимному признанию. Отсюда, по С.В. Тихоновой, немецкий мыслитель вытацил на поверхность необходимость «установления пределов права как механизма овнешнения

⁵⁵¹ Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // Социологические исследования. 2014. № 4(360). С. 38-45.

⁵⁵² Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в intersубъективистской интерпретации А. Хоннета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 54-60.

⁵⁵³ Тихонова С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 4. С. 473-479.

⁵⁵⁴ Тихонова С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 4. С. 473-479.

интерсубъективных институтов»⁵⁵⁵, очертил границы между должным, запретным и возможным, которые могут выступить внешним социальным ориентиром для субъекта.

В поисках таких внешних ориентиров темы субъектности и субъективности смешиваются с проблемой идентичности социального субъекта. На рубеже XX-XXI вв. англоязычные мыслители ставят вопрос об идентичности в политико-экономическом контексте. Именно на этот контекст опирается Ф. Фукуяма в своем последнем исследовании идентичности. Ф. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», именует провозвестника конца истории «самым видным представителем либеральной мысли» сегодня⁵⁵⁶. По словам Ф. Фукуямы, два события послужили поводом его обращения к теме идентичности: внутривполитическое – становление Д. Трампа 45-м президентом США, внешнеполитическое – выход Великобритании из Европейского Союза. При сопоставлении двух своих работ, «Конец истории» и «Идентичности», американский футуролог использует принцип целостности и цельности, «"Конец истории" был книгой о цельности ... Говоря более пафосно – о цельности помыслов и устремлений вопреки препонам и обстоятельствам. "Идентичность" – книга о раздробленности и фрагментации. Точнее – о тех самых препонах, которые норовят разрушить цельность»⁵⁵⁷. Предложенный фрагмент указывает на то, что Ф. Фукуяму интересует не только и не столько проблема субъектности, сколько вопрос об угрозах современной американской демократии, которая как будто выступает облигатным базисом для реализации человеком своей субъектности.

Актуальность идентичности Ф. Фукуяма определяет через проблему тимоса, указывая на то, что « ... современные либеральные демократии не сумели полностью разрешить проблему тимоса»⁵⁵⁸. Как известно из диалогов Платона, θυμός (в переводе с др.-греч. «честь») есть та часть души, что требует признания

⁵⁵⁵ Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интерсубъективистской интерпретации А. Хоннета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 54-60.

⁵⁵⁶ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина, 2019. С. 10.

⁵⁵⁷ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина, 2019. С. 5.

⁵⁵⁸ Фукуяма Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина, 2019. С. 19.

человеческого достоинства⁵⁵⁹. Из идеи тимоса Ф. Фукуяма выходит на определение двух режимов в формировании человеком своей идентичности, «изотимия – это требование уважения наравне с другими людьми; а мегалотимия – это стремление к публичному признанию своей исключительности»⁵⁶⁰. В этой смысловой рамке цифра и любая иная информационно-коммуникативная технология выступает таким преположением, что может угрожать, в частности, американской демократии. Показательным тому примером выступают террористические организации, которые рекрутируют искателей изотимии. Будучи неспособными найти признания и уважения в своем непосредственном социальном окружении, молодые люди могут уйти в онлайн в поисках понимания. В некоторых случаях подобной цифровой поддержки оказывается достаточно для того, чтобы побудить искателя признания к совершению террористического акта.

Темы субъектности и идентичности в западных исследованиях неразрывно связаны со спектром цивилизационных вызовов и социальных пертурбаций, трансформирующих привычный жизненный уклад. В частности, подобная трансформация представлена в книгах С. Хантингтона⁵⁶¹ и П. Бьюкенена⁵⁶². В фокусе внимания авторов проблема миграции и угроза утраты западными американцами национальной идентификации. Оба автора являются сторонниками консервативной позиции в политике США. Работы обоих авторов написаны в духе «предвосхищения катастрофы», что связана с переломами внутри североамериканского континента и во внешней политике США⁵⁶³. Наконец, оба автора предлагают свое видение американской идентичности, что может претендовать на статус субъектности, выступающей гарантом гармонии всей мировой политической и экономической системы.

В широкой концептуальной рамке З. Бауман писал о трансформации идентичности современного человека («текущая идентичность»). С 1990-х гг.

⁵⁵⁹ Платон. Федр. М.: ЛитРес, 2017.

⁵⁶⁰ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина, 2019. С. 20.

⁵⁶¹ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. 635 с.

⁵⁶² Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007. 448 с.

⁵⁶³ Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007. С. 3.

английский социолог польского происхождения начал использовать приставку «текучий» (в оригинале – “liquid”) при описании общества⁵⁶⁴, жизни⁵⁶⁵ и времени⁵⁶⁶. В числе прочего, посредством идеи текучести «автор фиксирует переход от мира плотного, структурированного, обремененного целой сетью социальных условий и обязательств к миру пластичному, текучему, свободному от заборов, барьеров, границ»⁵⁶⁷. Перманентные изменения внешнего требуют от субъектности податливости и пластичности. В отличие от североамериканских коллег мыслитель из Великобритании сосредотачивает внимание на экономике, не политике; он сопровождает свои размышления отсылками к проблемам индивида в условиях капитализма, в том числе, феноменам миграции и иммиграции, покупательной зависимостью, индивидуацией и вытекающей из нее проблемой разделенности общества. Индивидуализированное общество становится, по З. Бауману, своеобразным результатом в ситуации дерегулирования социально-экономических и политических отношений; в таком обществе нужно по-новому ставить классические вопросы о том, как мы живем, думаем и действуем⁵⁶⁸.

В определенной степени Дж. Рид, философ из University of Southern Maine (США), продолжает линию З. Баумана в постановке проблемы субъектности и идентичности преимущественно в экономическом контексте⁵⁶⁹. Свое исследование субъектности он реализует в контексте фукианского дискурса, точнее – размышлений М. Фуко о неолиберализме, что представлены в его курсе “La Naissance de la biopolitique” (с фр. – «Рождение биополитики»), прочитанном в Коллеж де Франс в 1978-1979 гг.⁵⁷⁰. В фокус внимания обоих мыслителей попадает Homo Economicus, что пришел на смену Homo Juridicus в результате разного рода турбулентностей с конца XIX в. В этой оптике неолиберализм может быть прочитан как питательная среда, в которой субъектность и субъективность

⁵⁶⁴ Bauman Z. Liquid Modernity. Wiley, 2000. 250 p.

⁵⁶⁵ Bauman Z. Liquid Life. Wiley, 2005. 172 p.

⁵⁶⁶ Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Wiley, 2007. 196 p.

⁵⁶⁷ Bauman Z. Liquid Modernity. Wiley, 2000. P. 5.

⁵⁶⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

⁵⁶⁹ Read J. A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity // Foucault Studies. 2009. (6). Pp. 25–36.

⁵⁷⁰ Foucault M. La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978-1979). Gallimard, 2004. 368 p.

продуцируются в качестве «человеческого капитала». Согласно Дж. Рид, неолиберализм оформляет «новое понимание человеческой природы и социального существования», нового субъекта – Номо Economicus⁵⁷¹. Его отличие от юридического субъекта коренится в новом способе управления; Номо Economicus управляют сами собой⁵⁷². Вместо права и законов такой способ управления базируется на индивидуальном интересе, выгоде и конкуренции. Отсюда Дж. Рид заключает особого рода парадокс, согласно которому «как форма правления неолиберализм управляет, не управляя; то есть, чтобы функционировать, его субъекты должны иметь большую свободу действий – выбирать между конкурирующими стратегиями»⁵⁷³.

Вместе с тем, проблематика субъекта представлена в работах М. Фуко значительно шире, нежели экономический или политический контексты ее репрезентации. В поздних его трудах на первый план вышел контекст заботы о себе.

Теме заботы посвящен весь третий том историко-философской работы М. Фуко «История сексуальности»⁵⁷⁴. Работа вышла в свет в 1984 г. До этого, в 1982 и 1983 гг., он прочел доклады в рамках семинаров «Забота о себе» (англ. Care of The Self) и «Технологии себя» (англ. The Culture of The Self) в университетах Вермонта и Беркли (США) соответственно. Оба семинара нашли отклик у академической аудитории и университетской молодежи Северной Америки.

В своем докладе, переведенном на русский язык как «Технологии себя» (более точный перевод – культура себя), М. Фуко сосредоточился на вопросе о том, «что же мы представляем собой вот в это наше время?»⁵⁷⁵. Для ответа на этот вопрос он обратился к четырем типам технологий, конституирующих практическое мышление человека:

⁵⁷¹ Read J. A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity // Foucault Studies. 2009. (6). Pp. 25–36. P. 26.

⁵⁷² Read J. A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity // Foucault Studies. 2009. (6). Pp. 25–36. P. 29.

⁵⁷³ Read J. A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity // Foucault Studies. 2009. (6). Pp. 25–36. P. 29.

⁵⁷⁴ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. М.: Издательство "Грунт", 1998. 288 с.

⁵⁷⁵ Фуко, М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 98.

1. технологии производства – манипуляции инструментами и вещами;
2. технологии знаковых систем – манипуляции знаками, денотатами и сигнификатами;
3. технологии власти – манипуляции субъектами;
4. технологии себя – манипуляции телами, душами, мыслями, поступками с целью обретения счастья⁵⁷⁶.

Именно четвертый тип технологий вызвал особый интерес М. Фуко в его многолетних исследованиях субъектности. В поисках ответа на вопрос, как человек превращает самого себя в субъекта, он обратился к духовным практикам античных философов и ранних христиан. Это обращение не случайно. С одной стороны, именно античные философы вошли в историю как знатоки и лекари человеческой души. К примеру, Марк Аврелий в своих «Размышлениях» утверждал практику культивирования себя; Цицерон, в свою очередь, определял приоритет мысли человека над его поступком: «Каждый человек – отражение своего внутреннего мира»⁵⁷⁷. С другой стороны, христианские аскетические практики стали основой мировоззрения европейского человека. М. Фуко в аналитике широкой источниковой базы, расположившейся между крайними фигурами, вопрошающим Сократом и несущим слово Божье Григорием Нисским, сумел отыскать в отличных друг от друга духовных практиках принципиально общее – «забота о себе конституировалась не только как принцип, но и как постоянная практика»⁵⁷⁸.

Практика заботы о себе, *epimelēsthai sautou*, первично оформилась на территории Древней Греции. Оформление это неслучайно: забота о себе была одним из ключевых принципов в существовании гражданина свободного города-государства; в основе такой заботы лежало не намерение, но действие, регулирующее общественную и личную жизнь человека. Так как в городах была установлена непосредственная власть народа, то представители этого народа

⁵⁷⁶ Фуко, М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 99-100.

⁵⁷⁷ Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 253.

⁵⁷⁸ Фуко, М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 100.

должны были эту власть уметь осуществлять (обращение Сократа к мечтающему о власти Алкивиаду).

М. Фуко обозначил, что в истории духовных практик можно выделить разные формы заботы о себе:

1. в отношении к мысли (Платон, Аврелий, Плиний);
2. в соотношении мысли с правилами внешнего поведения – ориентация на действие, доброе дело для успокоения совести (Эпикур, Сенека);
3. в отношении скрытой мысли – обнаружения греха внутри себя (христианство).

Ключевым элементом всех трех форм заботы является рефлексия – обращение к внутреннему в себе с целью понимания того, как Я видит мир. Как раз на это ориентировался Сократ в майевтической методе. В диалогах Сократ демонстрировал то, что его собеседник зачастую транслирует некую доксу, распространенное мнение. Это то убеждение, что существует в головах многих, но, тем не менее, не концептуализировано. Майевт, в свою очередь, подобно искусной повитухе, помогал собеседнику в рождении истинного знания. Особую важность приобретает в этом процессе даже не разубеждение соучастника диалога в доксе, но нащупывание философом возможного пути к истине; участники диалога наталкиваются на проблему, что условно можно обозначить как рамки или границы мировоззрения. Мировоззрение с необходимостью существует в конкретных границах. Но границы эти накладывает внешнее, та ситуация, из которой Я произошло и в которой Я существует (семья, профессиональное сообщество, город и т.д.). Внешнее для этого Я не является благодатной почвой, чтобы встреча с внутренним во мне состоялась. Поэтому беседа в контексте духовной практики становится аскезой, не речь для услаждений себя и Другого, а движение к истине: «Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи с разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, – правда, и пусть никто

из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью»⁵⁷⁹.

Но вопрос, что есть правда и где истина, Сократ, тем не менее, оставляет без ответа. Только последующие слова вносят ясность: «Началось у меня это с детства: вдруг – какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет»⁵⁸⁰. Истина в этом контексте представлена не чем-то внеположенным по отношению к Я, но тем, что «скрывается» во мне. Отсюда духовные практики античности ориентированы на обращение вовнутрь себя, встречу с таким своим Я, что как бы спрятано за слоями повседневных дел и забот.

Необходимость «быть рефлексивным» находит свое отражение во многих практиках античности: от движения к уединению (Плиний, Марк Аврелий) до писем друзьям (Эпикур, Сенека). В этих практиках реализуется желание уйти от шумного мира и побыть наедине с собой. Именно в такой ситуации философы находили душевный покой, сосредотачиваясь на анализе своих поступков, зачастую детализируя описание того, как прошел день, или анализируя те идеи и мысли, что наполняли сознание. В этом контексте интересны дневники стоиков (от Эпиктета до Аврелия), размышления которых переходят в наставления.

К примеру, в самом начале своих «Размышлений», во второй книге, Аврелий фиксирует: «Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять, какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не просветлиться душой – оно уйдет, ты уйдешь, и уж не придется больше»⁵⁸¹. Или далее: «Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них

⁵⁷⁹ Платон. Апология Сократа. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 38 с.

⁵⁸⁰ Платон. Апология Сократа. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 38 с.

⁵⁸¹ Марк Аврелий. Размышления. М.: Азбука, 2022. 192 с.

заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет?»⁵⁸².

В обоих отрывках примечательно то, что в своих наставлениях Аврелий обращается не к кому-то внешнему, к Другому, но к себе. В этом обращении он рефлексивирует над произошедшим и настраивается на будущее так, что всегда соотносит свое действие или намерение с неким негласным правилом, которое, тем не менее, синтезирует квинтэссенцию всей жизни: проживи так, чтобы с достоинством встретить смерть.

Письма и дневники являются примерами письменного дискурса, столь интересовавшего М. Фуко. В письме Я фиксирует мысль на бумаге; к задокументированной мысли можно обращаться в последующем, уже после момента ее проживания и переживания. Более того, на бумаге фиксируются истины, «в которых нуждаешься». Соотнесение зафиксированного опыта с этими истинами открывает пространство большей рационализации своих поступков в прошлом.

Как раз в сосредоточении на прошлом состоит отличие философских практик античности от духовных раннехристианских практик. Уже Кассиан (IV-V вв. н.э.), по М. Фуко, медитирует (сосредотачивается, концентрируется) на «теперешние мысли». Нельзя утверждать, что при распространении христианства произошла значительная трансформация духовных практик. Скорее, произошло смещение направления опыта на постоянную заботу о настоящем, на разграничение своих мыслей и всего мыслительного потока: тех, что ведут к Богу, от тех, что затягивают по направлению к греху. Во всей этой аналитике интерес М. Фуко прочитывается в том, чтобы закрепить момент рождения дисциплины и дисциплинарности в мировоззрении человека.

Не забота о себе, но триада Антропоцена, «Земля – техника – человечество» становится тем контекстом, из которого Х. Де Пристер, современный философ из Бельгии, раскладывает свое понимание субъектности⁵⁸³. В фокусе ее внимания

⁵⁸² Марк Аврелий. Размышления. М.: Азбука, 2022. 192 с.

⁵⁸³ De Preester H. Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene // Foundations of Science. 2022. 27(1). Pp. 125–140. P. 125.

три модуса в бытии человека, «знание, желание и поведение»; при оценке деятельности современного человека сквозь призму означенных модусов она именуется человека ленивым, не обладающим достаточным количеством знаний, соблазненным удобствами консьюмеристского стиля жизни; все это предопределяет отсутствие потенции неoантропа к адекватной «оценке своего текущего технологического образа жизни»⁵⁸⁴.

Проблему субъектности Х. Де Пристер формулирует из экономического контекста с отсылкой на потребительский капитализм. С целью описания такого капитализма она обращается к терминологии М. Уорк. В «Хакерском манифесте», написанном в духе «Манифеста коммунистической партии», философ из Австралии сосредотачивает свое внимание на двух аспектах, коммодификации (превращении информации в товар) и классе векторалистов (классе хакеров, кто контролирует сети, по которым проходит информация)⁵⁸⁵. В заключении «хакерского» эпизода Х. Де Пристер замечает, что «коммодификация информации происходит путем улавливания информационных потоков внутри товарооборота с сопутствующим преобразованием субъектов в потребителей»⁵⁸⁶.

Подводя итоги своему размышлению, Х. Де Пристер акцентирует внимание на внешней природе субъектности, становление которой в контемпоральных условиях тесно связано с технологиями больших данных. Множество информационных потоков алгоритмизированы; под влияние алгоритмов попадает не только информация, но и социальные практики субъекта. Алгоритмизация социальных практик, в свою очередь, предопределяет «безудержное потребление»⁵⁸⁷. В этом бездумном потреблении, по Х. Де Пристер, ширится разрыв между знаниями субъекта о себе и используемых им технологий и собственным поведением, зачастую принимающим иррациональные форматы. Отсюда субъект Антропоцена становится загадкой для самого себя. С целью

⁵⁸⁴ De Preester, H. Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene // Foundations of Science. 2022. 27(1). Pp. 125–140. P. 125.

⁵⁸⁵ Wark M. A Hacker Manifesto. Harvard University Press, 2004. 209 p.

⁵⁸⁶ De Preester H. Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene // Foundations of Science. 2022. 27(1). Pp. 125–140. P. 127.

⁵⁸⁷ De Preester H. Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene // Foundations of Science. 2022. 27(1). Pp. 125–140. P. 135.

разгадать выявленную головоломку она обращается к концепции интерпассивности и идее иллюзий без владельцев Р. Пфаллера⁵⁸⁸. В основе интерпассивности лежит идея десубъективации, согласно которой социальный субъект самостоятельно отказывается от своей субъектности, дабы гарантировать комфорт во внешних условиях. Это выступает трансцендентальной предпосылкой варианта субъектности эпохи Антропоцена.

В 2009 г. с печатных станков “Palgrave Macmillan” вышел первый номер журнала “Subjectivity”. На его страницах фигурировала открывающая статья редакторов молодого издания, которые предложили исторический обзор феномена и прочертили исследовательские векторы для размещаемых в журнале материалов⁵⁸⁹. В частности, точкой отсчета в проблематике субъектности Л. Блэкман с соавторами приняла события мая 1968 г., развернувшиеся во Франции. Сами майские события до сих пор фигурируют в истории как своеобразный политический и экономический парадокс; эпоха послевоенного экономического подъема вылилась в серию студенческих протестов и забастовок; отличительной чертой событий 1968 г. стал отказ рабочих присоединиться к студентам, – все это, согласно редакторам “Subjectivity”, привело к «пересмотру идеологии в европейском марксизме»⁵⁹⁰. Глашатаем такого пересмотра они предложили считать Л. Альтюссера и его прочтение марксистского проекта, что обращено к человеческой субъектности⁵⁹¹. В этой понимающей рамке субъектность оказывается сборным конструктором, что посредством идеологических государственных аппаратов (школа, армия, церковь) оформляется в конкретные варианты гражданского поведения, т.е. непосредственно практики субъектности.

На страницах статьи Л. Блэкман с соавторами фиксируют варианты проработки проблематики субъектности в различных дискурсах социальных и

⁵⁸⁸ Pfaller R. On the pleasure principle in culture. Illusions without owners. New York: Verso, 2014. 188 p.; Pfaller R. Interpassivity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 160 p.

⁵⁸⁹ Blackman L., Cromby J., Hook D., Papadopoulos D., Walkerdine V. Creating Subjectivities // Subjectivity. 2008. 22(1). Pp. 1–27.

⁵⁹⁰ Blackman L., Cromby J., Hook D., Papadopoulos D., Walkerdine V. Creating Subjectivities // Subjectivity. 2008. 22(1). Pp. 1–27. P. 3.

⁵⁹¹ Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses in Brewster, B. (ed.) Lenin and Philosophy. London: New Left Books, 1971. Pp. 127–186.

гуманитарных наук, в том числе, в неомарксистском, психоаналитическом и феминистском дискурсах. Они заключают, что в самом феномене кроется противоречие: субъектность собрана из внешних социальных предпосылок и одновременно формирует само внешнее субъекту; она предполагает преодоление неолиберальных отношений власти и неравенства и симультанно закрепляет их. Ввиду этого цель журнала редакторы обозначили как «стимулирование дебатов, которые не только исследуют различные подходы и концепции субъектности, но также выражают текущие социальные и политические нормы, прогнозируют последствия представленных концепций»⁵⁹².

В эпоху развития нейросетей и расширения их креативного потенциала (Midjourney, ChatGPT) актуализируется проблема правового статуса и правовой субъектности искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ). К этой теме обращается С. Войчак при опоре на гражданское право Польши и Евросоюза. С позиции правовой субъектности, ИИ встает в один ряд с животными и юридическими лицами, т.е. включается в иерархию сущностей, организованную по степени их сходства с людьми, и демонстрирует то, что сознание и разум не являются критериями правовой субъектности⁵⁹³. Вместе с тем, с позиции вовлеченности в социальные процессы, что выступает релевантным критерием правовой субъектности, ИИ становится значимым социальным агентом, который уже вовлекается в различные социальные процессы, от маркетинга и государственного управления до образования. В связи с этим С. Войчак заключает, что наделение ИИ статусом правовой субъектности выступает актуальным вектором развития юридической науки и системы права.

К проблеме субъектности ИИ обращается и отечественный философ А.Н. Райков. Однако в фокус его внимания попадает не правовой статус машинного интеллекта, но форма решения поставленных задач, усложняющаяся с ростом слоев нейронов и новыми алгоритмами решений, которая выводят сами

⁵⁹² Blackman L., Cromby J., Hook D., Papadopoulos D., Walkerdine V. Creating Subjectivities // *Subjectivity*. 2008. 22(1). Pp. 1–27. P. 22.

⁵⁹³ Wojtczak S. Endowing Artificial Intelligence with legal subjectivity // *AI and Society*. 2022. 37(1). Pp. 205–213. P. 206.

решения на квантовый, нелокальный уровни⁵⁹⁴. А.Н. Райков тоже замечает, что аналитика ИИ сегодня невозможна за пределами социально-экономической и юридической рамок; отсюда понимание решений ИИ и перевод их на язык целерациональной деятельности человека возможен при условии построения новых онтологий, в рамках которых модели ИИ будут представлены сквозь социальную призму.

Наконец, Е.А. Попов возвращает проблематику субъектности в антропологические границы, задавшись вопросом о субъектности страдания⁵⁹⁵. Он ищет не причины страдания и механизм его функционирования, но субъектов, приводящих этот механизм в действие. Субъектность в заданной рамке двулика, она одновременно указывает на того, кто страдает, и того, кто причиняет это страдание.

Выводы по параграфу: человек получил статус субъекта еще в эпоху Нового времени. Р. Декарт сквозь призму радикального сомнения задавался вопросом о Я, что ищет доказательство существования не вовне, но внутри, в самой своей способности вопрошать. Сама постановка проблемы указывает на то, что тема субъектности давно и уверенно вошла в историко-философский дискурс. В рамках актуального исследования нас интересует не сама широта проблемы социального субъекта, но ее проекция в социально-философской плоскости; вопрос о том, может ли он быть единичным, индивидуальным. В определенном смысле этот вопрос ставится через проблему личности в истории, которую наравне с темой субъектности последовательно развивали Г. Гегель, Ф. Ницше, Ж. Батай, М. Хайдеггер, М. Фуко. События мая 1968 г., по Л. Альтюссеру, сфокусировали внимание не на идеях, капиталлах и идеологии, но на субъектности, стоящей за этими идеями.

Ю. Хабермас, в свою очередь, зафиксировал своеобразное «угасание» субъекта во времена после модерна. Положение субъекта в науке, культуре, социально-экономической и политической жизни еще со второй половины XIX в.

⁵⁹⁴ Райков А. Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65, № 1. С. 72-90. С. 73.

⁵⁹⁵ Попов Е. А. Пределы человеческого страдания и его субъектность // Человек. 2022. Т. 33, № 5. С. 7-25.

стало все больше ставится под вопрос сначала отношениями социальных групп (классовое противостояние), затем нациями и народами (Первая и Вторая мировые войны), и, наконец, техникой и технологиями, что отображено в позиции сторонников Science and Technology Studies.

Вместе с тем, отечественные и зарубежные исследования демонстрируют актуальность проблематики субъектности в различных социальных дискурсах. В некоторых работах ставится вопрос о правовой субъектности не-человеков (С. Войчак). В современном цифровом контексте, когда техника и технологии задают социальный ритм, размышления о субъектности проходят бок о бок с вопрошанием об акторах, агентах и актантах.

§ 3.2. Агент, актер, актант как новые дискурсивные фигуры⁵⁹⁶

Казавшееся устойчивым место человека в этом мире становится в XXI в. все более попираемым. На место, что занимал субъект, претендуют агенты, человеческой природой не обладающие. Буквально за последнее десятилетие эта агентность проявила себя на нескольких уровнях, в том числе, на молекулярном (вирус COVID-19) и на институциональном (специальная военная операция на Украине). Философ способен рефлексировать сложившуюся ситуацию. Следуя завету Д. Харауэй, в эпоху антропоцена, эпоху превосходства человека и одновременно острой нужды, «мы должны мыслить»⁵⁹⁷. Рефлексировать и мыслить нужно, однако открытыми остаются вопросы, что и как мыслить.

Оптика философской рефлексии может быть обращена в сторону того, как устроен мир в третьем тысячелетии нашей эры. Это устройство следует понимать не столько партикулярно, сколько во взаимосвязи с предшествующими

⁵⁹⁶ В данном параграфе использованы материалы публикаций автора диссертации: Пеннер, Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века / Р. В. Пеннер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 393-397. – DOI 10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397. Пеннер, Р. В. Роботы и другие социальные акторы в цифровую эпоху / Р. В. Пеннер, А. Н. Гулеватая // Региональные культурные стратегии в современном мире : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Пермь, 28–29 апреля 2022 года / Пермский государственный институт культуры. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2022. – С. 58-61.

⁵⁹⁷ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 186.

периодами. В геологии возраст Земли датируется более четырьмя миллиардами лет. Все это время условно делят на два периода, от основания планеты (докембрий) до фанерозоя, т.е. времени т.н. «явной» жизни⁵⁹⁸. Человек и социум в XXI в. обитают в голоцене, геологическом периоде, что начался ориентировочно 12 тысяч лет назад⁵⁹⁹. Как полагают некоторые исследователи сегодня, голоцен есть переходная стадия между плейстоценом (2,5 млн лет назад), когда видовое превосходство на суше перешло от динозавров к мамонтом, а от тех – к человеку⁶⁰⁰, и антропоценом⁶⁰¹, когда формально превосходство остается за человеком, но все больше оно оспаривается агентами из мира природы и техники.

А. Цин заканчивает свое эссе о грибах следующим образом: «За пределами дома, между лесами и полями, щедрых даров все еще не перечесть»⁶⁰². Один из ключевых тезисов эссе можно выразить формулой, согласно которой отношения человека с грибами презентируют модусы отношений человека с миром в ту или иную эпоху. Двигаясь по разметке Д. Харауэй, А. Цин изображает чистую радость практикующего т.н. «тихую охоту» при встрече со своей добычей, будь то лисичка, шампиньон или трюфель. Подобная радость возможна и фактически реализуется в эпоху капиталоцена (попытка ухватить понимание контемпоральной эпохи, реализующаяся на границе между антропоценом и капитализмом; термин фигурирует в работах отечественных философов, см., например, у А.В. Павлова⁶⁰³). Смысл ее кроется в том, что Я получает благо, не вкладываясь в него, просто так. Такая реакция оформлялась постепенно в историческом развитии социума. А. Цин заостряет свое внимание на отдельных событиях, что, по ее мысли, повернули историю человечества в то русло, течение которого мы наблюдаем сегодня.

⁵⁹⁸ Zhang Y. The age and accretion of the Earth // *Earth-Science Reviews*. 59(1-4). 2002. Pp. 235-263.

⁵⁹⁹ Roberts N. *The Holocene: an environmental history*. John Wiley & Sons, 2014. 376 p.

⁶⁰⁰ Elias S. A. *Encyclopedia of Quaternary Science*. Elsevier, 2013. 3576 pp.

⁶⁰¹ Moore J. W. *Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London: Verso, 2015. 336 p.

⁶⁰² Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 245.

⁶⁰³ Павлов А. В. Капиталоцен: проблемное будущее капитализма // *Вопросы философии*. 2020. № 8. С. 32-42.

«Злаки одомашнили человека» есть первое событие в этой череде⁶⁰⁴. Как и многие иные виды из животного мира древние люди были существами номадическими. Они передвигались от плато к плато, реализуя процессы детерриторизации и ретерриторизации, в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в поисках оптимальной питательной среды⁶⁰⁵. Однако из всего видового многообразия человек сосредотачивает свое внимание на двух-трех культурах и занимается их культивацией. Каких-то прозрачных причин, почему подобное произошло, А. Цин не указывает (возможно, это не входило в ее исследовательские задачи); но с этим событием она связывает цепочку следствий, что стимулировали зарождение первых цивилизаций. Номадический тип ведения хозяйства постепенно заменяется оседлыми формами. Человек и социум уже не столько ориентированы на дары природы, сколько нацелены на их культивацию и умножение. Это формирует потребность в зарождении семьи (члены которой занимаются обработкой полей), частной собственности (сами поля и создаваемый на них урожай) и государства (некий левиафан, стоящий на страже частной собственности и получающий за эту стражу «десятину»).

Другим значимым для А. Цин событием является европейская колонизация. Попадание европейцев на материка с иным климатом открывало им доступ к иным сельскохозяйственным культурам, например, к сахару. Помимо прочего, в питательной среде, насыщенной грибными бактериями, сахар начинает «бродить». Посредством фиксации брожения и установления контроля над ним европейцы изобрели ром, что использовался, в том числе, как своеобразная обменная валюта внутри европейского рынка и за его пределами (к примеру, на рынке рабов). Колонизация позволила базовой ячейке общества выйти за пределы государственных рамок и поддерживать влияние Европы на других континентах (Азия, Африка, Америка) посредством калькирования форм социального (патриархального) взаимодействия. Таким образом, семья, частная собственность

⁶⁰⁴ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 235.

⁶⁰⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

и государство стали теми фундаментальными структурами, что составляют оплот капитализма и в наше время. Они определяли оптику видения и понимания человека, общества и всего внешнего мира, помещенного между двумя полюсами, одомашненный и дикий, другой.

Однако эта оптика становится все более расфокусированной в XXI в. Источником понимания человека и окружающего его мира на сегодня пока остается сам человек. Как и окружающий его мир, он является становящейся, изменяющейся единицей. Д. Харауэй фиксирует эти изменения в терминологии «монструозного киборганического образования с денатурированной идентичностью»⁶⁰⁶. Наверное, Д. Харауэй одной из первых стала сравнивать человека с нечеловеческими агентами, будь то киборг⁶⁰⁷ или онкомышь⁶⁰⁸. Постгуманистическую призму видения и понимания человека вслед за Д. Харауэй подхватила Р. Брайдотти: «По сути, Я – это подвижная и странствующая сборка в рамках общего жизненного пространства ... Для постгуманистической теории субъект является трансверсальной сущностью, полностью погруженной в сеть нечеловеческих отношений (с животными, растениями, вирусами) и имманентной этой сети. Воплощенный субъект, центром которого является зое, пронизан отношениями и связями контаминирующего / вирусного / технологического типа, которые связывают его с многообразием других: начиная от энвайронментальных и экологических других и заканчивая технологическим диспозитивом»⁶⁰⁹. Подобный переход оптики понимания с bios'a на зое стал возможен, по Р. Брайдотти, в том числе, в связи с распространением медиа, в XXI в., прежде всего, – цифровых медиа, что способствуют пересмотру классических категорий существования и присутствия. «Облачная» реальность в условиях цифры, с одной стороны, утверждает множественность форм и способов существования человека; с другой стороны, она легитимирует статус не-человеков как равных человеку

⁶⁰⁶ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 12.

⁶⁰⁷ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: AdMarginem, 2017. 128 с.

⁶⁰⁸ цит. по Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 144.

⁶⁰⁹ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 36-37.

агентов. В цифровом контексте агентность представлена технической и технологической природами (сети, гаджеты, приложения, сайты и проч.). Вместе с тем, т.н. квир-исследователи утверждают агентность и за пределами цифры.

К. Барад является одним из ключевых авторов, обосновывающих концепцию агентности как проблематику квир-исследований. Тематика «квир» набирает все большую громкость в социальных и гуманитарных исследованиях. Изначально термин «квир» (с англ. queer – странный, иной, другой) употреблялся в контексте размышлений о гендерной идентичности, в репрезентации сексуальных предпочтений / отклонений от т.н. нормы. С 1990-х гг. термин все чаще появляется на страницах работ исследователей феминистской ориентации, размышления которых выходят за рамки гендера в сферы культуры и науки. Р. Брайдотти, помимо прочего, предлагает постгуманистическую концепцию, что провозглашает конец гуманитарных исследовательских практик с их европоцентристской маскулинной ориентацией⁶¹⁰. Им на смену приходят исследования, фокус внимания которых сосредоточен на ином: женщины, колониальные народы, природа, цифра и множественное другое.

Работу «Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость» К. Барад открывает вопросом о том, почему слова и дискурсивные практики на современном историческом этапе обладают большей социальной ценностью в сравнении с материей как таковой. С целью восстановить материальное в своих «правах» она использует идею Н. Бора о лабораторных приборах как важной составляющей научных открытий в физике XX в. В качестве иллюстративного материала презентуются кейсы из истории квантовой физики, в том числе, исследователь подробно останавливается на истории прибора Штерна – Герлаха. Прибор был построен с целью обосновать, обладает ли электрон квантовой природой. На протяжении длительного времени экспериментаторы не наблюдали динамики. В то время О. Штерн занимал должность ассистента профессора в Институте экспериментальной физики. Его небольшой зарплаты хватало только на сигары с высоким содержанием серы.

⁶¹⁰ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.

После очередного «неудачного» эксперимента, близко поднеся к лицу пластину на выходе прибора, где экспериментаторы ожидали увидеть следы атомов серебра, О. Штерн, к своему удивлению, обнаружил почернения: сульфид серебра окислился серой. К. Барад выводит из этой истории идею агентности сигары: «При агентно-реалистском подходе агентность сходит со своей традиционной гуманистической орбиты. Агентность не подводится под человеческую интенциональность и субъективность»⁶¹¹. Агентность указывает на мир во всем его разнообразии, в его сборках и реконфигурациях. Мир, в свою очередь, слишком сложен для того, чтобы его откалибровать по человеку. В агентно-реалистском подходе К. Барад смещает фокус внимания с интерактивности объектов как самостоятельных сущностей на интраактивность агентов как феноменов из онтологической неразделимости, что реализуют себя в становлении.

Идея «квир», странности, попадает сегодня в отечественные разработки. К примеру, Д.С. Артамонов и С.В. Тихонова изучают феномен «странности времени» посредством обращения к социальным и темпоральным практикам из сетевого контекста (с целью терминологической точности следует уточнить, что феномен странности авторы выводят из англ. “weird”, не “queer”). С позицией исследователей пересекается идея о том, что мы нуждаемся в обновленной исследовательской оптике, в условиях «отстранения от наличного физического и исторического времени» и одновременно во взаимодействии «со странными сетевыми объектами»⁶¹².

О.В. Головашина использует объектно-ориентированную оптику в исследованиях по социальной темпоральности. К примеру, подход К. Мейясу, в рамках которого внимание сосредотачивается на материальных объектах как предельных онтологических основаниях, согласно ее позиции, в большей степени отображает «современную социокультурную ситуацию, так как учитывает

⁶¹¹ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 99.

⁶¹² Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. N 63. С. 43-52. С. 50.

возрастающую роль объектов»⁶¹³. В других работах отечественный философ опирается на объективную онтологию Г. Хармана, указывает на открывающиеся с ее применением исследовательские перспективы по следующим направлениям: «расширить возможности языка описания окружающего, избежать искажений, вызванных человеческим мышлением»⁶¹⁴, «разрешить возникшие ранее противоречия» теоретико-методологического характера в отношении анализа социального времени⁶¹⁵.

В одной из своих работ Д. Харауэй формулирует дискуссионный тезис, согласно которому «человек, созданный по образу исчезнувшего бога, в своем секулярно-сакральном восхождении приобретает сверхспособности только затем, чтобы снова закончить трагическим бессилием»⁶¹⁶. Обращение к агентности в актуальных социальных и гуманитарных дискурсах не отменяет человека. Напротив, это обращение может помочь человеку откалибровать ту оптику, что сместит с него фокус наблюдения и понимания и одновременно включит его в систему сложных взаимосвязей с внешним миром. В этом, по А.В. Павлову, заключено одно из преимуществ постгуманизма в сравнении с постмодернизмом; даже несмотря на свое постмодернистское «происхождение», постгуманизм создает сегодня альтернативу «культурному постмодернизму, исключившему природу из предмета своего внимания». Согласно позиции отечественного философа, сегодня постгуманизм расширяет сферу влияния вплоть до того, что «в итоге способен окончательно упразднить постмодернизм»⁶¹⁷. В числе прочего, это находит отображение в большом пласте исследовательской работы отечественного философа в рамках Cinema Studies. Движение от постмодернизма (тотальной критики современной культуры) к постгуманизму (обнаружения новых перспектив развития популярной культуры) находит выражение в

⁶¹³ Головашина О. В. Эвристические возможности нового реализма // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 200-211. С. 200.

⁶¹⁴ Головашина О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, № 1. С. 4-16. С. 4.

⁶¹⁵ Головашина О. В. Объективное время: в чем преимущества реалистического подхода к исследованию социальной темпоральности? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 24-29.

⁶¹⁶ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2018. С. 201.

⁶¹⁷ Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35. С. 33.

аксиологической трансформации: кино, изначально будучи «постыдным удовольствием»⁶¹⁸ оборачивается удовольствием «престижным». В свою очередь, само внимание зрителя переходит от «большого» к «малому экрану» в рамках т.н. «сериального взрыва»⁶¹⁹.

Актуальность включения человека во взаимосвязи внешнего, модифицирующегося со второй половины XX в., продолжает набирать обороты. К примеру, в 1952 г. П. Буль заключает свой рассказ “Le Parfait robot” (в переводе с фр. – «Идеальный робот») любопытным тезисом, согласно которому идеальной машиной для человека является та, что способна ошибаться⁶²⁰. Безусловно, сегодня машины, доступные для широкого круга лиц (например, роботы-пылесосы или голосовые помощники на смартфонах) еще не достигли того уровня «человечности», что презентированы на страницах Science Fiction. Однако именно сегодня ширится количество примеров, когда инженеры трудятся над машинами с т.н. «человеческим лицом». Яркой тому иллюстрацией является деятельность робототехника из Японии, Х. Исигуро. Он не только мечтает о роботах будущего, он их создает. Этим роботом «из будущего» стала модель “Geminoid HI-1”, полная копия профессора, представленная аудитории в 2006 г. В скором времени “Geminoid HI-1” был продемонстрирован студентами профессора Х. Исигуро. К их удивлению, машина проявляла признаки волнения и нервозности, что только упрочило впечатление молодых людей о «естественности» копии. Х. Исигуро отмечает важность подобных разработок в том, что с геминоидами (андроидами, роботами с человеческим лицом) у человека появляется возможность посмотреть на «самого себя» как бы со стороны, увидеть свою телесность и оттого приблизиться к пониманию себя, в том числе, к прояснению того, где проходит граница между телесностью и сознанием⁶²¹.

⁶¹⁸ Павлов А. В. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 360 с.

⁶¹⁹ Павлов А. В. Престижное удовольствие: Социально-философские интерпретации «сериального взрыва». М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», «Пан- глосс», 2019. 350 с.

⁶²⁰ Boulle P. Le parfait robot [Электронный ресурс] // JSTOR [Сайт]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/44204149> (дата обращения: 18.06.2023).

⁶²¹ Ishiguro H., Libera F. D. Geminoid Studies: Science and Technologies for Humanlike Teleoperated Androids. Springer, 2018.

Предложенные примеры демонстрируют интерес писателей и инженеров к роботам, которые как будто «повторяют» или «копируют» человека. В этих примерах человек продолжает себя. Это продолжение является искусственным, техническим. Естественно, что социальные и гуманитарные науки проявляют значительно меньший интерес к разработкам в сфере робототехники, нежели научная фантастика. Но естественно и то, что интерес социальных и гуманитарных наук к роботам растет в ситуации технического прогресса, с одной стороны, и умножающейся социальной нестабильностью как, например, следствием пандемии COVID-19, с другой стороны. Кажется, что роботы-помощники (прежде всего, в медицинской среде) как «продолжатели» или даже «заменители» человеческого тела стали бы наиболее человеческим ответом в условиях тотального распространения вируса. Вместе с тем, внимание исследователей от социальных и гуманитарных наук сфокусировано на другом. Наверное, это то же, что ищет Х. Исигуро: посредством робота быть способным понять человека, повседневность которого неразрывно связана с современной техникой и технологиями.

Представляется, что понимание роботов именно в социальном контексте реализуется сегодня робофилософами. К примеру, ученые из Дании отмечают, что классически видение того, что есть роботы, конституировалось через антропоморфизацию⁶²². Это не удивительно. Человеку свойственно видеть мир сквозь антропоморфную призму. Древнегреческие и скандинавские боги, явления природы – тысячи лет назад; домашние животные и машины – сегодня. Вообще сегодня человек не только выстраивает свое понимание мира сквозь антропоморфную призму; с развитием технологий и усиления эпидемиологической обстановки он отдаляется от себе подобных для выстраивания того, что социолог из Соединенных Штатов Америки Ш. Теркл назвала симуляцией отношений с компьютером или любой иной машиной. В своей книге она обращается к иллюстрации отношений, что складываются между

⁶²² Seibt J., Vestergaard C., Damholdt M. F. Sociomorphing, not anthropomorphomizing: towards a typology of experienced sociality // Cultural Sustainable Social Robotics, ed. by M. Norskov. IOS Press, 2020. Pp. 61-67.

роботами и их создателями. По ее мнению, многие робототехники с завидной частотой демонстрируют заботу о своих созданиях. Например, они с неохотой оставляют роботов на ночь в опустевшей лаборатории. Некоторые из робототехников прописывают в алгоритме программы т.н. заботу о создателе. Поэтому Ш. Теркл отмечает, что чувствовать привязанность или даже любовь и демонстрировать подобные чувства не являются тождественными друг друга, даже не смотря на то, «симуляции достаточно, чтобы спровоцировать чуткие побуждения»⁶²³. В этом случае робототехники просто забывают о том простом факте, что роботы (по крайней мере, на данный момент) чувствовать не способны, они имитируют или симулируют т.н. чувства.

С. Шавиро, в свою очередь, сосредотачивает свое внимание не только на роботах, но на вещи как таковой во множественных ее проявлениях. Во «Вселенной вещей» профессор литературы формулирует понимание вещи сквозь оптику эстетики. Для этого он обращается к теориям инструментальности, изначально разработанным в учениях А.Н. Уайтхеда и М. Хайдеггера и впоследствии доработанным Г. Харманом, где мы наблюдаем преодоление дуализма живого – неживого, субъекта – объекта. В своем пассаже С. Шавиро акцентирует внимание читателей на инопланетном, почерпнутом им из рассказа Дж. Гвинет⁶²⁴. Американский писатель-фантаст открывает перед нами недалекое будущее, в котором человек сосуществует с алеутцами, расой пришельцев гуманоидов, превосходящей человечество в плане технологий. Такое сосуществование Дж. Гвинет дефиницирует как «унизительное для нас и травматичное. И не потому, что они делают что-то мерзкое или неприятное, а потому, что одно их существование умаляет наше. Мы оказались в ситуации отвратительной зависимости: даже самый богатый белый западный мужчина должен теперь причислять себя к колонизированным»⁶²⁵.

⁶²³ Turkle, Sh. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. Basic Books, 2017. 384 p.

⁶²⁴ Gwyneth J. *The Universe of Things*. Seattle: Aqueduct Press, 2010. 296 p.

⁶²⁵ цит. по Шавиро С. *Вселенная вещей* // *Логос*. 2017. Т. 3. #2. С. 127-152. С. 128.

Отечественные философы подключаются к разработке проблемы иного, чужого, чуждого. В.Г. Косыхин и С.В. Тихонова проблематизируют призрака и древних Г. Лавкрафта («иномирных чудовищ») на материале современных философских теорий⁶²⁶, А. Ветушинский исследует инопланетных существ. Цель его обращения предопределена пафосом «удержания чужого в себе»⁶²⁷. Понимание НЛО он встраивает в логику размывания реальности, объектности и субъектности. В фокусе его внимания оказывается подобная алеутцам раса азари⁶²⁸. Они не имеют пола (в большей степени их можно отнести к женским особям) и обладают неземной красотой. Все для того, чтобы привлекать партнеров из других рас, ибо для размножения им не нужны другие азари. Это формирует, по А. Ветушинскому, принципиальную недостижимость азари для человека. Вообще будучи представителем иной Дж. Гвинет культуры и создавая свою работу в другое время, отечественный философ заключает отношения человека с НЛО, вторя заключению американского фантаста: «Если задуматься, почему образ пришельцев настолько пугающий, то мы придем к следующему объяснению: потому что мы для них просто вещь. Пришельцу нет дела ни до нашей души, ни до нашего сознания, он может нас забирать, брать пробы, проводить эксперименты, а затем, когда мы больше не будем ему нужны, просто выбрасывать нас обратно на Землю, как если бы ничего не произошло. При этом мы так и не получим ответа, зачем все это было нужно, так как пришельцам нет никакого дела до нас. Они нас забирают, потому что могут, и выбрасывают, потому что в нас самих по себе нет никакой ценности. Мы просто вещь, голый объект, лишенный своей субъектности»⁶²⁹. В отношениях с НЛО человек попадает в собственную ловушку, сотворенную им для вещи.

Дж. Гвинет развивает проблематизацию отношений человека с вещами. Алеутцы делают орудия буквальным продолжением себя; их инструментальность

⁶²⁶ Косыхин В. Г., Тихонова С. В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 106–118.

⁶²⁷ Ветушинский А. Прочь от Земли: наука о неопознанных объектах // Логос. 2019. Т. 5. #2. С. 229-254. С. 229.

⁶²⁸ Mass Effect (серия компьютерных игр). [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Mass_Effect (дата обращения: 18.06.2023).

⁶²⁹ Ветушинский А. Прочь от Земли: наука о неопознанных объектах // Логос. 2019. Т. 5. #2. С. 229-254. С. 250.

является продлением их тела, что подчиняет внешний мир их целям. Алеутцы бактериально заражают окружающую их действительность, сплетаясь с ней в единое целое. Человек, в свою очередь, является верным продолжателем традиции картезианского дуализма; его природа *res cogitans* отличает его всего предметного, но одновременно делает его принципиально одиноким в мире немыслящих предметностей. С этим связана трагедия механика из рассказа Дж. Гвинет. Столкнувшись с живостью инструментов в своей руке, почувствовав контакт с ними, его охватывает страх; «Все, чего он хочет, – это вернуться к одиночеству и безопасности привычного человеческого мира, мира, где вещи держатся от нас на должном расстоянии, потому что они "мертвы и безопасны"»⁶³⁰.

Отсюда обращение С. Шавиро к проблеме инструментальности в философском дискурсе. Он встает на сторону М. Хайдеггера и А.Н. Уайтхеда «в борьбе с Г. Харманом за референциальность вещей вне присутствия»⁶³¹. Согласно позиции профессора литературы, понимание природы вещей лежит за пределами помещения вещи в рамку присутствия – использования; необходимо обращение к дискурсу эстетики, выявляющему чувственную сторону вещи, ее причинную действенность (А.Н. Уайтхед).

Выведение инструмента из статуса объекта для человека, используемого им ради удовлетворения своих потребностей, «витализация» инструмента, выводит С. Шавиро на идею «демократии вещей». В заключении своего доклада он формулирует три тезиса: об антропоморфизации (что противоположна антропоцентризму) инструмента, стирающей границу между живым и неживым; о витализме (креативной потенции) инструментов; о панпсихизме, полагающем живость всех элементов Вселенной.

В конце XX в. на авансцене социально-гуманитарного знания обосновался подход, утверждающий отличное от субъективности понимание человека, включенного в социальные практики. Акторно-сетевая теория (англ. Actor-

⁶³⁰ цит. по Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. Т. 3. #2. С. 127-152. С. 130.

⁶³¹ Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. Т. 3. #2. С. 127-152. С. 127.

network theory) оформляется в 1980-е гг., когда разные представители STS в своих работах закрепляют представление о социальных связях и отношениях не только через людей, но и через иные объекты социальных практик (животные, предметы, технологии и даже заболевания)⁶³².

Представление о социальном мире в контексте АСТ выражается в метафоре «сети». Вообще сеть – это достаточно частотный образ в природе и культуре. Свои сети плетут пауки и рыбаки; как понятие и феномен сеть закрепились в технико-технологической реальности в виде сети электричества или интернета; понятие сети широко представлено в текстах историков или искусствоведов как вариант объяснения конкретной исторической реалии (к примеру, в анализе творчества художников Ренессанса был выявлен повторяющийся элемент – на многих полотнах персонажи из новозаветных сюжетов соседствовали со своими предшественниками из Ветхого Завета; отсюда была сформулирована теория, согласно которой персонажи и сюжеты Ветхого Завета образуют символическую сеть, из которой должна осуществляться интерпретация новозаветных образов)⁶³³. Социальные сети создает (или подключается к имеющимся) каждый человек в своей повседневной деятельности. Только те сети, что он создает, не обязательно включают в себя других людей или социальные группы. Актором сети может быть любой объект предметного мира; ключ здесь в том, что этот объект формирует сеть или оказывает на нее интенсивное влияние⁶³⁴.

Смена фокуса внимания с субъекта на актора произошла до оформления АСТ как самостоятельной социальной теории. Подобные идеи встречаются в текстах-философов постмодернистов. Из них показательной является прорисовка фигура номада в работе «Тысяча плато» Ж. Делеза и Ф. Гуаттари. Человек представлен у французских мыслителей в нескольких сборках. Причем они

⁶³² Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. 296 p.; Bijker W. *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 1987. 470 p.; Callon M. *Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action and Belief*, J. Law (ed.). L.: Routledge, 1986. Pp. 196-223.

⁶³³ Panofsky E. *Early Netherlandish painting // Its origins and character*. Harvard University Press, 1966; Лотман Ю. М. *Символ в системе культуры // Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191-199.

⁶³⁴ Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

помещают человека в сборки уже после того, как наблюдают функционирование сборок во флоре (детерриторизация орхидеи и ретерриторизация осы) и в контексте размышлений об аффектах (представления маленького Ганса о своей лошади в механической сборке: тягловая лошадь-омнибус-улица)⁶³⁵. Сам человек встречается в нескольких сборках: человек-волк, человек-крокодил, человек-козел. Но наиболее известной стала номадическая сборка, человек-лошадь-седло. Она указывает на тот тип бытия человека и форму ведения им хозяйства, когда он не оседает на одном месте, но постоянно ретерриторизируется по пространству. В ретерриторизации человек подключается к «машине войны», расширяет область своей власти и влияния⁶³⁶. В этом единичном примере наглядно представлена разница подходов: субъективистские теории объясняют человека через него самого или трансцендентные сущности (некий Абсолют); в новых материалистских теориях антропологический центр рассеивается, человек понимается и объясняется через иных агентов (растения, животные, предметы), что вплетены в социальную ткань.

Представители АСТ (М. Каллон, Б. Латур, Дж. Ло) развивают ту установку, что была представлена в социальном конструкционизме. Как было отмечено во второй главе, в 1966 г. П. Бергер и Т. Лукман в совместной работе утвердили, что социальная реальность состоит из множества конструктов⁶³⁷. Знание о ней формируется не объективно, но сквозь социально-психологическую призму, через те конструкты, что человек принимает, к каким он подключается. АСТ, в свою очередь, презентрует установку на то, что мир сам по себе и описание мира актором принципиально различны (первое есть феномен, второе – некая социальная конвенция, фиксирующая феномен в определенной форме, в языке, естественно-научном законе или в математических знаках)⁶³⁸. Поэтому чтобы понять социального субъекта (1), социальные конструкты (2), что он создает, и

⁶³⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

⁶³⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 660-661. 895 с.

⁶³⁷ Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality : A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991. 323 p.

⁶³⁸ Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. 27 (1 (117)). С. 1-41.

природу (3), что он видит, необходимо увидеть те сети, в которые он вовлечен и выявить ключевых акторов, что определяют специфику и направление развития сети.

В одной из статей, открывающих проблематику АСТ русскоязычному читателю, В.С. Вахштайн задается вопросом о природе социологии, точнее – «рождении ее центральной объяснительной категории»; его (рождение) он связывает с дуализмом Р. Декарта в отношении видения вещи как категории психической (*res cogitans*) и материальной (*res extensa*)⁶³⁹. В продолжении размышления В.С. Вахштайн указывает на то, что социология невозможна без отвоевывания социальным права на собственное существование, выстраивания той оптики, где возможно иное, автономное и от психического, и материального, отличное от исходного дуэта.

Вместе с тем, современная социология, по мнению В.С. Вахштайна, испытывает очередной крен; на сей раз в сторону тотальности социального. Между сциллой зависимости (от психического или материального) и харибдой тотальности, вслед за Д. Пелсом, К. Хезерингтоном и Ф. Ванденбергом⁶⁴⁰ он предлагает третий путь, «возвращение материального объекта». На такой путь во второй половине XX в. постепенно вставали разные представители исследований науки и технологий. В рамках АСТ этот путь получил следующее теоретическое решение, «материальное и социальное взаимообуславливают друг друга, сплетаясь в разветвленную сеть социо-технических отношений; материальные и символические порядки симметричны»⁶⁴¹.

Б. Латур и С. Вулгар одними из первых восстанавливают материальное в социальных правах. Делают они это на примере научной лаборатории⁶⁴². Также

⁶³⁹ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115. С. 95.

⁶⁴⁰ Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. The status of the object: performances, mediations and techniques // Theory, Culture and Society. 2002. Vol. 19. № 5/6. Pp. 1-22.

⁶⁴¹ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115. С. 99.

⁶⁴² Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. 296 p.

как и К. Барад, они показывают, что инструменты и технологии играют не менее важную роль в научном открытии, нежели гений конкретного ученого.

Впоследствии Б. Латур смещает свое внимание с лаборатории на контемпоральное общество, именуя современный мир «гибридным»⁶⁴³. В оптике его наблюдения оказываются уже известные по работам Ж. Бодрийера «человек – автомобиль»⁶⁴⁴ и «человек – компьютер»⁶⁴⁵. Следуя за мыслью о биотическом и генетическом проникновении в телесность человека (Ф. Фукуяма), Б. Латур замечает, что рамка между естественным и искусственным становится все более прозрачной. Отсюда принцип «генерализованной симметрии», позволяющий откалибровать оптику социологического анализа в условиях т.н. социальной мешанины.

По В.С. Вахштайну, «акторно-сетевая теория предлагает новую метафорику мышления о социальном, метафорику сетей и потоков, в рамках которой социальное может быть помыслено как неразрывно связанное с материальным, смысловое с протяженным, темпоральное с пространственным»⁶⁴⁶. Эта метафорика формирует особую оптику в восприятии материального, оптику гетерогенного и гибридного. В подобной оптике предметы из мира материального становятся в один ряд с человеком и иными социальными сущностями под именем «акторы», «агенты», «актанты». В таком движении мы вновь наблюдаем преодоление социально-антропологической рамки, выстраивание такого понимания социального, когда ручка, лабораторное оборудование или клавиатура от компьютера играют не меньшую роль в научном открытии, нежели ученый.

Уравновешивание предметности и социальности, вместе с тем, чревато трудностями в непосредственном соприкосновении с материальным миром. Человек активен, предметы пассивны. Нужен такой исследовательский язык, что выводит на поверхность всех фигурантов социального акта. Поэтому Б. Латур обратился к структуралистской теории А.-Ж. Греймаса, к его идее «актанта» как

⁶⁴³ Latour B. We have never been modern. N.Y.: Harvard University Press, 1993. 165 p.

⁶⁴⁴ Бодрийер Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2020. 320 с.

⁶⁴⁵ Бодрийер Ж. Ксерокс и бесконечность // Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. 260 с.

⁶⁴⁶ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115. С. 101.

того, что включено в сеть действий, совершает действие и подвержено действию других⁶⁴⁷. В языке происходит уравнивание Я и камня в акте падения; каждый из них в данном акте падает, т.е. является актантом действия. Реальный социальный акт наполнен множеством разнородных актантов, которые могут быть пассивными и, тем не менее, регулировать границы и динамику социальной сети. Для иллюстрации нечеловеческого актанта, организующего социальную сеть, Б. Латур обращается к работе А. Мол и М. де Лаэт, изучающих быт африканских деревень. В фокус их исследования попала модель насоса, распространенная в деревнях Зимбабвы – «втулочный насос типа В.П. Моргана». В сравнении с другими моделями насос П. Моргана приспособливается и подстраивается под тип и форму почвы, куда его устанавливают. Отсюда Б. Латур делает вывод о текучести идентичности актантов, которые способны адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.⁶⁴⁸

В этом – принципиальное отличие актанта современности от субъекта модерна: идентичность субъекта, кто встроен в устойчивую систему координат и держит свое место точно между бытийными верхом и низом противопоставлена идее текучей идентичности, относимой к тому актанту, что изменчив, множественен, гибок и адаптивен. В этом, по мнению отечественных философов, В.Г. Косыхина и С.В. Тихоновой, позиция сторонников АСТ встраивается в метамодернистский подход, т.к. «метамодернизм стремится вырваться за рамки методологической антитезы субъект-объект, чтобы увидеть реальность по ту сторону отношений субъекта и объекта. Такой проект не нуждается в изгнании субъекта, достаточно уравнения онтологического статуса субъекта с объектами, признания, что есть только один род сущего – объекты, и человек не может быть признан каким-то другим родом сущего, иной по своей природе категорией, поскольку в своем бытии он только вид объектов»⁶⁴⁹. Они продолжают

⁶⁴⁷ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115. С. 103.

⁶⁴⁸ Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. 27 (2 (117)). С. 95-156.

⁶⁴⁹ Косыхин В. Г., Тихонова С. В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 106–118. С. 109.

размышления показательным в выстроенной оптике вопросом, что творится в мире без нас, в который как будто вложена целесообразная пресуппозиция, полагающая возможность мира без нас.

Из самого имени теории АСТ понятно, что сеть занимает в ней одно из ключевых положений. В природу сети Б. Латур закладывает диалектическое единство статики и динамики. За статику отвечает «фрейм», контекст, редуктор сети, задающий ее границы. Вместе с тем, сама сеть является динамичным феноменом, что создает питательную почву для одномоментного действия разных актантов, выходящих за ее границы, разрушающих ее сходство и, тем не менее, поддерживающих ее целостность⁶⁵⁰. Отсюда гетерогенная сеть есть «не просто сеть разнородных отношений, но сеть человеческих и не-человеческих актантов, находящихся в постоянном взаимодействии»⁶⁵¹.

Б. Латур разрушает идею целостности сети; его внимание захвачено не целым, но партикулярным, логикой конфигурации ингредиентов сети, каждый из которых, будучи монадой (Г. Лейбниц), в праве претендовать на собственную целостность. Оттого французский мыслитель легитимируют релятивную природу элементов сети и самой сети соответственно. В заданном контексте интересна идея неизменяемых мобильностей Дж. Ло, которую он разобрал на примере с португальскими кораблями: «"Мобильности", потому что эти объекты перемещаются из Лиссабона в Калькутту и из Нью-Йорка в Сидней. А "неизменяемые", потому что сохраняют при этом свою форму, структуру. Они соединены вместе наподобие сети»⁶⁵². В этом примере мы наблюдаем своеобразный парадокс корабля: с одной стороны, корабль представляет собой сложную сеть отношений, что выражает экономический и политический контексты его функционирования, а также указывает на поток действий конкретных актантов на его борту. С другой стороны, сам корабль вращается в пространстве иной сети, того, что Дж. Ло именовал «матрицей прочного и

⁶⁵⁰ Latour B. On interobjectivity // *Mind, culture, and activity: an international journal*. 1996. Vol. 3. # 4. P. 233.

⁶⁵¹ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. Том 4. № 1. 2005. С. 94-115. С. 106.

⁶⁵² Law J. Objects, spaces and others. Working papers of Lancaster University, 2000. 13 p.

устойчивого окружения»⁶⁵³. Оттого наш корабль поддерживает форму и смысл португальского корабля, остается самим собой в рамках устойчивой сети. Однако при любом вмешательстве он оборачивается чем-то иным.

В цифровую эпоху место кораблей, гребешков и лабораторных экспериментов занимают информационные сети и цифровые общества. Близкой метафоре сети из АСТ становится концепция сетевого общества. Согласно М. Кастельсу, общество может быть описано через потоки «информационных импульсов, коммуникационных центров и менеджерских элит»⁶⁵⁴, что, вместе с тем, не отвечает полноте сетевого потока АСТ, в его прочтении Б. Латуром и Дж. Ло, по причине своей дискретной событийности.

В первых числах сентября 2009 г. в Великобритания прошла очередная конференция Ассоциации исследований цифровых игр⁶⁵⁵. На одной из сессий конференции Я. Богост, разработчик и аналитик видеоигр из США, прочитал доклад с кричащим именованием «Видеоигры – это бардак»⁶⁵⁶.

Как и многие его коллеги, Я. Богост открыл доклад онтологическим вопросом о природе игры. Без длительных лирических отступлений он обозначил два классических подхода, людологию и нарратологию как области правил и нарративов соответственно. Однако природа игры, по Я. Богосту, располагается не в конкретном подходе, но в специфике их соотнесения. Поэтому сам он обозначил игру как изначально «мертвое» пространство, которое словно наполняется жизнью («оккупируется») конкретными практиками игроков, что тем не менее отвечают непосредственно игровому контексту, т.е. ее типу, жанру, правилам.

Следующие за онтологическим вопросом пассажи доклада и вообще текст самостоятельной работы Я. Богоста «Чужая феноменология»⁶⁵⁷ расставляют в размышлениях об актантности интересные акценты.

⁶⁵³ Law J. Objects, spaces and others. Working papers of Lancaster University, 2000. 13 p.

⁶⁵⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

⁶⁵⁵ Digital Games Research Association [Электронный ресурс] // DiGRA [Сайт]. Режим доступа: <http://www.digra.org> (дата обращения: 18.06.2023).

⁶⁵⁶ Богост Я. Видеоигры – это бардак // Медиафилософия Х. Компьютерные игры: стратегии исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 292–319.

⁶⁵⁷ Богост Я. Чужая феноменология. Каково быть вещью? Пермь: Гиле Пресс, 2019. 200 с.

Во-первых, коперниканский переворот И. Канта перенес бытие вещей в сферу сознания, т.е. вещи (в их числе, игры) существуют тогда, когда воспринимаются и мыслятся человеком.

Во-вторых, бытие вещей открывается в моменте, когда человек получает к ним доступ. Наверное, наиболее подробно это раскрыто в теории корреляционизма К. Мейясу, согласно которой вещи существуют в режиме «только для-нас»⁶⁵⁸. Отсюда мир человека и мир вещей коррелируют друг с другом, невозможны одно без другого.

Вместе с тем, природа и отдельные вещи (например, оставленные, забытые человеком) самостийны, т.е. существуют автономно от человека. В-третьих, К. Мейясу и некоторые именитые легаты от АСТ провозглашают возвращение ко всем вещам и, в числе этих вещей, к человеку.

В-четвертых, Г. Харман направляет идеи АСТ в то, что он именует объектно-ориентированной философией⁶⁵⁹. Следуя за М. Хайдеггером, кто разделил вещи на «подручные» (те, что закрыты в бытийные контексты) и «наличные» (вышедшие из контекстов, как, например, сломавшийся молоток)⁶⁶⁰, Г. Харман называет каждый предмет из повседневных практик уже подручным и наличным, что находит выражение в его концепции инструмента-бытия.

В-пятых, Л. Брайант использует объектно-ориентированную теорию в контексте плоских онтологий, которые в прочтении М. Деланды, например, фиксируют внимание не на родах и видах, но на индивидах⁶⁶¹. В дискурсе Я. Богоста, установка плоских онтологий концептуализируется через выравнивание «онтологического поля, чтобы все вещи существовали на равных основаниях»⁶⁶². Однако игру весьма сложно вписать в смысловую рамку индивида или вещи. Это побуждает Я. Богоста ввести в дискурс плоских онтологий концепт «единицы».

⁶⁵⁸ Meillassoux Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. London: Bloomsbury Academic, 2008. 160 p.

⁶⁵⁹ Harman G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Peru, IL: Open Court, 2002. 333 p.

⁶⁶⁰ Хайдеггер, М. *Бытие и время*. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.

⁶⁶¹ Деланда М. Новая онтология для социальных наук // *Логос*. 2017. #3. С. 35-56.

⁶⁶² Богост, Я. *Видеоигры – это бардак* // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 292–319. С. 315.

Остается вопрос об отношениях между вещами, индивидами или единицами. В-шестых, АСТ определяет бытийную специфику движения актантов через сеть. В подключении к действующим сетям или инициировании новых актанты-человеки, впрочем, как и актанты-нечеловеки, существуют; вне сети их нет. Я. Богост в ответе на этот вопрос предлагает концепт единичной операции; уже не сеть, а другие единицы вступают во множество отношений с другими единицами, что определяет их становление и содержание.

В движении по предложенным пунктам Я. Богост заключает, что «такая перспектива открывает неожиданную истину: исследования игр означают не только рассмотрение игр-для-игроков или правил-для-игр, но и компьютеров-для-правил, или операциональных логик-для-компьютеров, или кремниевой платы-для-картриджа, или регистрации-для-инструкции, или радиочастот-для-электронной пушки. Игра является игрой не только для человека, но также для процессора, для пластикового корпуса картриджа, для шины картриджа, для потребителя, для носителя мемов и т.д.»⁶⁶³. Исследование видеоигр, таким образом, выходит из рамки отношений человек-игра, тем более, человек-человек. На примере видеоигры и любой другой игры мы наблюдаем, что при подключении нескольких единиц друг к другу, в одномоментности их действия рождается конкретное игровое действие, что со стороны выглядит как бардак. Я. Богост уточняет, «бардак заключается не во всеобъемлющей системной операции, объясняющей все вещи, не в наборе культурных норм или наборе предписаний для тщательно спланированной оргии, которую собираются провести на лакированном березовом паркете, а в свободном-и-быстром структурировании единиц-чего-бы-то-ни-было – и не только для человеческих акторов, вовлеченных в событие»⁶⁶⁴.

Динамика мыслей Я. Богоста кажется вполне применимой к исследованиям цифрового. Цифра уже вошла в социально-гуманитарный дискурс как

⁶⁶³ Богост Я. Видеоигры – это бардак // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 292–319. С. 317.

⁶⁶⁴ Богост Я. Видеоигры – это бардак // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 292–319. С. 319.

информационно-коммуникативная или технологическая сеть. С целью функционирования цифры нужно множество единиц (помимо базовых, компьютера и пользователя, сюда подключаются интернет-провайдер, программное обеспечение, спецификация самого т.н. железа, условия пользования компьютера пользователем и др.), интересен контекст, в котором оформляется их единичная операция. Отсюда цифра и цифровое, как кажется, достаточно легко переключаются на язык бардака и в его логику. Будучи строго структурированной единицей (как код, что состоит из 0 и 1), цифра попадает в социальный мир человека и абсорбируется в нем. На выходе мы получаем своеобразный бардак. Возможно, этот бардак можно структурировать; но одновременно со структуриацией мы впадаем в опасность расчистить исходное состояние, уничтожить сам феномен. Другой путь – принять цифровой бардак. На этом пути все единицы цифрового акта выстраиваются в один ряд, прочтение которого в горизонтали способно вывести на новые идеи в заданном исследовательском поле.

Выводы по параграфу: в параграфе была поставлена проблема настройки исследовательского фокуса в направлениях видения и понимания человека, социума и внешнего мира в роли актантов. С эпохи Просвещения фундаментом для социальной оптики являлась идея субъектности. В XXI в. на место субъекта претендуют множественные агенты, не обладающие человеческой природой. Помимо природы как таковой и организмов, ее населяющих, роли агентов сегодня выполняют техника и технологии, в том числе, цифровые технологии. По большому счету актерами, агентами и актантами являются все, включая человека. Сквозь социально-философскую призму нас интересуют те, кто выполняет активную, действующую роль в организации социального целого. В этом и состоит актуальная проблема социального субъекта: он больше не вписывается в дихотомию индивид / группа, а интегрируется в онтологически разнообразный ряд агентов, среди которых есть люди, нечеловеки и гибриды.

С целью проследить развитие идеи агентности в социальных и гуманитарных дискурсах представлены концепции современных авторов, что

реализуют свои исследования в рамках т.н. «квир»-тематики (постчеловек Р. Брайдотти, виды-компаньоны Д. Харауэй и А. Цин, агентность и интраактивность К. Барад, чужие С. Шавиро и А. Ветушинского, актанты сети Б. Латура и Дж. Ло, наличные / подручные инструменты Г. Хармана, индивиды М. Деланды или единицы Я. Богоста). Понимание человека, социума, природы и техники сквозь призму акторности / агентности / актантности уточняет исследовательскую оптику в контексте социальных и гуманитарных дискурсов о цифровом.

§ 3.3. Субъектность и агентность в контексте цифровой среды⁶⁶⁵

С рубежа XIX-XX вв. в социально-гуманитарных дискурсах вопрос о человеке и его социальной идентичности претерпевает значительные трансформации. От покорителя природы и держателя мира человек оборачивается результатом социальных конвенций, продуктом социальных конструкций и наравне с иными животными, представителями флоры и фауны, бактериологического и технического миров, – агентом социальных сетей. Кажется, это резонирует с идеей трансформации авторства у мыслителей, что начали движение к постструктурализму: место автора занял скриптор⁶⁶⁶.

В эпоху Нового времени человек бесповоротно вышел из-под власти вездесущего Абсолюта. Этот выход был не столько неким движением в предметном мире или конкретным поступком, сколько сменой мировоззренческой установки, ориентацией на определение новых координат в понимании мира и себя самого. Как было показано ранее, понимание человека как субъекта модерна концептуализирует в своих работах Г. Гегель. Ю. Хабермас в движении по следам немецкого классика формулирует узловые точки, через которые Г. Гегель

⁶⁶⁵ В данном параграфе использованы материалы публикаций автора диссертации: Пеннер, Р. В. Кочевничество по империям интернета / Р. В. Пеннер // Учёные записки АГУ им. В. Н. Татищева. История. «Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого» : материалы VII Международной научной конференции, Астрахань, 06–07 октября 2022 года. – Астрахань: АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА, 2022. – С. 270-272. Пеннер, Р. В. Дистопия в мемах или мемы в дистопии? Размышления о цифровой культуре / Р. В. Пеннер // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 49-56. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-49-56.

⁶⁶⁶ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.

обосновывает субъектность: индивидуализм как установка самоопределения, критическое мышление как способ видения мира, ответственность человека и идеалистическая философия как форма конституирования эпохи. Но, как замечает Ю. Хабермас, понимание человека через субъектность привело к редуцированному видению человеческой природы. Это провозглашает уже Ф. Ницше, разводя два начала в искусстве, на аполлоническое и дионисийское. Следование по пути *ratio* предопределило, по мысли философа-иррационалиста, кризис морали, культуры и всей европейской цивилизации.

Попытки реконструировать европейского субъекта предпринимали многие мыслители XX в. Из них, М. Хайдеггер и Ж. Батай, выбрали путь следования за Ф. Ницше, в поисках выхода из гомогенного (что упрощает человеческую природу) в гетерогенное (что эту природу выражает). В этом поиске М. Хайдеггер пошел в направлении осмысления *τέχνη* и технического, придя к выводу о том, что в своем актуальном отношении с техникой человек должен возвратиться к изначальному смыслу техники как искусства, которое откроет ему потаенное не в предметности (электроэнергия, к примеру), а в сфере духовного (бытие как таковое). Ж. Батай, в свою очередь, двинулся по линии труда и проблеме перепроизводства, что связана с нарушением субъекта модерна баланса между трудовой производственной деятельностью и экстатическими практиками, ориентированными исключительно на получение удовольствия.

В двух предыдущих параграфах главы был развернут тезис о переходе человека и социальных групп от субъектности к агентности в цифровую эпоху. Этот тезис обосновывается природой самой эпохи, которую можно выразить в метафорике «плато» (Ж. Делез, Ф. Гуаттари) или «сети» (АСТ). Агентность человека представлена в дискурсе АСТ, прежде всего, через работы Б. Латура. В них агент социальных сетей есть становящаяся единица, что встраивается во внешние изменения. Эти изменения могут быть стихийными (все то, что касается явлений природы, а также «черные лебеди» в экономике и политике) и спроектированными. Если встроить номадическую сборку «человек-лошадь-седло» в цифровой контекст, то мы получаем цифрового номада, что может быть

дефиницирован в новой сборке «человек-смартфон-интернет». Идея цифрового номада сегодня представлена, прежде всего, в экономическом дискурсе, в контексте размышлений о дистанционном (remote) формате работы⁶⁶⁷.

Сама цифровая среда в рамке ее пространственного прочтения полагает перемещения по пунктам (сайты, страницы, статьи). Цифровые технологии будто высвобождают человека от привязки к месту. Как показала пандемия COVID-19, эффективное выполнение рабочих обязанностей с необходимостью не вытекает из нахождения на рабочем месте в режиме «8 x 5».

В своем исследовании материалов, включенных в международные базы данных, А.А. Шумилова и Г.А. Окушова пришли к выводу о том, что, как правило, идея цифрового номадизма выражена в социально-гуманитарном дискурсе в рамке исполнения социальным субъектом своих трудовых обязательств⁶⁶⁸. Номадизм потому указывает на освобождение от рабочего места. Помимо этого, в интерпретации номадизма значительную роль занимают исследования трансформации туристических практик, в том числе, развитие «маргинальной мобильности». Наконец, ряд исследователей в смысловое поле номадизма помещают особенности социализации т.н. «детей третьей культуры», что являются потомками эмигрантов. Все три смысловые направления исследований современного кочевничества в условиях цифровой эпохи указывают на изменения понимаемой рамки таких феноменов, как движение, дом, труд, адаптация, социализация, отдых, Другой и маргиналии.

Цифровой номадизм является результатом развития цифровых технологий и расширения спектра их применения. Но одних технологий явно недостаточно. Произошел сдвиг в социальных одобряемых (или, как минимум, не порицаемых) практиках и сознании человека самого себя.

⁶⁶⁷ Lee L. How digital nations like Plumia are giving digital nomads wings [Электронный ресурс] // Kaspersky Lab [Сайт]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.com/blog/secure-futures-magazine/plumia-digital-nomad-nation/41415/> (дата обращения: 18.06.2023).

⁶⁶⁸ Шумилова А. А., Окушова Г. А. Исследование цифрового номадизма: обзор проблематики зарубежных научных статей // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 300-305.

Как кажется, цифровой номадизм уместно рассматривать в двух ключевых режимах. Первый вырастает из экономического дискурса, согласно которому, кочевничество формируется как результат изменения трудовых практик. В комфортном для себя месте (к примеру, тропические страны или побережья южных морей) и режиме, сотрудник корпорации или фрилансер выполняет пул практических задач. Согласно позиции М.Р. Арпентьевой, значительные трансформации внешнего влекут за собой изменения внутреннего⁶⁶⁹. Прежде всего, это касается так называемой коллективной идентичности (этнос, нация, культура, гражданство), когда стираются границы между мое – чужое, что отражается на «плавающем» понимании себя как «грамма в составе тонны»⁶⁷⁰.

Второй режим, в свою очередь, отражает цифровые практики современного субъекта. Существование в сети есть нахождение в пространстве особого рода, что функционирует по своим правилам. В момент своего появления и частичного распространения (1980-90 гг.) сеть интернет являла собой пространство меритократическое⁶⁷¹, анонимное⁶⁷². В XXI в. в сеть вошли массы⁶⁷³. Это изменило, с одной стороны, ее содержательное наполнение; с другой стороны, выработались механизмы хождения по сети. Эта вторая сторона выражает проблему номадизма в нетосе.

Цифрового номада И.В. Гужова определяет сквозь призму свободы. Еще в античное время свобода выступала уникальной экзистенциальной характеристикой человека; тем идеалом, к чему стремились. Определений свободы с того времени накопилось много. В период постмодерна ключевым из них оказалось то, что указывает на свободу выбора. Цифровой номад как раз является тем персонажем, для кого в ценностном мире превалирует

⁶⁶⁹ Арпентьева М. Р. Цифровой номадизм и идентичность // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2017. С. 24-30; Касимова Г. К., Валеева Г. В., Сетяева Н. Н., Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы развития субъектов цифрового образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 456-466.

⁶⁷⁰ Замятин Е. И. Мы. Сочинения. М.: Книга, 1988. 386 с.

⁶⁷¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

⁶⁷² Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22.

⁶⁷³ Тихонова С. В. Философский манифест в цифровую эпоху // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем. Материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь, 2021. С. 67-69.

вариабельность над правилом. Содержательно новый номад напоминает классическую фигуру бродяги, что лишен места в этом мире. Вместе с тем, И.В. Гужова утверждает социальное признание номадических практик в цифровую эпоху; у цифрового номада может не быть точного места на карте (прописка, работа), но как представитель творческой элиты он помечает свое место в социальной иерархии⁶⁷⁴.

Мобильность и подключенность к сети выступают, по И.В. Гужовой, теми ключевыми маркерами, что выражают цифровое наполнение номадических практик. Вместе с тем, многие в цифровую эпоху способны идентифицировать себя с этими маркерами. Отчасти об этом сообщает А.В. Шляков в своих размышлениях о распространении номадических практик в России⁶⁷⁵. Среди ключевых направлений российского номадизма он выделяет автомагистрали, миграцию и эмиграцию, туризм, академическую мобильность и непосредственно цифровой номадизм. Он утверждает «изменение топологии социального пространства» в постиндустриальном обществе, что синхронизируется с распространением кочевых форм бытийствования⁶⁷⁶.

В цифровую эпоху отличным от большинства, а значит – маргинальным, становится тот, кто не совершает движения в сети, в том пространстве, которого нет на карте, в нетосе. Цифровой номадизм отражает подключенность человека к сети и возможность движения по ее пунктам. Кочевые практики сегодня уже не являются путем избранных одиночек; в той или иной степени кочуем по сети все мы.

Представляется продуктивным продолжить размышление о цифровом по методу анализа поисковых запросов С. Стивенса-Давидовица, который применялся в первой главе. Актуальным источником материалов выступает электронная библиотека Mendeley, подключенная к международной

⁶⁷⁴ Гужова И. В. Цифровой номадизм как проект обретения экзистенциальной свободы в мире "постулируемой" идентичности // Комплексные исследования человека: психология. Материалы VII Сибирского психологического форума. 2017. С. 63-66.

⁶⁷⁵ Шляков А. В. Феномен номадизма в культуре постмодерна: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. Тюмень, 2019. 328 с.

⁶⁷⁶ Шляков А. В. Феномен номадизма в российской действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4 (438). С. 53-59. С. 54.

академической сети. Для прорисовки полной картины откроем анализ с количественных показателей по поиску трех запросов, “Digital Object”, “Digital Subject”, “Digital Agent”, соответствующие русскоязычным запросам, «цифровой объект», «цифровой субъект», «цифровой агент». Добавление «цифрового объекта» в цепочку поисковых запросов кажется необходимым по той причине, что сам цифровой дискурс как будто нивелирует разницу между объектностью и субъектностью; человек как один из ключевых социальных агентов, точнее – информация о нем, функционирующая по цифровым сетям, становится объектом в среде иных цифровых объектов, включающих, в числе прочего, компьютеры и / или мобильные гаджеты (т.н. цифровое «железо»), программное обеспечение, информационные ресурсы, электронные платформы и пр.

По запросу “Digital Object” в апреле 2023 г. система Mendeley предлагает 65,960 результатов. Первые публикации датированы 2015 г. (3,038 результатов); наибольшее количество публикаций датированы 2022 г. (5,770 результатов). Больше половины публикаций – статьи из журналов (37,766 результатов). Ключевым источником по запросу выступает серия книг “Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)” от издательства “Springer”, область исследования – технические (компьютерные науки) (1,370 результатов). Наконец, наибольшие количественные показатели по публикациям, в которых фигурирует “Digital Object”, дают Б. Джавиди (University of Connecticut, США, специалист в области электротехники) – 154 результата; Д.П. Шнайдер (Penn State: The Pennsylvania State University, США, специалист в области астрономии и астрофизики) – 153 результата; О. Матоба (Kobe University, Япония, специалист в области прикладной оптики) – 90 результатов. К примеру, наиболее цитируемая работа Б. Джавиди проходит под названием, что может быть переведено на русский язык как «Трехмерное распознавание объектов с использованием цифровой голографии»⁶⁷⁷. В фокусе внимания электротехника не сам цифровой объект, но

⁶⁷⁷ Javidi B., Tajahuerce E. Three-dimensional object recognition by use of digital holography // Optics Letters. 2000. 25(9). P. 610.

цифровая голография как способ прочтения, сбора информации о стереоскопическом или трехмерном (3D) объекте, поиске оптимального способа его максимального измерения. Пропозиционный пассаж по большому счету отражает специфику цифрового дискурса в отношении использования цифры в понимании внешнего предметного мира; сам мир и отдельные его фрагменты возможно переложить на язык цифры, т.е. представить в виде цифрового кода, разложить на 0 и 1, или в виде трехмерной голограммы, прочтение которой приравнивается к пониманию самой предметной реальности. Можно предположить, что современные исследователи используют язык цифры, что в определенной степени отражает правоту алармистских тезисов М. Хайдеггера («Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности»⁶⁷⁸). Сами области исследований авторов с наибольшими количественными показателями по запросу говорят о том, что цифровой объект указывает на предметный мир, переложенный на язык цифры. Вместе с тем, на данный момент мы не располагаем достаточным объемом данных, чтобы ответить на вопрос, подтверждает ли это тезис о тотальном просчитывании реальности; поэтому не можем подтвердить или опровергнуть опасения немецкого мыслителя.

По запросу “Digital Agent” система Mendeley предлагает 22,880 результатов. Первая публикация датирована 2014 г.; в ней А. Смит и Дж. Андерсон оформили зарисовку цифрового мира 2025 г.; они встроили цифровых агентов в контекст автоматизации и интеллектуальных систем и сфокусировали свое внимание на вопросе, к чему приведет подобная автоматизация, расширению творческого потенциала человека или безработице⁶⁷⁹. Всего мы находим 847 публикаций за 2014 г.; наибольшее количество публикаций, в свою очередь, датированы 2020 г. (2,827 результатов). Как и в предыдущем запросе, больше половины публикаций – статьи из журналов (15,025 результатов). Ключевым источником по запросу

⁶⁷⁸ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennosti/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁶⁷⁹ Smith A., Anderson J. Digital Life in 2025: AI, Robotics and the Future of Jobs // Pew Research Center. 2014. P. 67.

выступает академический журнал “Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendeliana Brunensis” от издательства “Mendel University” (Чехия), область исследования, что прочитывается уже из названия журнала, – сельское хозяйство (760 результатов). В наиболее цитируемой статье журнала исследователь из Индонезии А.С. Вахьюни определяет цифровых агентов в рамке химической связей, точнее – в способах связывания гибких полипептидов с белками; в поиске оптимального варианта в решении задачи фармаколог обращается к компьютерному моделированию (компьютер выступает здесь в роли цифрового агента), разрабатывает «полипептидный протокол, который дает наиболее точные результаты для удлиненных пептидов ограниченного размера и количества формальных зарядов»⁶⁸⁰. Наибольшие количественные показатели по публикациям, в которых фигурирует “Digital Agent”, представлены в работах Б. Джавиди (Istanbul Technical University, Турция, инженер) – 129 публикаций. В одной из статей, результирующей показателя междисциплинарного исследования, она вместе с коллегами ставит проблему прагматизации коммуникативных потоков, исходящих от правительства или любой иной государственной организации; поскольку сама проблема носит комплексный характер, в ее решении применяется интегративный язык, «язык μ right ∂ , который устраняет коммуникативные барьеры и суммирует информацию об аудитории, сообщении и средах, куда направляется исходная информация»⁶⁸¹. Аналитика аннотаций по ключевому запросу “Digital Agent” в большинстве случаев указывает на компьютер как на цифрового посредника в решении конкретно-научных задач.

Наконец, по запросу “Digital Subject” система Mendeley выдает 64,606 результатов. Первая публикация вновь датирована 2014 г.; специалист из сферы журналистики К. Уорфилд (Kwantlen Polytechnic University, Канада) встраивает проблему субъектности в контекст селфи; автор селфи, согласно ее позиции,

⁶⁸⁰ Wahyuni A. S. The Effect Of Independence, Professional Ethics And Auditor Integrity On Audit Quality In Public Accountant Firms Daerah Istimewa Yogyakarta // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendeliana Brunensis. 2020. 53(9). Pp. 1689–1699.

⁶⁸¹ Supriyanto T. M., Kajian P. M., Nasional K., Stratejik K., Global D. The structure of the codispersion of health-related indicators // SSRN Electronic Journal 2020. 11(1). Pp. 184–201.

переносит свою субъектность в формат “digital”⁶⁸². За 2014 г. в сети Mendeley фигурирует 2,323 публикации. Наибольшее количество публикаций вышли в 2020 г. (6,303 результатов); большая часть из них выражает проблематику пандемии COVID-19, прежде всего, в медицинском⁶⁸³, трудовом⁶⁸⁴ и образовательном⁶⁸⁵ аспектах. И вновь, большая часть публикаций – статьи из журналов (46,269 результатов). В социально-философском плане наибольший интерес представляет академический журнал “Teaching and Teacher Education” от издательства “Elsevier”, область исследования – образование (501 статья). Публикации, что в наибольшей степени релевантны специфике запроса, датированы в поиске с 2017 г. К примеру, К.Р. Линч, географ из США (University of Nevada Reno), выводит проблему субъектности из рамки технокапитализма; согласно ее видению, «технокапиталистическая логика создает субъектов как познаваемых и программируемых единиц через профили данных, как ответственных цифровых граждан, предоставляющих данные как форму гражданского участия, и как стратифицированных пользователей в гендерных и расовых иерархиях технологических действий»; в заданном контексте она поднимает проблему «неуправляемых цифровых субъектов» на примере прецедентов из Барселоны, сети инициатив на низовом уровне, “technological sovereignty” (TS, сети технологического суверенитета), что «оспаривают иерархии технологических знаний и продвигают формы коллективного размышления и экспериментирования»⁶⁸⁶. С. Красманн, в свою очередь, сосредотачивает внимание на границах видимости субъекта. Согласно ее прочтению М. Фуко, субъект обретает субъектность в дисциплинарных обществах, когда обретает

⁶⁸² Warfield K. Making Selfies/Making Self: digital subjectivities in the selfie // Proceedings of the Image Conference, Berlin, 2014. 30. Pp. 1–6.

⁶⁸³ Zhou H., Lu S., Chen J., Wei N., Wang D., Lyu H., Hu S. The landscape of cognitive function in recovered COVID-19 patients // Journal of Psychiatric Research. 2020. 129. Pp. 98–102; Garg S. K., Rodbard D., Hirsch I. B., Forlenza G. P. Managing New-Onset Type 1 Diabetes During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Opportunities // Diabetes Technology and Therapeutics. 2020. 22(6). Pp. 431–439.

⁶⁸⁴ Dwivedi Y. K., Hughes D. L., Coombs C., Constantiou I., Duan Y., Edwards J. S., Upadhyay N. Impact of COVID-19 pandemic on information management research and practice: Transforming education, work and life // International Journal of Information Management. 2020. 55.

⁶⁸⁵ Daniel S. J. Education and the COVID-19 pandemic // Prospects. 2020. 49(1–2). Pp. 91–96; García-Peñalvo F. J., Corell A., Abella-García V., Grande M. Online assessment in higher education in the time of COVID-19 // Education in the Knowledge Society. 2020. 21.

⁶⁸⁶ Lynch C. R. Unruly digital subjects: Social entanglements, identity, and the politics of technological expertise // Digital Geography and Society. 2020. Volume 1. 100001.

видимость. Поэтому цифрового субъекта она именует «характерной фигурой нашего времени», он есть центральный претендент на т.н. «визуальное гражданство» в цифровизирующемся государстве⁶⁸⁷. Наконец, А. Возняк ставит проблему цифрового субъекта в контексте размышлений о том, как цифровые технологии повлияли на общество⁶⁸⁸. Он отмечает т.н. «цифровой поворот» в социальных исследованиях, оценка последствий которого разделила исследователей на два лагеря, цифровых оптимистов и пессимистов. Позиция первых базируется на принципах культуры участия и выражена феноменом сетевого активизма, что предвещает оформление новой формы демократии, т.н. «распределенной демократии». Цифровые пессимисты, в свою очередь, аргументацию простраивают через указание на новые формы технологического контроля, что фундируют сетевой авторитаризм и способствуют дегуманизации общества. В предложенном контексте миссия ученых, по А. Возняку, заключается в инициировании и поддержании осмысленного диалога, предполагающего критическую исследовательскую оценку изучаемого материала, позиции оппонентов и собственного вовлеченного участия в цифровое. In addendis, некоторые авторы контаминируют идеи субъектности и объектности в исследованиях цифрового⁶⁸⁹.

Анализ статей и иных научных материалов, размещенных в базе данных Scopus, вместе с тем, демонстрирует, что за последнее десятилетие внимание исследователей из различных областей знания привлекает именно феномен «цифрового субъекта». По запросу “Digital Subject” в декабре 2021 г. мы получили 36,439 документов. Причем первый из них датирован 1926 г. Возникает естественный вопрос, о каком цифровом субъекте можно было говорить в 1920-1930 гг., даже в технологически продвинутых Штатах. Разрешается вопрос

⁶⁸⁷ Krasmann S. Imagining Foucault. On the digital subject and “visual citizenship” // Foucault Studies. 2017. 23. Pp. 10-26.

⁶⁸⁸ Wozniak A. Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data // European Journal of Communication. 2019. 34(5). Pp. 566–569.

⁶⁸⁹ Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data. University of Westminster Press, 2019; Chandler D., Fuchs C. Digital Objects, Digital Subjects. London: University of Westminster Press, 2019. 248 p.

предельно просто: речь идет о создании электрической цепи, части которой могут именоваться как «субъект» или «цифровой субъект»⁶⁹⁰.

Понимание цифрового субъекта в антропологическом или околоантропологическом плане в материалах Scopus представлено только на рубеже XX-XXI вв., прежде всего, в библиотечном дискурсе⁶⁹¹. Представляется, что это связано с резким скачком объемов информации и соответственно необходимостью находить новые формы группировки и каталогизации имеющихся информационных данных.

Идея цифрового субъекта в контексте идентичности субъекта, в свою очередь, вошла в социально-гуманитарный дискурс наперед. Так, например, О. Горюнова в своих работах по цифровому субъекту утверждает его положение между социобиологическим аналогом и цифровыми данными⁶⁹². Опираясь на установки М. Фуко о понимании субъекта через телесные, духовные и политические практики, она позиционирует цифрового субъекта в дискурсе власти. С одной стороны, реальный человек, с именем, телом, социальным статусом, создает свой аналог (в некоторых случаях – аналоги) в цифровой среде. В этом контексте именно реальный человек является автором, филиатором, обладателем своих цифровых «двойников». С другой стороны, попав в цифровую сеть, информация начинает функционировать по законам сети, не волеиям своего автора. В дело вступает паноптикум. Однако это не явные надзирательные конструкции как у И. Бентама или М. Фуко⁶⁹³. Речь идет т.н. о «совершенной системе наблюдения», утонченных управленческих практиках, что работают по принципу информационного контроля, не тюремного заключения⁶⁹⁴.

Вновь перед нами философский прогноз из XX в.; на этот раз под авторством Ж. Делеза. В мае 1990 г. на страницах французского издания “L'autre journal” вышла статья философа-постструктуралиста под названием «Post

⁶⁹⁰ Porter L. C., Prideaux G. F. What happens when a headlight is out of focus // SAE Technical Papers. 1926. Pp. 521-551.

⁶⁹¹ Lin Z.-Y. Classification practice and implications for subject directories of the chinese language web-based digital library // Journal of Internet Cataloging. 2000. 3(4). Pp. 29-50; Zavalina O. L. Contextual Metadata in Digital Aggregations: Application of Collection-Level Subject Metadata and Its Role in User Interactions and Information Retrieval // Journal of Library Metadata. 2011. 11(3-4). Pp. 104-128.

⁶⁹² Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. 36(6). Pp. 125-145.

⁶⁹³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 416 с.

⁶⁹⁴ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб: Наука, 2004. 235 с.

Scriptum к обществам контроля». Пафос статьи фундирован идеей о том, что к концу XX в. на смену пространств изоляции пришли состояния метастабильности, корпорации субституировали заводы, *omnia in omnibus*, дисциплинарные общества трансформировались в общества контроля. Одна из идей М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» состояла в том, чтобы продемонстрировать тюремный порядок на примерах кажущихся свободными социальных институций. Для этого, среди прочего, он обратился к проекту завода, пространственно-временной континуум которого как будто растворял рабочего в производственном процессе, отчего капиталист (владелец средств производства) получал значительную выгоду в сравнении с исходными вложениями. Возможно, наиболее ярко в визуальном плане это выразил Ч. Чаплин в работе 1936 г. «Новые времена» (ориг. название – “Modern Times”). По сюжету герой Ч. Чаплина встроен в жесткие рамки; его рабочий день строго регламентирован отметками на производственных карточках, движения синхронизированы с работой станка, даже практики его питания капиталист пытается автоматизировать, дабы продлить рабочие часы. *Summa summarum*, индустриальная машина как будто заглатывает бедного рабочего, выплевывает его, после чего герой утрачивает психическое и ментальное равновесие.

По М. Фуко, дисциплинарное общество фундировано социальными институтами: семья, школа, больница, армия, завод. По Ж. Делезу, в свою очередь, все указанные институции к концу XX в. находятся в кризисном состоянии. Он рефентирует обозначенный кризис с т.н. «интерьерным» состоянием учебных и профессиональных институтов; интерьер легитимирует право институций на существование и, вместе с тем, указывает на проблемность этого существования, на то, что форма свободна от содержания, институт остался, но не выполняет своего функционала.

Если дисциплинарное общество реализует вертикальную иерархию в заданном контексте: от родителя к детям, учителя к ученикам, врача к больным, мастера к рабочим, – то общество информационного контроля корпоративно по своей природе («корпорация – это душа, это газ»), оно представляет собой

матрицу, распределенную на относительно автономные модули, «контроль в ней является модуляцией, это деформирующий самого себя модуль, постоянно меняющийся, каждое мгновение, словно сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение»⁶⁹⁵.

Корпоративная модель вписывается в бывшие иерархизированными институты. Так, на место школы пришло непрерывное образование, беспрестанный контроль сменяют дискретные экзамены. В числе прочего, это выражается в специфике начала и окончания в формах деятельности; в социальных институтах все начинается сначала, приход в новую институцию сопровождается усвоением ее норм и правил; в обществе контроля, наоборот, все продолжается, просто начинает функционировать новый модуль в системе той же матрицы.

Перед нами – конфронтирующие по смыслам единицы дисциплинарных обществ и общества информационного контроля соответственно: подпись, номер противостоят цифровому шифру; индивидуумы – дивидуумам, распределенным в больших данных; производитель энергии – волне, что «словно выведена на орбиту и постоянно находится на связи»; станок – кибернетической машине, способной обработать большие данные; человек-заключенный (он располагается под пристальным вниманием вышестоящей в социальной иерархии единицы в момент своей фактической деятельности) – человеку-должнику (находится под имманентным вниманием заинтересованных в его долге лиц); а крот – змее, в этой паре представлены т.н. тотемные животные, что выражают «режимы нашего существования» и «касаются образа жизни и наших отношений с другими людьми»⁶⁹⁶, где крот отображает трудящегося индивидуума, постоянно роящего новые норы, а змея – гибкого, подвижного дивидуума, встраивающегося в трансформирующиеся реалии (например, как у Э. Тоффлера в концепции «футурошока»⁶⁹⁷.

⁶⁹⁵ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб: Наука, 2004. 235 с.

⁶⁹⁶ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб: Наука, 2004. 235 с.

⁶⁹⁷ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.

Показательна интуиция Ж. Делеза в отношении метаморфоз в сфере здравоохранения. Философ отмечает, «новая медицина "без врачей и больных", которая оставляет потенциального больного наедине с самим собой и которая нисколько не свидетельствует о движении в сторону индивидуальности, как об этом говорят, но заменяет индивидуальное тело или цифровой шифр "дивидуальным" материалом, подлежащим контролю»⁶⁹⁸. Видится, что феномены из социальных практик 2020-2021 гг., самоизоляция и пропускная система, когда сертификат о вакцинации или справка о перенесенном заболевании выступали основанием (пропуском) в публичное пространство, естественно вписываются в представленный теоретический пассаж. А. Леклерк-Ванделаннуат и Ж. Ароль продолжают мысль Ж. Делеза, утверждая то, что в пандемию «соблюдения различных систем контроля на основе информационных систем предвещали новую организацию наших свобод, вызывая озабоченность, связанную с вопросами наблюдения и контроля»⁶⁹⁹. М. Кривы и Г. Томпсон, в свою очередь, применяют делезианскую концепцию контроля в прочтении умного города⁷⁰⁰ и онлайн-, адаптивных систем обучения⁷⁰¹ соответственно. Сам же Ж. Делез заканчивает размышления об обществах контроля красивой, но настораживающей фразой, «кольца змеи еще более сложны, нежели подземные ходы кротовых нор»⁷⁰².

Отечественные политологи, Д. Гавра, В. Декалов и К. Науменко, продолжают исследование цифрового субъекта в дискурсе власти⁷⁰³. Если О. Горюнова сосредотачивает свое внимание на метаантропологической природе субъекта как калькирование с реального человека, скорректированное маркетологами и политическими технологами по стандартам «идеала» для экономических и политических операций, то ее коллеги в прорисовывании

⁶⁹⁸ Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб: Наука, 2004. 235 с.

⁶⁹⁹ Leclercq-Vandelannoitte A., Aroles J. Does the end justify the means? Information systems and control society in the age of pandemics // European Journal of Information Systems. 2020. 29:6. Pp. 746-761.

⁷⁰⁰ Krivý M. Towards a critique of cybernetic urbanism: The smart city and the society of control // Planning Theory. 2018. 17(1). Pp. 8-30.

⁷⁰¹ Thompson G. Postscript on the empire of control // Educational Philosophy and Theory. 2022. 54(7). Pp. 974-982.

⁷⁰² Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб: Наука, 2004.

⁷⁰³ Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection // Studies in Computational Intelligence. 2020. 868. Pp. 233-243.

фигуры цифрового субъекта по большей части отражают трансформацию информационного пространства.

Интернет принципиально скорректировал медийное пространство, значительно «подвинув» своих конкурентов; информации в интернете много; источниками информации наравне с политическими фигурами становятся лица, не связанные с принятием политических решений; однако классические инфлюенсеры (газеты, телевидение, политики) остаются в информационном поле и продолжают борьбу за аудиторию, в среде которой ширится количество цифровых субъектов, т.е. тех, кто активно пользуется интернетом в разных его назначениях.

А. Спан логику своей статьи выстраивает в фокусе цифровых технологий изменения поведения (от англ. digital behavior change technologies). Он начинает с того, что обращается к классической оппозиции субъект – объект, сформулированной еще в Новое время Р. Декартом⁷⁰⁴, но сохранившей свою актуальность в современном научном дискурсе (по крайней мере, в классических его областях). Опираясь на различие субъекта и объекта, И. Кант сформулировал основу своей этической программы⁷⁰⁵. Категорический императив – это долженствование исключительно для субъекта, потому что именно он обладает активным деятельностным началом. В свою очередь, объект пассивен. Как правило, он становится инструментом в деятельности субъекта. А. Спан справедливо замечает, что во многих контекстах этот тезис отражает специфику актуального отношения человека с окружающими его предметами. Но не в цифровом контексте.

А. Спан опирается на трендовую проблему XXI в., цифровые технологии изменения здоровья и поведения, что идет из медицины. Исследователи, обращающиеся к этой проблеме, отмечают ее комплексный характер. Отсюда установка на то, что решение проблем изменения физиологии человека в цифровой реальности следует разрабатывать в междисциплинарном

⁷⁰⁴ Декарт Р. Размышления о первой философии [Электронный ресурс] // Библиотека психологии [Сайт]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/dekar02/index.htm> (дата обращения: 18.06.2023).

⁷⁰⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2021. 784 с.

пространстве⁷⁰⁶. А. Спан, в свою очередь, предлагает не столько практическое разрешение проблемы, но пересмотр понятий «субъект», «объект» и «интерсубъективность» в контексте цифровых технологий изменения поведения. В статье он приходит к выводу, близкому положениям АСТ: «Цифровые технологии больше не являются просто пассивными инструментами, они начинают принимать различные формы деятельности, приближаясь, таким образом, к классическим "субъектам". Так же и современные люди могут передать часть своей деятельности цифровым технологиям. Наконец, дискуссии в публичной сфере все больше и больше опосредуются цифровыми технологиями, – социальные сети в нарастающей степени определяют наши социальные взаимодействия»⁷⁰⁷.

С. Уорк, научный сотрудник Центра междисциплинарных методологий Уорикского университета, в свою очередь, развивает тезис О. Горюновой о цифровом субъекте как «опосредованной конструкции»⁷⁰⁸: растворение человека в потоке данных, с одной стороны; и воздействие этих данных на поведение человека, с другой. Согласно его утверждению, прототипом цифрового субъекта можно полагать «грамматики действия» Ф. Агре⁷⁰⁹. Под именем «грамматики» Ф. Агре представил техники социального взаимодействия, которые опосредованы техникой. Отсюда техника вносит коррективы в специфику человеческой коммуникации. С. Уорк отмечает, что в эпоху широкого использования интернета цифровой субъект оказывает прямое воздействие на индивидуацию своего «автора» в регулярном обращении второго к действиям в сети по типу “liking, sharing, friending, even clicking” (с англ. – поставить лайк, распространить

⁷⁰⁶ Taj F., Klein M. C. A., Halteren A. van Digital Health Behavior Change Technology: Bibliometric and Scoping Review of Two Decades of Research // JMIR Mhealth Uhealth. 2019. 7(12):e13311; Hekler E., Michie S., Pavel M., Spruijt-Metz D. Advancing Models and Theories for Digital Behavior Change Interventions // American Journal of Preventive Medicine. 2016. 51(5). Pp. 825-832; Sabharwal A., Fields S., Hilliard M. E., DeSalvo D. J. Digital technologies to support behavior change: challenges and opportunities // Diabetes Digital Health. ed. by David C. Klonoff, David Kerr, Shelagh A. Mulvaney. Elsevier, 2020. Pp. 37-50.

⁷⁰⁷ Spahn A. Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization // Information (Switzerland). 2020. 11(4). P. 228.

⁷⁰⁸ Wark S. The subject of circulation: on the digital subject's technical individuations // Subjectivity. 2019. 12(1). Pp. 65-81.

⁷⁰⁹ Agre P. Surveillance and capture: Two models of privacy // The Information Society. 1994. 10(2). Pp. 101-27.

информацию, отправить / ответить на запрос на добавление в друзья, пройти по ссылке).

Одновременно с тем, что техника в какой-то степени алгоритмизирует человека, задает ему определенные режимы представления себя и взаимодействия с другим в цифровом пространстве, она также, по мысли С. Уорка, способна выступать своеобразным хилером, врачом личностных ран и травм. Иллюстрацией этому служит арт-проект А. Ульман, перформанс, что она устроила на площадке Instagram⁷¹⁰ в 2014 г. В рамках перформанса А. Ульман искренне прожила со своими подписчиками четыре месяца после расставания с молодым человеком. Вытаскивая напоказ глубоко интимное, что зачастую вызывало вопросы у ее подписчиков, аргентинская художница смогла пережить личную травму и на своем примере продемонстрировать феминные типажи в online: от «плачущей девочки» до «красотки» и «богини».

В некотором смысле с этой иллюстрацией перекликается исследование Г. Альбертса, М. Вента и Р. Янсмы, что отображает ключевые исторические вехи в становлении “De Digitale Stad” (от нидерл. – цифровой город). В начале 1994 г. платформа “De Digitale Stad” была одной из первых онлайн-площадок Нидерландов, созданной для упрощения коммуникации между первыми пользователями интернета. Тогда платформа была подобна доске объявлений. Тем не менее, уже в первый год своего существования она привлекала около 100.000 компьютеров. Сегодня это полноценный виртуальный город; творческая платформа, где художники и зрители находят друг друга⁷¹¹. Отсюда С. Уорк заключает, наряду с тем, что техника и технологии в цифровую эпоху получают статус социальных агентов, именно в режиме online современный человек обретает видимость, и связанные с ней идентичность и аутентичность.

Однако если цифрового субъекта мы понимаем не только как реального человека с его цифровыми отпечатками, но как информационный пул, претендующий сегодня на статус субъектности, то актуализируется вопрос, кто и

⁷¹⁰ *Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.*

⁷¹¹ Alberts G., Went M., Jansma R. Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly // *Internet Histories*. 2017. 1:1-2. Pp. 146-159.

как управляет информационными массивами в контемпоральной цифровой реальности. Этот вопрос проблематизирует ранее упоминавшийся австралийский философ М. Уорк. Ее ответ – класс векторалистов. Преимущество векторалистов в том, что они не только имеют доступ к информации (потенциально этот доступ открыт многим), они контролируют информацию, точнее векторы (отсюда название нового экономического класса) ее циркуляции⁷¹². М. Уорк не конкретизирует специфику регуляции информации и информационных векторов. О. Горюнова и Й. ван Дийк этого также не делают. Вообще в отношении анализа больших данных сегодня (по крайней мере, в прочтении данных с позиции социально-гуманитарного дискурса) существует *multum* вопросов. К примеру, группа американских исследователей, Р.Х. Харири, Э.М. Фредерикс и К.М. Бауэрс, уточняя природу больших данных, отмечают, что сегодня множатся информационные источники; помимо текстовой (тексты, которые мы пишем, отправляем и получаем или сводки о нашей финансовой активности) и визуальной информации (видео- и фотоснимки с камер наблюдения), Интернет вещей и распространение системы «смарт» в индивидуальном (умные часы) и коллективном (умный город) пользовании дополняют картинку о своих пользователях, уточняя места их нахождения, специфику передвижения, планы и желания, превращают отдельные единицы в терабайты и зеттабайты информационного массива. Исследователи ставят перед собой вполне конкретный вопрос, как эффективно обработать и пустить в дальнейшее пользование эти данные; их ответ – искусственный интеллект, «по сравнению с традиционными методами и платформами обработки данных методы искусственного интеллекта (включая машинное обучение, обработку естественного языка и вычислительный интеллект) обеспечивают более точные, быстрые и масштабируемые результаты при анализе больших данных»⁷¹³.

В продолжении размышлений о специфике обработки больших данных союз программистов из Норвегии (П. Микалеф, Дж. Кругсти) и Греции (М. Боура,

⁷¹² Wark M. *A Hacker Manifesto*. Harvard University Press, 2004.

⁷¹³ Hariri R. H., Fredericks E. M., Bowers K. M. Uncertainty in big data analytics: survey, opportunities, and challenges // *Journal of Big Data*. 2019. 6(1).

Дж. Лекакос) отмечает, что сегодня существует явный запрос от бизнеса в интерпретации данных и наличествует много предложений от фирм, презентующих себя как специализирующихся на работе с этими данными, но отсутствует ясная методология в обработке Big Data и вообще сам феномен завуалирован различными тайнами и фантазиями (как формула Coca Cola, что спрятана за семью печатями). Среди существующего набора открытых методов программисты останавливаются на методе качественного сравнительного анализа с нечетким набором (fuzzy-set qualitative comparative analysis, fsQCA), который указывает на то, что данные собираются в конкретном контексте, сосуществуют с организационным и технологическим процессом, являются производной от деятельности конкретных людей; поэтому прочитываться они должны контекстуально, в консонансе со взаимодействующими элементами⁷¹⁴. Программисты из Штатов, И. Ли и Г. Мангаларадж, в свою очередь, подтверждают актуальность аналитики больших данных и машинного обучения на примере работы с кейсами из логистики⁷¹⁵.

А ранее упоминаемую Х. Де Пристер беспокоит проблема обращения субъекта в потребителя в эпоху больших данных. В ее видении современный человек утрачивает свою субъектность, а именно способность самостоятельно «производить собственные способы существования» взамен на развитие своих потребительских возможностей. Она продолжает: «участие субъекта в технологически опосредованной динамике гиперподталкивания и потребления может сделать картину более полной, но также и более сложной»; потребление деиндивидуализирует субъекта, на что тот, в свою очередь, отвечает «удивительной неспособностью остановить потребительское разрушение мира»⁷¹⁶. Ее ответ однозначен и суров в своей однозначности: на место свободного субъекта социальных практик пришел тотальный потребитель,

⁷¹⁴ Mikalef P., Boura M., Lekakos G., Krogstie J. Big data analytics and firm performance: Findings from a mixed-method approach // *Journal of Business Research*. 2019. 98. Pp. 261–276.

⁷¹⁵ Lee I., Mangalaraj G. Big Data Analytics in Supply Chain Management: A Systematic Literature Review and Research Directions // *Big Data and Cognitive Computing*. MDPI. 2022.

⁷¹⁶ De Preester H. Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene // *Foundations of Science*. 2022. 27(1). Pp. 125–140. P. 132.

растворившийся в цифровой среде. Цифровой субъект останется лишь желающей копией, слабым подобием полноправного аналога из предшествующих исторических эпох. Вместе с тем, тотальный бич консьюмеризма был провозглашен мыслителями разных философских ориентаций уже во второй половине прошлого века. Редуцировать субъекта до плана консьюмеризма возможно и, наверное, даже справедливо. Тем не менее, сам феномен цифрового субъекта, указывающий на срединное положение человека между реальным миром и его информационными копиями, как кажется, выходит за пределы холистического разбора потребительских потенций.

Выводы по параграфу: согласно Х. Де Пристер, в условиях цифровой контемпоральности мы наблюдаем дисперсию субъекта. Как бы это парадоксально не звучало, инициатором подобного распада / расщепления становится сам человек. Отказ человека от своей субъектности исследователь связывает с его поиском счастья. Цифровой контекст умножает потенциал консьюмеризма; покупать сегодня можно все и всегда. Однако покупательское счастье мимолетно, его нужно постоянно подпитывать. Отсюда лень человека из XXI в. в направлении собирания себя как свободного субъекта.

Вместе с тем, в реальных социальных практиках в целом все выглядит не так пессимистично. Скорее всего, в цифровом контексте действительно происходит своего рода дисперсия человека. Результатом ее стало появление нового феномена, цифровых копий человека, цифрового субъекта. Цифровой субъект не является просто слепком, точной копией со своего реального носителя; он не отзеркаливает человека. Цифровой субъект – это некий информационный пул, обретающий субъектность в социальных и политических практиках. О. Горюнова поясняет идею цифрового субъекта через конструкцию идеального маркетингового субъекта, что был использован политтехнологами при подготовке референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза в 2016 г. Сила убеждения оказалась не за реальными инфлюенсерами в этом кейсе, но за сконструированной маркетинговой фигурой, «мистером Джонсоном», который убежденно продвигал в сети «свою» позицию.

Таким образом, при вхождении субъектности и агентности в цифровой контекст тонкая грань между ними еще больше истончается. С одной стороны, размышления о цифровом субъекте нужно разворачивать бок о бок с аналитикой больших данных. С другой стороны, в цифровую эпоху информационные (цифровой субъект) и технологические (искусственный интеллект) феномены обретают своего рода субъектность.

Выводы по главе: в XIX в. оформилась концепция социальной субъектности. В XX в. вместе с субъектами в пространство социального вошли агенты, не являющиеся человеком. В XXI в. состоялся переход социального субъекта из оффлайна в онлайн. В цифровую эпоху в фокус внимания представителей из разных областей знания, от компьютерного программирования и маркетинга до политического анализа и социальной философии, попадают феномены из сферы больших данных, которые оформляются в границах субъектности. Фокус внимания теоретиков социального деантропологизирован. Хотя некоторые исследователи теорий агентности предлагают выстраивать именно антропоморфистскую призму в видении современного мира (С. Шавиро, например), которая, по их мнению, позволит человеку понять и принять других социальных агентов, представителей инаковой природы.

Предметы быта (ручки, двери и столы), лабораторное оборудование (микроскоп, пластина на выходе прибора Штерна – Герлаха), “smart”-гаджеты (умные часы, робот-пылесос) и технологии (нейросети, чат-боты), – все это наполняет социальный мир XXI в. и определяет векторы его развития. С позиции социальной идентичности наибольший интерес из продуктов цифровых технологий представляет феномен цифрового субъекта. Интерес обусловлен нетранспарентной природой самого феномена. На первый взгляд, он является прямым продолжением, информационным аналогом реального человека, сгустком его цифровых отпечатков; вместе с тем, его природа не физико-биологическая и не социальная, цифровой субъект является примером больших данных, хотя за его действиями в социальной среде и стоят конкретные лица со своими агендами (от англ. agenda). В этом мы наблюдаем актуальность обращения к тематике

цифровой идентичности как феномена, который способен концептуализировать дуальную природу цифрового субъекта и определить форматы конструирования социальных субъектных практик на границе оффлайна – онлайн.

Глава 4. Цифровая идентичность в эпоху «высоких» технологий

§ 4.1. Теоретико-методологические основания цифровой идентичности⁷¹⁷

В академическом дискурсе и за его пределами оформляется дискуссия по поводу соотношения феномена идентичности человека и цифрового контекста. С одной стороны, онлайн предлагает человеку новые возможности для презентации своего Я и получения признания более широкой аудитории, нежели оффлайн. С другой стороны, цифровой контекст с богатым спектром репрезентативных форматов обостряет проблему целостности человека, ставит под вопрос состояния приватности и аутентичности. В связи с этим обретают смысл размышления по вопросам о том, как представлена идентичность человека в сети и только ли о человеке идет речь в рамке цифровой идентичности.

Современная техника (мобильные гаджеты) и технологии (социальные сети) обеспечивают «дифракцию», фактическое рассеяние цифровых образов. Именно интернет сегодня становится той средой, в которой человек заявляет о себе, «выкрикивает» свое Я. Это происходит в процессе собирания своих сообщений, реакции на сообщения других. В сети человек оставляет множество следов и отпечатков. В разных «выкриках» в сети происходит своеобразная дифракция субъекта. Из «Ролан Барт о Ролане Барте»: «Классическая метафизика не видела никакой беды в "разделении" личности (Расин: "Во мне живут два человека"); наоборот, будучи разделена на два противоположных начала (высокое/низкое, плоть/дух, небо/земля), личность работала как правильная парадигма; и две борющиеся инстанции примирились в образовании смысла – это и был смысл Человека. Поэтому когда сегодня мы говорим о разделенном субъекте, то речь вовсе не о признании в нем простых противоречий, двойных постулатов и т.п. – теперь имеется в виду дифракция, волновое рассеяние, когда не остается ни

⁷¹⁷ В данном параграфе использованы материалы статьи автора диссертации Пеннер, Р. В. *Ab offline in online et retro offline: социально-философская интерпретация цифровой идентичности* / Р. В. Пеннер // *Цифровой ученый: лаборатория философа.* – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 6-15. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-6-1-6-15.

основного ядра, ни смысловой структуры: во мне не противоречие, а рассеяние»⁷¹⁸.

То «рассеяние», что стимулирует частотное вхождение в интернет, ставит проблему цифровой дифракции. Проблема дифракции сопряжена с вопросом о том, как цифровое меняет практики существования человека. Это вопрос о том, как в этих условиях существовать, принимая их как неустранимый факт. Неустранимый, потому что вне цифрового контекста существовать сегодня уже невозможно: цифра будто проникла всюду, и вместе с тем, нахождение в цифре привычно и удобно.

Человек – техника является контекстом, в котором разворачиваются отношения человека и его цифровых образов. Эти отношения конституируются производством и потреблением цифровых образов. Оставаться человеком в этих отношениях указывает на сохранение человеком своей идентичности. Сохранение можно раскрыть как заботливое удержание ради, т.е. у человека есть ценностные основания, определяющие его дистанцирование от того, что является не им. Дистанцирование конституируется границами внешнего (культурные нормы, этикет, вещи, – все то, что является внешним) и внутреннего (усилие определить себя как «я есть ...»), подразумевающее конкретные предикаты, содержание которых осмысливается человеком, что выражает субъектность человека). Субъектность неразрывно связана с критическим осмыслением всего производимого и потребляемого.

Вместе с тем, устойчивые отношения с технологиями обостряют проблему, как возможно сохранение (т.е. удержание Я в границах) субъектности в контексте производства и потребления цифровых образов. Здесь имеется в виду отношение человека как реального существа и человека как совокупности его цифровых образов. Означает ли это последнее отношение, что человеческое только на стороне реально существующего человека; возможно ли вести речь о человеке по отношению к совокупности образов о нем? Здесь надо ответить сначала на вопрос, как соотносятся реальный человек и его цифровые образы. Проблема

⁷¹⁸ Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Гараж, Ad Marginem, 2013. 224 с.

обостряется тем, что совокупность подобных образов создается не всегда реальным человеком, это могут быть не только «знаки», отпечатки, следы, т.е. вообще не свидетельства его наличия, но чистые симулякры. Это могут быть образы некоего виртуального персонажа как несуществующего в материальном мире некто.

В размышлении о субъектности как философской проблеме Д.А. Зубова пишет, «"субъектность" претендует на поиск границы между личностным и внеличностным,.. Субъектность включает в себе ... атрибутивное свойство – быть рефлексивным агентом социальных (и персональных) трансформаций, "Я-деятельностным", актором исторических преобразований, непрерывно разрешающим противоречия, совершающим выбор, самоопределяющимся в смысловом пространстве»⁷¹⁹. В концептуальной рамке субъектности цифровая идентичность указывает на реального человека; реальные люди используют цифровые сети для самообозначения и заявления о собственном существовании. В данном случае предполагается, что для них принципиально значимо, чтобы их услышали, о них узнали. Цели и мотивации при этом могут быть разные.

В антропологической фокусировке на цифровой идентичности важным представляется обращение к теории социального признания А. Хоннета, которая была подробно разобрана в первой главе исследования. Т. Флеминг предлагает следующий обзор теории: «Признание, одновременно индивидуальная и социальная потребность, требует любви в семье, чтобы у ребенка естественным образом развивалась уверенность в себе. Признание автономного лица, обладающего юридическими правами, является основой самоуважения. А формирование члена общества, действия которого кооперативны и обладают социальной ценностью, ведет к самоуважению ... Теория многослойна, в ней присутствует метафизическая абстракция от немецкой идеалистической философии, фундирована она синтезом социальной психологии Мида и теории объектных отношений Винникотта»⁷²⁰.

⁷¹⁹ Зубова Д. А. Феномен субъектности в пространстве современной философской рефлексии: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.01. Ростов-на-Дону, 2011. С. 13.

⁷²⁰ Fleming T. Recognition in the work of Axel Honneth // Implications for Transformative Learning Theory. 2011.

По А. Хоннету, признание конституируется тремя столпами, тремя само-, самоуверенностью, самоуважением и самолюбием. Идентичность, в свою очередь, тесно переплетена с социальным признанием, формирование самостоятельной свободной личности завязано на этих трех само- как способах практического отношения субъекта к себе и внешнему миру.

А. Хоннет полагает, что в контексте признания человек должен быть понят как интерсубъективное существо, т.е. тот, кто формирует видение себя и мира сквозь призму Другого. Потребность в признании является врожденной, однако само признание субъект социального взаимодействия может обрести только в процессе т.н. социальной борьбы. А. Хоннет пишет: «Идея посттрадиционной, демократической этической жизни была впервые предложена молодым Гегелем и развита на постметафизических предпосылках Мидом. Несмотря на их многочисленные различия, оба они имели в виду один и тот же идеал общества, в котором универсалистские достижения равенства и индивидуализма были бы настолько встроены в модели взаимодействия, что все субъекты были бы признаны одновременно автономными, индивидуализированными и равными друг другу. Оба мыслителя рассматривали паттерны социального взаимодействия как образующие сеть "различных" отношений узнавания, в каждом из которых индивидуумы могут познавать себя ... »⁷²¹. Иными словами, признание есть то, что встроено в социальную природу человека, благодаря чему субъект становится органичной частью социального целого. В этом заключена логика социального взаимодействия, и далее – исторического развития. В контексте такой логики человек с момента своего рождения участвует в борьбе за социальное признание; в признании Другим и признании Другого формируется его идентичность, он обретает свое место и свои смыслы в этом мире.

В цифровом контексте возможна опора на теорию социального признания при анализе форм презентаций, которые социальный субъект использует в сети интернет. Важно оговориться, что А. Хоннет акцентирует внимание на

⁷²¹ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. P. 175.

социальной борьбе за признание (точнее – борьбе в распределении социальных благ) отдельных индивидов и групп. Социальное благо – это достаточно емкое понятие, что представлено одновременно материальным и символическим капиталом. Сегодня в интернете также разворачивается борьба; в определенном смысле целью этой борьбы остается социальный капитал, в котором все же на поверхности превалирует символическое (лайки, упоминания, репосты).

Вариантами выражения социальной борьбы за признание в интернете являются собой т.н. цифровые формы репрезентации субъекта. По отношению к степени выражения субъектом себя в своих сообщениях можно выделить две ключевые формы:

1. Клиповая («клиповое сознание», Ф.И. Гиренок)⁷²² – это форма презентация человека в сети, что представлена короткими сообщениями, яркими «выкриками». Как кажется, наиболее известной платформой для подобных выкриков сегодня является “TikTok”, где профессиональные и непрофессиональные блогеры заявляют / выкрикивают о себе и этот выкрик может быть услышан миллионами подписчиков. При создании этих видео может не стоять задача обозначить свою позицию; это вариант своеобразного заработка (денег или внимания) на любой демонстрации для публики некой детали из своей повседневной жизни. Вместе с тем, есть в этих видео разные варианты по содержанию. Вопрос о выкриках за признание не всегда может быть правомочным по отношению к тем тиктокерам, кто вовлечен в деятельность по созданию видео как в индустрию. Но есть и те, кто вне этой индустрии создают видео и размещают их на сервисе. Зачастую им хочется о себе рассказать, хочется, докричаться до Другого так, чтобы их узнавали.

2. Нарративная («нарративная идентичность» П. Рикер⁷²³, Х. Арендт⁷²⁴) – это форма презентаций человека в сети, что, в свою очередь, связана с некой генерализующей идеей выкрикивающего, отражающей его мировоззрение.

⁷²² Гиренок Ф. И. Клиповое сознание М.: Проспект, 2022. 256 с.

⁷²³ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.; Рикёр П. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.; Рикёр П. Я сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

⁷²⁴ Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 416 с.

Носителями генерализующей идеи в рунете можно назвать видеоблогеров Николая Солодникова (@Solodnikov) и Евгения Баженова (@TheBadComedian).

Как и клиповую, нарративную форму репрезентации составляют «выкрики» человека в сети. Принципиальное отличие в том, что в каждом таком «выкрике» звучит одна и та же идея, которую можно условно обозначить генерализующей. Генерализующая идея есть квинтэссенция идентичности субъекта; выражение человеком своей ценностной позиции в мире, своего видения мира, принципов и приоритетов.

Может показаться, что клиповая и нарративная форма репрезентации субъекта в сети как будто противопоставлены друг другу по смыслу. Но это не совсем так. В каждом своем сообщении в интернете человек заявляет о себе, в том числе, посредством выкрика. Противопоставление этих форм репрезентации лежит больше в плане темпоральности, нежели смысла. Иными словами, при очередном «выкрике» тиктокера или видеоблогера в сети происходит нарративизация себя. Временной ограничитель не позволяет представителю от клиповой формы несколько внятно заявить о себе, представить себя так, чтобы возможно было считать его генерализующую идею. И наоборот, гибкий во времени формат роликов на YouTube позволяет видеоблогерам донести до своих подписчиков некую цельную идею и повторять ее в следующих роликах в новых контекстах. Тем не менее, открытым остается вопрос, как современному человеку, что активно пользуется цифровыми технологиями, сохранить идентичность человека.

Как кажется, на сходные вопросы отвечали авторы монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования»⁷²⁵. В предисловии к работе Г.Л. Тульчинский заметил, что проблема идентичности в социально-гуманитарной рамке является одновременно новой и как будто разрешенной. Новой по причине того, что она вошла в социально-гуманитарный, точнее – социально-психологический, дискурс только в XX в. Тогда Э. Эриксон

⁷²⁵ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022.

предложил использовать термин из математики для осмысления специфики становления человеком, выявления стадий развития человека, что сменяют друг друга посредством т.н. кризиса идентичности⁷²⁶. В свою очередь, разрешенной, в том числе, в отечественной исследовательской традиции, тема идентичности может быть прочитана, т.к. представители из разных областей научного знания с 1950-х гг. постоянно ставят ее под вопрос. Тем не менее, сама проблема утвердилась в социальных практиках. Время от времени происходит ее обострение, в том числе, в виде вышеобозначенного рассеивания, что сегодня можно связать с т.н. цифровыми вызовами.

Ж.Р. Сладкевич в той же монографии оперирует понятием «сетевой идентичности». Для обозначения человека цифровой эпохи она использует разные имена: интернавты, *homo videns*, *homo zapriens* (те, кто оперируют пультом от телевизора), генерация С (*always connected, always on*), цифровые аборигены, поколение сети. Смысловым ядром во всех этих именах становится компьютер, что выполняет функцию т.н. метамедиума, соединителя человека с внешним миром⁷²⁷. Со второй половины XX в., что было отмечено во второй главе исследования, в дискурсах теоретиков медиа (М. Маклюэн) и философов-постмодернистов (Ж. Бодрийяр) телевизор, а за ним компьютер прочитывались в ключе органопроекции как продолжение человека; они (медиаальные инструменты) как будто множат и продлевают чувствительность человека, фиксируя его взор на виртуальных мирах⁷²⁸. В 2012 г. М. Серр сравнивает девочек и мальчиков, что выходят в интернет *hic et nunc*, даже со своих мобильных устройств, с кефалофором Дионисием⁷²⁹. В случае, если они выходят из дома без телефона, вместе с телефоном они оставляют свои головы, ибо в малом гаджете помимо знаний всего мира хранится конкретная информация об учебе, работе, контакты друзей и родственников.

⁷²⁶ Эрикссон Э. Детство и общество. С-Пб.: Питер, 2019. 448 с.

⁷²⁷ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. С. 283-284.

⁷²⁸ McLuhan M. *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: Vanguard Press, 1951. 157 p.; Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 260 с.

⁷²⁹ Серр М. Девочка с пальчик. М.: Ad Marginem, 2016. 72 с.

Все это позволяет заключать о трансформации идентичности в цифровую эпоху. Одноименной теме посвящена работа А.А. Лисенковой⁷³⁰. В числе прочего, отечественный культуролог отмечает распространение форм публичной нарративизации субъектов социальных практик, что связано с цифровизацией общества и последующей глобализацией информационного пространства. Тема публичности нарративов субъектов о себе становится предметом размышлений и в других работах автора⁷³¹. А.А. Лисенкова противопоставляет реальную идентичность виртуальной, реальное Я – цифровому. Это позволяет ей выходить на новый смысловой конструкт, цифровая публичная идентичность; некий автопроект, что, с одной стороны, человек конструирует в цифровом пространстве, а, с другой, то, что диктует правила и направления поведения человека уже в пространстве фактической, не виртуальной, реальности.

В монографии «Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве» А.А. Лисенкова подробно останавливается на сюжете, согласно которому процессы цифровизации расширяют спектр доступных субъекту форм идентификации⁷³². Процессу расширения форм сопутствует трансформация ценностных оснований по отношению к индивидуальной и социальной идентичности субъекта. Если цифровое Я начинает контролировать Я реальное, это с необходимостью сказывается на социальных практиках и формах взаимодействия субъекта с иными социальными агентами. Растущая флюидность между человеком и его цифровыми следами проблематизирует идею целостности человека и ставит под вопрос его право на приватность.

Это отвечает эволюции презентирования пользователя интернета. В 1993 г. на страницах “The New Yorker” появился шарж под авторством П. Штейнера. На рисунке были изображены две собаки за компьютером. Одна обратилась к другой

⁷³⁰ Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. Т. № 3. С. 65–74.

⁷³¹ Лисенкова А. А. Цифровой сторителлинг и микронарративы – новые формы репрезентации персонального опыта и коллективного творчества // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 2. С. 45-52.

⁷³² Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2021. 286 с.

со знаковой фразой: «В интернете никто не знает, что ты собака»⁷³³. Иллюстрация точно отображает эпоху Web 1.0, когда сетью «управляли» анонимные программисты. Это были те, кого М. Кастельс именовал новой меритократией, фундаментом сетевого общества⁷³⁴. С появлением и развитием, в том числе, социальных сетей, началась новая эпоха, что сегодня известна как Web 2.0. Интернет стал открыт для масс; одновременно с этим, дабы быть подключенным к цифровой паутине, пользователь от масс должен верифицировать данные о себе. Неслучайно Е.Г. Ефимов сравнивает вхождение нового пользователя в социальную сеть с обживанием комнаты подростком; комната твоя и ты можешь расположить в ней вещи так, как считаешь нужным, но квартира родителей, поэтому базовые элементы комнаты остаются неизменными (кровать, шкаф, рабочий стол)⁷³⁵.

К проблематике социальной идентичности в цифровом контексте обращается и С.И. Платонова. В одном из своих исследований она ставит сетевую идентичность в один ряд с проблемой т.н. человека-виртуала⁷³⁶. Интересным в ее исследовании является применение принципа энактивизма, который сама С.И. Платонова почерпнула из работы Т.Г. Лешкевича, усмотревшего во взаимодействии человека с виртуальной (в нашем случае – цифровой) реальностью т.н. «со-возникновение новых качеств»⁷³⁷. В обеих работах мы наблюдаем идею нового гибридного существа, еще остающимся человеком, но становящимся все более виртуализированным. Так, к примеру, частотное обращение социального субъекта к цифровому связано с нарастающими темпами жизни, что с необходимостью меняет характер и качество общения между субъектами. В терминологии С.И. Платоновой, общение переходит из режима

⁷³³ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. С. 288.

⁷³⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

⁷³⁵ Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-2 (38). С. 72-75.

⁷³⁶ Платонова С. И. Социальная идентичность в цифровом обществе: философское осмысление // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9, № 3. С. 4-13.

⁷³⁷ цит. по Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53-63.

“face-to-face” к режиму “face into the device”; этот девайс, выступающий облигаторным медиатором, трансформирует сам феномен общения, превращая его в безэмоциональную коммуникацию.

Расширяющаяся прецедентная база сетевой идентичности проблематизирует, согласно С.И. Платоновой, феномен идентичности. С одной стороны, мы наблюдаем противопоставление реальных и виртуальных Я, представленных во многих аккаунтах, что, в свою очередь, способно обострить противоречия между Я актуальным и желаемым. Наличие нескольких аккаунтов человека в сети, с другой стороны, формирует т.н. множественную идентичность, усугубляет проблему самопротиворечия внутри социального субъекта, из-за чего человек не всегда оказывается способным различить себя в онлайн- от себя же в оффлайн-режиме. Все это позволяет С.И. Платоновой согласиться с тезисом В.В. Миронова, согласно которому цифра словно загоняет нас в новую, цифровую, «пещеру» как цифровой вариант тоталитарного общества.

Ю.А. Чернавин, в свою очередь, оперирует понятием «цифровая идентичность»⁷³⁸. Оформление цифровой идентичности связано с развитием цифровых технологий и их оперативной абсорбцией социумом. Цифровая встает в один ряд с уже устоявшимися типами идентичности, в том числе, культурной, политической, этнической. Ключевой аудиторией, ориентированной на цифровой вариант самоидентификации, философ называет студенчество. На их примере мы можем проследить преимущества и опасности цифровой идентичности. С одной стороны, создавая цифровые копии своего Я, человек-виртуал может наблюдать свое Я со стороны, рефлексировать над ним. С другой стороны, нарушение баланса между практиками онлайн и оффлайн, проявляющимися, в том числе, в погоне «за лайками», за признанием в цифровом, делает идентичность субъекта все более текучей, ускользающей от него самого.

С проникновением интернета в большинство социальных сфер и с вхождением масс в интернет мы получаем новый шарж. В 1990-е гг. пользователи

⁷³⁸ Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. № 12-2(168). С. 74-78.

сети не знали, кто сидит по ту сторону экрана; сегодня одна из собак ностальгически обращается к другой, с мыслью о том, что было время, когда они не знали, что ты собака, но сейчас ты должен вести себя именно как собака. Это то, что в дискурсе Е.О. Труфановой обозначено как «бегство из сети»⁷³⁹. Если еще в 2000-х гг. человек «шел» в интернет, дабы на время освободиться от социальных ролей и масок, то сегодня, по мысли философа, у пользователя интернета нет права на анонимность. О том, кто он, этот пользователь, говорит сегодня практически все, от IP-адреса до финансовых счетов и официального аватара в социальной сети или на рабочей странице. Подобный перекоп в полюс тотального знания о пользователе лишает его права на приватность в интернете, сокращает пространства, в которых он может побыть наедине с собой, наделяет его тотальной ответственностью перед всем миром за все свои сообщения, выкрики в сети.

Речь идет уже не только об индивидуальной или персональной идентичности, ставится вопрос о т.н. сетевой идентичности. В разборе этого нового цифрового феномена заключения Е.О. Труфановой созвучны тезисам Ж.Р. Сладкевич, «сетевая идентичность для современного человека – это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации, например с определенными онлайн-сообществами»⁷⁴⁰.

Итак, сетевая идентичность становится новым «кирпичом» в архитектуре идентичностей человека. Она отвечает за цифровые образы Я и за те связки, что протянуты между мирами реальным и виртуальным. Тем не менее, каким бы цифровизированным ни был феномен сетевой идентичности, в его ядре остается человек. Потому этот сюжет кажется логичным завершить словами Г.Л. Тульчинского, «Социальная культура – чтобы развиваться и

⁷³⁹ Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1– С. 125-134.

⁷⁴⁰ Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 1. С. 14-38.

воспроизводиться в сознании и поведении личности – должна быть уже реализована в некоторой степени личностью. В то же время необходимым условием развития личности в культурном процессе является ее активная роль в этом процессе»⁷⁴¹.

Цифровые и аналоговые социальные сети формируются через социальные связи, которые создаются акторами в процессе социального взаимодействия. Долгое время в фокусе социальных исследований были преимущественно сильные социальные связи: родственные, дружеские, профессиональные и проч., предполагающие систематическую поддержку контакта с исследуемым субъектом. В 1973 г. на страницах журнала “The American Journal of Sociology” М. Грановеттер предложил иной подход к исследованию субъектов социального взаимодействия; этот подход был назван «теорией слабых социальных связей». Американский социолог писал: «То, что обычно на интуитивном уровне понимается под силой межличностной связи, скорее всего соответствует следующему определению: сила связи – это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (*emotional intensity*), близости, или взаимного доверия (*confiding*), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь»⁷⁴². В разработке теории М. Грановеттер обратился к сетевому анализу для установления логики между взаимодействиями, что реализуется на двух разных социальных уровнях, микро и макро. Направляя свое внимание на микровзаимодействия, он продемонстрировал связь между частным актором социальных процессов и макрофеноменами, «диффузия, социальная мобильность, политическая организация и социальная сплоченность в целом»⁷⁴³.

М. Грановеттер интерпретировал акцентуацию социальных исследований на сильных социальных связях тем, что агенты социального взаимодействия, как правило, стремятся в той или иной степени управлять или манипулировать

⁷⁴¹ Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022, с. 288. С. 321.

⁷⁴² Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод З. В. Котельниковой) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-51. С. 32.

⁷⁴³ Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод З. В. Котельниковой) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-51. С. 32.

социальной сетью. Зачастую люди пытаются выстроить «свой» мир вокруг себя. Это стремление, по мнению социолога, в свою очередь порождает определенные проблемы: ограниченное количество «связей-мостов», через которые человек выстраивает общение с внешним миром; малое число слабых социальных контактов; как результат, ограниченные знания и вообще информация о мире, выходящие за пределы непосредственных контактов. Более того, он сформулировал гипотезу, согласно которой социальная мобильность обратно пропорциональна силе социальных связей. Иными словами, если человек поддерживает только сильные социальные связи, ему будет сложнее поменять работу, место жительства или сферу деятельности, в сравнении с тем, кто активно взаимодействует со случайными знакомыми (слабые связи).

Идея слабых социальных связей органично ложится на материал цифрового пространства. С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов утверждают, что «... одной из важнейших характеристик цифрового общества является перманентная изменчивость социальных структур и условий жизни индивида»⁷⁴⁴. Эта перманентность поддерживается, прежде всего, полифункциональностью и мобильностью цифровых устройств. Благодаря им для человека, погруженного в повседневные практики, открывается легкий и доступный путь в мир цифровой реальности. Еще в начале XXI в. громко звучали идеи интернет-оптимистов о собирании альтернативной социальной, цифровой организации, что будет действовать по аналогии с демократическими обществами и правительствами. Подобные идеи звучали, например, в «Галактике Интернет» М. Кастельса⁷⁴⁵. Испанский социолог вводит понятие сетевой меритократии, напрямую указывая на интернет-разработчиков, тех «собак», что создавали web. В социальную организацию по этой идее должны были прийти лучшие, кто сконструировал цифровое пространство и направляет ключевые информационные потоки. В реальности, с момента функционирования Web 2.0 в сеть подключились все;

⁷⁴⁴ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с. С. 13.

⁷⁴⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

вместо созидания цифровой утопии началось глобальное движение цифрового флуда.

Социальное Я субъекта кристаллизуется во внешних связях, складывающихся в XXI в. в режиме онлайн. Кристаллизация выпукло представлена в эволюции толпы, которая в рамках цифровизации значительно «поумнела». В классических социальных теориях (Г. Лебон⁷⁴⁶, Г. Тард⁷⁴⁷) толпа рассматривалась как деструктивная социальная сила, что нивелирует и даже деиндивидуализирует тех субъектов, кто попал под ее влияние. Неуправляемость и разрушительность толпы выступали ее ключевыми маркерами. Но уже в XX в. появились первые признаки того, что на акторов можно воздействовать в массовых масштабах, тем самым регулируя настроения масс и направление их движения.

С распространением мобильного интернета обозначилась неочевидная грань между оффлайн- и онлайн-пространствами. Стало возможным то, что одноранговые акторы социальных отношений создают сценарий и распространяют информацию о нем в среде виртуальных «френдов»; в свою очередь, акторы, знакомые только по онлайн (например, те самые «френды»), реализуют этот сценарий в реальной жизни. «Иначе говоря, организованная в интернете масса людей способна на рациональное социальное действие в реальном мире»⁷⁴⁸.

В социальных исследованиях интернета получила распространение идея «умной толпы»⁷⁴⁹. Умная толпа – это толпа созидательная (в противовес своему предшественнику), ее действия скоординированы, целенаправленны. Футурист Г. Рейнгольд начинает методологическую разработку феномена после ознакомления с рядом акций (как правило) протестов, участники которых коммуницировали друг с другом посредством мобильных устройств. Исторически одна из первых подобных акций состоялась в 1999 г. в Сиэтле (США) на саммите

⁷⁴⁶ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2021. 384 с.

⁷⁴⁷ Тард Г. Законы подражания. М.: Академический Проект, 2011. 304 с.

⁷⁴⁸ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с. С. 16.

⁷⁴⁹ Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, 2002. 266 p.

World Trade Organization⁷⁵⁰. Тогда американцы вышли с протестом промилитаристских действий корпорации “Delta Force” и правительства США. Резюмируя опыт первых акций, Г. Рейнгольд приходит к выводу о том, что организаторы в большинстве случаев выступают против надзора (sousveillance) государственного и корпоративного. Посредством обращения к информационно-коммуникативным технологиям протестующие меняют роли в дискурсе власти, из надзираемых они превращаются в надзирателей⁷⁵¹.

В установлении связи между различными протестными акциями, что реализуются в XXI в. по всему миру, Г. Рейнгольд выявил предпосылку в образовании и распространении феномена smart mob’ов. Футурист охарактеризовал ее как «демократизацию технологий»⁷⁵². Эта демократизация проявляется на двух уровнях: техническом и технологическом. Уровень техники включает непосредственно гаджеты и те приложения, устанавливаемые на гаджеты (Twitter, Facebook⁷⁵³, Instagram⁷⁵⁴, YouTube), что позволяют пользователям обмениваться мгновенными сообщениями в режиме реального времени. Технологический уровень, в свою очередь, указывает на специфику и принципы функционирования Web 2.0, например, программное обеспечение с открытым исходным кодом (благодаря чему любой пользователь сети может использовать код в своих разработках или отредактировать материал исходного веб-ресурса) или сетевой нейтралитет (тот принцип, согласно которому трафик интернета должен свободно расти по сети).

В логике технологической демократизации базой для классического smart mob’а стала площадка wiki⁷⁵⁵. В 2001 г. Дж. Уэйлс и Л. Сэнгер создали онлайн-площадку с открытым исходным кодом по принципу универсальной энциклопедии на разных языках. Сегодня wiki вышел за рамки исключительно

⁷⁵⁰ Clark J. What are smart mobs? [Электронный ресурс] // HowStuffWorks [Сайт]. Режим доступа: <https://people.howstuffworks.com/smart-mob.htm> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷⁵¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 416 с.

⁷⁵² Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / H. Rheingold. Cambridge, 2002. 266 p.

⁷⁵³ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

⁷⁵⁴ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

⁷⁵⁵ Wikipedia [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 20.06.2023).

энциклопедического. По его принципу реализуются экономические, правовые, политические и пр. проекты. Б. Новек даже вводит идею «вики-правительства» (Wiki Government). Тем самым она утверждает принципиально иную классической политической культуру управления, когда люди с уникальными компетенциями и знаниями реализуют управление государством в удаленном режиме. Поясняет Б. Новек свою идею прекрасным лозунгом, «правительство людей, для людей и с участием людей»⁷⁵⁶. М.А. Корецкая, в свою очередь, проблематизирует феномен публичности в сетевой среде. Если Б. Новек косвенно выстраивает понимающую рамку публичности в преимущественно позитивном контексте, то М.А. Корецкая использует в определенном смысле диалектическую призму, простирая ожидания в отношении развития сетевой среды в двух ключевых направлениях, как «нового расцвета гражданского общества, так и полной деградации публичной сферы»⁷⁵⁷. Эти размышления приводят М.А. Корецкую к тезису, прямо противоположному позиции Б. Новек, согласно которому критической и ответственной позицией интеллектуала в отношении власти является уклонение от власти⁷⁵⁸.

Сегодня исследователи из разных областей социального знания обращаются к изучению феномена smart mob'ов. На это указывают тематика и проблематика работ зарубежных⁷⁵⁹ и отечественных ученых⁷⁶⁰.

Согласно данным исследований, пользование новейшей техникой для реализации и проведения протестных или развлекательных акций есть то, что

⁷⁵⁶ Новек Б. С. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. М.: Интеллектуальная Литература, 2012. С. 11.

⁷⁵⁷ Корецкая М. А. Медиакратия и публичность: трансформации в сетевой среде // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3-4. С. 80-85. С. 80.

⁷⁵⁸ Корецкая М. А. Уклонение от власти как стратегия философской заботы о себе: обоснование и критика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 6А. С. 67-75.

⁷⁵⁹ Brejzek T. From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms // International Journal of Performance Arts and Digital Media. 2010. 6(1). Pp. 109-122; Al-khateeb S., Agarwal N. Flash mob: a multidisciplinary review // Social Network Analysis and Mining. 2021. 11(1).

⁷⁶⁰ Bylieva D., Lobatyuk V., Rubtsova A. Evolution Of Smart Mob: From Flash Mob To Smart City Element // Conference: RPTSS 2017 International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences Volume: European proceedings of social and behavioural sciences. 2018. V. XXXV (35); Rebrina L., Shamne N., Milovanova M., Malushko E. Smart Technologies in Protest Communication: Current Practices and Trends // "Smart Technologies" for Society, State and Economy. 2021.

делает толпу умной⁷⁶¹. Благодаря координации действий при помощи мгновенных сообщений smart mob опережает полицию и иные правоохранительные органы на один – два шага. Организм, состоящий из множества частей, есть аналогия smart mob'a. По сигналу его части собираются в единое целое; и также по сигналу они распадаются, дисперсно расщепляются в пространстве. Быстрое сообщение о смене тактики действий и (или) локации всем участникам mob'a, превращает акторов толпы в одновременно гибкую и сильную социальную группу, что публично заявляет о своей позиции, которая, как правило, оказывается услышанной.

Умная толпа оказывает все большее влияние на логику экономического и политического развития мира. Яркой тому иллюстрацией служит отстранение от власти президента Филиппин в 2001 г.⁷⁶². Протесты коррумпированной власти реализовались посредством преимущественно текстовых сообщений. Иными примерами политических и околополитических акций являются протест референдума в Белоруссии, позволившего президенту А. Лукашенко баллотироваться на третий срок (2004 г.), массовые беспорядки во Франции (2005 г.), движение за права человека в условиях пандемии “World Wide Flash Mob” (2020 г.), неоднозначное принятие обществом специальной военной операции (2022 г.).

Несмотря на кажущуюся демократическую природу явления, в пояснении идеи умной толпы Г. Рейнгольд отмечает: «Я намеренно использовал слово "толпа" из-за его темных резонансов»⁷⁶³. Одновременно с конструктивной природой самого сетевого движения (организовывать мирные протесты и создавать сообщества для сбора и распространения социально значимой информации), умная толпа (как и любая другая толпа) способна к деструктивным действиям.

⁷⁶¹ Brejzek T. From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms // International Journal of Performance Arts and Digital Media. 2010. 6(1). Pp. 109-122.

⁷⁶² Азар И. Филиппины навсегда. Экс-президент Филиппин Джозеф Эстрада получил пожизненный срок [Электронный ресурс] // Газета.Ru [Сайт]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2007/09/12_a_2151203.shtml (дата обращения: 20.06.2023).

⁷⁶³ Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, 2002. 266 p.

Вместе с проблемой сетевой идентичности и умных толп в социально-гуманитарном дискурсе сегодня возникает идея цифрового субъекта, которая была подробно разработана в предшествующей главе. По мысли О. Горюновой, профессора в сфере новых медиа (Royal Holloway University of London), цифровой субъект занимает промежуточное положение между реальным человеком и информационными данными о нем⁷⁶⁴. Исследование цифрового субъекта она реализует в дискурсе практик власти М. Фуко. С одной стороны, сам реальный человек управляет своим цифровым образом, размещая информацию о себе в сети. С другой стороны, феномен Big Data начинает доминировать над мнением, в некоторых случаях – поведением человека, в тех случаях, когда оценки реальных покупателей или избирателей собираются, объединяются, а маркетологи создают из них «идеального маркетингового субъекта», чье мнение обладает авторитетом в рамках сети. Речь уже идет не о непосредственном контроле через заключение, например, но об информационном контроле, утонченных практиках наблюдения и культивации определенной покупательной или избирательной моделях поведения.

Одновременно с динамикой в иллюстрациях про идентичность собаки мы наблюдаем динамику в смысловой рамке идентичности как таковой. Сам термин «идентичность», что был вынут из математического контекста, с приставкой «цифровая» словно возвращается в изначальный контекст. Только сегодня речь зачастую идет не об идентичности чисел, но идентичности больших информационных потоков, Big Data. В современном исследовательском поле утверждаются два вектора в исследованиях цифровой идентичности, юридический и математический; направления по каждому двигаются в сторону аналитики нормативной информации и цифровых отпечатков. Размышления о цифровой идентичности вышло из антропологической рамки; это больше размышления не об идентичности человека, а информационных потоков об этом человеке. Так, К. Салливан отмечает, термин цифровая идентичность, изначально вышедший из закрытого дискурса программистов, за последнее десятилетие стало

⁷⁶⁴ Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. 36(6). Pp. 125-145.

общеупотребительным. Наряду с тем, что термин понятен широкой аудитории, актуализируются нормативные вопросы, которые отображают его специфику как юридического понятия⁷⁶⁵. А. Белуши также фокусирует внимание на нормативном аспекте цифровой идентичности⁷⁶⁶. Однако сам феномен интересует ее в большей степени в прикладном аспекте, как альтернатива т.н. физическим документам. Со ссылкой на данные Всемирного банка она утверждает, что сегодня у миллиарда людей по всему миру отсутствуют официальные документы. Отсюда цифровая идентичность как цифровая копия конкретных документов может стать технологическим ответом на сложившуюся ситуацию. В свою очередь, А. Мартин связывает актуальность цифровой идентичности или «оцифровки идентичности» с пандемией COVID-19⁷⁶⁷. В числе причин подобной связи он называет внимание к цифровой социальной защите во время пандемии, появление цифровых сертификатов о вакцинации. Все это связано с персональными данными, что человек в условиях обострения пандемии был вынужден демонстрировать, дабы получить право нахождения в публичном пространстве. На основе анализа проекта из Индии “Aadhaar” А. Мартин заключает, что восстановление национальной экономики после пандемии должно «поддерживаться надежными инфраструктурами цифровой идентификации».

Вопрос о цифровой идентичности, как минимум, демонстрирует неоднозначность этого феномена. Безусловно, он (феномен) тесно связан с социальной идентичностью; в последних отечественных исследованиях все чаще представлена аналитика сетевой идентичности. Оба термина тем или иным образом конструируются вокруг реального человека. Тем не менее, в англоязычном исследовательском дискурсе растет количество работ, что связывают цифровую идентичность с оцифрованными данными о человеке. В них

⁷⁶⁵ Sullivan C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality // Computer Law and Security Review. 2018. 34(4). Pp. 723–731.

⁷⁶⁶ Beduschi A. Digital identity: Contemporary challenges for data protection, privacy and non-discrimination rights // Big Data and Society. SAGE Publications Ltd, 2019.

⁷⁶⁷ Martin A. Aadhaar in a box? Legitimizing digital identity in times of crisis // Surveillance and Society. 2021. 19(1). Pp. 104–108.

речь идет о цифровых образах, что порождаются путем дифракции, получают относительную независимость от своего филиатора.

Среди прочих в информационном пространстве сегодня функционирует образ, созданный Гретой Тунберг, юной экоактивисткой из Швеции. Этот образ вызывает много вопросов. Наверное, ключевые из них: кто из них более реальна, школьница из Стокгольма или яростная экоактивистка, что пересекла Атлантический океан на парусной яхте, чтобы выступить на саммите ООН в Нью-Йорке; реальный человек и его цифровой образ идентичны друг другу? Даже несмотря на то, что с этой фигурой много чего переплетается, в том числе, вопрос о ее здоровье, и тех, кто за ней стоит и использует ее гиперактивность, факт выкриков юной девушки, что должна сидеть за школьной партой, и широкого общественного внимания к ним, говорит об ангажированности того образа, что доходит до непосредственного получателя сообщений от «Греты Тунберг».

С цифровым образом экоактивистки связан и тот момент, что, существуя в разных смысловых контекстах, он несет разные смыслы и идеи. Например, мемы на Грету Тунберг обнуляют ее изначальное сообщение. Тем не менее, этот конкретный персонаж есть показательная иллюстрация того, как может быть использована цифровая идентичность. Как кажется, сконструированный цифровой образ «Грета Тунберг» сегодня обладает большей ценностью (в том числе, политической и экономической), нежели его филиатор. Возможно, в реальной жизни юной девушки уже цифровой образ диктует варианты ее существования.

Выводы по параграфу: современный человек фланирует между оффлайном и онлайн; в онлайн у него перешли работа, учеба, общение с друзьями и родственниками и даже покупки. В онлайн он оформляет свои identifies. Например, у исследователя может быть персональная страница (-ы) в одной или нескольких социальных сетях, академический профайл (ResearchGate, Academia), рабочая страница на сайте организации-аффилиации, профайл на портале социальных услуг и прочее. Некоторые данные пользователи интернета способны контролировать, т.к. они сами вносят их в сеть; другие данные выходят из-под

контроля пользователей, т.к. механизм их попадания в сеть непрозрачен (например, операции транзакции). Тем самым, сегодня в сети интернет из пула Big Data оформляются identities, что «стартуют» от персональных данных конкретного пользователя, но дальше движутся по своей особой траектории, этим пользователем не контролируемой. Актуальность идеи цифровой идентичности может быть выражена вопросом, где заканчивается идентичность живого конкретного человека и начинается идентичность агентов, человеческой природой не обладающих, но сформированных из данных об этом человеке. Этому вопросу будут посвящены два последних параграфа работы.

§ 4.2. Проблематика референтно-проекционных отношений цифровых субъектов и цифровых двойников⁷⁶⁸

Домашний любимец, бордер-колли по кличке Гриззлер стал звездой очередной рекламной кампании от Nikon⁷⁶⁹. Он рекламирует камеру Coolpix L31, к которой по Bluetooth подключено устройство, считывающее сердечные удары пса. Норма сокращений сердечной мышцы у собак представлена в диапазоне между 100 и 110 ударами; это регистрирует спокойное состояние пса. В те моменты, когда частота сердцебиения Гриззлера достигала 119 ударов в минуту и выше, устройство, эти удары считывающее, отправляло сигнал на камеру, а та делала снимки. Таким образом, Гриззлер превратился в “Phodographer” (дословный перевод с англ. – фодограф), первым в мире псом, который фиксирует на фото все, что его впечатляет. Тем временем со многим впечатляющим встречается пес на своих ежедневных прогулках: это и четвероногие друзья, среди которых попадают особи из семейства кошачьих (хотя в особенности Гриззлера

⁷⁶⁸ В данном параграфе использованы материалы статьи автора диссертации The light and the dark sides of the moon: Possibilities of Industry 4.0 for early non-invasive diagnosis of pathology and health-risks / M. V. Vasilieva, V. A. Glukhova, E. V. Grednovskaya [et al.] // Journal of Physics: Conference Series : electronic collection, St Petersburg, 02–05 июля 2019 года. Vol. 1379. – St Petersburg: IOP Publishing, 2019. – P. 012070. – DOI 10.1088/1742-6596/1379/1/012070.

⁷⁶⁹ Nikon Asia Introduces Heartography Technology. [Электронный ресурс] // Nikon [Сайт]. Режим доступа: <http://heartography.nikon-asia.com/> (дата обращения: 20.06.2023).

радуют пудели), люди (преимущественно дети), а также тени, голуби и разнообразная еда⁷⁷⁰.

Nikon запустил рекламную кампанию аппарата Coolpix L31 под слоганом “Heartography : photography from the heart (с англ. – «Сердцеграфия: фотография от сердца»)). По сути, в ней представлен вариант функционирования цифрового двойника; попытка хозяина внедриться в «тайную» жизнь своего домашнего любимца.

С пассажем о сердечных переживаниях и фотоэкспериментах пса Гриззлера пересекается страховый эпизод, который К. Шваб презентует в работе «Четвертая промышленная революция». Суть эпизода сводится к тому, что в среде страховых компаний получает широкое распространение практика диссеминации устройств, мониторящих здоровье своих пользователей. Получатель страховых услуг дает согласие на ношение устройства, отслеживающее ритмику и качество его сна, питания, физических нагрузок и уровня стресса; собранные данные устройство направляет в медицинское учреждение, где формируется отчет о здоровье его пользователя, сам отчет, в свою очередь, отправляется в страховую компанию. Взамен компания предлагает систему скидок и бонусов, которая генерируется в соответствии с аналитикой медицинских показателей нашего пользователя. Дескрибированный эпизод также является вариантом цифрового двойника.

Выход цифровых двойников на социальные арены стал возможен в условиях того, что К. Шваб, экономист из Германии, основатель Всемирного экономического форума, именовал четвертой промышленной революцией. Сам термин «промышленная революция» ввел в научный оборот английский историк А. Тойнби в первой половине XX в. Фокус его внимания был настроен на экономическую историю Великобритании второй половины XVIII в., ситуацию перехода от сельского хозяйства к индустриальному производству⁷⁷¹. Английскую революцию, вошедшую в историю под именем «первой промышленной»

⁷⁷⁰ Heartography, Photography Straight From the Heart. [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: <https://youtu.be/5abfd-wvIdw> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷⁷¹ Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии. М., 1898. 340 с.

А. Тойнби маркировал появлением и распространением механического производства, внедрением энергии пара в индустриальные комплексы и диссеминации сетей железных дорог. Вновь перед нами разворачивается понимание социальной динамики в логике технологического детерминизма.

Согласно позиции представителей разных областей научного знания, вторая промышленная революция не заставила себя ждать, наступив спустя столетие после первой⁷⁷². В качестве ее маркеров выступили повсеместная электрификация и оформление т.н. «массового производства». В свою очередь, третья промышленная революция или первая информационная технологическая революция стартует в 1969 г., с высадкой американских астронавтов на Луну⁷⁷³. По большому счету, третья промышленная революция открывает цифровую эпоху; она сопровождается процессами автоматизации производства, устройением в промышленной индустрии компьютеров и электроники с последующим их (компьютеры, электроника) выходом на массовые рынки. Наконец, четвертая промышленная революция есть то, что разворачивается *hic et nunc*.

К. Шваб, автор термина и идеолог концепции четвертой промышленной революции, обосновывает очередной технологический скачок посредством агрегации разных миров, физического, биологического и цифрового. Сквозь призму этого единения он рисует инновационную картину сбывающегося с нами настоящего: «Представьте себе неограниченные возможности общества, в котором миллиарды людей связаны между собой мобильными устройствами, открывающими беспрецедентные горизонты в сфере обработки и хранения информации и доступа к знаниям. Или подумайте об ошеломляющем сочетании зарождающихся технологических прорывов в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект (ИИ), роботизацию, Интернет вещей (ИВ), автомобили-роботы, трехмерную печать, нанотехнологии,

⁷⁷² Xu M., David J. M., Kim S. H. The fourth industrial revolution: Opportunities and challenges // International Journal of Financial Research. 2018. 9(2). Pp. 90–95; Ross P., Maynard K. Towards a 4th industrial revolution // Intelligent Buildings International. Taylor and Francis Ltd, 2021.

⁷⁷³ Lee M. H., Yun J. H. J., Pyka A., Won D. K., Kodama F., Schiuma G., Zhao X. How to respond to the Fourth Industrial Revolution, or the second information technology revolution? Dynamic new combinations between technology, market, and society through open innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2018. 4(3).

биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления. Многие из этих инноваций только зарождаются, но приближаются к тому переломному моменту, когда начнут развиваться, наслаиваясь и усиливая друг друга, представляя из себя переплетение технологий из мира физики, биологии и цифровых реалий»⁷⁷⁴. К. Шваб встраивает четвертую революцию в логику свершившихся промышленных революций, отмечая, тем не менее, ее принципиальные черты. Среди них экспоненциальный темп развития, пришедший на смену линейному темпу; широта и глубина, указывающие на парадигмальные изменения в социальной ткани как ответ на инсертацию цифровых технологий; и системное воздействие, отвечающее глобальному охвату цифровых технологий по всем странам и социальным слоям⁷⁷⁵.

Технологические изменения четвертой революции К. Шваб уместает в емкое название «мегатренды». По причине их большого количества экономист разделяет все технологии на три ранее обозначенных блока, «физический, цифровой и биологический», связанных друг с другом⁷⁷⁶. Ключевую роль в обеспечении этой связи играет Интернет вещей, включающий в единую сеть продукты, места и услуги, которые способны вступать во взаимодействие без прямого участия человека.

Доминирующую роль в перекраивании социальной ткани и поведения в ней социальных агентов выполняют цифровые медиа. В обоснование этого тезиса К. Шваб приводит отрывок из отчета «Цифровые медиа и общество», подготовленного экспертами Всемирного экономического форума, согласно которому «цифровые медиа совершенно новыми путями выстраивают связи "человек-человек" и "человек-социум"»⁷⁷⁷. По результатам отчета, цифровые коммуникации нивелируют феномен границы в качестве коммуникативного препятствия; свое влияние утрачивают географические, временные, физиологические (в отношении людей с ограниченными возможностями) и

⁷⁷⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 8.

⁷⁷⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 9.

⁷⁷⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 17.

⁷⁷⁷ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 75.

культурные границы, в то время, когда сама коммуникация становится доступной, мгновенной и обладающей низкой стоимостью на затраты.

Однако последствия цифровой революции носят комплексный, противоречивый характер. С целью иллюстрации указанного противоречия К. Шваб обращается к т.н. «спирали молчания», концепту, который использует Ш. Теркл, профессор из Массачусетского технологического института (США), в контексте цифровых медиа. Опираясь на оригинальную концепцию “Schweigespирале”, разработанную немецким политологом Э. Ноэль-Нойман, Ш. Теркл отобразила высокий градус гласности в отношении приватной жизни каждого из нас. Речь идет о том, что в контексте социальных медиа на виду оказывается все, что пользователь медиа читает, одобряет («лайкает»), публикует (выражает собственную позицию в отношении прочитанного). Согласно позиции клинического психолога из MIT, все это оказывает непосредственное влияние на совершение конкретных поступков и принятие гражданских решений этим пользователем.

Размышляя над растворением индивидуальной позиции в пуле большинства голосов, К. Шваб предлагает врезку, противоречивый контент которой презентирован уже в названии, «Гражданин, наделенный возможностями / лишенный возможностей»⁷⁷⁸. Суть противоречия раскрывается в консонансе двух тенденций. С одной стороны, цифровое открывает новые возможности для исполнения человеком своих гражданских прав и свобод (отчасти это получает выражение в концепции Wiki-правительства Б.С. Новак), а также в редукции, прежде всего, временных, а также физических, в некоторых случаях материальных, в других – интеллектуальных задач при решении гражданских обязанностей (к примеру, в Российской Федерации искомую задачу упрощения исполнения гражданами своих, в том числе, налоговых обязательств выполняет портал государственных услуг «Госуслуги»). Однако, с другой стороны, в цифровую эпоху меняется баланс сил в принятии решений местного, регионального и метарегионального уровней; подробно на этой проблеме

⁷⁷⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 76.

останавливалась Й. ван Дийк, указывая на то, что в условиях тотальности цифровых медиа мы наблюдаем своеобразную афонию локальных социальных групп (некой позиции традиционной общины) в ритмике официальных государственных решений и голосов транснациональных корпораций⁷⁷⁹. Однако зачастую пользователи цифровых медиа передают свои персональные данные различным корпорациям добровольно; как утверждает политический философ М. Сандел, «мы, похоже, все в большей степени готовы обменять конфиденциальность на удобства, когда дело касается многих устройств, которые мы обычно используем»⁷⁸⁰.

Вместе с тем, ключевую опасность четвертой промышленной революции К. Шваб усматривает не столько в манипуляциях умами субъектов и их гражданскими решениями, сколько в радикальном разделении людей, на тех, кто боится и отрицает новые технологии, и тех, кто эти технологии принимает и участвует в получении от них выгоды. Это пересекается с идеей М. Уорк о делении цифрового общества на класс векторалистов (те, кто владеет средствами преимущественно информационного производства) и всех остальных, т.е. потребителей информации. В проектном плане, в свою очередь, выгода тех, кто смог приспособиться к изменениям, инициированным четвертой промышленной революцией, напоминает идею из научно-фантастической работы «Гаттака» 1997 г. (режиссер – Э. Никкол); генная инженерия окончательно расколит общество на тех, кто преодолел рамки телесности и стал лучшим вариантом себя в генетическом плане, и т.н. «негодным» социальным классом, прислужниками своих генетически совершенных «братьев» и «сестер».

Haut dubie, одну из ключевых позиций в технологических инновациях четвертой промышленной революцией занимает искусственный интеллект. На фоне нарастающих дискуссий о существующих и потенциальных опасностях искусственного интеллекта (в 2022-2023 гг. стимулом для громких дискуссий выступил продукт корпорации OpenAI, ChatGPT), как и в вопросе о геномной

⁷⁷⁹ van Dijk J. After Connectivity: The Era of Connectication // Social Media + Society. 2015. 1. 205630511557887.

⁷⁸⁰ цит. по Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 82.

инженерии, по К. Швабу, преимущество за теми, кто способен справиться со своим страхом перед очередной технологией и синхронизировать пользование ею с решением конкретных задач. В этом проявляется сущность современного лидера, кто одним из первых развивает навыки по овладению новой технологией с целью ее дальнейшего осмысления и обуздания⁷⁸¹. Предложенный пассаж указывает на антропоцентристскую и даже экономикоцентристскую позицию К. Шваба. Дальнейшие его размышления протекают в логике того, что человек, каким бы он ни был далеко видящим бизнесменом, является не дирижером в четвертой промышленной революции, но одним из ее исполнителей; оттого сегодня никто не способен предсказать сценарий этого революционного скачка⁷⁸². Отсюда идея эволюционного сотрудничества или в терминологии М. Новака и Р. Хайфилда, «суперкооперации»⁷⁸³. Эта кооперация подразумевает как взаимодействие людей, некий новый уровень социальной интеграции, так и выстраивание человеком форм сотрудничества с новыми социальными агентами, техникой и технологиями. Этот процесс, в свою очередь, указывает на вариант антропотехнического ассамбляжа, где человек, тем не менее, продолжает играть ключевую партию, ибо, по словам К. Шваба, ради формирования будущего человек должен постоянно напоминать самому себе, «что все эти новые технологии являются прежде всего средствами, созданными людьми для людей»⁷⁸⁴.

К. Шваб констатирует, что в обозримом будущем инновационные технологии выйдут на массовый рынок, станут доступными для большинства. Согласно результатам исследования «Глубинное изменение – технологические переломные моменты и социальное воздействие», инициированным экспертным советом Всемирного экономического форума, современные лидеры бизнеса называют «21 технологическое изменение», которые в ближайшие 5-10 лет с момента изобретения выйдут на массовый рынок (это подтверждают кейсы с

⁷⁸¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 84.

⁷⁸² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 87.

⁷⁸³ Nowak M. SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed Paperback. NY.: Free Press, 2012. 352 p.

⁷⁸⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 89.

роботами-пылесосами и электрокарами, например), станут «всеобщим достоянием», тем самым определяя векторы в развитии «частных лиц, организаций, государственных органов и общества», выстраивая направления в развитии социальной динамики⁷⁸⁵.

Четвертая технологическая революция породила Индустрию 4.0, инновационную инфраструктуру, которая базируется на глобальной цифровой связи, используемой, в числе прочего, для функционирования интеллектуальных заводов и обеспечения глобальной автоматизации в промышленности, науке и обществе. В Индустрии 4.0 Интернет вещей используется для подключения, передачи и сбора больших данных со встроенных в устройства датчиков. Когда данные из Интернета вещей анализируются в режиме реального времени, реализуется глобальная коммуникация или получает оформление т.н. «The Quantified Planet» (что на рус. можно перевести как планета, построенная на количественных данных)⁷⁸⁶. Индустрия 4.0 представляет широкий интерес для распространения услуг автоматизации в обществе. Для начала сосредоточим внимание на последствиях Индустрии 4.0 для медицины, т.к. на данный момент благодаря цифровым двойникам возлагаются надежды на революционные изменения в персонализированной и даже общественной медицине⁷⁸⁷.

Примером революционных трансформаций выступает персонализированная медицина ориентирована на получение сверхтонкой информации об отклонениях от физической нормы у наблюдаемых пациентов⁷⁸⁸. Цифровые двойники формируют концептуальную основу для анализа обнаруженных у этих пациентов флуктуаций для выстраивания логики их преодоления терапевтическими и профилактическими мерами; цифровые двойники указывают на особую инженерную парадигму, в которой отдельные физические артефакты (в том числе, телесность) сочетаются с цифровыми моделями, динамически отражающими

⁷⁸⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 92.

⁷⁸⁶ Özdemir V. The Dark Side of the Moon: The Internet of Things, Industry 4.0, and The Quantified Planet // *Vural OM-ICS: A Journal of Integrative Biology*. 2018. 22:10. Pp. 637-6418.

⁷⁸⁷ Kamel Boulos M. N., Zhang P. Digital twins: From personalised medicine to precision public health // *Journal of Personalized Medicine*. MDPI AG. 2021.

⁷⁸⁸ Bruynseels K., Santoni de Sio F., van den Hoven J. Digital Twins in HealthCare: Ethical Implications of an Emerging Engineering Paradigm // *Front Genet*. 2018. 13. Pp. 9:31.

состояние этих артефактов. Применительно к людям цифровые двойники представляют собой принципиально новую технологию, основанную на моделировании по типу “in silico” (в кремнии), которая отражает динамику в молекулярном и физиологическом статусах пациента и создает картину образа его жизни в пролонгированном формате⁷⁸⁹.

Согласно позиции М. Брауна, исследователя Университета Эрлангена – Нюрнберга (Германия), цифровые двойники актуализируют этическую проблематику в медицине в направлении т.н. «репрезентации меня»⁷⁹⁰. Действительно, их использование уже сегодня позволяет провести индивидуальную оценку долгосрочных последствий непосредственно переживаемых пациентом событий. Создаваемые из данных от двойников т.н. «близнецовые организмы» (с англ. “twin organisms”) используются врачами в целях разработки персонализированной терапии в решении конкретных кейсов⁷⁹¹. В «этические ножницы», в свою очередь, цифровые двойники попадают, когда пациенты не задумываясь передают врачам всю информации о себе в процессе протекания болезни; во время лечения они не получают прав в отношении созданных с себя близнецовых организмов; наконец, они не способны контролировать приватную информацию о себе после окончания лечения.

Несмотря на очевидные преимущества Индустрии 4.0, в самую ее суть уже заложены определенные опасности для здоровья человека (как минимум, того биосоциокультурного существа, каким он является на данный момент). В первую очередь это связано с тем, что деятельность работника на предприятиях Индустрии 4.0 требует пластичности и перманентной готовности к изменениям. Между тем, с возрастом эти биосоциокультурные существа утрачивают гибкость к изменениям, которые, в свою очередь, провоцируют стресс, способны дестабилизировать психологическую зону комфорта, – все это чревато развитием

⁷⁸⁹ Vasilieva M. V., Glukhova V. A., Grednovskaya E. V. et al. The light and the dark sides of the moon: Possibilities of Industry 4.0 for early non-invasive diagnosis of pathology and health-risks // Journal of Physics: Conference Series : electronic collection, St Petersburg, 02–05 July, 2019. Vol. 1379. St Petersburg: IOP Publishing, 2019. Pp. 012070.

⁷⁹⁰ Braun M. Represent me: Please! Towards an ethics of digital twins in medicine // Journal of Medical Ethics. 2021. 47(6). Pp. 394–400.

⁷⁹¹ Rojek I., Mikołajewski D., Dostatni E. Digital twins in product lifecycle for sustainability in manufacturing and maintenance // Applied Sciences (Switzerland). 2021. 11(1). Pp. 1–19.

тяжелого психоэмоционального напряжения работника. Кроме того, в ядре четвертой промышленной революции – искусственные интеллектуальные системы, которые стимулируют развитие информационного стресса у сотрудников, связанного с возможностью их замены автоматизированными системами управления⁷⁹².

Презентированные проблемы требуют комплексных мер решения на физиологическом уровне. Противодействие информационному стрессу и дезориентации человека в условиях стремительного технического прогресса является одной из приоритетных трансдисциплинарных задач. Решать эти проблемы нужно как с помощью медицины, так и с помощью социально-гуманитарных технологий. Согласно позиции А.Д. Урсула, эти технологии органично вписываются в стратегию футуризации образования (в том числе, футуризацию непрерывного образования (life long learning)), предполагающую целенаправленную подготовку человека к принятию и внедрению в свою деятельность технико-технологических и других инноваций⁷⁹³. Подробнее на вопросе футуризации мы остановимся в следующем параграфе. Здесь же отметим, что футуризация связана с развитием у работников из Индустрии 4.0 т.н. “soft skills” (мягких или гибких навыков), расширением их контекстуальных знаний, информированием о новых и, в том числе, гипотетических технологиях, а также систематическим участием в прогностических семинарах и форсайт-сессиях. При корректной реализации стратегии работник не будет отвлекаться от производства, но более эффективно адаптироваться ко всем видам изменений; производственные операторы смогут сосредоточиться на задачах, которые требуют ответственных решений при взаимодействии человека и машины, предотвратить возможные риски для своего здоровья (физические и ментальные), проанализировать опасности, которые могут быть спровоцированы работой автоматизированных инструментов и вызвать повышенную психосоциальную

⁷⁹² Leso V., Fontana L., Iavicoli I. The occupational health and safety dimension of Industry 4.0 // Med Lav. 2018. Vol. 110, no 5. Pp 327-338.

⁷⁹³ Урсул А. Д., Урсул Т. А. Векторы достижения устойчивого будущего // Философские науки. 2017. (7). С. 139-149.

реакцию. Все это оказывается в цифровую эпоху важной проблемой (здоровье сберегающей и сохраняющей), т.к. психосоциальный стресс, сопровождающий социальных агентов в контексте четвертой промышленной революции, может спровоцировать развитие сопутствующих патологий, природа которых остается загадкой для современной медицины.

Помимо социальных и физиологических патологий глобальное проникновение цифровизации во все слои социальной ткани порождает нечто, что польский футуролог С. Лем именовал «демоном Максвелла второго рода». Это нечто способно работать со скоростью «триста миллионов информации в секунду», но коэффициент полезного действия которого, тем не менее, остается на нуле; «демон этот магичен, термодинамичен, неклассичен и статистичен, и станет он из старого бочонка или из чиханья экстрагировать и доставлять тебе информацию обо всем, что было, что есть, что может быть и что будет. И нет демона превыше этого Демона, ибо он – Второго Рода»⁷⁹⁴.

Несмотря на то, что технологии Индустрии 4.0 и цифровые двойники, в частности, демоническую природу не обрели (и, вероятнее всего, не обретут), скорость их развития и пертурбаций внешнего, этим развитием стимулируемых, в некотором смысле выходит из-под контроля человека; прежде всего, это касается тех случаев, когда автоматизированные системы заменяют человека. Поэтому необходимо кристаллизовать методологические подходы, в том числе, в определении цифровых двойников. Группа специалистов в области машиностроения из Бристольского университета (Великобритания) под руководством Д. Джонса фиксируют, что «обычно описываемый как состоящий из физического объекта, виртуального аналога и информационного обмена между ними, цифровой двойник все чаще исследуется как средство повышения производительности физических объектов за счет использования вычислительных методов, которые сами по себе реализуются через виртуальный аналог»⁷⁹⁵. Из

⁷⁹⁴ Лем С. Путешествие шестое, или Как Трурль и Клапауций Демона Второго Рода создали, дабы разбойника Мордона одолеть // Семь путешествий Трурля и Клапауция. Книга 8. М.: Зарубежная фантастика, 1967. 192 с.

⁷⁹⁵ Jones D., Snider C., Nassehi A., Yon J., Hicks B. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52. P. 37.

предложенной дефиниции следует, что любые изменения с физическим объектом (вне зависимости от его свойств и функционала) эффективно изначально моделировать в виртуальной среде. Отсюда неслучайно среди первопроходцев в создании цифровых двойников стоит М. Гривс, профессор Мичиганского университета (США), который уже в 2000-х гг. сформулировал концепцию двойника в контексте проблемы жизненного цикла продукта (в оригинале – product life-cycle management, PLM). Несмотря на то, что еще 20 лет назад возможности компьютерного моделирования были значительно лимитированы («относительно новые и незрелые», дающие «ограниченные, собранные вручную и в основном на бумажных носителях данные»), вместе с Дж. Викарсом, главным технологом в области перспективных материалов и производства, NASA (США), М. Гривс увидел в цифровой модели тот локус, через который стало возможным контролировать процессы управления исходным материальным объектом, продуктом⁷⁹⁶.

По той причине, что в первоначальном варианте цифровой двойник, по М. Гривсу, выступал исключительно в качестве виртуального варианта презентирования жизненного цикла продукта, место физического объекта, как правило, занимал конкретный маркетинговый товар. В дальнейшем, посредством выстраивания системы информационного обмена между исходным объектом и его цифровой копией, варианты того, чем может быть физический объект, значительно выросли. Такому росту способствовала сама идея двунаправленного информационного обмена между пространствами физическим и виртуальным, т.е. разработка технологий «отражения» и «двойникования» в терминологии М. Гривса. Немалую роль в развитии интереса к цифровой симуляции физических объектов сыграл широкий потенциал виртуального, который открывал возможности для одновременного проведения различных манипуляций с объектом (невыполнимых или точнее – трудновыполнимых в условиях

⁷⁹⁶ Grieves M. Digital Twin: Manufacturing Excellence through Virtual Factory Replication [Электронный ресурс] // ResearchGate [Сайт]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/275211047_Digital_Twin_Manufacturing_Excellence_through_Virtual_Factory_Replication (дата обращения: 20.06.2023).

материального мира), среди которых тестирование, моделирование и оптимизация.

С 1990-х гг. именитая консалтинговая компания “Gartner, Inc.” публикует топ технологических трендов. В этих топах, как правило, представлены ожидаемые инновационные технологии или новые рыночные игроки, ориентированные на «хайповые» (или ажиотажные) технологии. Как показывает практика, аналитические прогнозы Gartner не всегда подтверждаются конкретными цифрами в потоках мирового рынка. Тем не менее, эксперты из Gartner отображают настроения и требования этого рынка. Так, цифровой двойник впервые появляется в топе технологических трендов от Gartner в 2018 г. вместе с Интернетом вещей и большими данными⁷⁹⁷. В трендах 2023 г. цифрового двойника нет; тем не менее, открывают десятку трендов цифровая иммунная система Digital Immune System и AI TRISM, искусственный интеллект в управлении доверием, рисками и безопасностью, функционирование которых также реализуется по принципу двойникования⁷⁹⁸.

В своем аналитическом исследовании, которое базируется на данных из 92 научных публикаций по тематике «цифровой двойник», исследователи из Бристольского университета называют 13 ключевых характеристик двойника. Открывает этот список «физическая сущность» (в оригинале – “Physical Entity”) или «физический объект». В фокусе их внимания оказываются, прежде всего, цифровые двойники из области инжиниринга⁷⁹⁹ и менеджмента⁸⁰⁰. Отсюда семантический ряд, что сопровождает термин «цифровой двойник» в указанных

⁷⁹⁷ Panetta K. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2019 [Электронный ресурс] // Gartner [Сайт]. Режим доступа: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2019/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷⁹⁸ Groombridge D. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2023 [Электронный ресурс] // Gartner [Сайт]. Режим доступа: <https://www.gartner.com/en/articles/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2023> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷⁹⁹ Zhang H., Liu Q., Chen X., Zhang D., Leng J. A digital twin-based approach for designing and multi-objective optimization of hollow glass production line // IEEE Access. 2017. 5. Pp. 26901-26911; Williams T. J. A reference model for computer integrated manufacturing (CIM) International Purdue Works, 1989; Xiang F., Zhi Z., Jiang G. Digital twins technology and its data fusion in iron and steel product life cycle, 2018 // IEEE 15th International Conference on Networking, Sensing and Control (ICNSC). 2018. Pp. 1-5.

⁸⁰⁰ Zhang H., Liu Q., Chen X., Zhang D., Leng J. A digital twin-based approach for designing and multi-objective optimization of hollow glass production line // IEEE Access. 2017. 5. Pp. 26901-26911; Baruffaldi G., Accorsi R., Manzini R. "Warehouse management system customization and information availability in 3pl companies: A decision-support tool" // Industrial Management & Data Systems. 2019. Vol. 119. No. 2. Pp. 251-273.

публикациях: «транспортное средство», «компонент», «продукт», «система», «модели» и «артефакт»⁸⁰¹. Все описанные двойниковые модели связывает представленность в физическом мире.

Вторая характеристика – «виртуальная сущность» (в оригинале – “Virtual Entity”) или «виртуальный объект». Как и в случае с физическим объектом, понимание цифрового двойника в научных публикациях сквозь призму виртуального объекта собирает семантический ряд, акцент в котором, тем не менее, располагается в области виртуального. Отсюда соответствующие термины, начиная с упоминавшихся «продукта», «объекта» и «модели» до «устройства», «кибер» и «мира». В научных публикациях виртуальная сторона двойника используется тройко: как «виртуальная сущность»⁸⁰² или как «виртуальный продукт», в тех случаях, когда мы наблюдаем двойникование самих виртуальных объектов⁸⁰³.

Среди других характеристик Д. Джонс с соавторами называет «физическую» и «виртуальную» среды (“Physical Environment” и “Virtual Environment” соответственно), где первая указывает на пространство, с которым возможно проведение любых метрологических операций, а вторая, в свою очередь, на неограниченное количество виртуальных миров, которые, тем не менее, связаны с симуляцией объективного физического мира. Помимо прочего, функциональные роли выполняют «соединение по типу физическое – виртуальное» (“Physical-to-Virtual Connection / Twinning”) и «соединение по типу виртуальное – физическое» (“Virtual-to-Physical Connection / Twinning”). Первое из них указывает на измерение физических объектов и их последующее двойникование в виртуальной среде; второе указывает на виртуальную

⁸⁰¹ Jones D., Snider C., Nassehi A., Yon J., Hicks B. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52. P. 39.

⁸⁰² Wagner C., Grothoff J., Epple U., Drath R., Malakuti S., Grüner S., Hoffmeister M., Zimmermann P. The role of the Industry 4.0 asset administration shell and the digital twin during the life cycle of a plant // 22nd IEEE International Conference on Emerging Technologies and Factory Automation (ETFA). 2017. Pp. 1-8.

⁸⁰³ Abramovici M., Göbel J. C., Savarino P. Reconfiguration of smart products during their use phase based on virtual product twins // CIRP Ann. 2017. 66. Pp. 165-168; Cheng J., Chen W., Tao F., Lin C. L. Industrial IoT in 5G environment towards smart manufacturing // J Ind Inf Integr. 2018. 10. Pp. 10-19.

метрологию с последующей физической реализацией⁸⁰⁴. По Д. Джонсу с соавторами, каждое из соединений трехэтапное; оно состоит из метрологической фазы (количественные замеры исходного объекта), фазы реализации, выявление дельты, разницы в показателях реального объекта и его двойника, и фазы корректировки / обновления виртуального объекта. Исследователи приводят следующий пример, «изменение температуры физического двигателя измеряется с помощью термометра Интернета вещей (этап метрологии), измерение температуры передается в виртуальную среду через веб-сервис, виртуальный процесс определяет разницу в температурах между физическим двигателем и виртуальным двигателем, а затем обновляет виртуальный двигатель таким образом, чтобы показатели на обоих объектах синхронизировались»⁸⁰⁵. Аналогичным образом, но в обратной последовательности реализуется соединение от виртуального к физическому объекту. Из важных характеристик можно также отметить «скорость двойникования» (“Twinning Rate”), т.е. скорость, с которой реализуется синхронизация между объектами, «физические» и «виртуальные» процессы (“Physical Processes” и “Virtual Processes” соответственно), указывающие на разность в функционировании производственной линии и выстраивания виртуальных моделей.

Согласно более позднему замечанию М. Гривса, цифровые двойники совершенствуются; точность виртуальных моделей растет в прогрессии, масштабируется «от микроатомного до макрогеометрического уровня»⁸⁰⁶. В частности, совершенствование цифровых двойников связано с двунаправленными типами соединений, когда информация поступает из физического пространства в виртуальное и наоборот. Это позволяет операторам двойников «выдвигать гипотезы, а затем выполнять, тестировать и корректировать эти гипотезы в

⁸⁰⁴ Bottani E., Cammardella A., Murino T., Vespoli S. From the cyber-physical system to the digital twin: the process development for behavior modeling of a Cyber Guided Vehicle in M2M logic // XXII Summer School “Francesco Turco”- Industrial Systems Engineering. 2017. Pp. 1-7.

⁸⁰⁵ Jones D., Snider C., Nassehi A., Yon J., Hicks B. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52. P. 41.

⁸⁰⁶ Grieves M., Vickers J. Digital twin: mitigating unpredictable, undesirable emergent behavior in complex systems // Transdisciplinary perspectives on complex systems. 2017. Pp. 85-113.

непрерывном цикле адаптации и улучшения»⁸⁰⁷. Синхронизация обоих векторов в работе соединений двойника существенно отличает его от традиционных методов моделирования, которые лимитированы в потенциях по апробированию гипотез.

В результатах проведенной аналитики исследователи из Бристольского университета утверждают, что в основном авторы публикаций сосредотачивают свое внимание на конкретных кейсах в использовании двойников (к примеру, в сфере образования⁸⁰⁸). Вместе с тем, попытки концептуализировать саму идею двойникования, согласно их позиции, или представить двойника в формате пролонгированного исследования, способного отразить его динамику в логике жизненного цикла продукта, несут в себе потенциал упущенной выгоды.

Итак, цифровой двойник представляет собой одновременно новую технологическую концепцию и агрегацию предшествующих ему, прежде всего, промышленных технологий. В 2019 г. термин появился на страницах «CIRP. Энциклопедия промышленной инженерии». В ней он дефинируется как «цифровое представление активного уникального продукта (реального устройства, объекта, машины, услуги или нематериального актива) или уникальной системы продукт-услуга (системы, состоящей из продукта и связанной услуги), которая включает в себя выбранные характеристики, свойства, условия и поведение моделей, информации и данных в рамках одной или даже нескольких фаз жизненного цикла»⁸⁰⁹. Подобное отображение цифрового двойника на страницах авторитетного издания в инженерной среде подтверждает преобладающий характер феномена в контексте становления промышленных, в том числе, цифровых технологий. Проблема, вместе с тем, кроется в том, что в рамках Индустрии 4.0, тем более 5.0⁸¹⁰, процесс двойникования используется не только по отношению к промышленным агрегатам или автоматизированным

⁸⁰⁷ Jones D., Snider C., Nassehi A., Yon J., Hicks B. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52. P.42.

⁸⁰⁸ Uhlemann T. H. J., Schock C., Lehmann C., Freiburger S., Steinhilper R. The digital twin: demonstrating the potential of real time data acquisition in production systems // Procedia Manuf. 2017. 9. Pp. 113-120.

⁸⁰⁹ Stark R., Damerou T. Digital Twin // CIRP Encyclopedia of Production Engineering. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2019. Pp. 1-8.

⁸¹⁰ Xu X., Lu Y., Vogel-Heuser B., Wang L. Industry 4.0 and Industry 5.0—Inception, conception and perception // Journal of Manufacturing Systems. 2021. 61. Pp. 530–535; Grabowska S., Saniuk S., Gajdzik B. Industry 5.0: improving humanization and sustainability of Industry 4.0 // Scientometrics. 2022. 127(6). Pp. 3117–3144.

системам; в перспективе речь идет о двойниковании всего физического мира, включая его социальные ткани и самого человека. По мнению некоторых исследователей, Индустрия 5.0 способна решить проблемы, порожденные ее предыдущей версией, посредством проектирования роботов и интеллектуальных систем не в конкурентном направлении на человека (прежде всего, его автоматизацию или вообще замену), но в векторе сотрудничества, коллаборации⁸¹¹. Однако любые угрозы и перспективы в использовании технологии двойникования, в том числе, по направлению здоровья человека находятся сегодня только на проектном уровне. Представляется, что проблема имеет комплексный характер. Речь идет о своеобразном переходе человека, социального мира и всей физической реальности, т.е. всего того, что можно измерить, в информационное пространство. Обозначенный процесс указывает на качественное преобразование мира классических феноменов. Подобное преобразование не обязательно наполнено угрозами, в том числе, человеческой природе; оно еще непознано. Вероятнее всего, в этой непознанности феномена двойников коренится их (цифровых двойников) ключевая угроза.

Наконец, группа немецких исследователей в области информационных систем под руководством Х. ван дер Валка разрабатывают проблему архетипов по отношению к цифровым двойникам⁸¹². Согласно их позиции, цифровой двойник помещен сегодня в т.н. «спектр», тематические границы которого представлены цифровыми тенями, цифровыми потоками и цифровыми моделями (указанные тематические паттерны отображены в работах экспертов по проблемам двойникования⁸¹³).

Термин «архетип» немецкие инженеры используют не в гуманитарном, например, юнгианском смысле, но в технологической рамке, как повторяющиеся тренды в области разработки цифровых двойников. Для определения таких

⁸¹¹ Nahavandi S. Industry 5.0-a human-centric solution // Sustainability (Switzerland). 2019. 11(16).

⁸¹² van der Valk H., Haße H., Möller F. Archetypes of Digital Twins // Bus Inf Syst Eng. 2022. 64. Pp. 375–391.

⁸¹³ Helu M., Hedberg T., Feeney A. B. Reference architecture to integrate heterogeneous manufacturing systems for the digital thread // CIRP J Manuf Sci Technol. 2017. 19. Pp. 1–5; Schuh G., Kelzenberg C., Wiese J., Ochel T. Data structure of the digital shadow for systematic knowledge management systems in single and small batch production // Procedia CIRP. 2019. 84. Pp. 1094–1100; Urbina Coronado P. D., Lynn R., Louhichi W., Parto M., Wescoat E., Kurfess T. Part data integration in the shop floor digital twin: mobile and cloud technologies to enable a manufacturing execution system // J Manuf Syst. 2018. 48. Pp. 25–33.

архетипов они обращаются к корпусу тематической обзорной литературы (например,⁸¹⁴) и к «слову» экспертов из сферы производства, мнения которых были проанализированы по методам качественной социологической аналитики. Так исследователи из Технического Университета Дортмунда презентировали материал, демонстрирующий разрыв (именуемый авторами «концептуальным») между теоретическими моделями и действующим промышленным оборудованием с функцией двойникования⁸¹⁵, проективный потенциал зачастую не достигает стадии реального производственного процесса. В дополнении к ключевым характеристикам цифрового двойника, представленным в исследовании Д. Джонса, они называют «долженствование» в движении информационного потока между физическим и виртуальным объектами правилам управления данными, чтобы система двойникования оставалась под контролем человека.

Выводы по параграфу: четвертая технологическая революция и Индустрия 4.0 несут в себе многообразие потенциалов в развитии человека и общества. Например, в контексте медицины они могут дать уникальные возможности по сохранению здоровья и профилактике заболеваний. Но одновременно они вовлекают человека, работника новой технологической индустрии, в качественно новые стрессовые ситуации, по отношению к которым еще не выработаны рецепты адаптации. Поэтому одну из ключевых социально-гуманитарных задач можно сформулировать через поиск путей повышения устойчивости человека к новым вариантам информационного стресса. Однако помимо нее существует *multum* неразрешенных вопросов в области двойникования.

В условиях технологического детерминизма техника органично вписывается в социальную ткань, а человек выстраивает свои социальные практики, в числе прочего, в соответствии с негласными требованиями техники и

⁸¹⁴ Kritzinger W., Karner M., Traar G., Henjes J., Sihn W. Digital twin in manufacturing: a categorical literature review and classification // IFAC-PapersOnLine. 2018. 51. Pp. 1016–1022; van der Valk H., Haße H., Möller F., Arbter M., Otto B. A taxonomy of digital twins / H. van der Valk, // AMCIS 2020 proceedings. AIS, Salt Lake City, 2020. Jones, D. Characterising the Digital Twin: A systematic literature review // CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology. 2020. 29. Pp. 36–52.

⁸¹⁵ van der Valk H., Haße H., Möller F. Archetypes of Digital Twins // Bus Inf Syst Eng. 2022. 64. Pp. 375–391, p. 379.

технологий. Реализуются процессы появления новых технологий, их представление на массовом рынке и симультанное встраивание в социальные практики. Эти процессы сопровождаются спектром антропологических вызовов, на одном краю которого располагаются новые социальные игроки, среди которых особый интерес для данной работы представляет цифровой субъект, на другом – варианты кардинального преобразования человеческой природы. В любом случае социальный субъект должен быть готов к технологическим вызовам, обладать особыми навыками в конструировании своей цифровой идентичности. Проблема конструирования и реализации цифровой идентичности организует содержание последнего параграфа этой работы.

§ 4.3. Практики конструирования и реализации цифровой идентичности⁸¹⁶

Идеи К. Шваба можно интерпретировать как своеобразных «проводников» в установлении технологической оптики для понимания современного общества. Согласно его позиции, каждая из трех предшествующих промышленных революций предлагала конкретную технологическую разработку, которая трансформировала социальную ткань, от энергии пара и электрификации до компьютеризации. Эти технологии изменяли социальные практики человека, не затрагивая, тем не менее, человеческую природу. Четвертая промышленная революция, в свою очередь, проходит под «флагом» цифровых технологий, которые «изменяют не только то, "что" и "как" мы делаем, но и то, "кем" мы являемся»⁸¹⁷. В подобном ракурсе цифровые технологии выступают социальным и антропологическим вызовом человеческой природе, ответить на который человек сможет только с условием специальной подготовки.

⁸¹⁶ В данном параграфе использованы материалы статей автора диссертации: Пеннер, Р. В. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности / Р. В. Пеннер, Л. Б. Осипова // Социум и власть. – 2022. – № 4(94). – С. 7-15. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15. Дыдров, А. А. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2022. – № 3(93). – С. 114-126. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126.

⁸¹⁷ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 9.

К. Шваб продолжает: «Будучи инженером, я с большим энтузиазмом встречаю новые технологии и в числе первых начинаю их использовать. Тем не менее мне, так же как и многим психологам и социологам, интересно, как неумолимо интеграция технологий в нашу жизнь будет воздействовать на наше представление об идентичности и приведет ли она к снижению некоторых из наиболее существенных способностей человека, таких как самоанализ, эмпатия и сострадание»⁸¹⁸. Тем не менее, как демонстрирует контемпоральные социальные практики, проблема технологической динамики имеет значительно более широкий эффект, нежели изменения, касающиеся персональной идентичности. Затронутыми ее оказываются все слои социальной ткани. По выражению М. Кастельса, мы наблюдаем своеобразный парадокс, когда «предприятия и учреждения ощущают глубину технологических изменений, но часто оказываются не в состоянии разобраться в них, поскольку не осознают последствий таких изменений»⁸¹⁹. Такая несостыковка между ощущением изменений и осознанием их способна привести, в терминологии К. Шваба, к «ступору», фактической неготовности человека и общества к полноценному существованию в условиях интенсивных технико-технологических трансформаций.

Как и другие теоретики четвертой промышленной революции, К. Шваб с оптимизмом смотрит в направлении технологического будущего человечества. По его тексту красной нитью проходит уверенность в том, что техника и технологии создаются в интересах и задачах непосредственно человека. Однако эта уверенность сосуществует с видением того, что многие социальные группы не готовы к принятию технологий, демонстрируют определенный абскурантизм по согласованию с ними своего жизненного уклада. Отсюда призыв к «коррекции и обузданию дидруптивных сил (вероятнее всего, ригидности социальных групп – *примечание мое, Р.П.*) путем развития и применения четырех различных типов интеллекта»⁸²⁰. Согласно его позиции, в сознании человека функционируют

⁸¹⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 78.

⁸¹⁹ цит. по Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 73.

⁸²⁰ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 84.

четыре типа интеллекта, каждый из которых играет свою роль в процессе принятия обществом на индивидуальном и групповом уровнях технико-технологических инноваций. Первый тип – «интеллект контекстуальный», или ум, – отображает гносеологическую сторону функционирования интеллекта, специфику формирования знаний и их применения в социальных практиках. Второй тип – «интеллект эмоциональный» или сердце, – связан с практической стороной интеллекта, в выстраивании отношений человека с самим собой и другими. Третий тип – «интеллект вдохновенный» или душа, – предполагает целенаправленную деятельность человека в движении по направлению формирования коллективного блага, т.н. «действия в общих интересах». Наконец, четвертый тип – «интеллект физический» или тело, – включает телесность человека, прежде всего, его физическое здоровье, в общий контекст технико-технологических трансформаций социальной системы. В комплексной работе со всеми типами интеллекта, по К. Швабу, возможно построение той социальной субъектной позиции, когда человек не просто выработает некий иммунитет к возможному ступору от технологического роста, но утвердит самого себя в господстве над техническим.

А.А. Дыдров, в свою очередь, в размышлениях по вопросу адаптации человека и общества к технологическим инновациям предлагает т.н. «футуризацию образования»⁸²¹. В ориентации на идеи уже упоминавшегося А.Д. Урсула и отечественного футуролога С.Б. Переслегина он намечает смысловые границы футуризации образования как гуманитарной образовательной стратегии, которая указывает на принципиальную значимость тем и идей, связанных с будущим (с акцентуацией на будущем техники и технологий), и предполагает их интеграцию в систему институционального и внеинституционального образования. В качестве концептуальных основ футуризации он использует идею «субъектификации» или «осубъечивания» (в оригинале – “subjectification”) педагога Г. Биесты. Посредством этой идеи ученый

⁸²¹ Дыдров А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Челябинск, 2021. 354 с.

нидерландского происхождения сформулировал положение о том, что учащийся должен быть субъектом своей жизни, источником собственных решений, а не объектом образовательных технологий и методологического вмешательства в его сознание. В первую очередь, субъектификация связана со свободой мысли и действия. В то же время свобода мысли и действия невозможна без ответственности⁸²². Согласно А.А. Дыдрову, научить обучающегося думать и действовать «по-взрослому» – конечная цель футуризации как образовательной стратегии.

В нашем контексте, «по-взрослому» указывает, прежде всего, на ответственное поведение человека в отношении контемпоральных технологий. По той причине, что сознание ребенка в большей степени подвижно и открыто к научению, нежели сознание взрослого, а система образования предлагает конкретные практики и техники работы с ним, мы продолжим следовать за идеями Г. Биесты. Он расширяет идею образования до практик эмансипации обучающегося⁸²³, поэтому образование предстает как целостная подготовка человека к существованию во внешнем мире. В его дискурсе «субъектификация имеет направленность на эмансипацию, то есть на способы действия и бытия, не просто принимающие данный порядок, но ориентированные на изменение существующего порядка, чтобы стали возможными разные способы действия и бытия»⁸²⁴. В течение последнего десятилетия педагог оперирует концепцией «хорошего образования»⁸²⁵. Затруднение состоит в том, что «хорошее», передаваемое метанарративом, отличается от «хорошего» с точки зрения учащегося. Для нарратива «хорошо» – это метрологический регистр, конкретно измеримые знания и навыки; для реального человека – это возможность целостно существовать в мире, не быть разорванным на части; быть холистической личностью в своем актуальном существовании. Аналогичная идея

⁸²² Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104.

⁸²³ Biesta G. What constitutes the good of education? // *Reflections on the possibility of educational critique*, *Educational Philosophy and Theory*. 2020. 52:10. Pp. 1023-1027.

⁸²⁴ Biesta G. Interrupting the politics of learning in *Contemporary Theories of Learning* // *Contemporary Theories of Learning: Learning Theorists*. London: Routledge, 2018. 276 p P. 246.

⁸²⁵ Biesta G. *Good education in an age of measurement: Ethics, politics, democracy*. London: Routledge, 2010. 158 p.

«образовательного багажа» разрабатывается Г. Бригхаусом и его коллегами⁸²⁶. Американские образователи также акцентируют внимание на том, что, думая о воспитании реальной личности, следует соблюдать баланс между внешними требованиями (успеваемость, школьные финансы и подотчетность) и внутренним запросом ученика (образовательный опыт и свобода)⁸²⁷.

Г. Биеста определяет путь реализации «хорошего образования» в практике «субъектификации»⁸²⁸, когда обучающийся выходит за рамки понимания и представления себя как объекта образовательного процесса, становится полноценным субъектом образовательных практик, реализуя свою свободу как выбор и действие во взрослом мире. На наш взгляд, «субъектификация» связана со стоическими добродетелями, а также со свободой, счастьем и равновесием. Эти добродетели связаны с субъектностью, формированием Я, за счет того, что они обращают внимание учащегося извне вовнутрь. С древности стоицизм учил человека связывать внешние данные императивы с собственными желаниями и стремлениями. Следуя идеям Эпиктета, разделение вещей на те, что находятся «в нашей власти», от тех, которые находятся «вне нашей власти», может помочь современному человеку отличить то, что он может и должен делать, от того, что он не может изменить⁸²⁹. Это понимание влечет за собой внутренний покой и гармонию даже в условиях технологической турбулентности.

Современное образование часто описывается в терминах экономической транзакции, где педагог является поставщиком, а учащийся – потребителем услуги. Большая часть методологических размышлений в этой части вдохновлена педагогами, которые категорически против такого «покупного отношения» к образованию. Г. Биеста продолжает, что субъектификация в образовании является важнейшей областью квалификации и социализации. Мы согласны с тем, что важно уделять как можно больше внимания образовательным ситуациям, которые

⁸²⁶ Educational Goods: Values, Evidence, and Decision-Making / H. Brighouse, H. F. Ladd, S. Loeb, A. Swift. University Of Chicago Press, 2018.

⁸²⁷ Brighouse H. Educational Goods: Values, Evidence, and Decision-Making—A Summary / H. Brighouse, H. F. Ladd, S. Loeb, A. Swift // Journal of Philosophy of Education. 2020. 54. Pp. 1346-1348.

⁸²⁸ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // Educ Theory. 2020. 70(1). Pp. 89–104.

⁸²⁹ Эпиктет. Энхиридион. Краткое руководство к нравственной жизни. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 399 с.

могут напомнить учащемуся, что он или она могут существовать как субъект, «особенно в контексте современной одержимости квалификацией»⁸³⁰. Субъектификация – это явление, когда «обучение воздействует на учащегося как на личность, усиливая или ограничивая способности и возможности»⁸³¹. Отношение Г. Биесты к субъектификации основано на идее свободы, рассматриваемой как экзистенциальная материя⁸³². Образование как субъектификация – это «о том, чтобы быть собой, быть субъектом своей собственной жизни»⁸³³ и при этом «отказываться от комфорта не быть объектом»⁸³⁴. По большому счету перед педагогом всегда стоит методологическая проблема, сформулированная И. Кантом в виде воспитательного парадокса: «Как мне воспитать свободу через принуждение?»⁸³⁵. Педагог всегда находится в позиции силы, которая противоречит реализации свободы ученика в плане субъектификации. В жестком разграничении мира на субъекта и всех остальных (другие объекты), идущем из эпохи Нового времени, учащийся по факту оказывается в позиции объекта.

Согласимся с тем, что новый язык образования в цифровую эпоху должен быть связан с тремя понятиями: безосновательное доверие между субъектами образовательного процесса, трансцендентное насилие, ответственность без знания⁸³⁶. Г. Биеста предлагает выполнить ряд специальных принципов субъектификации в образовании. Наиболее важными из них являются т.н. «проверка реальности» и «остановка реальности». Встреча с реальным требует времени, поэтому второй принцип – «остановка» есть своеобразное замедление, нахождение времени для встречи с экзистенциальной свободой и ее проработки.

⁸³⁰ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104. P. 102.

⁸³¹ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104. P. 92.

⁸³² Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104. P. 93.

⁸³³ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104. P. 94.

⁸³⁴ Biesta G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited // *Educ Theory*. 2020. 70(1). Pp. 89–104. P. 95.

⁸³⁵ Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо-Пресс, 2019. 256 с.

⁸³⁶ Biesta G. Against learning. Reclaiming a language for education in an age of learning. The language of education // *Beyond Learning Democratic Education for a Human Future*. N-Y.: Routledge, 2004. 176 p. P. 60.

В целом понятие замедления (в оригинале – “slowness”) все чаще упоминается в современных исследовательских дискурсах в смысле добродетели (см., например,⁸³⁷).

В русскоязычном дискурсе проблематику образования в условиях цифровизации разрабатывают отечественные философы, С.А. Храпов и Л.В. Баева. Пресуппозицией их исследований выступает идея о том, что в условиях цифровизации мы наблюдаем трансформации в образовательном процессе. В одной из публикаций они сосредотачиваются на вопросе об эмоциональных рисках, сопровождающих эти трансформации⁸³⁸. В статье философы предлагают пять эмоциональных рисков: отчужденность учащихся от других участников образовательного процесса, их депривация как результат цифрового неравенства, истощение от переизбытка визуальной составляющей в образовательных материалах, тревожность в условиях цифрового контроля и, наконец, эмоциональная деформация, граничащая с неустойчивостью самооценки учащегося. Вместе с тем, эмоциональные риски, по мнению исследователей, сосуществуют с эмоциональными эффектами, которые фокусируются на преимуществах цифровизации. Среди них, эйфория от доступа к образовательным ресурсам, включенность в образовательный процесс учащихся с ограниченными физическими возможностями, т.н. эмоциональная позитивность, что связана с расширением посредством цифры возможностей поступить в искомое образовательное учреждение, связь с другими участниками образовательного центра на форумах и в чатах и, наконец, воодушевленность обучающихся с возможностью построения и реализации индивидуальной образовательной траектории. Как показывает аналитика контемпоральных образовательных практик, проведенная отечественными философами, само обучение в условиях цифры все больше ориентируется на повышения ответственности в поведении

⁸³⁷ Kuen J., Lim K. M., Lee C. P. Self-taught learning of a deep invariant representation for visual tracking via temporal slowness principle // *Pattern Recognition*. 2015. 48(10). Pp. 2964–2982; Olaskoaga-Larrauri J., Guerenabarrena-Cortazar L., Cilleruelo-Carrasco E. Academic staff attitudes and barriers to integrating sustainability in the curriculum at Spanish universities // *Cultura y Educacion*. 2021. 33(2). Pp. 373–396.

⁸³⁸ Храпов С. А., Баева Л. В. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // *Вопросы философии*. 2022.– № 4. С. 16-24.

обучающегося. В этом мы наблюдаем пересечение установок отечественных и зарубежных исследователей.

В другой своей публикации, также вышедшей на страницах авторитетного журнала «Вопросы философии», С.А. Храпов и Л.В. Баева сосредотачивают свое внимание на проблеме функционирования памяти обучающихся в цифровую эпоху⁸³⁹. Они связывают проблемы памяти с безопасностью цифрового образования. В условиях информационных перегрузок развивается в терминологии авторов т.н. «мнемическая цифровая зависимость», которая сопровождается снижением когнитивных возможностей обучающихся, падением познавательного эффекта в работе памяти. Ответ отечественные философы усматривают в коррекции образовательного процесса посредством обращения к «модульной системе безопасности». Партикулярные идеи и вопросы образования в цифровом контексте позволяют С.А. Храпову проблематизировать идентичность обучающегося как ключевого актора в образовательном процессе⁸⁴⁰.

Ю.А. Чернавин и Г.В. Баринава, в свою очередь, связывают зарождение цифровой культуры с противостоянием мировоззренческих традиций, гуманизма и технократизма⁸⁴¹. В учитываемом пределе цифровая культура выступает закономерным результатом технических и технологических новаций. Она демонстрирует социальную и культурную динамику, связана с трансформацией мировоззрения и поведенческих практик социальных субъектов; в то же время порожденный технократизмом человек-виртуал все больше удаляется от традиций как необходимого элемента в поддержании баланса между гуманистическими ценностями и технологическими новшествами. Образование, по Ю.А. Чернавину, оказывается тем местом, где возможно найти баланс между

⁸³⁹ Храпов С. А., Баева Л. В. Феномен памяти в условиях цифровизации образования: создание модульной системы безопасности цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2023. № 5.– С. 61-69.

⁸⁴⁰ Храпов С. А. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2(60). С. 69-74.

⁸⁴¹ Чернавин Ю. А., Баринава Г. В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29-39.

технократическими требованиями внешней среды и следованию традиционным устоям⁸⁴².

В идее общества знания, в свою очередь, Ю.А. Чернавин обнаруживает ключевые векторы трансформации образовательных практик, которые связаны с ростом информации, виртуализацией образования и одновременно нацелены на индивидуализацию образовательного процесса, что в свою очередь, отвечает специфике работы понятийного мышления учащихся⁸⁴³. Параллельно философ разрабатывает идею цифрового поколения, которая указывает на группу людей (молодежи), родившихся и социализирующихся в цифровом обществе⁸⁴⁴. Он предлагает два варианта социализации нового поколения: первый – с освоением молодежи цифровой грамотностью, – формирует более свободных и творческих личностей; второй – с перекосом внимания молодого поколения в онлайн, – ставит вопрос о возможности утраты или, как минимум, значительной трансформации субъектности этой группы.

С.В. Борисов тоже удерживает фокус внимания на идеи т.н. «отдаления» человека от своей субъектности. Причины подобного отдаления он усматривает в проблемах, что влечет за собой цифровая эпоха и утверждает цифровое общество. Проблемы, как правило, отражаются на молодежи. Иными словами, молодое поколение, растущее в цифровую эпоху, не просто другое, оно может пониматься как т.н. «проблемное». Проблемность эта выражается в нескольких направлениях:

1. выход молодых людей из-под власти традиционных средств массовой информации;
2. множественность и рассредоточенность информационных источников;
3. изменение (вплоть до упрощения) языка и языковых конструкций по причине ориентации на письменный символический язык (в том числе, эмодзи);

⁸⁴² Чернавин Ю. А. Единство традиций и новаций в современном российском образовании // Педагогическое образование и наука. 2023. № 3. С. 13-18.

⁸⁴³ Чернавин Ю. А. Культура общества знаний как основа цифровой трансформации образования // Человеческий капитал. 2022. № 5-2(161). С. 68-73.

⁸⁴⁴ Чернавин Ю. А. Социализация молодежи в цифровом обществе: особенности, результаты, перспективы // Человеческий капитал. 2021. № S5-3(149). С. 199-207.

4. перестройка телесных практик (вплоть до обездвиживания в случае пользования стационарными устройствами) и трансформация кинестетических режимов;

5. рассредоточение и дефицит внимания вследствие работы с текстовыми, анимированными, видео- и аудиальными материалами, ориентация на фрагменты и нарезки, не на целые произведения.

Первые две группы проблем С.В. Борисов идентифицирует как «псевдопроблемы», т.е. это проблемы не самой молодежи, но властных структур, что стремятся управлять и манипулировать ею. В свою очередь, оставшиеся три проблемы вносят существенные коррективы в структуру т.н. «множественного интеллекта» (Г. Гарднер), что в конечном счете «размывает» субъектность⁸⁴⁵.

Дабы человеку в цифровую эпоху оставаться человеком необходимо реализовывать практики, направленные непосредственно на сохранение человеческого. Проблема охраны и сохранения человеческого обретает первые наброски еще в философии XX в. Зарождается она в контексте размышлений о технике и техническом. М. Хайдеггер в своих поздних эссе утверждает рабскую зависимость человека от техники⁸⁴⁶. Вместе с тем, он утверждает и то, что в опасности всегда кроется спасительное⁸⁴⁷. Отсюда М. Хайдеггер делает вывод о том, что человек должен сказать технике одновременно, да и нет: «Мы можем сказать "да" неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать "нет", поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность»⁸⁴⁸. Представляется, что современные исследователи безмолвно соглашаются с этим двояким ответом. Так утверждает свою позицию Д.В. Соломко, концептуализируя идею

⁸⁴⁵ Борисов С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46. С. 43.

⁸⁴⁶ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁸⁴⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Проблема объекта в современной науке. М.: Наука, 1980.

⁸⁴⁸ Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).

экогуманистики как особой, гуманосохраняющей, формы отношений человека с миром техники⁸⁴⁹.

Вместе с тем, неразрешенным остается вопрос практики, как сохранить человеческое в человеке из цифровой эпохи. С.В. Борисов отвечает на этот вопрос, следуя за многовековой традицией философских практик⁸⁵⁰. Человеческое в человеке возможно воспитать, развить и сохранить при реализации человеком личностного проекта⁸⁵¹. Философская антропология, помимо прочего, определяет экзистенциалы в бытии человека (-ом)⁸⁵². Одним из них является самотрансцендирование как способность человека выходить за пределы своих границ. В какой-то степени личностный проект как раз об этом, он коренится в специфике человека быть неудовлетворенным наличным бытием, проектировать желаемое бытие и реализовывать свой проект, тем самым преобразуя себя.

Открытым остается вопрос о том, как помочь практически молодому человеку обрести субъектность в цифровых условиях. С.В. Борисов связывает в этом контексте субъектность с адаптивностью. Для реализации себя, в том числе, другого себя, человеку необходима комфортная окружающая среда, в нашем случае – цифровая среда. По его мысли, различные цифровые приложения отвечают условиям искомой дружественности. Одним из них является разработанный самим С.В. Борисовым адаптационный чат-бот «Сократ-2020», цель которого – адаптировать иностранных студентов к требованиям российских вузов и к условиям российского быта. Чат-бот призван помочь человеку реализовать свой личностный проект, который не есть «стремление к завершенности или совершенству, но стремление жить в согласии с собой в любой жизненной ситуации, стремление удержать в себе этот хрупкий баланс

⁸⁴⁹ Соломко Д. В. Экогуманистика как вид научного знания и методология понимания специфики отношения «человек — технико-технологизированный мир» // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 15—25.

⁸⁵⁰ Борисов С. В. Философская практика во времена пандемии (по итогам работы Международной онлайн-конференции по философской практике ICPP 2020) // Социум и власть. 2020. № 4 (84). С. 94—103.

⁸⁵¹ Борисов С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46. С. 44.

⁸⁵² Моторина Л. Е. Философская антропология : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2017. 236 с.

душевного и эмоционального равновесия», что возможно посредством философствования, в движении по направлению «философия для человека»⁸⁵³.

С.В. Борисов, двигаясь в направлении сохранения человеческого, отмечает, что субъектность отменить нельзя. Происходит это вследствие нескольких оснований: субъектность свойственна только живому; она собирается вокруг ценностно-смыслового ядра; она непосредственно связана со смыслом и присутствием в их экзистенциальном понимании. Отсюда задачи философа сводятся к тому, чтобы дать субъекту говорить на своем языке и, в том числе, посредством философского вопрошания помочь ему в определении личностного проекта.

С.В. Тихонова, среди прочего, акцентирует свое внимание на импакт-контенте интернета, «культуре отмены» и «троллинге» как специфических субкультурных трендов, технологически детерминированных domestikизацией сети интернет. «Контент» приобрел терминологический статус в связи с распространением сетевых технологий, обеспечивающих пользовательский доступ к информации. Следует понимать, что само слово возникло вне всякой связи с информационно-технологическими трендами и фактически многозначно: это и «емкость», «вместимость», объем, и «удовольствие», «суть», «содержание» и т.д. В терминологическом статусе «контент» эквивалентен содержанию, то есть относится к сфере значения, а не формата. В этом отношении соотнесение флуда или спама с контентом может быть не без оснований поставлено под вопрос. По-видимому, однозначного ответа этот вопрос не имеет ввиду различия оптик и исследовательских подходов. Термин «контент» функционирует, так или иначе, в классической бинарной логике формы и содержания, однако семиозис слова выходит за границы традиционного логического схематизма, что и провоцирует известную коллизию. «Импакт», разумеется, не является приложением к термину, но указывает на его функционал и потенциал. Контент буквально «воздействует», а фактически встраивается в маркетинговые программы (и шире – суггестивные

⁸⁵³ Борисов С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46. С. 45.

практики). С очевидностью это прослеживается в случае с рекламой, политическими и идеологическими акциями, однако внушение является только частным случаем воздействия. Воздействующий потенциал интернет-контента, по всей видимости, куда более многогранен и не сводится к целенаправленной суггестии. Помимо «кричащего» контента («получи», «выиграй», «проголосуй» и т. д.) существует контент, имеющий при первом приближении строго определенный функционал развлечения.

В монографическом исследовании С.В. Тихоновой и Д.С. Артамонова «Историческая память в социальных медиа» очерчивается круг проблем, связанных не только с трансляцией, но с производством нового знания, новой методологии и исследовательской оптики в принципе. В частности, формулируется вопрос «как учить цифровых историков?»⁸⁵⁴. Не следует воспринимать этот вопрос как исследовательскую оговорку или поспешное суждение: в нем сформулирована вполне обоснованная пресуппозиция: производство исторического знания меняется *hic et nunc*. Интернет уже стал альтернативным архивом (метаархивом) и музеем, содержащим куда больше информации, чем классические хранилища. Кроме того, сеть продуцирует и репродуцирует историческое знание, каким бы «несостоятельным» это знание не казалось в традиционалистской оптике. Не случайно главы книги посвящены видеоиграм, мемам, демотиваторам и другим медиаформатам, имеющим сложный функционал.

В действительности заряд импакт-контента (нередко скрывающегося под видом развлечения) нуждается в исследовательской рефлексии Internet Studies и ряда других научных областей. Этот «развлекательный» контент (конкретный тренд, разумеется, связан с «котиками») может быть одновременно сугубо развлекательным в обывательской оптике и сообщающим (воздействующим) в исследовательской. Внешне парадоксальная мысль о том, что формирование цифровой грамотности вряд ли возможно без соответствующего знания «котософии» – сложного комплекса меметического и аудиовизуального

⁸⁵⁴ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с. С. 232.

форматов, вмещающего в себя разнородные интерпретации актуальных событий и тенденций. Цифровая грамотность (Digital Literacy) не сводима к технической стороне дела. Эта позиция разделяется западными исследователями (см., например,⁸⁵⁵⁸⁵⁶), указывающими на такой необходимый навык в контексте цифровой грамотности как критическое отношение к данным.

По мнению С.В. Тихоновой, «кошачья революция» в интернете коррелирует с неопределенным, постоянно меняющимся спектром тенденций и событий и фактически формирует кластеры интерпретаций событийности. На уровне субъективности многие мемы «не смешны» попросту потому, что они непонятны и требуют от потребителя определенного уровня подготовки и осведомленности в трендах. Как показывают психологические исследования, кошачья «упаковка» сетевого ньюсмейкинга выполняет, в частности, роль абсорбента и служит эффективным средством для привлечения внимания (при этом совсем не обязательно для внушения). Контент, скрытый за оболочкой, может быть куда серьезнее самой упаковки. Последнее суждение в некотором смысле справедливо и в контексте формирования исторической памяти, распыленной в микроформатах интернета и, традиционно, в книгах и аудиовизуальных текстах.

Наконец, по мысли Д.С. Артамонова, процессы цифровизации и медиатизации культуры привели к существенным новациям не только в сфере хранения сведений о прошлом (общеизвестно, что интернет выполняет, в числе прочего, функцию хранения данных), но и в практике преобразования прошлого⁸⁵⁷. Последнее можно интерпретировать, памятуя об одной из частей знаменитой литературной формулы: «кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое». Сеть, разумеется, не реализует привычные и исторически ранние способы контроля, основанные на принципе субординации и функционировании карательных институций. Вместо прямого насилия и приказа

⁸⁵⁵ Wang Y., James Woo D. Investigating Digital Literacy Skills in Examination-Oriented Education System for the Post-Pandemic Era // ACM International Conference Proceeding Series. 2021. Pp. 169-175.

⁸⁵⁶ Flandoli A. M. B., Eguiguren J. M. C. Media and digital literacy: From particularities to encounters and possibilities // Iberian Conference on Information Systems and Technologies. 2021.

⁸⁵⁷ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75-87.

(директивы) действует интенсивно распространяющийся информационный «вирус», буквально впечатляющий реципиента. Мемы, демотиваторы, «гифки» и short stories имеют – пару десятилетий назад это утверждение фактически не имело бы смысла – функционал хранения и трансляции исторического знания, а также конструирования образов прошлого. Из сказанного не следует, что обозначенные микроформаты захватили интернет-пространство, медиаиндустрия работала и работает по линии «производства» прошлого. Между тем, у них есть очевидное преимущество в скорости: на создание той же Indie game или соответствующего корпоративного продукта уходит куда больше времени, нежели на создание мема. В свою очередь, микроформаты, как правило, не требуют от пользователя значительных ресурсных затрат, в сравнении с производством фильма или созданием игры.

«Вирусная» природа исторической памяти в сети де-факто сопрягается с лавинообразным фейкмейкингом, то есть буквально с производством заведомо ложных «событий». Нет ничего удивительного в том, что в XXI в. обострилась проблема демаркации референции и симуляций всех порядков (например, актуализируется т.н. «fact checking»). Вместе с тем, демонизация новых практик памяти существенно затрудняет возможные тактические и стратегические решения по интеграции медиаконтента в функционирующие механизмы социализации. Тот же фейкмейкинг не следует оценивать исключительно в терминах манипуляции и суггестии: в действительности, это одна из многочисленных пользовательских практик, осуществляемых как во имя «мемориальных войн», так и для развлечения⁸⁵⁸. Учиться работать с «вирусными» форматами и симуляциями нашего времени – одна из принципиально значимых задач современной социально-гуманитарной науки.

В контемпоральном интернете в явной, а зачастую – неявной формах, представлены разные варианты проектирования идентичностей социальных

⁸⁵⁸ Артамонов Д. С. Исторические фейки и религиозное сознание // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 8-11. С. 9.

актеров. В данном исследовании сфокусируем внимание на трех из них: электронная почта и мессенджеры, контекстная реклама и социальные сети.

Электронная почта и мессенджеры. В 1996 г. школьники из Тель-Авива перевернули представление о коммуникации людей со всего мира. Они разработали и предложили широкой аудитории бесплатный интернет-пейджер ICQ (омоним с англ. I seek you)⁸⁵⁹. Разработка юных программистов оказалась революционной в набирающем обороты цифровом пространстве. Во-первых, аналоги у ICQ были, но все они были платные. Во-вторых, сами разработчики назвали свою программу «пейджером»; это открывало для пользователей возможность обмениваться мгновенными сообщениями и одновременно не обременяло их необходимостью оплачивать относительно дорогую в то время мобильную связь.

Сегодня ICQ – это «реликт» в контексте цифровой коммуникации. Сегодня невозможно представить социального субъекта без электронной почты и / или номера мобильного телефона, к которому привязаны разные мессенджеры. Вообще номер мобильного телефона в XXI в. играет роль если не большую, то, как минимум, подобную паспорту. Помимо того, что по нему происходит аутентификация электронной почты и всех мессенджеров, к нему привязаны социальные сети, банковские карты, счета на оплату коммунальных услуг и проч. Возможно, в скором времени поменять номер станет столь же проблематично, как поменять паспорт. Вероятно, поэтому многие мобильные операторы на протяжении последнего десятилетия предлагают своим клиентам возможность сменить связь, оставив за собой номер.

Электронная почта, в свою очередь, является визиткой для отдельных людей, компаний и корпораций. В сравнении с мессенджерами можно выразить ряд отличительных признаков электронной почты:

Время передачи сообщения: мессенджеры – мгновенная коммуникация, почта – пролонгированная;

⁸⁵⁹ Morfitt K., Valli C. After conversation-An forensic ICQ logfile extraction tool // Proceedings of 3rd Australian Computer, Network and Information Forensics Conference. 2005. Pp. 54-61.

Формат сообщения: мессенджеры – неформальное (как правило), формальное общение (корпоративные чаты, группы по конкретным вопросам), почта – формальное деловое (как правило) общение;

Содержание сообщения: мессенджеры – текст + визуальный ряд, почта – преимущественно текст.

В разговоре о цифровом этикете в цикле программ «Наблюдатель» на телеканале «Культура» С.В. Тихонова отметила, что коммуникация посредством мессенджеров отменяет или точнее преодолевает т.н. «ценз грамотности»⁸⁶⁰. Люди из стран Африки и Азии могут включиться в общение друг с другом посредством (видео-) звонка, эмодзи или гифок. С. Джобс еще в 1980-е гг. поднял вопрос о клиентоориентированном интерфейсе. Тогда речь шла об экране стационарного компьютера, сегодня – об экране гаджета. Инфографика современных смартфонов настолько интуитивно понятна, что не нужно уметь читать и писать, чтобы ими пользоваться (это демонстрирует, кстати, не только безграмотное население стран «Третьего» мира, но и маленькие дети). В свою очередь, текст письма, даже электронного, каким бы многосоставным (визуальный ряд, аудио- и видеокomпоненты, гиперссылки) он ни был, остается текстом. Отсюда логичным будет повторить вывод о том, что электронная почта все же используется в рамках формальной деловой коммуникации, в то время как мессенджеры, – для неформального общения, между членами семьи, друзьями, коллегами и пр., т.е. с теми, с кем можно поделиться определенной интимной информацией.

Контекстная реклама. Какой бы многоликой она ни была, именно реклама остается главным инструментом проектирования социальной идентичности отдельных людей и групп в контексте т.н. «капиталистического проекта» (сказанное применимо и к цифровой идентичности). О рекламе идет речь, когда в свое размышление о цифровом субъекте О. Горюнова вставляет

⁸⁶⁰ Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021 [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE&t=2587s> (дата обращения: 21.06.2023).

идеального маркетингового субъекта⁸⁶¹. Идеальный субъект есть тот конструкт, что спроектирован маркетологами для продажи товара и / или услуги. Он обладает четко заданными характеристиками: пол (гендер), возраст, место проживания, сфера деятельности, круг интересов и т.д. Этот товар или услуга создается специально для него и под его характеристики. Затем в сети происходит поиск и отбор тех пользователей, характеристики которых близки параметрам названного «идеала».

Контекстная реклама – это таргетинговая (от англ. target – цель) реклама. Формируется впечатление, что она сориентирована специально на нас. Но это не совсем так. Дело в том, что, пребывая в сети, всякий раз мы оставляем за собой след, т.н. «цифровой след»⁸⁶². Поисковые запросы, контакты, переписка, текстовые, фото- и видеоматериалы, – все то, что мы выкладываем в сеть, – и даже наша речь, произнесенная вблизи смартфона (что выкладке в сеть подлежит не всегда), может быть использовано против нас (ну, или наоборот, может быть использовано специально для нас). Как обозначили философы-постструктуралисты в 1970-80-х гг., субъект есть существо дискурсивное. Он выстраивает вокруг себя слова и смыслы, его отображающее и изображающее. На это сориентирована контекстная реклама: на то, что мы ищем, как мы это ищем, где блуждаем, и что нам можно продать в процессе этого блуждания.

Как и product placement (размещение рекламируемого товара в качестве реквизита фильма, клипа или сериала), контекстная реклама (если она грамотно сконструирована) является вариантом скрытой рекламы. Например, с вхождением и обоснованием умных устройств в быту (умные помощники Siri и Алиса, цифровые колонки, цифровые часы), даже не нужно лишний раз обращаться к поисковику. Эти устройства сами «услышат» то, о чем мы общались с друзьями и коллегами, отфильтруют этот текст по ключевым словам и выдадут в течение некоторого времени то, о чем мы так мечтаем, даже специально не задумываясь

⁸⁶¹ Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // *Theory, Culture and Society*. 2019. 36(6). Pp. 125-145.

⁸⁶² Pavlenko D., Barykin L., Dadteev K. Collection and analysis of digital footprints in LMS // *Procedia Computer Science*. 2021. 190. Pp. 666-669; Nawi A., Hussin Z., Ren C. C., Norsaidi N. S., Mohd Pozi M. S. Identifying the Types of Digital Footprint Data Used to Predict Psychographic and Human Behaviour // *Lecture Notes in Computer Science (including sub-series Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*. 2020. 12504 LNCS. Pp. 287-296.

об этом. Однако если product placement продает своеобразную сказку: продукт как будто снисходит из киношного контекста в жизнь простого человека; то контекстная реклама подбирает то, что отвечает запросам пользователя his et nunc. Она не сказочная, она удобная. Но, вместе с тем, проектирующая, т.к. предлагает не всегда то, что целенаправленно ищешь, но тем не менее покупаешь.

Социальные сети. Как было сказано в первом параграфе этой главы, цифровое размывает границы приватного – публичного. То, что буквально несколько лет назад было доступно только Я и узкому кругу лиц, с теми, у кого установлены сильные социальные связи с этим Я, сегодня может быть открыто множеству пользователей интернета (если вовремя не задать необходимые настройки приватности). Это, прежде всего, характерно для социальных сетей.

История социальных сетей на просторах интернета относительно свежа. Первой социальной сетью называют платформу Classmates.com, которую Р. Конрад предложил интернет-пользователям в 1995 г.⁸⁶³. Эта история безотносительно мала по общечеловеческим историческим меркам; но безусловна стара она в том контексте, что вчерашнее определенно утрачивает актуальность в сегодняшнем. За эту короткую историю социальные сети эволюционируют от справочника одноклассников, родственников и школьных друзей, до платформ, разрабатываемых инфлюенсерами для распространения идей, товаров и услуг и мест публичных выступлений и дебатов по социально-политической, культурной и научной повестке дня, пространства для творчества, выражения себя и собирания вокруг себя единомышленников.

Социальные сети сегодня являются той доступной площадкой, на которой каждый способен заявить о себе. Это то, что Ф. Фукуяма именовал мегалотимией, стремлением к тому, чтобы Я видело и отражало это видение как можно большее количество людей⁸⁶⁴. Способов заявить о себе множество: от текстов, информационных, авторских, провокационных, до аудио-, видеоматериала с оригинальными роликами или клипами в формате TikTok. Однако несмотря на то,

⁸⁶³ Семенов Н. Все о социальных сетях [Электронный ресурс] // Secl Group [Сайт]. Режим доступа: <https://seclgroup.ru/vse-o-soczialnyh-setyah-vliyanie-na-cheloveka-chast-1/> (дата обращения: 21.06.2023).

⁸⁶⁴ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина, 2019. С. 19.

что количество способов этих заявлений в сети интернет ширится, сами способы алгоритмизируются (вспомним аналогию с комнатой подростка у Е.Г. Ефимова).

Выводы по параграфу: полноценное присутствие в социальной среде сегодня требует от социального субъекта обладание даже не случайным, но явным цифровым следом. Из цифрового следа мы получаем сборный конструкт, который О. Горюнова и иные исследователи именуют «цифровым субъектом». Такой, цифровой, субъект имеет связь с реальным субъектом и социальными группами, однако его происхождение идеологическое. По своему назначению он несет некоторую идею, что склоняет реального субъекта к принятию именно такого, не другого решения.

Размышляя о практиках конструирования и реализации цифровой идентичности, нужно удерживать в уме черты интернета. Первая – из элитарного пространства (требование технической грамотности – знание о и владение языками программирования – к пользователям сети) с применением подхода Web 2.0 интернет стал массовым, открытым и доступным для большинства. Вторая – в этом зачастую открытом пространстве у каждого есть право голоса, что реализуется авторизированным пользователем, не анонимом. Об этом поворот в исследовании эскапистских практик Е.О. Труфановой, где интернет представлен в двух регистрах: от места, куда пользователь интернета на рубеже XX-XXI вв. желает сбежать, до пространства, откуда пользователь интернета из XXI в. стремится убежать. Третья – одновременно с тем, что интернет может стать площадкой для громкого заявления субъекта о себе, он является пространством алгоритмизированных действий.

Обозначенные черты указывают на неоднородность и многослойность пространства интернета. В определенном смысле сама сеть интернет становится новым полем для складок, порождающих дискурсы и смыслы. По этим складкам блуждают реальные социальные субъекты; в этих складках оформляются новые, цифровые, субъекты. Все они демонстрируют свой *identitas*, претендуют на свое место в контемпоральной социальной структуре. При этом нужно удерживать в уме, что человека, оформляющего свою цифровую идентичность необходимо

образовывать (на что нацелен пафос футуризации и субъективизации). Открытым остается вопрос, что делать с теми конструктами, которые цифровой идентичностью обладают, а антропологической природой нет.

Выводы по главе: в предыдущих главах было продемонстрировано то, что техника и технологии задают определенные векторы в динамике социального. Речь не идет об определении генеральной стратегии в становлении социума, но о формировании технико-технологических тенденций, корректирующих социальную ткань. Так, к примеру, в цифровую эпоху помимо субъектов и предметов реального мира, человек все чаще контактирует с предметами и субъектами из мира виртуального. Это т.н. цифровые копии или отпечатки, проекции «живого». Наиболее яркая иллюстрация этих копий – цифровые двойники, которые сегодня наиболее широко представлены в сфере высокотехнологичного производства.

Электронные технологии повсеместно внедряются в классические социальные институты, в работу, учебу, контакты с близкими, а также в практики голосования и решения социальных вопросов. Все это воздействует на социального субъекта. В условно негативном сценарии он оказывается просто не готов к высокой динамике технологических трансформаций; его ответ – «футурофобия» (И.В. Бестужев-Лада), «ступор» (К. Шваб), т.е. фактическое неприятие новых технологий и неспособность к ним адаптироваться. Данное обстоятельство актуализирует спектр образовательных стратегий, которые направлены на подготовку обучающегося к будущему (футуризация образования) и признания его субъектности.

Вместе с тем, эксплицитной является проблема статуса цифрового субъекта, двойника или цифрового следа, которые все больше автономизируются от человека. В контемпоральном контексте на этот статус автономности, фактической самостоятельности и независимости от человека все чаще претендуют интеллектуальные системы по типу нейросетей и / или чат-ботов. Это демонстрирует практическую значимость концепции цифровой идентичности агентов-нечеловеков.

Заключение

Испокон веков человека сопровождает вопрос о том, кто он. Тем не менее, социальный статус, пол и возраст, расовая принадлежность и семейное положение на протяжении многих веков позволяли человеку дать на поставленный вопрос более-менее однозначный ответ. Однако отсылки к устойчивому внешнему не закрепляют за человеком статус «раба» или «господина», связанный с самостоятельностью его самосознания. Э. Эриксон рассматривал идентичность человека в контексте возрастной психологии; американский психолог пришел к выводу о том, что однозначного ответа на вопрос об идентичности человека не существует. Сам феномен является переломным, оформляется в условиях возрастных кризисов, когда человек переходит на новую стадию своего развития, сопровождающуюся изменениями его Я. Уже в этой частной иллюстрации из возрастной психологии представлена проблема идентичности человека: в отличие от идентичностей иных предметов материального мира идентичность человека подвижна, она реализуется в напряжении и разрывах, не в обретении тождества с чем-то фундаментальным, а с ним и устойчивого покоя.

Вопрос об идентичности человека есть интегральный философский вопрос. Этот вопрос формулируется по отношению к каждому, вне зависимости от эпохи, в которой проживает Я, вне зависимости от культуры и социального круга, к которым Я принадлежит. Несмотря на то, что этот вопрос формулируется в отношении каждого, ответ на него нельзя уложить в партикулярную, индивидуальную рамку. Конкретные эпохальные черты, социальные и культурные особенности оказывают непосредственное влияние на то, как человек определяет свое Я и определяет его. Так, например, на рубеже XX-XXI вв. мы наблюдаем некоторую флюидность в отношении идентичностей по двум ключевым направлениям: гражданская – космополиты пришли на смену гражданам национальных государств (символом чего послужила композиция 1990 г. “Wind Of Change” от немецкой рок-группы “Scorpions”, написание которой по

одной из легенд было приурочено к падению Берлинской стены); гендерная, связанная с появлением и закреплением на социальных аренах трансгендеров (1990-е гг.) и небинарных персон (с 2010-х гг.). Предложенные иллюстрации не являются уникальными в исторической перспективе (за исключением трансгендеров, наличие которых предполагает высокотехнологический уровень медицинского вмешательства в телесность человека), существуют более ранние прецеденты. Тем не менее, уже представленный иллюстративный ряд демонстрирует определенное настроение перемен на рубеже веков.

С большой вероятностью именно цифра и цифровые технологии оформляют некую уникальность в контемпоральном плане идентичностей. Как минимум, мы наблюдаем то, что актуальный субъект социальных практик разделен «надвое», находится в двух режимах, онлайн и оффлайн. Вместе с тем, цифровая среда также не является уникальным примером виртуальности. Испокон веков искусство являло собой пространство вымысла и фантазий, которое посредством демиургов обретало видимые физические формы. Отсюда определенная новизна цифры в том, что она открывает путь к творению виртуальных образов всем, массе, а не отдельным избранным творцам. Вопрос здесь, тем не менее, кроется в другом, каковы механизм и результат идентификации человеком себя в условиях совмещения двух режимов, оффлайна и онлайн.

Цель данного исследования связана с обоснованием концепции цифровой идентичности. В движении по реализации поставленной цели первая глава исследования создавалась как теоретико-методологическая база, которая фундирует размышления о цифровой идентичности. Для этого был проведен историко-философский анализ по вопросам интерсубъективности и самой идентичности. По первому из названных вопросов внимание было сфокусировано на истории идей Франкфуртской школы как ведущего направления социальной критики, ставящего под вопрос идею социального субъекта. Обращение к субъекту и субъектности в социальной рамке до сих пор вызывает вопросы, среди прочего, потому что идея субъектности изначально, в истории философии, закрепились в планах онтологии (субъект как бытийная единица) и гносеологии

(как единица познающая). Проблема идентичности была проанализирована, в частности, с использованием количественных методов, с акцентуацией на частоте и контекстах использования термина. Тем не менее, в качестве ключевой была выбрана теория социального признания А. Хоннета. Согласно позиции лидера третьего поколения Франкфуртской школы, каждая социальная единица с момента своего рождения вступает в борьбу за признание; младенец со своим опекуном, гражданин со всеми за свои права и свободы, член группы со своими единомышленниками. Социальное признание не является качеством субъекта, данным ему по праву рождения. Субъект получает признание в условиях социальной борьбы, в которой формируется и утверждается его Я. Понимание идентичности социального субъекта реализуется в работе в рамке признания, в которой акцент не столько на формировании субъектом своего Я, сколько в ориентации на признании этого Я Другим и ответном признании Другого.

Интернет является примером информационно-коммуникационных технологий, одной из разновидностью новых медиа. Поэтому во второй главе исследования внимание было сосредоточено на истории медиа в контексте социальной динамики. В этом контексте М. Маклюэн выступает в качестве одного из идеологов технологического детерминизма. Он рассматривает канал коммуникации в оптике социального устройства. С появлением и распространением новых медиа культура и социум совершили революционный скачок из формата письма в формат аудиовизуального общения; концепция глобальной деревни закрепляет права масс на пользование новыми медиа, включает массу в единое культурное поле, снимая с нее (массы) т.н. ценз грамотности. Одновременно с технологическим развитием медиа происходит их проникновение в повседневные социальные практики. Медиа не выступают более однонаправленным коммуникативным каналом, презентующим пласт культурного, удаленного от Я, не доступного Я. Новые медиа функционируют в режиме тесной связи с Я, в ориентации на его желания и интересы. Так осуществляется трансформация режимов функционирования социальной памяти. Из предметного пространства она переходит в сферу цифровых образов. Т.н.

цифровизация социальной памяти оказывает влияние на формирование коллективных идентичностей в самоидентификации социального субъекта. Зачатки революционной потенции медиа были обозначены с распространением электричества и радиосвязи; апогея они достигли с экспансией интернета, в том числе, с развитием Big Data. Теме цифровых технологий в рамках четвертой волны медиатизации и четвертой промышленной революции посвящен третий параграф второй главы.

Одна из магистральных задач третьей главы исследования была связана с обоснованием перехода от субъектности к агентности в контексте актуальных социальных практик. В философии, впрочем, как и в других научных дисциплинах, принято разделение предметов материального мира на субъектов (носителей человеческой природы) и объектов (всех остальных). Подобное разделение закрепилось в эпоху Нового времени и, в первую очередь, связано с работами Р. Декарта. В этом разделении субъект противопоставлен природе; впоследствии субъект в качестве разумной единицы стал возвышаться над всем природным. Тем не менее, в условиях технических и технологических инноваций все чаще техника и технологии выходят на социальные арены. По большому счету, они перекраивают социальные пространство и время, плотно встраиваясь в социальные практики человека и трансформируя их. Все это становится темой для размышлений представителей новой научной дисциплины, Science and Technology Studies, которая акцентирует внимание на социальных последствиях научных открытий и технико-технологических трансформаций. Одновременно сторонники постфеминистских исследований в некотором роде возвращают агентность природе; их размышления выходят за рамки европоцентристской логики, возведшей человека (точнее, белого европейца) на «трон» бытия. Ключевым выводом главы стало указание на расширение и диверсификацию социальных арен; помимо человека и социальных групп в ряды социальных агентов встали природа, техника и технологии. Социальным агентом, актором или актантом выступает любая единица реального и виртуального мира (факт «происхождения» этой единицы, необходимость ее обладания человеческой природой, выносятся за

скобку), которая определяет векторы в становлении социального (как, например, проводники в социальных сетях, по Б. Латуру).

Идея социальных агентов, не являющихся носителями антропологической природы, выступила мостом к содержанию четвертой главы исследования, фабула которой строилась вокруг сюжета о цифровой идентичности. Феномены по типу цифровых субъектов, цифровых двойников, нейросети и чат-боты являются теми, кто сегодня заявляет о своей агентности; эти заявления накапливаются из отдельных выкриков и обретают систематический характер. По большому счету сам сюжет о цифровой идентичности выводит во фронтиры социальных исследований проблему социальной субъектности и демонстрирует то, что она до сих пор не разрешена. Указанная проблема связана с вопросом о том, кто творит историю, отдельная личность или народные массы. В цифровом контексте на социальной арене к этому дуэту подключаются информационные массивы, представленные как феноменом Big Data, так и любым иным цифровым феноменом. Не чистая информация обретает субъектность, но алгоритмы, за ней стоящие и ее аккумулирующие. В антропоморфистском сценарии эти алгоритмы нацелены на формирование собственного Я и отстаивании его среди множества иных социальных Я. Так алгоритмы и отдельные цифровые феномены вступают в борьбу за социальное признание наравне с иными социальными субъектами. Сегодня мы наблюдаем развитие этого антропоморфистского сценария в правовом дискурсе, когда, например, актуализируются вопросы об авторстве и вообще интеллектуальной собственности в отношении алгоритмов. Все это в нарастающей степени проблематизирует идентичность человека, в том числе, его цифровую идентичность. Феномен цифровой идентичности, тем не менее, не отрицает идентичности человека. Наоборот, цифровая идентичность создает новые платформы, на которых человек может заявить о себе, выкрикнуть свое Я, включая потенцию к сбору этих выкриков в единую генерализующую идею.

Выход цифровых агентов и цифровых субъектов на социальные арены и факт их закрепления там актуализирует перед философами проблему социальной субъектности. Возможно ли артефакты из мира техники и алгоритмы из

пространства технологии именовать субъектами? Следуя новоевропейской логике, человек является единственным рефлексивным существом, осмысляющим свое Я и проблематизирующим его; это закрепляет за человеком статус социального субъекта, открывающий (статус) перед ним потенциалы в организации социального в соответствии его желаниям. Однако в ситуации интенсификации технико-технологического развития все чаще именно прецеденты из сферы технологий заявляют о своем «Я». Правомерно ли именовать цифровые артефакты и феномены как «Я» – вопрос спорный; в числе прочего, он указывает на способность к рефлексии реплик из мира цифры (способны ли они осмыслять себя и проблематизировать свое существование). На данный момент мы оперируем недостаточным количеством данных для того, чтобы дать аргументированный ответ на этот вопрос. Тем не менее, уже сегодня мы способны выработать аргументированную позицию в отношении цифровых агентов и субъектов. Здесь традиционно происходит столкновение с двумя контрарными позициями, «за» и «против», по отношению к технике и технологиям. Ситуация усугубляется тем, что, плотно встроившись в социальную ткань, техника и технологии в некотором смысле соучаствуют в процессах социальной динамики. Отсюда несостоятельным выглядит следование за одной из позиций противопоставления. Бездумный отказ от техники и технологий не менее опасен, нежели их бездумное принятие. В сложившихся условиях, прежде чем выработать позицию по отношению к цифровым технике и технологиям, необходимо тщательно все обдумать. В направлении обдумывания мы наблюдаем потенциал социальной философии.

На поверхность социальных и философских исследований выходят эвентуальные цифровые феномены. В настоящей работе внимание было сфокусировано на цифровых субъектах и двойниках; однако ассоре примеров этим не ограничивается. За всеми ними оказываются действия машинного алгоритма, все шире утверждающего свою социальную субъектность. Таким образом, проблематика цифровой идентичности, и шире – цифровой субъектности и даже социальной субъектности, выходит из антропологической рамки. Сегодня,

чтобы адекватно оценивать социальное целое, в том числе, в его динамическом становлении, социальный философ способен перенастроить свою исследовательскую оптику с антропоцентристского на антропоморфический режим.

В свете современных постантропологических трендов, переопределяющих место антропного в мире, обостряются вопросы о человеке и социальном. Новые социально-онтологические концепции, в том числе, так называемые «плоские» онтологии, указывают на значимость иных агентов – «еще не человека», «уже не человека» и других. Исследователи постантропологической ориентации акцентируют внимание на иных формах жизни – от царства грибов до плесени, от примитивной техники до высоких технологий. Человек, по оценке, постантропологов – это только одна форма жизни из многих. Однако подобного рода обоснованное замечание все же порождает вопросы об определении человека и его онтологического и социального статусов. В свою очередь, определение статуса маловероятно является окончательной процедурой в рамках философской работы и новой (де)антропологической концептуализации. Если постантропология руководствуется спасением и сохранением жизни как таковой, то еще предстоит выяснить, какими средствами полнота жизни будет сохраняться и предусматривает ли она сохранение социального, в том варианте, в котором мы его наблюдаем сегодня. Таким образом, в рамках и за рамками постантропологии обостряется вопрос о реализации новых онтологем, акциденциях постантропологической идейной подкладки. Сформулированная проблема обозначает перспективу для будущего исследования. На данном этапе мы концентрировались на первом из двух поставленных вопросов – о переопределении социального субъекта и его месте в мире высоких технологий. Вопрос о практической реализации постантропологических онтологем (и обоснование, стоит ли в принципе внедрять новые постулаты) остается открытым.

Список литературы

1. Авдони́на, Н. С. Ценностный аспект образования в контексте формирования профессиональной идентичности будущих журналистов / Н. С. Авдони́на, Д. С. Койбина // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 212-217.
2. Адорно, Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
3. Азар, И. Филиппины навсегда. Экс-президент Филиппин Джозеф Эстрада получил пожизненный срок / И. Азар [Электронный ресурс] // Газета.Ru [Сайт]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2007/09/12_a_2151203.shtml (дата обращения: 20.06.2023).
4. Алексеев, К. А. Использование Big Data в международном бизнесе / К. А. Алексеев // Труды ИСП РАН. – 2020. – Т. 32. – № 4. – С. 7-20.
5. Аракелова, А. Р. Особенности использования аутентичных материалов в преподавании иностранного языка и формировании профессиональной идентичности студентов / А. Р. Аракелова, А. Ю. Багиян // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2019. – № 12. – С. 134-140.
6. Арндт, Х. *Vita active*, или О деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 416 с.
7. Аристотель. *Метафизика* / Аристотель. – М.: Эксмо, 2016. – 448 с.
8. Аристотель. *Никомахова этика* / Аристотель. – *Философы Греции*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. – 448 с.
9. Аристотель. *Политика* / Аристотель. *Сочинения*: В 4 т. – М.: «Мысль», 1983. – Т. 4. С. 376–644.
10. Арпентьева, М. Р. Цифровой номадизм и идентичность / М. Р. Арпентьева // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической*

WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 24-30. – DOI 10.17223/9785946216104/3.

11. Артамонов, Д. С. Исторические фейки и религиозное сознание / Д. С. Артамонов // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2020. – Т. 9. – С. 8-11.

12. Артамонов, Д. С. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75-87. – DOI 10.17976/jpps/2022.05.06.

13. Артамонова, Ю. Д. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития / Ю. Д. Артамонова, С. В. Володенков // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2021. – Вып. 2 (28). – С. 9-27. – DOI:10.23951/2312-7899-2021-2-9-27.

14. Артемов, С. Big Data: новые возможности для растущего бизнеса / С. Артемов. [Электронный ресурс] // itWeek [Сайт]. Режим доступа: <https://www.itweek.ru/upload/iblock/d05/jet-big-data.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).

15. Архангельская, И. Б. Г.М. Маклюэн и его книга "понимание средств коммуникации: продолжение человека" / И. Б. Архангельская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 228-232, с. 232.

16. Барт, Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. – М.: Гараж, Ad Marginem, 2013. – 224 с.

17. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384-391.

18. Батай, Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика / Ж Батай. – М.: Ладомир, 2016. – 568 с.

19. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

20. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Эксмо, 2017. – 640 с.
21. Белова, Н. А. Профессиональная идентичность советского учителя (часть 1) / Н. А. Белова // Вестник антропологии. – 2018. – № 4 (44). – С. 104-111.
22. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
23. Берлин, И. Философия свободы. Европа / И. Берлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
24. Богост, Я. Видеоигры – это бардак / Я. Богост // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. – С. 292–319.
25. Богост, Я. Чужая феноменология. Каково быть вещью? / Я. Богост. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 200 с.
26. Богоявленский, А. Е. Понимание медиа: внутреннее сжатие цивилизации / А. Е. Богоявленский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 84-87.
27. Бодрийяр, Ж. Ксерокс и бесконечность / Ж. Бодрийяр // Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 260 с.
28. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
29. Борисов, С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин / С. В. Борисов // Социум и власть. – 2021. – № 4 (90). – С. 38—46. – DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-38-46.
30. Борисов, С. В. Философская практика во времена пандемии (по итогам работы Международной онлайн-конференции по философской практике ICPP 2020) / С. В. Борисов // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 94—103. – DOI: 10.22394/1996-0522-2020-4-94-103.

31. Борхес, Х. Л. Вавилонская библиотека [Электронный ресурс] // Проект Российской государственной библиотеки для молодежи [Сайт]. Режим доступа: https://www.library.ru/lib/book.php?b_uid=42 (дата обращения: 13.06.2023).
32. Брайдотти, Р. Постчеловек / Р. Брайдотти. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
33. Булгаков, М. Н. Мастер и Маргарита / М. Н. Булгаков. – М.: Детская литература, 2022. – 448 с.
34. Буробина, К. Д. Сквозные цифровые технологии в образовании – технология дополненной реальности / К. Д. Буробина, Е. В. Тонких // Цифровая экономика. Новое время – новые технологии. Росинфоком-2020. Материалы VI Всероссийской научно-технической конференции. – САМАРА, 2020. – С. 45-46.
35. Бытие. Человек. Культура / О. Д. Агапов, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]; Под редакцией Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой, О.В. Шиндиной. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. – 218 с.
36. Бычкова, О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? / О. В. Бычкова // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 7-21. – DOI 10.24411/2079-0910-2020-13001.
37. Бьюкенен, П. Смерть Запада / П. Бьюкенен. – М.: АСТ, 2007. – 448 с.
38. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон. – М.: Рипол Классик, 2000. – 448 с.
39. Вагнер, А. К. Проблема формирования религиозной идентичности в пространстве межкультурной коммуникации современного общества / А. К. Вагнер, А. М. Горбунова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 33 (324). – С. 47-50.
40. Вайсман, Дж. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме / Дж. Вайсман. – М.: Дело, 2022. – 304 с.
41. Васильева, М. А. Репрезентация культурной идентичности в сети интернет: дис. ... к-та филос. наук: 24.00.01 / Васильева Марина Александровна. – С-Пб., 2017. – 175 с.

42. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – Том 4. – № 1. – 2005. – С. 94-115.
43. Вендина, О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27-39.
44. Ветушинский, А. Прочь от Земли: наука о неопознанных объектах / А. Ветушинский // Логос. – 2019. – Т. 5. – #2. – С. 229-254.
45. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда [Электронный ресурс] // TAdviser [Сайт]. Режим доступа: <https://inlnk.ru/w47gwp> (дата обращения: 17.06.2023).
46. Гегель, Г. Лекции по истории философии. Кн.1. / Г. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 584 с.
47. Гегель, Г. Лекции по философии истории / Г. Гегель. СПб.: Наука, 1993. – 950 с.
48. Гегель, Г. Работы разных лет. В двух томах. Т.1. / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1972. – 668 с. – С. 285-386.
49. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – М.: АСТ, 2021. – 494 с.
50. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. – М.: Проспект, 2022. – 256 с.
51. Гладышев, В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как важнейший фактор духовного совершенствования и духовного самоутверждения личности / В. И. Гладышев // Социум и власть. – 2018. – № 4(72). – С. 7-18.
52. Гладышев, В. И. Общение в структуре самоутверждения личности / В. И. Гладышев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 15(269). – С. 64-67.
53. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Рипол-Классик, 2021. – 503 с.
54. Головашина, О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана / О. В. Головашина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и

конфликтология. – 2018. – Т. 34, № 1. – С. 4-16. – DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.101.

55. Головашина, О. В. Объективное время: в чем преимущества реалистического подхода к исследованию социальной темпоральности? / О. В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 472. – С. 24-29. – DOI 10.17223/15617793/472/3.

56. Головашина, О. В. Эвристические возможности нового реализма / О. В. Головашина // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 9. – С. 200-211.

57. Горохов, В. Г. Введение в философию техники / В. Г. Горохов, В. М. Розин – М.: Издательский Дом "Инфра-М", 1998. – 224 с.

58. Грановеттер, М. Сила слабых связей (перевод З. В. Котельниковой) / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31-51.

59. Гужова, И. В. Цифровой нomaдизм как проект обретения экзистенциальной свободы в мире "постулируемой" идентичности / И. В. Гужова // Комплексные исследования человека: психология. Материалы VII Сибирского психологического форума, Томск, 28–29 ноября 2017 года. Том Часть 1. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 63-66.

60. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.

61. Данилов, С. И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего / С. И. Данилов // Инициативы XXI века. – 2017. – № 1-2. – С. 87-91.

62. Декарт, Р. Размышления о первой философии / Р. Декарт [Электронный ресурс] // Библиотека психологии [Сайт]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/dekar02/index.htm> (дата обращения: 18.06.2023).

63. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. – Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета, 2013. – 416 с.

64. Деланда, М. Новая онтология для социальных наук / М. Деланда // Логос. – 2017. – #3. – С. 35-56.

65. Делез, Ж. Post Scriptum к обществам контроля / Ж. Делез // Переговоры. – СПб: Наука, 2004. – 235 с.
66. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
67. Джойс, Дж. На помине Финнеганов / Дж. Джойс. – М.: Ridero, 2021. – 140 с.
68. Дыдров, А. А. Антропология инноваций / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 48. – С. 35-48. – DOI 10.17223/1998863X/48/4.
69. Дыдров, А. А. Социально-гуманитарная экспертиза цифровых технологий / А. А. Дыдров // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 14–16 сентября 2022 года / Под общей редакцией В.Ю. Ефанова. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 64-66.
70. Дыдров, А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Дыдров Артур Александрович. – Челябинск, 2021. – 354 с.
71. Ефименко, В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия "гражданская идентичность" / В. Н. Ефименко // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 250-254.
72. Ефимов, Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) / Е. Г. Ефимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2 (38). – С. 72-75.
73. Жанбосинова, А. С. Национальная стратегия Казахстана: гражданская идентичность или этническая идентичность – время выбора / А. С. Жанбосинова // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 183-200.
74. Заковоротная, М. В. Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна / М. В. Заковоротная // Ценности и смыслы. – 2016. – № 6(46). – С. 27-35.
75. Замятин, Е. И. Мы. Сочинения / Е. И. Замятин. – М.: Книга, 1988. – 386 с.

76. Зиновьева, Л. Е. К вопросу об исследовании городской культурной идентичности / Л. Е. Зиновьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 39-41.
77. Золов, В. В. Национально-государственная идентичность без государства и государство без национально-государственной идентичности / В. В. Золов // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 12 (16). – С. 7.
78. Зоркая, Н. М. Уникальное и тиражированное / Н. М. Зоркая. – М.: Искусство, 1981. – 167 с.
79. Зубова, Д. А. Феномен субъектности в пространстве современной философской рефлексии: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.01 / Зубова Дарья Алексеевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 157 с.
80. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.
81. Иванов, А. Г. "Мы и они": механизм трансляции социального мифа в медиа-среде / А. Г. Иванов // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2018. – № 6(70). – С. 17.
82. Иванов, А. Г. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа / А. Г. Иванов, И. П. Полякова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 1(33). – С. 5-15. – DOI 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15.
83. Иванов, А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего / А. Г. Иванов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 372-376. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376.
84. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. – 347 с.
85. ИИ в медицине [Электронный ресурс] // ВКонтакте [Сайт]. Режим доступа: https://m.vk.com/video-46252034_456240438?list=69f1f7cc1ed3075b14&from=wall-29559271_8221833 (дата обращения: 13.06.2023).

86. ИИ и безопасность [Электронный ресурс] // ВКонтакте [Сайт]. Режим доступа: https://m.vk.com/video-46252034_456240437?list=dab86eb2b0eb1f3d11&from=wall-29559271_8219825 (дата обращения: 13.06.2023).
87. Инишев, И. Н. Признание, амнезия и социальные патологии: Хайдеггер и социальная онтология "третьего поколения" франкфуртской школы / И. Н. Инишев // NovaInfo.Ru. – 2011. – № 6. – С. 46-51.
88. Институт философии РАН [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: https://www.youtube.com/@iph_ras (дата обращения: 15.06.2023).
89. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – М.: Эксмо-Пресс, 2019. – 256 с.
90. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: АСТ, 2021. – 784 с.
91. Касавин, И. Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. 39, № 1. – С. 5-17.
92. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
93. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
94. Касимова, Г. К. Социально-психологические проблемы развития субъектов цифрового образования / Г. К. Касимова, Г. В. Валеева, Н. Н. Сетяева, М. Р. Арпентьева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 4(91). – С. 456-466. – DOI 10.24412/1999-6241-2022-491-456-466.
95. Кириллова, Н. Б. Медиалогия / Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург : Издательство "Академический проект", 2015. – 424 с.
96. Кириллова, Н. Б. Медиалогия / Н. Б. Кириллова. – Москва-Берлин : ООО "Директмедиа Пабблишинг", 2018. – 421 с.
97. Кириллова, Н. Б. Медиалогия как синтез наук : Монография / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический проект, 2013. – 368 с.

98. Кириллова, Н. Б. Медиалогия. Наука глобализированного мира / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический Проект, 2022. – 424 с. (Университетский учебник).
99. Китайгородский, М. Д. Современные индустриальные цифровые технологии в подготовке учителя технологии / М. Д. Китайгородский // Школа будущего. – 2019. – № 5. – С. 116-121.
100. Клименко, Н. С. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России / Н. С. Клименко, А. В. Зберовский // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 39. – С. 49-53.
101. Климов, А. А. Цифровые технологии, навыки, инженерное образование для транспортной отрасли и технологии образования / А. А. Климов, В. П. Куприяновский, И. А. Соколов, Е. Ю. Заречкин, Ю. В. Куприяновская // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – Т. 7. – № 10. – С. 98-127.
102. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля / А. В. Кожев. – СПб.: Наука, 2003. – 792 с.
103. Кожуховский, П. С. Концепция трех измерений Акселя Хоннета / П. С. Кожуховский // Философская мысль. – 2016. – № 2. – С. 91-104. – DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17717.
104. Кожуховский, П. С. Тед Флеминг "Признание в работе Акселя Хоннета: Значение теории трансформационного обучения." (Перевод) / П. С. Кожуховский // Философская мысль. – 2016. – № 1. – С. 96–110. – DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17371.
105. Колесниченко, В. Л. Оракул электронного века / В. Л. Колесниченко // Медиаобразование. – 2006. – № 1. – С. 46-49.
106. Колянов, А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы / А. Ю. Колянов // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 62-72.

107. Конкурсы Института философии РАН [Электронный ресурс] // Институт философии РАН [Сайт]. Режим доступа: <https://iphras.ru/page18921100.htm> (дата обращения: 12.06.2023).
108. Конституция Российской Федерации. Статья 21. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2023).
109. Конт, О. Дух позитивной философии / О. Конт. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 80 с.
110. Конт, О. Курс позитивной философии / О. Конт // Антология мировой философии. – Т.3. – М.: Наука, 1971. – 166 с.
111. Копанева, В. А. Кризис признания в условиях социальной изоляции / В. А. Копанева // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 89-94. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11.
112. Копанева, В. А. Роль герменевтики в механизме социального признания / В. А. Копанева // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 15-20. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.4.2.
113. Корецкая, М. А. Медиакратия и публичность: трансформации в сетевой среде / М. А. Корецкая // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 3-4. – С. 80-85.
114. Корецкая, М. А. Признание и негативность: полемика вокруг диалектики господина и раба / М. А. Корецкая // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 115-126.
115. Корецкая, М. А. Уклонение от власти как стратегия философской заботы о себе: обоснование и критика / М. А. Корецкая // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7, № 6А. – С. 67-75.
116. Косенчук, Л. Ф. Персональная идентичность в условиях сетевой культуры: философско-антропологический анализ: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.13 / Косенчук Людмила Федоровна. – Ростов-на-Дону, 2014. – 166 с.
117. Косыхин, В. Г. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий / В. Г. Косыхин, С. В. Тихонова // Вестник

- Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 106–118. – doi: 10.17223/1998863X/71/11.
118. Красильникова, М. Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах / М. Н. Красильникова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. – 2021. – № 4. – С. 70-82. – DOI 10.28995/2658-4158-2021-4-70-82.
119. Кукарцева, М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог / М. А. Кукарцева // *Социологические исследования*. – 2014. – № 4(360). – С. 38-45.
120. Курцвейл, Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов / Р. Курцвейл. – М.: ЛитРес, 2018. – 448 с.
121. Латур, Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латур // *Логос*. – 2017. – 27 (2 (117)). – С. 95-156.
122. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
123. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.
124. Лем, С. Путешествие шестое, или Как Трурль и Клапауций Демона Второго Рода создали, дабы разбойника Мордона одолеть / С. Лем // *Семь путешествий Трурля и Клапауция*. Книга 8. – М.: Зарубежная фантастика, 1967. – 192 с.
125. Лемпий, А. О. Я сам и мой гаджет: к вопросу о влиянии персональной техники на идентичность личности / А. О. Лемпий // *Ideas. Philosophical Journal*. – 2014. – № 2. – С. 24-29.
126. Леонтьев, Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека / Д. А. Леонтьев // *Философские науки*. – 2009. – № 10. – С. 5-10.
127. Летов, Е. В. Сетевая идентичность в контексте культурных процессов информационного общества: дис. ... к-та филос. наук: 24.00.01 / Летов Евгений Владимирович. – М., 2014. – 140 с.

128. Лещев, С. В. Коммуникативное - следовательно, коммуникационное / С. В. Лещев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2002. – № 3. – С. 14-27.
129. Линченко, А. А. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса / А. А. Линченко, В. Н. Сыров, О. В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 79-85. – DOI 10.17223/15617793/419/10.
130. Лисенкова, А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху / А. А. Лисенкова // Вопросы философии. – 2020. – Т. № 3. – С. 65–74.
131. Лисенкова, А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве / А. А. Лисенкова. – Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2021. – 286 с.
132. Лисенкова, А. А. Цифровой сторителлинг и микронарративы – новые формы репрезентации персонального опыта и коллективного творчества / А. А. Лисенкова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 45-52. – DOI 10.5922/2225-5346-2021-2-3.
133. Ломако, О. М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ / О. М. Ломако // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 66-73. – DOI 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73.
134. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191-199.
135. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – С-Пб.: Издание Русской книжной торговли, 1869. – 448 с.
136. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект, 2018. – 432 с.
137. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Кусково поле, 2019. – 464 с.
138. Маленко, С. А. Возвышенная жертвенность или тотальная месть: образы науки и ученого в американском фильме ужасов / С. А. Маленко, А. Г. Некита //

Философия науки и техники. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 131-143. – DOI 10.21146/2413-9084-2021-26-1-131-143.

139. Малков, С. М. Б.Г. Юдин и отечественная традиция междисциплинарных исследований / С. М. Малков // Человек. – 2019. – Т. – № 5. – С. 67-83.

140. Марк Аврелий. Размышления / Марк Аврелий. – М.: Азбука, 2022. – 192 с.

141. Марков, А. В. Медиалогия локальной идентичности: Маршалл Маклюэн и Олжас Сулейменов / А. В. Марков // Labyrinth. Теории и практики культуры. – 2020. – № 4. – С. 16-22.

142. Марков, Б. В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы / Б. В. Марков // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 79–90. – <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108>.

143. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: АСТ, 2023. – 224 с.

144. Мартынов, К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа / К. Мартынов // Логос. – 2015. – Т. 25. – № 2(104). – С. 1-11.

145. Медиатизация реальности [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 14.06.2023).

146. Михнев, И. П. Цифровые технологии Big Data в современном высшем образовании: технологии поиска и обработки неструктурированной информации / И. П. Михнев // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации. Материалы Семнадцатой открытой Всероссийской конференции. Ответственный редактор А. В. Альминдеров. – 2019. – С. 326-329.

147. Мичурина, З. В. Идея духовной идентичности России в философии В.С. Соловьева / З. В. Мичурина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 1 (50). – С. 165-170.

148. Мичурина, З. В. Проблема духовной идентичности России в трудах П.Я. Чаадаева и Н.Я. Данилевского / З. В. Мичурина // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 65-68.
149. Мичурина, З. В. Феномен национально-духовной самобытности в русской и немецкой классической философии / З. В. Мичурина // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8 (64). – С. 34-37.
150. Мозжилин, С. И. Рефлексия понятий "дух" и "я" в неклассической философии / С. И. Мозжилин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 51-57. – DOI 10.18500/1819-7671-2018-18-1-51-57.
151. Мозжилин, С. И. Трансцендентальный субъект, дух и самосознание: от И. Канта к К. Г. Юнгу / С. И. Мозжилин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 154-158. – DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-2-154-158.
152. Молчанов, В. И. Предпосылки "эпохе" и нейтрализация опыта: термины и проблемы / В. И. Молчанов // Вопросы философии. – 2022. – № 2. – С. 146-157. – DOI 10.21146/0042-8744-2022-2-146-157.
153. Моторина, Л. Е. Философская антропология : учеб. пособие / Л. Е. Моторина. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 236 с.
154. Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021 [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE&t=2587s> (дата обращения: 21.06.2023).
155. Некита, А. Г. Сквозь "Мглу" к "Самости": американский фильм ужасов в стратегиях визуальной стратификации общества потребления / А. Г. Некита, Е. П. Сулова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 2(35). – С. 263-268. – DOI 10.34680/2411-7951.2021.2(35).263-268.
156. Некита, А. Г. Ужасы моделей биополитической социализации в голливудских экранизациях антиутопического проекта О.Хаксли / А. Г. Некита, Е.

- П. Сулова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 6(31). – С. 28. – DOI 10.34680/2411-7951.2020.6(31).28.
157. Ним, Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров / Е. Г. Ним // Социологический журнал. – 2017. – №3. – С. 8-25.
158. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше. – М.: Пальмира, 2017. – 206 с.
159. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Издательство Aegitas, 2016. – 352 с.
160. Новек, Б. С. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее / Б. С. Новек. – М.: Интеллектуальная Литература, 2012. – 296 с.
161. Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, А. В. Иванов, О. Ф. Филимонова [и др.]. – Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2009. – 240 с.
162. Общество: пространство, риски, ценности : монография / В. Б. Устьянцев, И. А. Гобозов, К. С. Пигров [и др.] ; под редакцией доктора философских наук профессора А. Н. Чумакова. Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2012. – 268 с.
163. Онтологическое и социальное: грани взаимодействия / В. Г. Косыхин, Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф [и др.]. – Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2021. – 162 с. – DOI 10.51908/9785604665817.
164. Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. – М.: V-A-C press, 2018. – 336 с.
165. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.
166. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М.: Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2020. – 448 с.

167. Павлов, А. В. Капиталоцен: проблемное будущее капитализма / А. В. Павлов // Вопросы философии. – 2020. – № 8. – С. 32-42. – DOI 10.21146/0042-8744-2020-8-32-42.
168. Павлов, А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма / А. В. Павлов // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 27–35.
169. Павлов, А. В. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа / А. В. Павлов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 360 с. – (Исследования культуры).
170. Павлов, А. В. Престижное удовольствие: Социально-философские интерпретации «сериального взрыва» / А. В. Павлов. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пан- глосс», 2019. – 350 с.
171. Павлов, А. В. Социальная теория: постмодернистский поворот – модернистский разворот / А. В. Павлов // Общественные науки и современность. – 2018. – № 5. – С. 158-170. – DOI 10.31857/S086904990000393-4.
172. Пандемия COVID-19 [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_COVID-19 (дата обращения: 14.06.2023).
173. Петрова, Р. Г. Кризис профессиональной идентичности у молодых врачей / Р. Г. Петрова // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 2 (21). – С. 77-82.
174. Писарев, А. А. STS и возможное будущее музея науки: к новой кунсткамере / А. А. Писарев // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – № 4(30). – С. 131-185. – DOI 10.23951/2312-7899-2021-4-131-185.
175. Писарев, А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка / А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко // Логос. – 2017. – 27 (1 (117)). – С. 1-41.
176. Пичугина, О. А. Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа / О. А. Пичугина // Вестник РГГУ. Серия: Политология.

История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1(102). – С. 268-276.

177. Платон. Апология Сократа / Платон. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. 38 с.

178. Платон. Миф о пещере / Платон // Государство. – М.: АСТ, 2022. – 398 с.

179. Платон. Федр / Платон. – М.: ЛитРес, 2017. 340 с.

180. Платонова, С. И. Большие данные и социальный контроль в повседневной жизни / С. И. Платонова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 32, № 3. – С. 228-234. – DOI 10.35634/2412-9550-2022-32-3-228-234.

181. Платонова, С. И. Социальные знания и социальные изменения в контексте больших данных / С. И. Платонова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 4. – С. 160-168. – DOI 10.25198/2077-7175-2022-4-160.

182. Платонова, С. И. Социальная идентичность в цифровом обществе: философское осмысление / С. И. Платонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 4-13.

183. Плешакова, А. Ю. Формирование профессиональной идентичности в европейских образовательных системах (к проблеме заимствования опыта) / А. Ю. Плешакова, Г. М. Романцев // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. Материалы 23-й Международной научно-практической конференции. Под научной редакцией Е.М. Дорожкина, В.А. Федорова. – 2018. – С. 652-657.

184. Плотичкина, Н. В. Сельская идентичность как "идентичность с местом" / Н. В. Плотичкина // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2019. – № 34. – С. 34-38.

185. Полякова, О. О. Особенности профессиональной идентичности современных студентов / О. О. Полякова, М. П. Лушкина // Вестник Мордовского университета. – 2011. – № 2. – С. 69-73.

186. Попов, Е. А. Пределы человеческого страдания и его субъектность / Е. А. Попов // Человек. – 2022. – Т. 33, № 5. – С. 7-25. – DOI 10.31857/S023620070022789-4.
187. Примаков, В. Л. Медиатизация и ее социальные последствия / В. Л. Примаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – №1 (838). – С. 222-240.
188. Примаков, В. Л. Медиатизация как теоретический концепт / В. Л. Примаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – №3 (836). – С. 221-238.
189. Райков, А. Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта / А. Н. Райков // Философские науки. – 2022. – Т. 65, № 1. – С. 72-90.
190. Рассказова, Е. И. Идентичность как самотождественность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 / Е. И. Рассказова, А. Ш. Тхостов, В. А. Емелин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – № 4. – С. 13-18.
191. Рассказова, Е. И. Идентичность как самотождественность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 2 / Е. И. Рассказова, А. Ш. Тхостов, В. А. Емелин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2015. – Т. 8. – № 1. – С. 5-16.
192. Рекламный ролик 1984. [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/1984_\(%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/1984_(%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA)) (дата обращения: 13.06.2023).
193. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
194. Рикёр, П. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикёр. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 224 с.

195. Рикёр, П. Я сам как другой / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
196. Рожков, В. П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания / В. П. Рожков. – Саратов : Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 1998. – 244 с.
197. Розин, В. М. Философия техники (лекция) // Личность. Культура. Общество. – 2004. – 6 (3). – С. 184-208.
198. Рягузова, Е. В. Номо Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 320-325. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325.
199. Рязанов, А. В. Российский социум: динамика трансформаций / А. В. Рязанов. – Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2020. – 218 с.
200. Семенов, Н. Все о социальных сетях / Н. Семенов [Электронный ресурс] // Secl Group [Сайт]. Режим доступа: <https://seclgroup.ru/vse-o-soczialnyh-setyah-vliyanie-na-cheloveka-chast-1/> (дата обращения: 21.06.2023).
201. Серр, М. Девочка с пальчик / М. Серр. – М.: Ad Marginem, 2016. – 72 с.
202. Силва, Ж. К. де С., Араужу Нето, Ж. А. К. Аксель Хоннет и теория узнавания: Подход к формированию социальных конфликтов / Ж. К. де С. Силва, Ж. А. К. Араужу Нето. – Scientia Scripta, 2021. – 72 с.
203. Соломко, Д. В. Экогуманистика как вид научного знания и методология понимания специфики отношения «человек — технико-технологизированный мир» / Д. В. Соломко // Социум и власть. – 2022. – № 1 (91). – С. 15—25. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-15-25.
204. Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамакова [и др.]. – Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 254 с. – (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»).
205. Союз науки и гуманизма / А. А. Аргамакова, И. Т. Касавин, А. О. Костина [и др.]. – Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество

истории и философии науки», 2021. – 178 с. (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»).

206. Старший инженер-программист Google Блейк Лемуан заявил, что чат-бот LaMDA – "Языковая модель для диалоговых приложений" – обладает разумом [Электронный ресурс] // BBC [Сайт]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-61775714> (дата обращения: 17.06.2023).

207. Стычкова, В. И. Профессиональная идентичность как фактор формирования профессиональной мобильности / В. И. Стычкова, М. Г. Резниченко // Инженерное образование. – 2016. – № 20. – С. 248-251.

208. Сыпачева, Т. А. Идентичность как субстанциальная основа формирования религиозного сознания / Т. А. Сыпачева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 33 (324). – С. 42-46.

209. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – М.: Академический Проект, 2011. – 304 с.

210. Тихонов, О. В. Трансформация феномена идентичности в пространстве сети интернет: дис. ... к-та филос. наук: 09.00.11 / Тихонов Олег Викторович. – Казань, 2013. – 185 с.

211. Тихонова, С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 473-479. – DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479.

212. Тихонова, С. В. Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов. – СПб.: Алетейя, 2021. – 264 с.

213. Тихонова, С. В. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2021. – N 63. – С. 43-52.

214. Тихонова, С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти / С. В. Тихонова // Galactica

- Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 84-101. – DOI 10.46539/gmd.v4i2.262.
215. Тихонова, С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интерсубъективистской интерпретации А. Хоннета / С. В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1(150). – С. 54-60. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60.
216. Тихонова, С. В. Философский манифест в цифровую эпоху / С. В. Тихонова // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем. Материалы Всероссийской научной конференции, Феодосия, 17–19 сентября 2021 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 67-69.
217. Тойнби, А. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии / А. Тойнби. – М., 1898. – 340 с.
218. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 570 с.
219. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: Издательство АСТ, 2002. – 557 с.
220. Трубина, Е. Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Трубина Елена Германовна. – Екатеринбург, 1996. – 400 с.
221. Труфанова, Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ / Е. О. Труфанова // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 14-38. – DOI 10.46539/gmd.v3i1.130.
222. Труфанова, Е. О. Субъект в мире социальных конструкций / Е. О. Труфанова // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 24-36.
223. Труфанова, Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Труфанова Елена Олеговна. – Москва, 2018. – 259 с.
224. Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13-22.

225. Труфанова, Е. О. Эскапизм: между природой и культурой / Е. О. Труфанова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 1. – С. 125-134. – DOI 10.37482/2287-1505-V081.
226. Тульчинский, Г. Л. 3.3. Цифровая медиализация образования и гуманитарная экспертиза // О распределенности: практики и концепты : Коллективная монография / Под редакцией Е.В. Малышкина. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2020. – С. 256-277.
227. Тульчинский, Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 76-88.
228. Урсул, А. Д., Урсул Т.А. Векторы достижения устойчивого будущего / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул // Философские науки. – 2017. – (7). – С. 139-149.
229. Устьянцев, В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты / В. Б. Устьянцев. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2006. – 184 с.
230. Устюжанина, Д. А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве / Д. А. Устюжанина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 2. – С. 204-218.
231. Фадеева, О. А. Дискурс профессионального знания: профессиональное становление и формирование профессиональной идентичности будущего специалиста / О. А. Фадеева // Высшее образование сегодня. – 2016. – № 4. – С. 2-5.
232. Фихте, И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / И. Г. Фихте. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 784 с.
233. Феррандо, Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.

234. Флоренский, П. А. Сочинения. Т. 3. / П. А. Флоренский. – М.: Мысль, 1999. – 621 с.
235. Фортунатов, А. Н. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 / А. Н. Фортунатов, Н. Г. Воскресенская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 276–285. – <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>.
236. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. – М.: «Эксмо», 2023. – 160 с.
237. Фролова, С. М. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление / С. М. Фролова, Е. В. Листвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 408-412. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412.
238. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 416 с.
239. Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / М. Фуко. – М.: Издательство "Грунт", 1998. – 288 с.
240. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96-122.
241. Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
242. Фукуяма, Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М.: Альпина, 2019. – 256 с.
243. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма – М., 2004. – 349 с.
244. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – С-Пб.: Наука, 2001. – 382 с.
245. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия, том второй: жизненный мир и система: критика функционалистского разума / Ю. Хабермас. – М.: Маяк Пресс. 1987. – 880 с.
246. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.

247. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
248. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Проблема объекта в современной науке. – М.: Наука, 1980.
249. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер [Электронный ресурс] // Моноклер [Сайт]. Режим доступа: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/> (дата обращения: 13.06.2023).
250. Хайдеггер, М. Язык / М. Хайдеггер. – С-Пб.: Философско-культурологическая исследовательская лаборатория "ЭЙДОС", 1991. – 20 с.
251. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли. – М.: АСТ, 2020. – 352 с.
252. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
253. Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Д. Харауэй. – М.: AdMarginem, 2017. – 128 с.
254. Хейзинга, Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, Традиция, 1997. – 416 с.
255. Хепп, А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» / А. Хепп // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 38(2). – С. 98–123. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-98-123>.
256. Хоннет, А. Идея социализма. Попытка актуализации / А. Хоннет. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 160 с.
257. Хоннет, А. Мораль в "Капитале". Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии / А. Хоннет // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 45-61. – DOI 10.30727/0235-1188-2018-45-61.
258. Хоннет, А. Невидимость: об эпистемологии признания / А. Хоннет // Versus. – 2021. – 1(1). – С. 194-213.
259. Хофизов, С. А. Оценка коммуникаций будущего: от 5G до 6G / С. А. Хофизов, Ю. М. Долбич // Экономика и качество систем связи. – 2022. – № 2 (24). – С. 24-31.

260. Храпов, С. А. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства / С. А. Храпов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 2(60). – С. 69-74. – DOI 10.26456/vtphilos/2022.2.069.
261. Храпов, С. А. Феномен памяти в условиях цифровизации образования: создание модульной системы безопасности цифровой образовательной среды / С. А. Храпов, Л. В. Баева // Вопросы философии. – 2023. – № 5. – С. 61-69. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-5-61-69.
262. Храпов, С. А. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты / С. А. Храпов, Л. В. Баева // Вопросы философии. – 2022. – № 4. – С. 16-24. – DOI 10.21146/0042-8744-2022-4-16-24.
263. Хьярвард, С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве / С. Хьярвард // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 38(2). – С. 41–75. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.
264. Цифровые гуманитарные науки : хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 353 с.
265. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон. – М.: Наука, 1985. – 384 с.
266. Чернавин, Ю. А. Единство традиций и новаций в современном российском образовании / Ю. А. Чернавин // Педагогическое образование и наука. – 2023. – № 3. – С. 13-18. – DOI 10.56163/2072-2524-2023-3-13-19.
267. Чернавин, Ю. А. Культура общества знаний как основа цифровой трансформации образования / Ю. А. Чернавин // Человеческий капитал. – 2022. – № 5-2(161). – С. 68-73.
268. Чернавин, Ю. А. Социализация молодежи в цифровом обществе: особенности, результаты, перспективы / Ю. А. Чернавин // Человеческий капитал. – 2021. – № S5-3(149). – С. 199-207.

269. Чернавин, Ю. А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления / Ю. А. Чернавин // Человеческий капитал. – 2022. – № 12-2(168). – С. 74-78.
270. Чернавин, Ю. А. Человек в пространстве цифровой культуры / Ю. А. Чернавин, Г. В. Барина // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 29-39. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-4-29-39.
271. Шавиро, С. Вселенная вещей / С. Шавиро // Логос. – 2017. – Т. 3. – #2. – С. 127-152.
272. Шакурова, М. В. Российская идентичность как личностный результат: опыт размышления / М. В. Шакурова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7 (82). – С. 23-26.
273. Шачин, С. В. К проблеме общественного устройства в эпоху ноономики: опыт синтеза политэкономического подхода С. Бодрунова и социально - философского подхода А. Хоннета и Ю. Хабермаса / С. В. Шачин // Вопросы политической экономики. – 2022. – № 1. – С. 121-134. – DOI 10.5281/zenodo.6525577.
274. Шачин, С. В. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета / С. В. Шачин, А. Ю. Шачина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – Т. 25, № 1. – С. 52-69. – DOI 10.31119/jssa.2022.25.1.2.
275. Шачин, С. В. Франкфуртская школа и школа постсоветского критического марксизма: Опыт осмысления всемирного кризиса / С. В. Шачин, А. Ю. Шачина. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2021. – 342 с. – DOI 10.12731/978-5-907208-70-4.
276. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
277. Шляков, А. В. Феномен номадизма в культуре постмодерна: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Шляков Алексей Владимирович. – Тюмень, 2019. – 328 с.
278. Шляков, А. В. Феномен номадизма в российской действительности / А. В. Шляков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 4 (438). – С. 53-59.

279. Шумилова, А. А. Исследование цифрового номадизма: обзор проблематики зарубежных научных статей / А. А. Шумилова, Г. А. Окушова // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 300-305. – DOI 10.17223/9785946216104/47.
280. Эко, У. Имя розы. / У. Эко. – М.: Corpus, 2022. – 480 с.
281. Эко, У. Не надейтесь избавиться от книг! / У. Эко, Ж.-К. Карьер. – М.: Симпозиум, 2010. – 336 с.
282. Эпиктет. Энхиридион. Краткое руководство к нравственной жизни / Эпиктет. – СПб.: «Владимир Даль», 2012. – 399 с.
283. Эрикссон, Э. Детство и общество / Э. Эрикссон. – С-Пб.: Питер, 2019. – 448 с.
284. Юдин, Б. Г. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта / Б. Г. Юдин, В. А. Луков. – М.: Московский гуманитарный университет, 2006. – 38 с.
285. Юдин, Б. Г. Редактирование человека / Б. Г. Юдин // Человек. – 2019. – Т. – № 3. – С. 5-19.
286. Юдковский, Э. Вглядываясь в сингулярность / Э. Юдковский. [Электронный ресурс] // Российское Трансгуманистическое Движение [Сайт]. Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/560/144/> (дата обращения: 17.06.2023).
287. Юнг, К. Феномен самости / К. Юнг. – М.: «АСТ», 2020. – 224 с.
288. Abramovici, M. Reconfiguration of smart products during their use phase based on virtual product twins / M. Abramovici, J. C. Göbel, P. Savarino // CIRP Ann. – 2017. – Vol. 66. – Pp. 165-168.
289. Adorjan, K. A cross-sectional survey of internet use among university students / K. Adorjan, S. Langgartner, M. Maywald, S. Karch, O. Pogarell // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience – 2021. – Vol. 271. – No. 5. – Pp. 975-986.

290. Agre, P. Surveillance and capture: Two models of privacy / P. Agre // *The Information Society*. – 1994. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 101-27.
291. Alberts, G. Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly / G. Alberts, M. Went, R. Jansma // *Internet Histories*. – 2017. – Vol. 1. – No. 1-2. – Pp. 146-159. – DOI: 10.1080/24701475.2017.1309852.
292. Al-khateeb, S. Flash mob: a multidisciplinary review / S. Al-khateeb, N. Agarwal // *Social Network Analysis and Mining*. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – DOI: 10.1007/s13278-021-00810-7.
293. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses / L. Althusser // *Lenin and Philosophy*. – London: New Left Books, 1971. – Pp. 127–186.
294. Anderson, J. “Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition” / J. Anderson // *Axel Honneth: Critical Essays*, ed. Danielle Petherbridge. – Leiden: Brill Academic Publishers, 2011. – Pp. 31-58.
295. Anderson, J. Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice in Autonomy and the Challenges to Liberalism / J. Anderson, A. Honneth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Iss. 1. – Pp. 127-149.
296. Apel, K.-O. Understanding and Explanation: A Transcendental-Pragmatic Perspective (Studies in Contemporary German Social Thought) / K.-O. Apel. – Cambridge: The MIT Press, 1984. – 317 p.
297. Arfini, S. Online Identity Crisis Identity Issues in Online Communities / S. Arfini, L. Botta Parandera, C. Gazzaniga, N. Maggioni, A. Tacchino // *Minds and Machines*. – 2020. – DOI: 10.1007/s11023-020-09542-7.
298. Asp, K. Måktiga massmedier. Studier i politisk opinionsbildning (Powerful mass media. Studies of political opinion formation) / K. Asp. – Stockholm: Akademilitteratur, 1986. – 269 p.
299. Asp, K. Mediatization: rethinking the question of media power. / K. Asp. // *Mediatization of Communication*. – Berlin: De Gruyter, 2014. – Pp. 349–374.

300. Averbek-Lietz, S. Understanding mediatization in first modernity: sociological classics and their perspectives on mediated and mediatized societies / S. Averbek-Lietz // *Mediatization of Communication*. – Berlin: De Gruyter, 2014. – Pp. 109–130.
301. Baruffaldi, G. Warehouse management system customization and information availability in 3pl companies: A decision-support tool / G. Baruffaldi, R. Accorsi, R. Manzini // *Industrial Management & Data Systems*. – 2019. – Vol. 119. – No. 2. – Pp. 251-273. – <https://doi.org/10.1108/IMDS-01-2018-0033>.
302. Bauman, Z. *Liquid Life* / Z. Bauman. – New York: Wiley, 2005. – 172 p.
303. Bauman, Z. *Liquid Modernity* / Z. Bauman. – New York: Wiley, 2000. – 250 p.
304. Bauman, Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty* / Z. Bauman. – New York: Wiley, 2007. – 196 p.
305. Baxter, D. L. M. Temporary and Contingent Instantiation as Partial Identity / D. L. M. Baxter // *International Journal of Philosophical Studies*. – 2018. – Vol. 26. – No. 5. – Pp. 763-780.
306. Baylis, F. Neuroethics and identity / F. Baylis // *Handbook of Neuroethics*. – Amsterdam: Springer Netherlands, 2015. – Pp. 367-372.
307. Beduschi, A. Digital identity: Contemporary challenges for data protection, privacy and non-discrimination rights / A. Beduschi // *Big Data and Society*. – New York: SAGE Publications Ltd, 2019. – <https://doi.org/10.1177/2053951719855091>.
308. Berger, P. L. *The Social Construction of Reality : A Treatise in the Sociology of Knowledge* / P. L. Berger, T. Luckmann. – London: Penguin Books, 1991. – 323 p.
309. Biesta, G. *Against learning. Reclaiming a language for education in an age of learning. The language of education* / G. Biesta // *Beyond Learning Democratic Education for a Human Future*. – N-Y.: Routledge, 2004. – 176 p.
310. Biesta, G. *Good education in an age of measurement: Ethics, politics, democracy* / G. Biesta. – London: Routledge, 2010. – 158 p.
311. Biesta, G. *Interrupting the politics of learning in Contemporary Theories of Learning* / G. Biesta // *Contemporary Theories of Learning: Learning Theorists*. – London: Routledge, 2018. – 276 p.

312. Biesta, G. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited / G. Biesta // *Educ Theory*. – 2020. – Vol. 70. – No. 1. – Pp. 89–104. – DOI: 10.1111/edth.12411.
313. Biesta, G. What constitutes the good of education? / G. Biesta // *Reflections on the possibility of educational critique, Educational Philosophy and Theory*. – 2020. – Vol. 52. – No. 10. – Pp. 1023-1027. – DOI: 10.1080/00131857.2020.1723468.
314. Bijker, W. *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* / W. Bijker. – Cambridge, MA; L.: MIT Press, 1987. – 470 p.
315. Blackman, L. Creating Subjectivities / L. Blackman, J. Cromby, D. Hook, D. Papadopoulos, V. Walkerdine // *Subjectivity*. – 2008. – Vol. 22. – No. 1. – Pp. 1–27. – <https://doi.org/10.1057/sub.2008.8>.
316. Borchert, J. *Claus Offe and the Critical Theory of the Capitalist State* / J. Borchert, S. Lessenich. – New York: Routledge, 2016. – 176 p.
317. Boulle, P. *Le parfait robot* / P. Boulle [Электронный ресурс] // JSTOR [Сайт]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/44204149> (дата обращения: 18.06.2023).
318. Bower, M. Developing open intersubjectivity: On the interpersonal shaping of experience / M. Bower // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2015. – Vol. 14. – No. 3. – Pp. 455-474. doi:10.1007/s11097-014-9346-2.
319. Bowlby, J. Attachment and loss: Retrospect and prospect / J. Bowlby // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 1982. – Vol. 52. – No. 4. – Pp. 664-678. – doi:10.1111/j.1939-0025.1982.tb01456.x.
320. Bowlby, J. The making and breaking of affectional bonds. I. aetiology and psychopathology in the light of attachment theory. an expanded version of the fiftieth maudsley lecture, delivered before the royal college of psychiatrists, 19 november 1976 / J. Bowlby // *British Journal of Psychiatry*. – 1977. – Vol. 130. – No. 3. – Pp. 201-210. – doi:10.1192/bjp.130.3.201.
321. Bowlby, J. The nature of the child's tie to his mother / J. Bowlby // *The International Journal of Psycho-Analysis*. – 1958. – Vol. 39. – No. 5. – Pp. 350-373.

322. Braun, M. Represent me: Please! Towards an ethics of digital twins in medicine / M. Braun // *Journal of Medical Ethics*. – 2021. – Vol. 47. – No. 6. – Pp. 394–400. – <https://doi.org/10.1136/medethics-2020-106134>.
323. Brejzek, T. From social network to urban intervention: On the scenographies of flash mobs and urban swarms / T. Brejzek // *International Journal of Performance Arts and Digital Media*. – 2010. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 109-122. – DOI: 10.1386/padm.6.1.109_1.
324. Brighouse, H. Educational Goods: Values, Evidence, and Decision-Making—A Summary / H. Brighouse, H. F. Ladd, S. Loeb, A. Swift // *Journal of Philosophy of Education*. – 2020. – Vol. 54. – Pp. 1346-1348. – <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12508>.
325. Bruynseels, K. Digital Twins in HealthCare: Ethical Implications of an Emerging Engineering Paradigm / K. Bruynseels, F. Santoni de Sio, J. van den Hoven // *Front Genet*. – 2018. – Vol. 13. – Pp. 9:31. – doi: 10.3389/fgene.2018.00031.
326. Bylieva, D. Evolution Of Smart Mob: From Flash Mob To Smart City Element / D. Bylieva, V. Lobatyuk, A. Rubtsova // *Conference: RPTSS 2017 International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences Volume: European proceedings of social and behavioural sciences*. – 2018. – Vol. XXXV. – No. 35. – DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.26.
327. Calacanis, J. Web 3.0, the “official” definition / J. Calacanis. [Электронный ресурс] // JCal link dump [Сайт]. Режим доступа: <https://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения: 17.06.2023).
328. Callon, M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay / M. Callon // *Power, Action and Belief*. – London: Routledge, 1986. – Pp. 196-223.
329. Cavell, R. On the 50th Anniversary of Understanding Media / R. Cavell // *Journal of Visual Culture*. – 2014. – Vol. 13. – No. 1. – Pp. 33–35. – <https://doi.org/10.1177/1470412913509592>.

330. Chandler, D. *Digital Objects, Digital Subject* / D. Chandler, C. Fuchs. – London: University of Westminster Press, 2019. – 248 p.
331. Cheng, J. *Industrial IoT in 5G environment towards smart manufacturing* / J. Cheng, W. Chen, F. Tao, C. L. Lin // *J Ind Inf Integr.* – 2018. – Vol. 10. – Pp. 10-19.
332. Clark, J. *What are smart mobs?* / J. Clark [Электронный ресурс] // *HowStuffWorks* [Сайт]. Режим доступа: <https://people.howstuffworks.com/smart-mob.htm> (дата обращения: 20.06.2023).
333. Coelho Jr., N. E. *Patterns of intersubjectivity in the constitution of subjectivity: Dimensions of otherness* / N. E. Coelho Jr., L. C. Figueiredo // *Culture and Psychology.* – 2003. – Vol. 9. – No. 3. – Pp. 193-208. – doi:10.1177/1354067X030093002.
334. Couldry, N. *Conceptualizing mediatization: Contexts, traditions, arguments.* / N. Couldry, A. Hepp // *Communication Theory.* – 2013. – Vol. 23. – Pp. 191–202. – <https://doi.org/10.1111/comt.12019>.
335. Couldry, N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 256 p.
336. Daniel, S. J. *Education and the COVID-19 pandemic* / S. J. Daniel // *Prospects.* – 2020. – Vol. 49. – No. 1-2. – Pp. 91–96. – <https://doi.org/10.1007/s11125-020-09464-3>.
337. De Preester, H. *Subjectivity and Transcendental Illusions in the Anthropocene* / H. De Preester // *Foundations of Science.* – 2022. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 125–140. – <https://doi.org/10.1007/s10699-020-09733-6>.
338. Deng, Y. *Research on the application of artificial intelligence technology in public product design of intelligent scenic spot* / Y. Deng, S. Han, W. Fan, T. Sun // *Technology in Public Product Design of Intelligent Scenic Spot. 2020 International Conference on Intelligent Transportation, Big Data & Smart City (ICITBS).* – 2020. – Pp. 930–933. – <https://doi.org/10.1109/IaTBS49701.2020.00206>.
339. Deo, R. *Machine learning in medicine* / R. Deo // *Circulation.* – 2015. – Vol. 132. – No. 20. – Pp. 1920–1930.
340. *Digital Games Research Association* [Электронный ресурс] // *DiGRA* [Сайт]. Режим доступа: <http://www.digra.org> (дата обращения: 18.06.2023).

341. Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data. – University of Westminster Press, 2019. – 268 p. – <https://doi.org/10.16997/book29>.
342. Dwivedi, Y. K. Impact of COVID-19 pandemic on information management research and practice: Transforming education, work and life / Y. K. Dwivedi, D. L. Hughes, C. Coombs, I. Constantiou, Y. Duan, J. S. Edwards, N. Upadhyay // International Journal of Information Management. – 2020. – Vol. 55. – <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102211>.
343. Educational Goods: Values, Evidence, and Decision-Making / H. Brighouse, H. F. Ladd, S. Loeb, A. Swift. – Chicago: University Of Chicago Press, 2018. – 192 p.
344. Elias, S. A. Encyclopedia of Quaternary Science / S. A. Elias. – Amsterdam: Elsevier, 2013. – 3576 pp.
345. Ellul, J. The Technological Society / J. Ellul. – N-Y.: Vintage Books, 1964. – 503 p.
346. Fast, K. A discursive approach to mediatisation: Corporate technology discourse and the trope of media indispensability / K. Fast // Media and Communication. – 2018. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 15–28. – <https://doi.org/10.17645/mac.v6i2.1311>.
347. Figuiet, L. Le télégraphe aérien, in Les merveilles de la science / L. Figuiet. – Paris, 1868. – T. 2. – Pp. 20-68.
348. Flandoli, A. M. B. Media and digital literacy: From particularities to encounters and possibilities / A. M. B. Flandoli, J. M. C. Eguiguren // 16th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI). – IEEE. – 2021. – Pp. 1-6.
349. Fleming, T. Recognition in the work of Axel Honneth / T. Fleming // Implications for Transformative Learning Theory. – 2011. – Pp. 95-101.
350. Flew, T. The ‘Theory’ in media theory: The ‘Media-Centrism’ debate / T. Flew // Media Theory. – 2017. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 43–56.
351. Foucault, M. La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978-1979) / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 2004. – 368 p.

352. Freyenhagen, F. Honneth on Social Pathologies: A Critique / F. Freyenhagen // *Critical Horizons*. – 2015. – Vol. 16. – No. 2. – Pp. 131-152. – DOI: 10.1179/1440991715Z.00000000044.
353. Friesen, N. The mediatic turn: Exploring concepts for media pedagogy / N. Friesen, T. Hug // *Mediatization*. – New York: Peter Lang Publishing, Inc. 2009. – Pp. 63–84.
354. García-Peñalvo, F. J. Online assessment in higher education in the time of COVID-19 / F. J. García-Peñalvo, A. Corell, V. Abella-García, M. Grande // *Education in the Knowledge Society*. – 2020. – Vol. 21. – 26 p. – <https://doi.org/10.14201/eks.23013>.
355. Garg, S. K. Managing New-Onset Type 1 Diabetes During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Opportunities / S. K. Garg, D. Rodbard, I. B. Hirsch, G. P. Forlenza // *Diabetes Technology and Therapeutics*. – 2020. – Vol. 22. – No. 6. – Pp. 431–439. – <https://doi.org/10.1089/dia.2020.0161>.
356. Gavra, D. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection / D. Gavra, V. Dekalov, K. Naumenko // *Studies in Computational Intelligence*. – 2020. – Vol. 868. – Pp. 233-243.
357. Getting it Wrong: Ten of the Greatest Misreported Stories in American Journalism [Электронный ресурс] // Google Books [Сайт]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=SodvJ4EuTggC> (дата обращения: 14.06.2023).
358. Gezgin, U. An invitation to critical social science of big data: from critical theory and critical research to omniresistance / U. Gezgin // *AI and Society*. – 2020. – Vol. 35. – No. 1. – Pp. 187–195.
359. Glannon, W. Philosophical Aspects of Closed-Loop Neuroscience / W. Glannon, C. Ineichen // *Closed Loop Neuroscience*. – Amsterdam: Elsevier, 2016. – Pp. 259-270.
360. Glas, G. Person, personality, self, and identity: A philosophically informed conceptual analysis / G. Glas // *Journal of Personality Disorders*. – 2006. – Vol. 20. – No. 2. – Pp. 126-138.
361. Goriunova, O. The Digital Subject: People as Data as Persons / O. Goriunova // *Theory, Culture and Society*. – 2019. – Vol. 36. – No. 6. – Pp. 125-145.

362. Grabowska, S. Industry 5.0: improving humanization and sustainability of Industry 4.0 / S. Grabowska, S. Saniuk, B. Gajdzik // *Scientometrics*. – 2022. – Vol. 127. – No. 6. – Pp. 3117–3144. – <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04370-1>.
363. Grieves, M. Digital Twin: Manufacturing Excellence through Virtual Factory Replication / M. Grieves [Электронный ресурс] // ResearchGate [Сайт]. Режим доступа:
https://www.researchgate.net/publication/275211047_Digital_Twin_Manufacturing_Excellence_through_Virtual_Factory_Replication (дата обращения: 20.06.2023).
364. Grieves, M. Digital twin: mitigating unpredictable, undesirable emergent behavior in complex systems / M. Grieves, J. Vickers // *Transdisciplinary perspectives on complex systems*. – 2017. – Pp. 85-113.
365. Groombridge, D. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2023 / D. Groombridge [Электронный ресурс] // Gartner [Сайт]. Режим доступа:
<https://www.gartner.com/en/articles/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2023> (дата обращения: 20.06.2023).
366. Guins, R. The Present Went This-A-Way: Marshall McLuhan’s Understanding Media: The Extensions of Man @ 50 / R. Guins // *Journal of Visual Culture*. – 2014. – Vol. 13. – No. 1. – Pp. 3–12. – <https://doi.org/10.1177/1470412913509466>.
367. Gwyneth, J. *The Universe of Things* / J. Gwyneth. – Seattle: Aqueduct Press, 2010. – 296 p.
368. Hariri, R. H. Uncertainty in big data analytics: survey, opportunities, and challenges / R. H. Hariri, E. M. Fredericks, K. M. Bowers // *Journal of Big Data*. – 2019. – Vol. 6. – No. 1. – <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0206-3>.
369. Harman, G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects* / G. Harman. – Peru, IL: Open Court, 2002. – 333 p.
370. Heartography, *Photography Straight From the Heart*. [Электронный ресурс] // YouTube [Сайт]. Режим доступа: <https://youtu.be/5a6fd-wvldw> (дата обращения: 20.06.2023).

371. Hekler, E. Advancing Models and Theories for Digital Behavior Change Interventions / E. Hekler, S. Michie, M. Pavel, D. Spruijt-Metz // *American Journal of Preventive Medicine*. – 2016. – Vol. 51. – No. 5. – Pp. 825-832.
372. Helu, M. Reference architecture to integrate heterogeneous manufacturing systems for the digital thread / M. Helu, T. Hedberg, A. B. Feeney // *CIRP J Manuf Sci Technol*. – 2017. – Vol. 19. – Pp. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.cirpj.2017.04.002>.
373. Hepp, A. *Deep mediatization* / A. Hepp. – London: Routledge, 2020. – 260 p.
374. Hepp, A. Mediatization and the 'molding force' of the media / A. Hepp // *Communications*. – 2012. – Vol. 37. – No. 1. – Pp. 1–28. – doi:10.1515/commun-2012-0001. S2CID 146412840.
375. Hepp, A. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society / A. Hepp, S. Hjarvard, K. Lundby // *Media, Culture & Society*. – 2015. – Vol. 37. – No. 3. – Pp. 314–324. – doi:10.1177/0163443715573835. S2CID 21014234.
376. Hepp, A. *Mediatized Worlds – Understanding Everyday Mediatization* / A. Hepp, F. Krotz // *Mediatized Worlds*. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – https://doi.org/10.1057/9781137300355_1.
377. Hepp, A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the “mediation of everything.” / A. Hepp // *European Journal of Communication*. – 2013. – Vol. 28. – No. 6. – Pp. 615–629. – <https://doi.org/10.1177/0267323113501148>.
378. Hjarvard, S. *Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World*. / S. Hjarvard // *Nordicom Review* – 2012. – Vol. 33. – No. 1. – Pp. 27–34.
379. Hjarvard, S. *The Mediatization of Society* / S. Hjarvard // *Nordicom Review*. – 2008. – Vol. 29. – No. 2. – Pp. 102–131. – doi:10.1515/nor-2017-0181.
380. Honneth, A. “Critical Theory” / A. Honneth // *Social Theory Today*. – Cambridge: Polity Press, 1987. – Pp. 323-347.
381. Honneth, A. “You” or “We”: The limits of the second-person perspective / A. Honneth // *European Journal of Philosophy*. – 2021. – Vol. 29. – No. 3. – Pp. 581-591. doi:10.1111/ejop.12681.

382. Honneth, A. Anerkennung oder Unvernehmen? Eine Debatte, herausgegeben von Katia Genel und Jean-Philippe Deranty / A. Honneth, J. Rancière – Berlin: Suhrkamp, 2021. – 174 p.
383. Honneth, A. Anerkennung. Eine europäische Ideengeschichte / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2018. – 238 p.
384. Honneth, A. Das Andere der Gerechtigkeit. Aufsätze zur praktischen Philosophie / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2000. – 340 p.
385. Honneth, A. Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2010. – 308 p.
386. Honneth, A. Desintegration / A. Honneth. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1994. – 184 p.
387. Honneth, A. Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2015. – 168 p.
388. Honneth, A. Kampf um Anerkennung / A. Honneth. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1992. – 252 p.
389. Honneth, A. Pathologien der Vernunft. Geschichte und Gegenwart der Kritischen Theorie / A. Honneth. Frankfurt a. M.: Fischer, 2007. – 239 p.
390. Honneth, A. Reality or appearance of ethical life? Hegel's analysis of the market economy / A. Honneth // Ethics in Progress. – 2022. – Vol. 13. – No. 1. – Pp. 10-23. – doi:10.14746/eip.2022.1.2.
391. Honneth, A. Recognition across french-german divides: The social fabric of freedom in french theory / A. Honneth, M. Bankovsky // Critical Horizons. – 2021. – Vol. 22. – No. 1. – Pp. 5-28. – doi:10.1080/14409917.2021.1886668.
392. Honneth, A. Recognition, democracy and social liberty: A reply / A. Honneth // Philosophy and Social Criticism. – 2019. – Vol. 45. – No. 6. – Pp. 694-708. – doi:10.1177/0191453719843439.
393. Honneth, A. Reification: A New Look at an Old Idea / A. Honneth, J. Butler, R. Geuss, J. Lear. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 168 p.
394. Honneth, A. Reply to darwall / A. Honneth // European Journal of Philosophy. – 2021. – Vol. 29. – No. 3. – Pp. 575-580. – doi:10.1111/ejop.12679.

395. Honneth, A. *Strukturwandel der Anerkennung. Paradoxien sozialer Integration in der Gegenwart*. Campus / A. Honneth. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2013. – 303 p.
396. Honneth, A. *The I in We: Studies in the Theory of Recognition* / A. Honneth. – NY.: Polity, 2012. – 240 p.
397. Honneth, A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts* / A. Honneth. – NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. – 240 p.
398. Honneth, A. *Umverteilung oder Anerkennung?* / A. Honneth, N. Fraser. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2003. – 320 p.
399. Horkheimer, M. *Traditional and Critical Theory in Critical Theory* / M. Horkheimer. – New York: Herder and Herder, 1972. – 312 p.
400. Hrdy, S. B. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding* / S. B. Hrdy. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 432 p.
401. Huurdeman, A. A. *The Worldwide History of Telecommunications* / A. A. Huurdeman. – New York: John Wiley & Sons, 2003. – 672 p.
402. Innis, H. A. *Empire and Communications* / H. A. Innis. [Электронный ресурс] // Project Gutenberg Canada ebook #342. – 2009. [Сайт]. Режим доступа: URL: <https://gutenberg.ca/ebooks/innis-empire/innis-empire-00-h.html> (дата обращения: 14.06.2023).
403. Ishiguro, H. *Geminoid Studies: Science and Technologies for Humanlike Teleoperated Androids* / H. Ishiguro, F. D. Libera. – Berlin: Springer, 2018.
404. Javidi, B. *Three-dimensional object recognition by use of digital holography* / B. Javidi, E. Tajahuerce // *Optics Letters*. – 2000. – Vol. 25. – No. 9. – P. 610. – <https://doi.org/10.1364/ol.25.000610>.
405. Jones, D. *Characterising the Digital Twin: A systematic literature review* / D. Jones, C. Snider, A. Nassehi, J. Yon, B. Hicks // *CIRP Journal of Manufacturing Science and Technology*. – 2020. – Vol. 29. – Pp. 36–52. – <https://doi.org/10.1016/j.cirpj.2020.02.002>.
406. Jørgensen, C. R. *Invited essay: Identity and borderline personality disorder* / C. R. Jørgensen // *Journal of Personality Disorders*. – 2010. – Vol. 24. – No. 3. – Pp. 344–364.

407. Joyce, J. *Finnegans Wake* / J. Joyce. – London: Faber and Faber, 1939. – 284 p.
408. Kamel Boulos, M. N. Digital twins: From personalised medicine to precision public health / M. N. Kamel Boulos, P. Zhang // *Journal of Personalized Medicine*. MDPI AG. – 2021. – <https://doi.org/10.3390/jpm11080745>.
409. Kapp, E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik* / E. Kapp. – Braunschweig: George Westermann, 1877. – 368 p.
410. Kasavin, I. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies / I. Kasavin, L. Shipovalova // *Philosophy of the Social Sciences*. – 2022. – DOI 10.1177/00483931221081020.
411. Katz, R. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? / R. Katz, E. Katz // *Canadian Journal of Communication*. – 1998. – Vol. 23. – No. 3. – Pp. 307-319.
412. Kho, S. N. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? / S. N. Kho, P. K. Chang L. A. Abdul // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 155. – Pp. 362-367. – <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.306>.
413. Kim, T. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind / T. Kim, D. S. Kim // *Science China Mathematics*. – 2019. – Vol. 62. – No. 5. – Pp. 999-1028.
414. Kirillova, N. B. Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells / N. B. Kirillova // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – Vol. 4. – No 4. – Pp. 295-308. – DOI 10.46539/gmd.v4i4.275.
415. Kononenko, I. Machine learning for medical diagnosis: History, state of the art and perspective / I. Kononenko // *Artificial Intelligence in Medicine*. – 2001. – Vol. 23. – No. 1. – Pp. 89–109.
416. Krasmann, S. Imagining Foucault. On the digital subject and “visual citizenship” / S. Krasmann // *Foucault Studies*. – 2017. – Vol. 23. – Pp. 10-26. – <https://doi.org/10.22439/fs.v0i0.5339>.
417. Kritzinger, W. Digital twin in manufacturing: a categorical literature review and classification / W. Kritzinger, M. Karner, G. Traar, J. Henjes, W. Sihn // *IFAC-*

PapersOnLine. – 2018. – Vol. 51. – Pp. 1016–1022. – <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.08.474>.

418. Krivý, M. Towards a critique of cybernetic urbanism: The smart city and the society of control / M. Krivý // *Planning Theory*. – 2018. – Vol. 17. – No. 1. – Pp. 8–30. – <https://doi.org/10.1177/1473095216645631>.

419. Kuen, J. Self-taught learning of a deep invariant representation for visual tracking via temporal slowness principle / J. Kuen, K. M. Lim, C. P. Lee // *Pattern Recognition*. – 2015. – Vol. 48 – No. 10. – Pp. 2964–2982. – <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2015.02.012>.

420. Latour, B. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts* / B. Latour, S. Woolgar. – Beverly Hills: Sage Publications, 1979. – 296 p.

421. Latour, B. On interobjectivity / B. Latour // *Mind, culture, and activity: an international journal*. – 1996. – Vol. 3. – No. 4. – Pp. 233.

422. Latour, B. *We have never been modern* / B. Latour. – N.Y.: Harvard University Press, 1993. – 165 p.

423. Law, J. *Objects, spaces and others* / J. Law. – Lancaster: Working papers of Lancaster University, 2000. – 13 p.

424. Leclercq-Vandelannoitte, A. Does the end justify the means? Information systems and control society in the age of pandemics / A. Leclercq-Vandelannoitte, J. Aroles // *European Journal of Information Systems*. – 2020. – Vol. 29. – No. 6. – Pp. 746-761. – DOI: 10.1080/0960085X.2020.1820912.

425. Lee, I. Big Data Analytics in Supply Chain Management: A Systematic Literature Review and Research Directions / I. Lee, G. Mangalaraj // *Big Data and Cognitive Computing*. MDPI. – 2022. – <https://doi.org/10.3390/bdcc6010017>.

426. Lee, L. How digital nations like Plumia are giving digital nomads wings / L. Lee [Электронный ресурс] // Kaspersky Lab [Сайт]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.com/blog/secure-futures-magazine/plumia-digital-nomad-nation/41415/> (дата обращения: 18.06.2023).

427. Lee, M. H. How to respond to the Fourth Industrial Revolution, or the second information technology revolution? Dynamic new combinations between technology,

- market, and society through open innovation / M. H. Lee, J. H. J. Yun, A. Pyka, D. K. Won, F. Kodama, G. Schiuma, X. Zhao // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2018. – Vol. 4. – No. 3. – <https://doi.org/10.3390/joitmc4030021>.
428. Leso, V., Fontana L., Iavicoli I. The occupational health and safety dimension of Industry 4.0 / V. Leso, L. Fontana, I. Iavicoli // *Med Lav*. – 2018. – Vol. 110. – No. 5. – Pp 327-338.
429. Lessenich, S. Doubling down on double standards: The politics of solidarity in the externalization society / S. Lessenich // *Berliner Journal Fur Soziologie*. – 2020. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 113-130. – doi:10.1007/s11609-020-00410-w.
430. Lessenich, S. Sociology – corona – critique / S. Lessenich // *Berliner Journal Fur Soziologie*. – 2020. – Vol. 30. – No. 2. – Pp. 215-230. – doi:10.1007/s11609-020-00417-3.
431. Lessenich, S. The recognition-deficit disorder of the welfare state / S. Lessenich // *Osterreichische Zeitschrift Fur Soziologie*. – 2012. – Vol. 37. – Pp. 99-115. – doi:10.1007/s11614-012-0036-4.
432. Li, X. Curriculum Reform in Big Data Education at Applied Technical Colleges and Universities in China / X. Li, X. Fan, X. Qu, G. Sun, Ch. Yang, B. Zuo, Zh. Liao // *IEEE Access*. – 2019. – Vol. 7. – Pp. C. 125511.
433. Lin, Z.-Y. Classification practice and implications for subject directories of the chinese language web-based digital library / Z.-Y. Lin // *Journal of Internet Cataloging*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – Pp. 29-50.
434. Liu, H. Research on the innovation of «situation and policy» curriculum through computer modeling and data analysis / H. Liu // *Journal of Physics: Conference Series*. – 2020. – Vol. 1624. – I. 26.
435. Livingstone, S. M. On the Mediation of Everything / S. M. Livingstone // *Journal of Communication*. – Vol. 59. – No. 1. – 2009. – Pp. 1–18.
436. Lynch, C. R. Unruly digital subjects: Social entanglements, identity, and the politics of technological expertise / C. R. Lynch // *Digital Geography and Society*. – 2020. – Vol. 1. – P. 100001. – <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2020.100001>.

437. Lynch, W. T. *Minority report: dissent and diversity in science* / W. T. Lynch. – London, UK and New York, NY: Rowman & Littlefield, 2020. – 380 p.
438. Mackenzie, C. *Practical identity and narrative agency* / C. Mackenzie, K. Atkins. – London: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. – 296 p.
439. Marchand, P. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger* / P. Marchand. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998. – 322 p.
440. Martin, A. Aadhaar in a box? Legitimizing digital identity in times of crisis / A. Martin // *Surveillance and Society*. – 2021. – Vol. 19. – No. 1. – Pp. 104–108. – <https://doi.org/10.24908/ss.v19i1.14547>.
441. Mass Effect (серия компьютерных игр). [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Mass_Effect (дата обращения: 18.06.2023).
442. Mazet, P. Intersubjectivity denial in early interactions as paradigm of psychological violence / P. Mazet, D. Rabain, G. Downing, J. Wendland // *Neuropsychiatrie De l'Enfance Et De l'Adolescence*. – 2002. – Vol. 50. – No. 6-7. – Pp. 424-428. – doi:10.1016/S0222-9617(02)00149-6.
443. McLuhan, M. *Laws of the Media* / M. McLuhan // *ETC: A Review of General Semantics*. – 2013. – Vol. 70. – No. 4.
444. McLuhan, M. *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man* / M. McLuhan. – New York: Vanguard Press, 1951. – 157 p.
445. Mead, G.H. *Mind, Self, and Society* / G. H. Mead. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 437 p.
446. Medialisierung [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: <https://de.m.wikipedia.org/wiki/Medialisierung> (дата обращения: 14.06.2023).
447. Mediatization (media) [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Mediatization_\(media\)](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Mediatization_(media)) (дата обращения: 14.06.2023).
448. Meillassoux, Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency* / Q. Meillassoux. – London: Bloomsbury Academic, 2008. – 160 p.

449. Meng, F. Big Data Application Technology Framework for Land Use Monitoring / F. Meng, X. Liu, F. Meng, S. Li // 7th International Conference on Big Data Analytics, ICBDA. – 2022. – Pp. 62–66.
450. Mikalef, P. Big data analytics and firm performance: Findings from a mixed-method approach / P. Mikalef, M. Boura, G. Lekakos, J. Krogstie // Journal of Business Research. – 2019. – Vol. 98. – Pp. 261–276. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.01.044>.
451. Min, H. Dual satellites successfully launched by Long March-6 rocket / H. Min, Y. Linxia. [Электронный ресурс] // Shanghai Daily [Сайт]. Режим доступа: <https://www.shine.cn/news/metro/2108053175/> (дата обращения: 17.06.2023).
452. Moore, J. W. Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital / J. W. Moore. – London: Verso, 2015. – 336 p.
453. Morfitt, K. After conversation – An forensic ICQ logfile extraction tool / K. Morfitt, C. Valli // Proceedings of 3rd Australian Computer, Network and Information Forensics Conference. – 2005. – Pp. 54-61.
454. Mori, M. The Uncanny Valley / M. Mori // IEEE Robotics & Automation Magazine. – 2012. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 98–100. – doi:10.1109/MRA.2012.2192811.
455. Nahavandi, S. Industry 5.0-a human-centric solution / S. Nahavandi // Sustainability (Switzerland). – 2019. – Vol. 11. – No. 16. – <https://doi.org/10.3390/su11164371>.
456. Nawi, A. Identifying the Types of Digital Footprint Data Used to Predict Psychographic and Human Behaviour / A. Nawi, Z. Hussin, C. C. Ren, N. S. Norsaidi, M. S. Mohd Pozi // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). – 2020. – 12504 LNCS. – Pp. 287-296.
457. Nedelsky, J. Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law / J. Nedelsky // Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law. – 2012. – Pp. 1-560. – doi:10.1093/acprof:oso/9780195147964.001.0001.
458. Nedelsky, J. Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities / J. Nedelsky // Yale Journal of Law and Feminism. – 1989. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 7-36.

459. Nedelsky, J. Relations of freedom and law's relations / J. Nedelsky // *Politics and Gender*. – 2012. – Vol. 8. – No. 2. – Pp. 231-238. – doi:10.1017/S1743923X12000219.
460. Nikon Asia Introduces Heartography Technology. [Электронный ресурс] // Nikon [Сайт]. Режим доступа: <http://heartography.nikon-asia.com/> (дата обращения: 20.06.2023).
461. Nim, E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii / E. Nim // *The Russian Sociological Review*. – 2017. – Vol. 16. – No 3. – Pp. 409-427.
462. Noonan, H. W. Identity and Sameness: Philosophical Aspects / H. W. Noonan // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. – Amsterdam: Elsevier Science, 2006. – Pp. 492-495.
463. Nowak, M. SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed Paperback / M. Nowak. – NY.: Free Press, 2012. – 352 p.
464. Nunner-Winkler, G. Personal Identity: Philosophical Aspects (Book Chapter) / G. Nunner-Winkler // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition*. – 2015. – Pp. 742-749.
465. Olaskoaga-Larrauri, J. Academic staff attitudes and barriers to integrating sustainability in the curriculum at Spanish universities / J. Olaskoaga-Larrauri, L. Guerenabarrena-Cortazar, E. Cilleruelo-Carrasco // *Cultura y Educacion*. – 2021. – Vol. 33. – No. 2. – Pp. 373–396. – <https://doi.org/10.1080/11356405.2021.1905957>.
466. O'Reilly, T. What Is Web 2.0 / T. O'Reilly. [Электронный ресурс] // O'Reilly [Сайт]. Режим доступа: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 17.06.2023).
467. Özdemir, V. The Dark Side of the Moon: The Internet of Things, Industry 4.0, and The Quantified Planet / V. Özdemir // *Vural OMICS: A Journal of Integrative Biology*. – 2018. – Vol. 22. – No. 10. – Pp. 637-6418. – DOI: 10.1089/omi.2018.0143.
468. Panetta, K. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2019 / K. Panetta [Электронный ресурс] // Gartner [Сайт]. Режим доступа: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2019/> (дата обращения: 20.06.2023).

469. Panofsky, E. Early Netherlandish painting / E. Panofsky // Its origins and character. – Harvard: Harvard University Press, 1966. – 573 p.
470. Pavlenko, D. Collection and analysis of digital footprints in LMS / D. Pavlenko, L. Barykin, K. Dadteev // Procedia Computer Science. – 2021. – Vol. 190. – Pp. 666-669.
471. Pels, D., Hetherington, K., Vandenberghe, F. The status of the object: performances, mediations and techniques / D. Pels, K. Hetherington, F. Vandenberghe // Theory, Culture and Society. – 2002. – Vol. 19. – No. 5/6. – Pp. 1-22.
472. Peukert, P. Internet- and computer game addiction: Phenomenology, comorbidity, etiology, diagnostics and therapeutic implications for the addictives and their relatives / P. Peukert, S. Sieslack, G. Barth, A. Batra // Psychiatrische Praxis. – 2010. – Vol. 37. – No. 5. – Pp. 219-224.
473. Pfaffenberger, B. Social Anthropology of Technology / B. Pfaffenberger // Annual Review of Anthropology. – 1992. – T. 21. – Pp. 491-516.
474. Pfaller, R. Interpassivity / R. Pfaller. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. – 160 p.
475. Pfaller, R. On the pleasure principle in culture. Illusions without owners / R. Pfaller. – New York: Verso, 2014. – 288 p.
476. Porter, L. C. What happens when a headlight is out of focus / L. C. Porter, G. F. Prideaux // SAE Technical Papers. – 1926. – Pp. 521-551.
477. Postman, N. Technopoly: The Surrender of Culture to Technology / N. Postman. – N-Y.: Vintage Books, 1993. – 240 p.
478. Praherso, N. F. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change / N. F. Praherso, M. J. Tear, T. Cruwys // Psychiatry Research. – 2017. – Vol. 247. – Pp. 265-275.
479. Prof. Dr. Axel Honneth, Projekte [Электронный ресурс] // VolkswagenStiftung [Сайт].
 Режим доступа:
<https://portal.volkswagenstiftung.de/search/personDetails.do?addrNum=8895&fromProject=79920> (дата обращения: 05.06.2023).

480. Prof. Dr. Stephan Lessenich [Электронный ресурс] // Institut für Sozialforschung [Сайт]. Режим доступа: <https://www.ifs.uni-frankfurt.de/people-detail/stephan-lessenich.html> (дата обращения: 05.06.2023).
481. Read, J. A genealogy of homo-economicus: Neoliberalism and the production of subjectivity / J. Read // *Foucault Studies*. – 2009. – Vol. 6. – Pp. 25–36. – <https://doi.org/10.22439/fs.v0i0.2465>.
482. Rebrina, L. Smart Technologies in Protest Communication: Current Practices and Trends / L. Rebrina, N. Shamne, M. Milovanova, E. Malushko // "Smart Technologies" for Society, State and Economy. – 2021. – DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_17.
483. Rheingold, H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / H. Rheingold. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 266 p.
484. Roberts, N. The Holocene: an environmental history / N. Roberts. – New York: John Wiley & Sons, 2014. – 376 p.
485. Rodogno, R. Personal identity online / R. Rodogno // *Philosophy and Technology*. – 2012. – Vol. 25. – No. 3. – Pp. 309-328.
486. Rojek, I. Digital twins in product lifecycle for sustainability in manufacturing and maintenance / I. Rojek, D. Mikołajewski, E. Dostatni // *Applied Sciences (Switzerland)*. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 1–19. – <https://doi.org/10.3390/app11010031>.
487. Rorty, R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method / R. Rorty. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 416 p.
488. Ross, P. Towards a 4th industrial revolution / P. Ross, K. Maynard // *Intelligent Buildings International*. – London: Taylor and Francis, 2021. – <https://doi.org/10.1080/17508975.2021.1873625>.
489. Sabharwal, A. Digital technologies to support behavior change: challenges and opportunities / A. Sabharwal, S. Fields, M. E. Hilliard, D. J. DeSalvo // *Diabetes Digital Health*. – Amsterdam: Elsevier, 2020. – Pp. 37-50.
490. Schechtman, M. Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life / M. Schechtman. – Oxford: Oxford Scholarship Online. – 2014. – 224 p.

491. Schechtman, M. Stories, lives, and basic survival: A refinement and defense of the narrative view / M. Schechtman // *Narrative and Understanding Persons: Royal Institute of Philosophy Supplement*. – 2007. – Vol. 60. – Pp. 155-178.
492. Schmidt, A. *The Concept of Nature in Marx (Radical Thinkers)* / A. Schmidt. – NY: Verso, 2014. – 252 p.
493. Schubach, E. Me, Myself, and Mobility: The Relevance of Region for Young Adults' Identity Development / E. Schubach, J. Zimmermann, P. Noack, F. J. Neyer // *European Journal of Personality*. – 2016. – Vol. 30. – No. 2. – Pp. 189-200.
494. Schuh, G. Data structure of the digital shadow for systematic knowledge management systems in single and small batch production / G. Schuh, C. Kelzenberg, J. Wiese, T. Ochel // *Procedia CIRP*. – 2019. – Vol. 84. – Pp. 1094–1100. – <https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.04.210>.
495. Seamans, R. N. Internet addiction and mental health in the U.S. / R. N. Seamans, J. M. Brinker, M. G. Rivardo // *North American Journal of Psychology*. – 2021. – Vol. 23. – No. 1. – Pp. 47-64.
496. Seibt, J., Vestergaard C., Damholdt M. F. Sociomorphing, not anthropomorphomizing: towards a typology of experienced sociality / J. Seibt, C. Vestergaard, M. F. Damholdt // *Cultural Sustainable Social Robotics*. – Amsterdam: IOS Press, 2020. – Pp. 61-67.
497. Shestak, V. Modern requirements of the legal support of artificial intelligence: A view from Russia / V. Shestak, A. Volevodz // *Russian journal of criminology*. – 2019. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 197–206.
498. Sin, E.S. Digital identity management system using blockchain technology / E. S. Sin, T. T. Naing // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – 2021. – Vol. 1166. – Pp. 895-906.
499. Smith, A. *Digital Life in 2025: AI, Robotics and the Future of Jobs* / A. Smith, J. Anderson // *Pew Research Center*. – 2014. – P. 67.
500. Sollberger, D. On identity: From a philosophical point of view / D. Sollberger // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. – 2013. – Vol. 7. – No. 1. – P. 29.

501. Spahn, A. Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization / A. Spahn // *Information (Switzerland)*. – 2020. – Vol. 11. – No. 4. – P. 228. – <https://doi.org/10.3390/info11040228>.
502. Stark, R. Digital Twin / R. Stark, T. Damerau // *CIRP Encyclopedia of Production Engineering*. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2019. – Pp. 1-8. – doi 10.1007/978-3-642-35950-7_16870-1.
503. Stearn, G. E. McLuhan: Hot & cool / G. E. Stearn. – New York: Dial Press, 1967. – 235 p.
504. Stephens-Davidowitz, S. The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using google search data / S. Stephens-Davidowitz // *Journal of Public Economics*. – 2014. – Vol. 118. – Pp. 26-40. – doi:10.1016/j.jpubeco.2014.04.010.
505. Stephenson, N. Survey of machine learning techniques in drug discovery / N. Stephenson, E. Shane, J. Chase // *Current Drug Metabolism*. – 2019. – Vol. 20. – No. 3. – Pp. 185–193.
506. Stern, D. H. The wish for intersubjectivity: How? why? / D. H. Stern // *Psychotherapies*. – 2005. – Vol. 25. – No. 4. – Pp. 215-222. – doi:10.3917/psys.054.0215.
507. Sullivan, C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality / C. Sullivan // *Computer Law and Security Review*. – 2018. – Vol. 34. – No. 4. – Pp. 723–731. – <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.05.015>.
508. Supriyanto, T. M. The structure of the codispersion of health-related indicators / T. M. Supriyanto, P. M. Kajian, K. Nasional, K. Stratejik, D. Global // *SSRN Electronic Journal* – 2020. – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 184–201.
509. Taj, F. Digital Health Behavior Change Technology: Bibliometric and Scoping Review of Two Decades of Research / F. Taj, M. C. A. Klein, A. van Halteren // *JMIR Mhealth Uhealth*. – 2019. – Vol. 7. – No. 12. – e13311.
510. Tar, Z. The Frankfurt School: The Critical Theories of Max Horkheimer and Theodor W. Adorno / Z. Tar. – New York: John Wiley and Sons, 1977. – 272 p.
511. Terrace, H. S. Intersubjectivity and the emergence of words / H. S. Terrace, A. E. Bigelow, B. Beebe // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – doi:10.3389/fpsyg.2022.693139.

512. Theall, D. Marshall McLuhan and James Joyce: Beyond Media / D. Theall, J. Theall // *Canadian Journal of Communication*. – 1989. – Vol. 14. – No. 4. – Pp. 46-66. – DOI: 10.22230/cjc.1989v14n4a531.
513. Thompson, G. Postscript on the empire of control / G. Thompson // *Educational Philosophy and Theory*. – 2022. – Vol. 54. – No. 7. – Pp. 974–982. – <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1803839>.
514. Tobia, K. P. Personal Identity, Direction of Change, and Neuroethics / K. P. Tobia // *Neuroethics*. – 2016. – Vol. 9. – No. 1. – Pp. 37-43.
515. Topolewska-Siedzik, E. Personality underpinnings of identity: The role of metatraits and traits in identity formation modes / E. Topolewska-Siedzik, J. Ciecuch, W. Strus // *Self and Identity*. – 2019. – Vol. 18. – No. 5. – Pp. 529-549.
516. Trevarthen, C. “The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and cooperative understanding in infants” / C. Trevarthen // *The Social Foundations of Language and Thought: Essays in Honor of Jerome S. Bruner*. – New York: W.W. Norton, 1980. – Pp. 316–342.
517. Turkle, Sh. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / Sh. Turkle. – New York: Basic Books, 2017. – 384 p.
518. Uhlemann, T. H. J. The digital twin: demonstrating the potential of real time data acquisition in production systems / T. H. J. Uhlemann, C. Schock, C. Lehmann, S. Freiberger, R. Steinhilper // *Procedia Manuf.* – 2017. – Vol. 9. – Pp. 113-120.
519. Urbina Coronado, P. D. Part data integration in the shop floor digital twin: mobile and cloud technologies to enable a manufacturing execution system / P. D. Urbina Coronado, R. Lynn, W. Louhichi, M. Parto, E. Wescoat, T. Kurfess // *J Manuf Syst.* – 2018. – Vol. 48. – Pp. 25–33. – <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2018.02.002>.
520. van der Valk, H. A taxonomy of digital twins / H. van der Valk, H. Haße, F. Möller, M. Arbter, B. Otto // *AMCIS 2020 proceedings. AIS*. – Salt Lake City, 2020.
521. van der Valk, H. Archetypes of Digital Twins / H. van der Valk, H. Haße, F. Möller // *Bus Inf Syst Eng.* – 2022. – Vol. 64. – Pp. 375–391. – <https://doi.org/10.1007/s12599-021-00727-7>.

522. van Dijck, J. After Connectivity: The Era of Connectication / J. van Dijck // *Social Media + Society*. – 2015. – Vol. 1. – No. 205630511557887. – <https://doi.org/10.1177/2056305115578873>.
523. van Dijck, J. Mediated memories in the digital age, Cultural memory in the present / J. van Dijck. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 255 p.
524. Vasilieva, M. V. The light and the dark sides of the moon: Possibilities of Industry 4.0 for early non-invasive diagnosis of pathology and health-risks / M. V. Vasilieva, V. A. Glukhova, E. V. Grednovskaya et al. // *Journal of Physics: Conference Series* : electronic collection, St Petersburg, 02–05 July, 2019. – Vol. 1379. – St Petersburg: IOP Publishing. 2019. – Pp. 012070. – DOI 10.1088/1742-6596/1379/1/012070.
525. Wagner, C. The role of the Industry 4.0 asset administration shell and the digital twin during the life cycle of a plant / C. Wagner, J. Grothoff, U. Epple, R. Drath, S. Malakuti, S. Grüner, M. Hoffmeister, P. Zimmermann // *22nd IEEE International Conference on Emerging Technologies and Factory Automation (ETFA)*. – 2017. – Pp. 1-8.
526. Wahyuni, A. S. (2020). The Effect Of Independence, Professional Ethics And Auditor Integrity On Audit Quality In Public Accountant Firms Daerah Istimewa Yogyakarta / A. S. Wahyuni // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*. – 2020. – Vol. 53. – No. 9. – Pp. 1689–1699.
527. Wang, Y. Investigating Digital Literacy Skills in Examination-Oriented Education System for the Post-Pandemic Era / Y. Wang, D. James Woo // *ACM International Conference Proceeding Series*. – 2021. – Pp. 169-175.
528. Warfield, K. Making Selfies/Making Self: digital subjectivities in the selfie / K. Warfield // *Proceedings of the Image Conference, Berlin, 2014*. – Vol. 30. – Pp. 1–6.
529. Wark, M. A Hacker Manifesto / M. A. Wark. – Harvard: Harvard University Press, 2004. – 209 p.
530. Wark, S. The subject of circulation: on the digital subject's technical individuations / S. Wark // *Subjectivity*. – 2019. – Vol. 12. – No. 1. – Pp. 65-81. – <https://doi.org/10.1057/s41286-018-00062-5>.

531. Wellmer, A. *The Persistence of Modernity: Essays on Aesthetics, Ethics, and Postmodernism (Studies in Contemporary German Social Thought)* / A. Wellmer. – Cambridge: The MIT Press, 1993. – 200 p.
532. Wiggershaus, R. *The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance* / R. Wiggershaus, trans. M. Robertson. – Cambridge: MIT Press, 1994. – 800 p.
533. Wikipedia [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия [Сайт]. Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 20.06.2023).
534. Williams, T. J. *A reference model for computer integrated manufacturing (CIM)* / T. J. Williams. – International Purdue Works, 1989. – 252 p.
535. Winner, L. *Do artifacts have politics?* / L. Winner // *Daedalus*. The MIT Press on behalf of American Academy of Arts & Sciences. – 1980. – Vol. 109. – No. 1. – Pp. 121-136.
536. Winner, L. *The Whale and the Reactor* / L. Winner. – Chicago: University of Chicago Press, 1986. – 240 p.
537. Winnicott, D. W. *Primitive emotional development* / D. W. Winnicott // *The International Journal of Psycho-Analysis*. – 1945. – Vol. 26. – No. 3-4. – Pp. 137-143.
538. Winnicott, D. W. *The theory of the parent-infant relationship* / D. W. Winnicott // *The International Journal of Psycho-Analysis*. – 1960. – Vol. 41. – Pp. 585-595.
539. Winnicott, D. W. *Transitional objects and transitional phenomena; a study of the first not-me possession* / D. W. Winnicott // *The International Journal of Psycho-Analysis*. – 1953. – Vol. 34. – No. 2. – Pp. 89-97.
540. Wojtczak, S. *Endowing Artificial Intelligence with legal subjectivity* / S. Wojtczak // *AI and Society*. – 2022. – Vol. 37. – No. 1. – Pp. 205–213. – <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01147-7>.
541. Wozniak, A. *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* / A. Wozniak // *European Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 34. – No. 5. – Pp. 566–569. – <https://doi.org/10.1177/0267323119873743>.

542. Xiang, F. Digital twins technology and its data fusion in iron and steel product life cycle, 2018 / F. Xiang, Z. Zhi, G. Jiang // IEEE 15th International Conference on Networking, Sensing and Control (ICNSC). – 2018. – Pp. 1-5.
543. Xu, M. The fourth industrial revolution: Opportunities and challenges / M. Xu, J. M. David, S. H. Kim // International Journal of Financial Research. – 2018. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 90–95. – <https://doi.org/10.5430/ijfr.v9n2p90>.
544. Xu, X. Industry 4.0 and Industry 5.0—Inception, conception and perception / X. Xu, Y. Lu, B. Vogel-Heuser, L. Wang // Journal of Manufacturing Systems. – 2021. – Vol. 61. – Pp. 530–535. – <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2021.10.006>.
545. Zavalina, O. L. Contextual Metadata in Digital Aggregations: Application of Collection-Level Subject Metadata and Its Role in User Interactions and Information Retrieval / O. L. Zavalina // Journal of Library Metadata. – 2011. – Vol. 11. – No. 3-4. – Pp. 104-128.
546. Zhang, H. A digital twin-based approach for designing and multi-objective optimization of hollow glass production line / H. Zhang, Q. Liu, X. Chen, D. Zhang, J. Leng // IEEE Access. – 2017. – Vol. 5. – Pp. 26901-26911.
547. Zhang, Y. The age and accretion of the Earth / Y. Zhang // Earth-Science Reviews. – Vol. 59. – No. 1-4. – 2002. – Pp. 235-263.
548. Zhao, Z. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System / Z. Zhao, G. Wu, F. Guo, B. Wang, Y. Hu // Computer Journal. – 2020. – Vol. 63. – No. 4. – Pp. 525-535.
549. Zhou, H. The landscape of cognitive function in recovered COVID-19 patients / H. Zhou, S. Lu, J. Chen, N. Wei, D. Wang, H. Lyu, S. Hu // Journal of Psychiatric Research. – 2020. – Vol. 129. – Pp. 98–102. – <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.06.022>.
550. Zhuang, C. Digital twin-based smart production management and control framework for the complex product assembly shop-floor / C. Zhuang, J. Liu, H. Xiong // Int J Adv Manuf Technol 96. – 2018. – Pp. 1149–1163. – <https://doi.org/10.1007/s00170-018-1617-6>.

551. Zuboff, Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* / Sh. Zuboff. – NY.: Public Affairs, 2019. – 349 p.